УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
(ИСЭПН РАН)

ДЕТИ РЕФОРМ

Под редакцией члена-корреспондента РАН,
д.э.н. Н.М. РИМАШЕВСКОЙ

Москва,
Институт экономических стратегий,
2011

УДК ???.?
ББК ??.???
????

???? Дети реформ / Под ред. чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской. - М.: Институт экономических стратегий, 2011. – 304 стр.: илл.
ISBN ???-?-?????-???-?

Данная книга представляет собой обобщенный результат трехлетних исследований нового поколения, которое уже реально существует в настоящем времени в виде детского и молодежного сообщества. Основной целью исследований стало изучение условий и факторов формирования отдельных аспектов жизни подрастающего поколения, выявление внутренних механизмов происходящих процессов.

Монография подготовлена авторским коллективом ИСЭПН РАН под научным руководством члена-корреспондента Российской академии наук, доктора экономических наук Н.М. Римашевской.

УДК ???.?
ББК ??.???

РПП ИНЭС Р1033
ISBN 978-5-93618-175-7

© Коллектив авторов, 2011
© Институт экономических стратегий, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Введение. «ПОЛЕ» ДЕТСТВА 7

Раздел 1. ДЕТИ: ПОТЕНЦИАЛ, ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРУКТУРА

1.1. Детство: статистический взгляд 15
1.2. Прогнозы динамики численности детей в России 20
1.3. ЭКО–дети – перспективный компонент населения 34
1.4. Детство как основа формирования человеческого капитала 44
1.5. Одаренные дети в России 61
1.6. Права детей в России 90

Раздел 2. УСЛОВИЯ И ИНСТИТУТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСТВА

2.1. Семья и дети 101
2.2. Социальные функции дошкольного воспитания 109
2.3. Доступность дошкольного и школьного образования 123
2.4. Единый государственный экзамен: кто и как его сдал 132
2.5. Потенциал абитуриентов 2009 года 142
2.6. Ценностные установки студентов: гендерный аспект 158
2.7. Социальные риски неполных семей в Москве 171
2.8. Социально–психологические проблемы подростков в современном городе 182

Раздел 3. ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

3.1. Здоровье детей как главный фактор их качества 201
3.2. Здоровье и успеваемость детей 211
3.3. Мониторинг здоровья детей Вологодской области 232
3.4. Психическое здоровье детей в условиях модернизирующегося общества 251
3.5. Девиантное поведение в молодежных субкультурах 258
3.6. Молодежная наркомания в России 272

Заключение 289

Предисловие

Будущее российского общества можно увидеть в том новом поколении, которое уже реально существует в настоящем времени в виде детского и молодежного сообщества. Социально-экономическое развитие страны во многом зависит от состояния здоровья и образования подрастающего поколения, от системы их социальных ценностей и ориентаций, от духовности и нравственности, от культурного заряда. Комплексное изучение и оценка потенциала и качества детства – важнейшее условие разработки эффективной государственной политики, ориентированной на сбережение народа и социально-демографическое развитие России.

Изучение условий и факторов формирования отдельных аспектов жизни подрастающего поколения, выявление внутренних механизмов происходящих процессов – основная цель данной работы, а представленный текст фактически обобщает трехлетние исследования в этой области.

Сегодняшние дети через 10–15 лет будут составлять не только основную трудоспособную и творческую часть населения России, но и демографический базис; от них непосредственно зависит будущее страны во всех его ипостасях. Исследование проблем детства в российском социуме, а также отдельных возрастных и социальных когорт детей сквозь призму социально-демографического развития позволяет по-новому рассмотреть структуры населения с позиции целевых определений многогранной политики государства. Такой подход нацеливает на раскрытие причинных механизмов формирования различий в состоянии физического и социально-нравственного здоровья детей, идентификацию социальных проблем воспитания и образования, которые оказывают наибольшее влияние на количественные и качественные аспекты человеческого потенциала России в ближайшем будущем.

Монография состоит из введения, трех содержательных разделов и заключения. Во введении определена актуальность исследования, обоснованы его цели и задачи, а также структура текста. Первый раздел посвящен масштабам, динамике и ожидаемой численности детского населения в России, а также выявлению воздействующих на него факторов. С учетом того, что демографические процессы имеют преимущественно инерционный характер, жестко предопределяя количественные параметры, основное внимание нацелено на формирование качественных характеристик детей: не числом, а умением. Поэтому второй раздел концентрируется на условиях и институтах формирования детства. Поскольку все более очевидным становится значение здоровья населения как характеристики качества жизни сегодня и в будущем, специальный раздел (третий) сфокусирован на основных проблемах состояния здоровья детей.

Работа подготовлена авторским коллективом под научным руководством члена-корреспондента Российской академии наук, д.э.н. Н.М. Римашевской. Раздел I подготовили д.э.н. М.Е. Баскакова, д.э.н. В.Г. Доброхлеб, к.э.н. Н.Е. Русанова, к.э.н. З.А. Хоткина, к.г.н. Л.Г. Лунякова; раздел II – д.э.н. В.Г. Доброхлеб, к.ф.н. Е.А. Баллаева, к.э.н. Е.Б. Мезенцева, д.ф.н. А.А. Овсянников, д.э.н. М.М. Малышева, д.э.н. И.Б. Назарова, д.э.н. М.Е. Баскакова, к.ф.н. М.Ю. Арутюнян, д.ф.н. О.М. Здравомыслова, И.И. Шурыгина; раздел III – д.э.н. О.А. Кислицына, к.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Е.И. Медведева, к.м.н. Ю.П. Бойко, д.э.н. Н.М. Римашевская, к.с.н. Н.Е. Маркова, д.с.н. Н.Л. Смакотина, д.э.н. Е.Б. Бреева; введение и заключение – Н.М. Римашевская.

Введение

«ПОЛЕ» ДЕТСТВА

«Поле» детства, его человеческий и социальный потенциал сжимается как шагреневая кожа. За последнее пятнадцатилетие численность детей в возрасте до 18 лет сократилась в России на 9 млн человек. По официальным прогнозам, в 2015 г. их число составит 24,2 млн, а к середине текущего столетия численность детей снизится до 10 млн с уменьшением их доли до 12%.

С 2000 г. наблюдается некоторый рост родившихся. Так, в 2006 г. их было больше на 9 тыс., чем в 2005 г., а в 2007 г. – на 123 тыс., чем в 2006 г. Очень важно, что доля детей второго и последующих рождений возросла до 42%, что свидетельствует об интенсивности рождаемости и позитивно скажется на процессе воспроизводства населения.

Главная причина увеличения числа новорожденных – вступление в детородный возраст более многочисленных поколений, пришедших в этот мир в 1980-е гг., когда проводилась активная пронаталистская политика. Отчасти, но в существенно меньшей мере повлияли новые шаги правительства, установившего «материнский капитал» и другие меры социального характера. Однако известно, что население быстро адаптируется к такого рода мерам и их влияние на репродуктивное поведение падает. Кроме того, на снижение рождаемости будет воздействовать ситуация, связанная с финансово-экономическим кризисом, в результате которого уменьшаются доходы основной части населения, происходит рост цен, падает уровень жизни. А уменьшение рождаемости скажется демографическим эхом на всем протяжении XXI в., подобно эху войны в XX столетии. Потенциальные матери ближайших 18–20 лет уже родились, и число женщин репродуктивного возраста в этот период известно. Их будет на треть меньше, чем сегодня, что снизит масштабы рождений даже при стабильных условиях поведения населения.

Уменьшение репродуктивного потенциала вследствие вступления в детородный возраст малых когорт рождения 1990-х гг. осложняется ухудшением их здоровья. Сегодня около 40% беременных страдают заболеваниями, характерными для этого периода жизни женщин (анемия, болезни почек, системы кровообращения, поздний токсикоз),

и меньшая часть родов протекает без осложнений. Более того, в последнее время выявляется значительная часть супружеских пар (17–19%), которые страдают бесплодием при абсолютной готовности иметь детей, что уменьшает российский репродуктивный потенциал и остро ставит вопрос о расширении практического использования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), основанных на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО).

Репродуктивный потенциал – это основа процесса воспроизводства в стране, главный и определяющий фактор. Но реальное число родившихся будет определяться, кроме того, репродуктивным поведением, которое зависит от матримониальных предпочтений (брачность и разводимость), а также ориентации на рождение детей и выбор их числа в конкретной семье.

В середине 1980-х гг. в России с особой силой вспыхнула сексуальная революция. Проповедь «отсутствия секса» с экранов кино и телевидения заменилась массовой антикультурой, наполнившей произведения искусства изображениями извращений, вызвавшей усиление сексуальной пропаганды в школе, стремительный рост полулегальной проституции и добрачных половых связей. Захватывая все более широкие области межличностных взаимодействий, сексуальная революция влияет на фундаментальные институты общества, его нравственные устои, брак и семью, рождаемость и смертность. Наблюдается снижение регистрации браков, рост числа разводов и распада семей, а также упадок родительской любви и увеличение числа бездетных браков.

Интегрально это не может не приводить к снижению рождаемости. В том же направлении действуют материальные условия жизни. Они включают два взаимосвязанных компонента. Один из них касается все более утверждающегося факта, что дети становятся помехой в самореализации (особенно у женщин) и достижении жизненных целей, вступая в конкуренцию с социальными благами. Известно, что сегодня потребность в детях во все большей мере зависит от ценностных ориентаций. Второй компонент связан с материальной обеспеченностью, особенно с жилищной, что часто мешает иметь желаемое число детей. До двух третей семей нуждаются в улучшении условий жизни.

Давно стало очевидным, что различного рода пособия на детей, включая и такое «мощное», как «материнский капитал», не могут стимулировать рождаемость. Главным фактором был, есть и будет устойчивый уровень доходов семьи, учитывающий жилищную обеспеченность и зависящий прежде всего от заработков и трудовой мотивации работника. До тех пор пока оплата труда (прежде всего – минимальная) не будет гарантировать нормального воспроизводства работника и его ребенка, невозможно ждать увеличения рождаемости. А различного рода пособия, подобно «морковке на удочке», могут лишь способствовать снижению социальной поляризации, возникающей между семьями с детьми и без них при наличии достойного уровня трудового вознаграждения.

Реальная практика демографической политики – как в России, так и в других странах – показывает, что экстраординарные меры действуют, как правило, два-три года. А затем население адаптируется к ним, и все возвращается на круги своя. Для кардинального решения необходимо радикальное повышение доходов и прежде всего – заработков работников. Оба компонента совместно определяют, каким ожидается репродуктивное поведение: будет семья иметь детей или откажется от них вовсе (чайлдфри), сколько она намерена их иметь и возможно ли рождение вне брака.

Появление детей отражает прохождение первой ступени в демографическом процессе, обеспечивающем воспроизводство населения на каждом конкретном этапе и определяющем его количественные параметры. В дальнейшем возникают новые проблемы, которые связаны с качеством молодого поколения. Они включают три важнейших составляющих: здоровье, образование, социализацию.

Более трети новорожденных приходят в это мир уже больными или быстро заболевают. В результате около десяти промилле по отношению к численности родившихся составляет младенческая смертность, то есть по истечении года число родившихся детей уменьшается. Исследования показывают, что каждое последующее поколение детей обладает меньшим потенциалом здоровья: наши дети имеют более ограниченный ресурс здоровья, чем мы, их родители. Дети наших детей, наши внуки, наделены еще меньшими возможностями прожить долгую здоровую жизнь. Так, в ходе обследования выявлено, что индивидуальный потенциал здоровья детей в 1989 г. составлял 4,2 балла, в 1989 г. – 4,0, в 1993 г. – 3,8, а в 1998 г. – лишь 3,18 балла. Это подтверждается данными общей заболеваемости – у новорожденных она увеличилась на 7,5%. По данным Минздрава (2002 г.), признаны здоровыми всего 32% новорожденных (I группа), 52% имеют функциональные отклонения (II группа), а 16% – хронически больны (III–V группы здоровья).

Детская заболеваемость растет почти по всем нозологиям. Но особую озабоченность вызывает весь комплекс невротических состояний и прежде всего эпилепсия.

В течение жизненного цикла состояние здоровья детей практически не улучшается; они не восстанавливают его, а постепенно теряют. Специальные обследования показывают, что среднюю школу оканчивают абсолютно здоровыми лишь 3–4% детей.

Основной груз нездоровья ребенок получает при рождении. Все или почти все зависит от состояния родителей, в первую очередь – матери, витальности ее поведения, качества объективных условий (доходы, жилище), в которых рождается ребенок, а также от степени позитивного отношения матери к его появлению. Между тем обследования показывают, что половина детей рождается в бедных семьях или с большим риском оказаться в них. Вступая в период взросления, больные дети не только не смогут освоить наукоемкие профессии, но, достигнув детородного возраста, будут играть негативную роль в процессе демографического воспроизводства, так как больные родители рожают больных детей. Наше общество попадает в некоторую «социальную воронку», из которой непросто выбраться. Кроме того, нездоровые будут пополнять слой инвалидов.

В органической взаимосвязи со здоровьем находится проблема получения образования. Статистика показывает, что около 2,5 млн детей по причине отклонений не могут получить стандартного образования. Если не переломить этот негативный процесс, то кумулятивная численность неграмотных и малограмотных будет постоянно возрастать. Кроме того, при отсутствии сегодня обязательного посещения школы часть детей школьного возраста остаются за рамками обучения.

В течение последних 15 лет страна понесла значительные потери в состоянии образованности и интеллектуального потенциала населения как компонента человеческого развития. Это не только следствие «утечки умов», когда целые научные лаборатории во главе со своими руководителями, а также группы студентов, оканчивающих элитные вузы, покидали страну. Существовала и «внутренняя утечка», когда в результате сокращения контингента исследовательских организаций ученые переходили в бизнес или иные отрасли российской экономики.

Значительный урон понесло образование вследствие снижения его качества и доступности. О существенном падении качества основного (общего) образования как фундамента постижения профессиональных навыков на всех последовательных ступенях (начальное, среднее, высшее, поствысшее) свидетельствует сам факт обращения властей к ЕГЭ, от которого фактически уже отказались все развитые страны.

Наиболее тяжелым следствием социально-экономических трансформаций стала поляризация не только по уровню материальной обеспеченности населения, но и по степени образовательного потенциала, которая интенсивно нарастает. Возникло два полюса. На одном из них сосредоточено население, получающее особые услуги интеллектуальной подготовки, начиная с дошкольных и просветительских учреждений общего, специального, среднего и особой системы высшего профессионального обучения. На другом полюсе сосредоточены, можно сказать, маргиналы, лишенные даже общего среднего образования. Неравенство в степени образования, а также в депривации общих и профессиональных знаний имеет существенные негативные последствия – как для каждой личности, так и для общества в целом, причем не только и не столько экономического характера, сколько социального и политического. Большой разброс в уровне профессиональной подготовки влияет на включенность в трудовой потенциал, снижает оценку человеческого капитала и качества населения в целом, уменьшает конкурентоспособность работника, что влечет за собой не только низкую оплату труда, но устойчивую безработицу, особенно среди молодежи, всплеск социальных девиаций, сопровождаемых протестным потенциалом.

Общество заинтересовано в постоянном повышении профессионализма своих граждан не меньше, чем каждый из них в отдельности. Это означает, что власти должны жестко определять минимальные стандарты получения знаний, гарантируемые государством для всех и каждого, чтобы ни один гражданин не остался за «границей» стандарта качественного и доступного образования. И решение этой задачи имеет приоритет при определении направлений использования государственных ресурсов. Общественный интерес состоит в том, чтобы не допустить существования потребителей и производителей с уровнем образованности ниже некоторого уровня. А все более широкие потребности экономики, выходящие за рамки этого стандарта, определяет рынок – как в смысле масштабов, так и в отношении качества. Разумеется, государство может быть заинтересовано в обеспечении профессиональной подготовки на более высоком уровне, с учетом потребностей новейших технологий. Но это уже следующая ступень в системе приоритетов, когда молодой человек выйдет контрагентом на рынок.

Таким образом, вырисовывается компромисс между общественной ценностью и требованиями рынка в секторе социализации и обучения, что должно предупредить конфликт возможных интересов.

Повышение качества детей и молодежи невозможно без укрепления культурно-нравственного здоровья нации, усиления ее духовности, которые сейчас интенсивно размываются под натиском «вестернизации», пришедшей в Россию вместе с формированием рынка. Основой негативных тенденций в этой области выступают следующие обстоятельства:

- проживание около трети детей в бедных семьях, где текущие доходы ниже прожиточного минимума (10% работников имеют заработок ниже ПМ, а 40% – ниже ПМ для него и одного ребенка). Здесь необходимо отметить, что при определении границы бедности, следовательно, и численности бедных, нужно переходить к новой парадигме, учитывающей методологию построения прожиточного минимума и величину минимальной заработной платы, исходя из новой метрики построения государственных стандартов;
- маргинализация определенного слоя детей и существование так называемого детского «социального дна», которое активно настроено против устоев общества и содержит высокий протестный потенциал; детей на «дно» поставляют семьи, попавшие под колесо социально-экономических реформ, в которых сегодня, в связи с финансово-экономическим кризисом, процветают бедность, алкоголизм, постоянные напряжения и, как следствие, домашнее насилие;
- неполные и материнские семьи, возникающие в результате сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте, нестабильности семейных структур и высокой рождаемости вне брака;
- асоциальное поведение детей и молодежи, среди которых все шире распространяются алкоголизм, наркомания и криминальность. Потребление несовершеннолетними наркотических средств продолжает оставаться острой социальной и медицинской проблемой. Отмечается рост раннего алкоголизма (численность – более 50 тыс.), наблюдается дальнейшее увеличение количества подростков, состоящих на учете с диагнозом «алкогольный психоз».

В 11 лет каждый второй подросток знает о наркотических свойствах конопли или аналогичных препаратов, а в 13 таких уже две трети. К 16 годам доля информированных приближается к 80%. В возрасте 11–24 лет число потребляющих наркотические вещества достигает 4 млн человек, а наркозависимых среди них – от 900 тыс. до 1 млн 100 тыс.

В возрасте 11–24 лет курят не менее половины; все активнее вовлекаются в этот процесс девушки.

Рост массового приобщения молодежи к потреблению психоактивных веществ произошел в 1997–2002 гг., когда в жизнь вступило новое «рыночное» поколение, не обремененное ценностным «барьером» прошлого и обладающее более индивидуализированным сознанием, чем их родители. За этот период средний возраст начала потребления табачных изделий снизился на 3,5 лет, алкогольных напитков – на 2,5 лет, наркотических средств – на 3,5 лет. С учетом интенсивности потребления наркотиков, психоактивных веществ и алкоголя по отдельным возрастным группам можно считать, что среди детей подобное поведение касается 1 млн подростков. Опасность сложившейся ситуации состоит в том, что, во-первых, срок жизни наркоманов невелик, во-вторых, в качестве негативных последствий выступают деградация личности и криминальное поведение. На начало 2003 г. на профилактическом учете в наркологических учреждениях состояло более 44,4 тыс. несовершеннолетних, допускающих немедицинское потребление наркотических, психотропных, сильнодействующих и одурманивающих средств.

Отклонения в поведении детей и молодежи в значительной мере связаны с потерей нравственных ориентиров и деформированием социальных ценностей, так как от старых общество спешит отказаться, а новые здоровые постулаты еще не появились в ряду социальных императивов.

Спустя 50 лет мы наблюдаем в России основные черты сексуальной революции, подобной американской. Система ценностей, в которой эротические интересы личности ставятся превыше всего, ведет к увеличению числа молодых супружеских пар, решивших не иметь детей. Сожительство до регистрации брака стало обычным явлением, так же как и распространение ВИЧ, повышение количества подростковых беременностей. Все более наступательным становится требование легализации гомосексуальных отношений.

Обобщение основных проблем в сфере детства позволяет сформулировать главные направления социальной политики, реализация которых сегодня остро необходима с демографической, экономической и политической точек зрения. При этом целевая задача состоит в том, чтобы в контексте увеличения численности детей обеспечить повышение их качественного потенциала. На первом месте в этой связи находится задача улучшения здоровья, начиная с момента рождения, затем идут цели образования, социализации и духовности во всей их комплексной взаимосвязи как фундамент разработки системной программы, посвященной социально-демографическому развитию потенциала детей в России.

Раздел 1

ДЕТИ: ПОТЕНЦИАЛ, ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРУКТУРА

1.1. Детство – статистический взгляд

В Российской Федерации проживает все меньше и меньше детей – как в абсолютных, так и в относительных величинах. Только за последние 15 лет число детей в возрасте 0–17 лет уменьшилось на 11 млн 959,6 тыс. человек (то есть почти на треть: с 38 млн чел. в 1995 г. до 26 млн детей в 2009 г.).

Большинство (почти 70%) российских детей проживает в городах (в них живет 17 млн 918,5 тыс. детей, что составляет 17,3% от общей численности городского населения); в сельской местности проживает 8 млн 136,9 тыс. детей, но их доля среди сельского населения существенно выше – 21,3% населения.

В последние годы благодаря росту рождаемости в стране динамика численности детского населения стала свидетельствовать об улучшении ситуации – темпы сокращения числа детей в стране заметно уменьшились. Более того, в ближайшие десять лет, согласно демографическим прогнозам Росстата, численность детей будет даже расти (правда, незначительно), а их доля среди всего населения – увеличиваться.

Для исследований различных проблем, с которыми сталкиваются дети и их родители, крайне важно, что за последние 20 лет вследствие волнообразных изменений рождаемости в нашей стране динамика численности детей по возрастам также существенно различается. В последние годы общее снижение численности детей происходило исключительно за счет сокращения численности детей старших возрастов (15–17-летние за 1995–2008 гг. – сокращение с 6 млн 668 тыс. чел. до 4 млн 963 тыс. чел.), в то время как численность детей в младших возрастах, о чем говорилось выше, росла (за 1995–2008 гг. 0–2-летние – с 4 млн 222 тыс. чел. до 4 млн 764 тыс. чел.).

Важнейшая современная проблема детей в Российской Федерации – низкий уровень их здоровья. По данным Совета Федерации, представленным в Докладе о положении детей в России, в результате проведения

Всероссийской диспансеризации было установлено, что только 27,1% российских детей могут быть признаны здоровыми (I группа здоровья), 51,7% имеют функциональные отклонения или факторы риска заболеваний (II группа здоровья), 16,2% – хронические заболевания (III–V группы здоровья).

Особую тревогу вызывает **состояние здоровья новорожденных**. По данным Росстата в 2008 г. 37,3% всех новорожденных детей родились больными или заболели. При этом фактически каждый двадцатый младенец (5,3%) родился недоношенным.

Растет число зарегистрированных заболеваний среди детей первого года жизни. Так, в 2000 г. было зарегистрировано 2982,8 тыс. заболевших детей этого возраста, в 2008 г. – уже 4120,2 тыс. детей. Правда, заболеваемость, рассчитываемая в относительных показателях (число заболеваний на 1000 детей соответствующего возраста), за этот период снизилась – соответственно, с 2 млн 715,3 до 2 млн 496,6 случаев.

Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет фактически не имеет тенденции к снижению в абсолютных значениях, но растет в относительных. Если в 2000 г. было зарегистрировано 38 млн 225,7 тыс. больных детей с диагнозом, установленным впервые в жизни, то в 2008 г. – 38 млн 293,8 тыс. При расчете заболеваемости на 100 тыс. детей указанного возраста соответствующий показатель в 2000 г. составлял 146 млн 235,6 тыс., а в 2008 г. – 182 млн 714,2 тыс. (то есть в среднем на одного ребенка фактически приходилось по два диагноза).

Среди детей старших возрастов (15–17-летних) заболеваемость, рассчитываемая в абсолютных показателях, снижается (если в 2000 г. было зарегистрировано 6 млн 621 тыс. больных детей с диагнозом, установленным впервые в жизни, то в 2008 г. – 6 млн 589,4 тыс. детей), что связано в первую очередь с сокращением численности детей этого возраста. В то же время относительные показатели заболеваемости растут: в расчете на 100 тыс. детей за указанный период заболеваемость выросла почти в полтора раза: с 88 млн 513,7 тыс. до 124 млн 944,3 тыс. случаев. В результате низкого уровня здоровья ежегодно 30% юношей в возрасте 17 лет признаются негодными к военной службе[1].

Серьезнейшей проблемой в России остается **инвалидизация детского населения**, снижающаяся в абсолютных, но почти не изменяющаяся в относительных показателях. В 2008 г. в стране было зарегистрировано более полумиллиона (!) детей, имеющих ограниченные возможности

[1] Резолюция XVI съезда педиатров России «Актуальные проблемы педиатрии» // Практика педиатра. – 2009. – Май-июнь. – С. 6–12.

здоровья (506,6 тыс. чел. или 193,1 чел. на 10 тыс. детского населения). В соответствии с данными Росстата, почти половина из этих детей получила статус инвалида в связи с расстройствами психики, поведения и нервной системы.

Исследования показывают, что далеко не все дети с ограниченными возможностями здоровья сегодня проходят необходимую для них медицинскую и социальную реабилитацию. Не всем детям-инвалидам доступно и образование. По целому ряду объективных и субъективных причин интегрированное образование сегодня в России пока чаще всего остается в проектах. Все это существенно усложняет полноценную интеграцию в общество детей с ограниченными возможностями здоровья.

Алкоголизация и широкое распространение немедицинского применения наркотиков среди населения – острые и болезненные проблемы всего современного российского общества. Однако распространение этих социальных заболеваний среди детей – проблема многократно более тяжелая. По данным ВЦИОМ, 45% россиян считают алкоголизм и наркоманию самой животрепещущей проблемой детей в современном российском обществе. На втором месте по значимости – детская и подростковая преступность (38%). Далее следует беспризорность (21%)[1].

По данным Росстата, в 2008 г. в возрасте 15–17 лет официально считались больными и состояли на профилактическом учете 63,4 тыс. детей – в связи с употреблением алкоголя, 6 тыс. детей – в связи с употреблением наркотиков, а 8,8 тыс. – в связи с употреблением ненаркотических веществ. Причем очевидно, что это только видимая часть проблемы. По данным Роспотребнадзора, более половины детей в возрасте от 11 до 18 лет регулярно употребляют спиртные напитки[2].

Еще одна проблема – **неравенство детей в доступе к образовательным услугам**, существенно возросшее за последние два десятилетия. Основные причины этого явления связаны как с ростом дифференциации населения по уровню доходов, так и с деградацией значимого сегмента системы образовательных учреждений различного уровня. В особо сложном положении оказались дети-инвалиды, дети из неблагополучных семей, дети, проживающие в сельской местности.

[1] Пресс-выпуск № 1236 ВЦИОМ от 1 июня 2009 г. – URL: http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11941.htm

[2] Росбалт, 15/04/2010. Главная лента.

В последние годы в связи с ростом рождаемости резко обострилась проблема **недоступности учреждений дошкольного образования**. В период экономического кризиса и снижения рождаемости в стране произошло резкое сокращение числа детских дошкольных учреждений. Сегодня власти некоторых субъектов Федерации в спешном порядке пытаются расширить сеть ДДУ, но несмотря на определенные достижения, мест в этих учреждения катастрофически не хватает. Достаточно сказать, что при росте численности детей, посещающих детские дошкольные учреждения (за 2000–2008 гг. она выросла с 4 млн 263 тыс. чел. до 5 млн 105 тыс. чел.) и увеличении охвата детей дошкольного возраста такими учреждениями (с 55 до 59%) мест все равно не хватает. В результате число детей, стоящих на учете для определения в ДДУ, за 2000–2008 гг. выросло более чем в 7 (!) раз (с 238 тыс. чел. до 1 млн 716,1 тыс. чел.). Это не только негативно сказывается на подготовке детей к школе, но и становится значимым барьером для участия их матерей в полноценной оплачиваемой занятости.

Примета последних десятилетий – значительное число детей в возрасте 7–18 лет, **не обучающихся в образовательных учреждениях.** В 2008 г. в стране таких детей насчитывалось 40,8 тыс. человек, и только половина из них не училась в связи с проблемами здоровья. Чаще всего вопреки законодательству вне образовательного процесса оказываются подростки, выбывшие из школы, даже не окончив девятого класса (4,5 тыс. чел.), а также оставившие учреждения начального и среднего профессионального образования (еще 13,2 тыс. чел.). По данным официальной статистики, в стране живут 475 детей, которые бросили учиться, не окончив даже третьего (четвертого) класса средней школы.

К числу наиболее уязвимых категорий детей относятся **дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей**. В начале 2010 г. в стране насчитывалось 697 тыс. детей-сирот. В последние годы наметилась тенденция сокращения числа ежегодно выявляемых и учитываемых детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Так, в 2005 г. таких детей было 146 405 чел., а в 2008 г. – уже «только» 126 095 чел. Правда, в этих цифрах не учитываются дети, оказавшиеся в приютах, в том числе негосударственных, «в бегах», проживающие у знакомых или родственников. По данным Российского детского фонда, учет таких детей увеличил бы по крайней мере на 10% число официально выявляемых детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Настораживает также и то, что в России остается

крайне высокой численность детей, родители которых ограничены в родительских правах (в 2008 г. таких детей было 6865 чел.) или вовсе лишены этих прав (в 2008 г. таких детей было 74 492 чел.). Таким образом, сегодня проблема детского сиротства (в том числе и социального) не теряет своей актуальности.

Совершенно особая по своей социальной значимости проблема – проблема **насилия в отношении детей**. По данным Росстата, в России только в 2008 г. 126,5 тыс. несовершеннолетних подверглись насилию со стороны взрослых. В результате преступных посягательств были убиты 1,9 тыс. детей, а здоровью 2,3 тыс. детей был нанесен тяжкий вред. В последние годы цифры, характеризующие проблему насилия в отношении детей, постепенно идут на спад, но темпы этого снижения очевидно недостаточны. Более того, по отдельным видам преступлений в отношении детей число преступных посягательств растет. В первую очередь речь идет о проблемах сексуального насилия, сексуальной эксплуатации несовершеннолетних детей и распространении детской порнографии. Так, по данным МВД России в 2005 г. было зафиксировано 1632 случая полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, и 1562 случая развратных действий. В 2008 г. насчитывалось уже соответственно 4479 и 1580 таких случаев.

Обычно статистику принято называть сухими цифрами, но про приведенную выше статистику, характеризующую положение детей в современной России, этого сказать нельзя. Эти статистические данные кричат, они взывают к совести и состраданию всех взрослых россиян, особенно родителей и чиновников, ответственных за работу с детьми, выполнение государственных программ и проектов, касающихся детей и детства. Статистика, характеризующая российское детство, показывает недостаточную эффективность деятельности разрозненных программ и фондов, которые пока действуют в точном соответствии с русской поговоркой «у семи нянек дитя без глаза». В России назрела необходимость разработки и реализации серьезной и последовательной *государственной политики* в отношении детства.

1.2. Прогнозы динамики численности детей в России

Изменения возрастной структуры населения – отличительная черта современности. В России с начала XXI в. сокращаются доля и численность детских когорт (см. *табл. 1*).

Таблица 1.

Распределение населения по возрастным группам *(на начало года)*

Население	Тыс. чел.			В процентах к итогу		
	2001	2006	2007	2001	2006	2007
Все население	146 304	142 754	142 221	100	100	100
В том числе в возрасте, лет:						
0–4	6367	7037	7223	4,4	4,9	5,1
5–9	7762	6418	6376	5,3	4,5	4,5
10–14	11 789	7790	7283	8,1	5,5	5,1
15–19	12 322	11 825	11 088	8,4	8,3	7,8
Из общей численности населения в возрасте:						
– моложе трудоспособного	28 387	23 317	22 718	19,4	16,3	16,0
– трудоспособного	88 040	90 328	90 152	60,2	63,3	63,4
– старше трудоспособного	29 877	29 109	29 351	20,4	20,4	20,6

Примечание: *численность населения скорректирована с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.*

С 2001 по 2007 гг. число детей в возрасте 5–9 лет сократилось на 1 млн 386 тыс. человек, а в когортах 10–14 лет – на 536 тыс. или на 19,4%. Доля этих демографических потерь была бы еще выше, однако за счет некоторого повышения рождаемости в период экономического роста число самых маленьких россиян (0–4 лет) увеличилось на 856 тыс.

Безусловно, можно согласиться с Л.Л. Рыбаковским в том, что основные параметры демографического развития страны остаются

опасными для будущего России, сохранения ее геополитического статуса и необходимого уровня национальной безопасности[1]. Это связано прежде всего с низким уровнем рождаемости. Для простого замещения поколений необходимо примерно 2,10–2,15 рождений на каждую женщину репродуктивного возраста. Фактически этот показатель в 2003 г. составлял 1,31, а в 2007 г. – 1,40. В последующие два года увеличение рождаемости продолжилось. В первом полугодии 2009 г. число родившихся детей превысило этот показатель докризисного периода 2008 г. на 4,2%. В 2009 г. продолжилось снижение смертности в возрасте до одного года. Эти относительно благополучные данные, вероятно, связаны с тем, что родились «докризисные» дети (см. *табл. 2*).

Таблица 2.

Показатели естественного движения населения

	Январь-июль						Справочно: на 1000 человек населения за 2008 г. в целом
	Всего, тыс. чел.			На 1000 человек населения[1)]			
	2009 г.	2008 г.	прирост (+), снижение (-)	2009 г.	2008 г.	2009 г., в % к 2008 г.	
Родившихся	1012,6	975,0	+37,6	12,3	11,8	104,2	12,1
Умерших	1196,6	1245,7	-49,1	14,5	15,1	96,0	14,6
В том числе: детей в возрасте до 1 года	8,2	8,6	-0,4	8,1[2)]	9,0[2)]	90,0	8,52
Естественная убыль	-184,0	-270,7		-2,2	-3,3	66,7	-2,5
Браков	612,1	580,1	+32,0	7,4	7,0	105,7	8,3
Разводов	401,1	410,5	-9,4	4,9	5,0	98,0	5,0

Примечания:

1) Здесь и далее в разделе показатели помесячной оперативной отчетности приведены в пересчете на год.

2) На 1000 родившихся.

Увеличение числа родившихся наблюдалось в 74 субъектах Российской Федерации, снижение числа умерших – в 70 субъектах. В целом по стране превышение числа умерших над числом родившихся

[1] *Рыбаковский Л.Л.* Особенности современной демографической ситуации. Демографические перспективы России / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 95.

составило 1,2 раза (в январе-июле 2008 г. – 1,3 раза), в двух субъектах Российской Федерации (Тульской и Псковской областях) оно составило 2,0–2,1 раза (см. *рис. 1*).

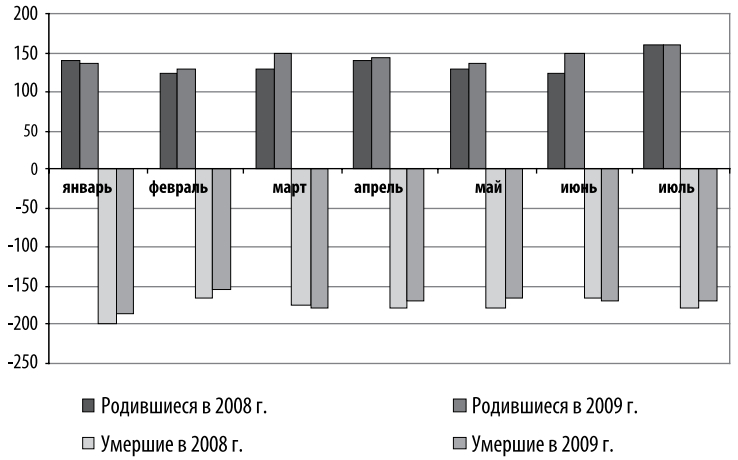


Рисунок 1. Число родившихся и умерших (тыс. чел.)

Естественный прирост населения в январе-июле 2009 г. зафиксирован в 22 субъектах Российской Федерации (в январе-июле 2008 г. – в 19 субъектах[1]).

Какими видятся динамика и структура населения нашей страны в будущем? Ответ на этот вопрос можно получить, воспользовавшись демографическими прогнозами. Наиболее известны из них данные ООН. Ниже представлены варианты демографического будущего России, основанные на материалах этой международной организации.

В *табл. 3* показано, что доля и численность детского населения (как и иных когорт) зависят от вариативности прогнозных моделей[2].

[1] См.: URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b09_00/IssWWW.exe/Stg/d08/8–0.htm

[2] Выдвинуты предположения относительно уровней рождаемости: при среднем уровне рождаемости используется показатель на уровне 1,85 ребенка на женщину; при относительно высокой рождаемости прогнозируется, что этот показатель будет выше среднего варианта на 0,5 ребенка; при относительно низкой рождаемости прогноз будет на 0,5 ребенка ниже показателя со средней рождаемостью; предположительно при относительно неизменной рождаемости – для каждой страны рождаемость остается неизменной на уровне, рассчитанном для 2000–2005 гг.

Таблица 3.

Прогноз возрастной структуры населения России на период до 2050 года

а – средний вариант, б – высокий вариант (в % к общей численности населения)

Возраст / год		2005	2010	2020	2030	2040	2050
Население в возрасте 0–14 лет	а	15,1	15,0	15,9	14,2	14,1	15,0
	б	15,1	15,8	19,4	17,7	18,5	20,4
Население в возрасте 15–59 лет	а	67,8	67,3	62,2	61,2	58,6	52,6
	б	67,8	66,6	59,6	59,5	57,4	52,8
Население в возрасте 60+ лет	а	17,1	17,7	21,9	24,6	27,3	32,4
	б	17,1	17,5	21,0	22,8	24,1	26,8

При благоприятных демографических тенденциях – высоком уровне рождаемости и снижении смертности – депопуляция в России будет побеждена к 2040 г. (см. *табл. 4*).

Таблица 4.

Демографический профиль РФ в % *(высокий вариант)*

Индикатор	2005–2010	2010–2015	2015–2020	2020–2025	2025–2030	2030–2035	2035–2040	2040–2045	2045–2050
Изменение населения по годам (тыс. чел.)	-561	-215	-169	-257	-359	-297	-139	4	65
Рождаемость по годам для обоих полов (тыс. чел.)	1535	1835	1822	1668	1533	1596	1770	1909	1935
Общая смертность для обоих полов по годам (тыс. чел.)	2146	2100	2041	1975	1943	1942	1959	1955	1920
Изменения численности населения (%)	-0,40	-0,15	-0,12	-0,19	-0,26	-0,22	-0,10	0,00	0,05

В этом варианте прогноза общая численность населения России к 2050 г. составит 133,5 млн человек. Доля детей в возрасте 0–4 лет возрастет до 7,2%, а в 5–14 лет они будут составлять 13,6% (см. *табл. 5*).

Таблица 5.

Демографический профиль РФ в тысячах человек *(высокий вариант)*

Индикатор	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Население (тыс.)	143 170	140 367	137 983	135 406	132 345	128 864	125 387	122 148	119 098	116 097
Мужчины (тыс.)	66 400	64 820	63 559	62 283	60 806	59 159	57 594	56 248	55 081	53 969
Женщины (тыс.)	76 770	75 547	74 425	73 123	71 539	69 705	67 793	65 900	64 018	62 129
Соотношение (мужчин на 100 женщин)	86,5	85,8	85,4	85,2	85,0	84,9	85,0	85,4	86,0	86,9
Население 0–4 (%)	4,9	5,4	5,6	5,4	4,9	4,6	4,7	5,1	5,3	5,4
Население 5–14 (%)	10,2	9,6	10,5	11,3	11,3	10,7	9,9	9,7	10,2	10,8
Население 15–24 (%)	17,1	14,4	10,6	9,9	11,0	11,9	12,0	11,3	10,4	10,2

При низком варианте прогноза численность россиян сократится до 100,4 млн, депопуляция будет нарастать. Доля детей в возрасте 0–4 лет составит менее 4%.

Таблица 6.

Численность населения в отдельные годы с разбивкой по основным регионам, со средним и неизменным прогнозируемым показателем фертильности

Основной регион	Численность населения (в млн чел.)					
	1950	1990	2009	2050 г.		
				Средний показатель	Неизменный показатель	Разница
Весь мир	2535	5295	6828	9191	11 858	2666
Более развитые регионы	814	1149	1229	1245	1218	-27
Менее развитые регионы	1722	4146	5599	7946	10 639	2693
Наименее развитые страны	200	525	843	1742	2794	1052
Другие менее развитые страны	1521	3620	4755	6204	7845	1641
Африка	224	637	1009	1998	3251	1253
Азия	1411	3181	4121	5266	6525	1259
Европа	548	721	731	664	626	-38
Латинская Америка и Карибский бассейн	168	444	587	769	939	170
Северная Америка	172	284	345	445	460	15
Океания	13	27	35	49	57	8

Источник: *World Population Prospects: The 2006 Revision.*

Многие государства мира, в первую очередь экономически развитые страны, обеспокоены сокращением численности населения. По прогнозам, до 2050 г. население в 45 из них уменьшится, в том числе в России (на 33 млн), Японии (на 25 млн), Украине (на 15 млн), Германии (на 8,4 млн) и Польше (на 7,7 млн).

Население Европы сократится почти на 40 млн человек. Ее демографическое будущее привлекает пристальное внимание не только ученых, но и политиков. В феврале 2008 г. Парламентом Европейского союза была принята резолюция о демографическом будущем региона, ряд положений которой, на наш взгляд, актуален и для России.

Во-первых, отмечается, что 50-летний прогноз – не окончательный приговор, а серьезное предостережение, на которое общество должно отреагировать уже сегодня, если хочет поддержать конкурентоспособность, устойчивость экономики, свою сплоченность, солидарность поколений и социальную модель будущего; предполагается, что перспектива сокращения населения к 2050 г. может повлечь за собой снижение давления на окружающую среду и предоставит возможность для продолжительного развития, а это, в свою очередь, потребует проактивной политики для принятия территориального планирования, решения жилищных, транспортных и других инфраструктурных вопросов.

Во-вторых, Парламент ЕС напоминает, что две главные причины демографических изменений – падение уровня рождаемости и стареющее население – это результат прогресса: возросшая продолжительность жизни стала прямым следствием научного прогресса, развития гигиены, повышения жизненных стандартов, эмансипации женщин и идет рука об руку с повышением уровня образования для девочек и участием женщин в активной публичной жизни, и это необходимо расценивать как явную выгоду для человечества.

В-третьих, признается, что общество, ставящее в центр своей политики детей, – принципиальное условие для повышения уровня рождаемости; существует необходимость создания доброжелательной по отношению к семье среды и улучшения жилищных условий для семей и детей для реализации семейного потенциала.

В-четвертых, обращается внимание на то, что средний уровень рождаемости в ЕС – 1,5 – не нормален, но при этом не отражает реальный выбор женщины или современные желания европейских граждан относительно создания семьи, так как многие люди зависят

от сложностей, связанных с совмещением работы и семейной жизни (нехватка дошкольных образовательных учреждений, социальной и экономической поддержки семей, работы для женщин), в социальной среде возрастают беспокойство (нестабильные рабочие места, дорогое жилье) и страх перед будущим (поздний найм на работу молодежи и неуверенность в получении работы).

Ученые разных стран мира ищут пути выхода из демографического кризиса. Масштабное статистическое исследование провели Микко Мюрскюля (Mikko Myrskyla), Ханс-Петер Колер (Hans-Peter Kohler) и Франческо Биллари (Francesco C. Billari). По результатам оказалось, что при очень высоком качестве жизни уровень рождаемости вновь начинает расти. Таким образом, наиболее развитым странам осталось «поднатужиться» еще чуть-чуть, и они вновь встанут на стабильный путь. В работе исследователи оперировали двумя показателями. Первый – индекс развития человеческого потенциала (human development index, HDI). Этот комплексный фактор учитывает такие данные, как продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения. Второй – коэффициент фертильности (total fertility rate, TFR) – среднее число рожденных детей на одну женщину. Один коэффициент оценивает качество жизни, другой – рождаемость. Как и ожидалось, в широком интервале данных между величинами HDI и TFR отрицательная корреляция: чем выше качество жизни, тем ниже рождаемость. Так, например, в 1975 г. все данные прекрасно ложились на прямую. Казалось бы, безнадежная ситуация. Чем дальше общество развивается, тем хуже ситуация с рождаемостью. Вместе с тем есть одно «но». Более 30 лет назад максимальное значение параметра HDI составляло 0,871 – лидерами тогда были норвежцы. Но к началу XXI в. ситуация изменилась. По данным на 2005 г., которые приводят исследователи, лидер (Австралия) имеет показатель 0,966, а показатель лидера 1975 г. на данный момент превысили 29 стран (России среди них нет). И график зависимости существенно изменился. Минимум рождаемости приходится на величину HDI чуть больше девяти, а дальше вновь начинается рост рождаемости. Не бурный, но значительный и стабильный. По мнению авторов, у человечества появилась обоснованная надежда на то, что экономическое и научное развитие нужно продолжать, и тогда все будет хорошо[1].

Результаты последних исследований показывают, что влияние потребности в детях – важнейший фактор формирования более

1 См.: URL: http://www.infox.ru/science/human/2009/08/07/fertilityraie.phtml

высокого уровня рождаемости. По результатам пилотного обследования[1], проведенного Росстатом, было выявлено, что различия в среднем ожидаемом числе детей в группах респондентов с одинаковой оценкой уровня жизни, но разным желаемым числом детей значительно больше, чем в группах, однородных по желаемому числу детей, в зависимости от оценки уровня жизни. Было выдвинуто предположение, что установка детности в существенно большей степени зависит от потребности в детях, чем от восприятия условий жизни как способствующих или препятствующих ее реализации. В связи с этим сделано два важных вывода для демографической политики, направленной на повышение рождаемости: во-первых, улучшение условий жизни, условий реализации потребности в детях приведет к некоторому повышению рождаемости, во-вторых, изменение потребности в детях может дать несоизмеримо больший результат, чем улучшение условий жизни. Делать, конечно, нужно и то и другое. Однако последнее, по мнению исследователей, принесет относительно небольшой, но сравнительно быстрый результат, а первое – несравненно более существенный, но значительно более отдаленный результат. Чаще всего среди серьезных помех к рождению желаемого числа детей респонденты отмечали материальные трудности. Если в более ранних исследованиях второе (а иногда и первое) место обычно занимали жилищные трудности, то в данном опросе такая ситуация была только у нижегородских женщин и мужчин Республики Марий Эл. Иные респонденты более значимой помехой к рождению детей считали неуверенность в завтрашнем дне. При исследованиях репродуктивного поведения, как правило, изучается вопрос о том, что мешает иметь большее число детей. Выявляемые при этом так называемые «помехи к рождению детей», безусловно, влияют на репродуктивное поведение. Но не менее важным фактором, ограничивающим число детей в семье, видимо, оказывается восприятие людьми детей как помехи к достижению различных значимых целей, реализации себя в различных сторонах жизнедеятельности. Рассмотрению этого аспекта в исследованиях до сих пор уделялось явно недостаточное внимание.

1 URL: http://www.gks.ru/free_doc/2006/demogr.htm – пилотное обследование «Семья и рождаемость», проведенное Росстатом в 2006 г. (в Тверской области опрошено 1035 человек, в том числе 488 женщин, 396 мужчин и 151 подросток; в Нижнем Новгороде был опрошен 201 человек, в том числе 96 женщин, 65 мужчин и 40 подростков; в Республике Марий Эл было опрошено 187 человек, в том числе 91 женщина, 67 мужчин и 29 подростков).

Ученые считают, что рост уровня жизни без увеличения престижа семейных ценностей будет и в дальнейшем создавать диссонанс между престижным потреблением и репродуктивными ориентациями[1]. По их мнению, наиболее точный прогноз будущей рождаемости можно получить по ориентациям на брак и семью молодежи и подростков. Каждый исторический период имеет свои измерения, частоту изменения последовательно сменяющихся циклов, свои особенности в каждой фазе. Россия вступила на рубеже третьего тысячелетия в эпоху бурных перемен во всех сферах развития. Все стороны привычной жизни и динамики общества радикально меняются. Мир становится неузнаваемым и требует нового понимания со стороны ученых, долгосрочной стратегии – от государственных и политических деятелей, лидеров бизнеса, иного образа мыслей и действий – от ныне преобладающего поколения. По мнению А.И. Антонова, потребность в детях не предопределена биологически, не естественна. Он полагает, что у человека нет «инстинкта размножения» или любого другого инстинкта, непосредственно побуждающего к рождению детей. Это доказывается фактом сознательного вмешательства человека в репродуктивный цикл, исключающим автоматизм появления детей[2]. Потребность в детях – это «устойчивое социально-психологическое образование в личности, обусловленное, во-первых, устремлением иметь типичное для данного общества число детей в семье; во-вторых, чадолюбием, то есть глубоко усвоенными установками по отношению к детям вообще. Репродуктивная установка представляет собой прежде всего нормы относительно числа детей в семье»[3]. На формирование потребности в детях и, соответственно, на формирование репродуктивной установки оказывает влияние целый ряд условий: образ жизни семьи, распространенные в обществе и особенно среди ближайшего окружения типичные нормы, касающиеся количества детей; образ жизни родительской семьи и количество детей в ней; установки каждого из супругов на количество и пол детей, на детей как помощников и опору в старости, на продолжение своего рода, семьи, фамилии, на самореализацию в детях и т.д.

В ноябре 2008 г. сотрудниками ИСЭПН РАН было проведено пилотное демографическое исследование среди столичных школьников 10–11-го классов. Респондентами стали учащиеся в возрасте

[1] *Антонов А.И., Борисов В.А.* Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. – М.: Ключ-С, 2006. – С. 57.
[2] *Антонов А.И.* – Социология рождаемости. – М., 1980.
[3] Там же. – С. 108.

16–17 лет. Данная категория была выбрана потому, что в возрастной период, предшествующий периоду, характеризующемуся самыми высокими показателями рождаемости (18–30), формируются основные установки на детность, отношение к семье, браку, рождению детей. Выявление факторов, влияющих в большей степени на репродуктивные установки молодежи в данном возрасте, помогает определить направления наиболее эффективной мотивации молодежи с целью стимулирования рождаемости. В пилотном опросе приняли участие 50 человек, 69% из них – девушки и 31% – молодые люди.

Большинство респондентов (87,8%) проживают с родителями, 28,6% проживают совместно с бабушками и дедушками, у 38,8% есть братья или сестры.

В ходе опроса были установлены такие показатели, как желаемое и ожидаемое количество детей. У мальчиков желаемое количество детей выше, чем у девочек: 2,33 и 2,24 соответственно (см. *рис. 2*). Однако ожидаемое количество детей у девочек немного выше: 2,05 против 2 у мальчиков, чего явно недостаточно, так как для замещения поколений необходимо примерно 2,10–2,15 рождений на каждую женщину репродуктивного возраста.

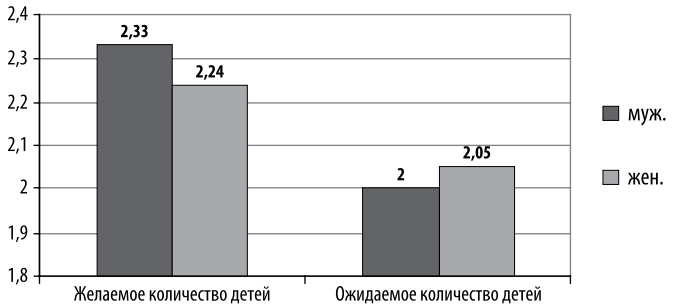


Рисунок 2. Желаемое и ожидаемое количество детей

Если сравнить данные показатели с результатами опроса у студентов, где желаемое количество детей у мужчин и женщин – 2,45 и 2,32 соответственно, а ожидаемое – 2,11 и 2,08, то можно заключить, что с изменением социального статуса школьника на студента ценность детей возрастает, причем у мужчин увеличение показателя существеннее.

При этом показатели желаемого и ожидаемого количества в зависимости от количества братьев и сестер отличаются от результатов опроса студентов 1–2-го курсов. В группах, где респондент – единственный ребенок в семье, а также в группе, где у респондента есть брат или сестра, показатели отличаются незначительно: 2,22 – 2,07 и 2,24 – 2,06 соответственно. Снова интерес представляет группа респондентов из многодетных семей. Желаемое количество детей в этой группе выше, чем в двух других, однако ожидаемое – всего 1,8, что представляет собой наименьшее значение в группе. Прямой связи между числом братьев и сестер в семье и репродуктивными установками респондентов не установлено (см. *рис. 3*).

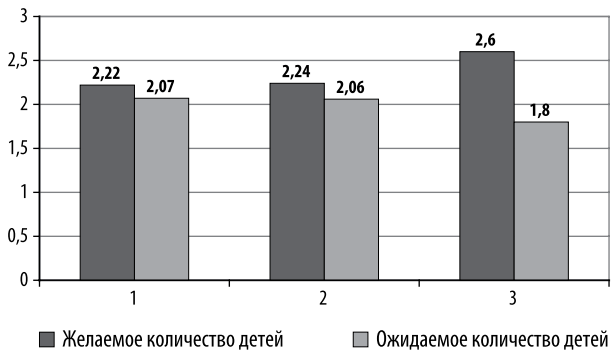


Рисунок 3. Изменение желаемого и ожидаемого количества детей у подростков из семей с одним, двумя или тремя детьми

С высказыванием «сейчас не время рожать детей» согласилось 39,3% юношей и 17,65% девушек. Эти показатели заметно ниже, чем в группе респондентов 18–19 лет (см. *рис. 4*).

В ходе опроса изучались базовые ценностные ориентации школьников, в числе которых материальное благополучие, жилищные условия, степень уверенности в завтрашнем дне, состояние здоровья, устройство детей в дошкольные учреждения, возраст, супружеские взаимоотношения, образование, профессиональная деятельность, воспитание имеющихся детей, число детей в родительской семье, мотивы рождения детей, ценностные ориентации. Были получены следующие результаты: наиболее значимыми факторами оказались хорошее здоровье (4,62) и хорошее образование (4,78), материальное благополучие (4,75), а также цель иметь двоих детей (4,63).

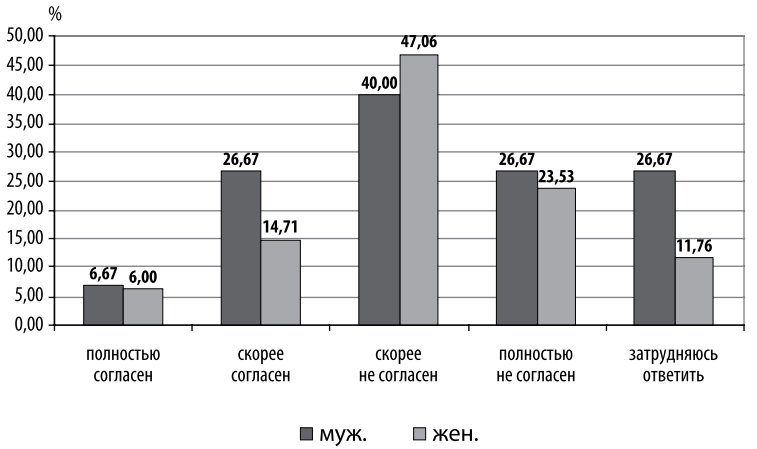


Рисунок 4. «Сейчас не время рожать детей» *(ответы мужчин и женщин)*

Такие жизненные приоритеты, как заниматься любимым делом, иметь троих или нескольких детей, представляют наименьший интерес для респондентов (см. *рис. 5*). Это свидетельствует о том, что у подростков, входящих в репродуктивный возраст, на желание иметь детей в большей степени влияют психологические установки, полученные в школе на данном этапе: школьники в 10–11-м классах готовятся поступать в вузы, выбирая, как правило, специальность, которая позволит им обеспечить свою жизнь. Любопытно, что ценность двоих детей (4,63) оказалась выше, чем ценность семьи (4,46) или ценность одного ребенка (4,35), что соответствует результатам пилотного проекта, проведенного среди студентов в ноябре 2008 г.

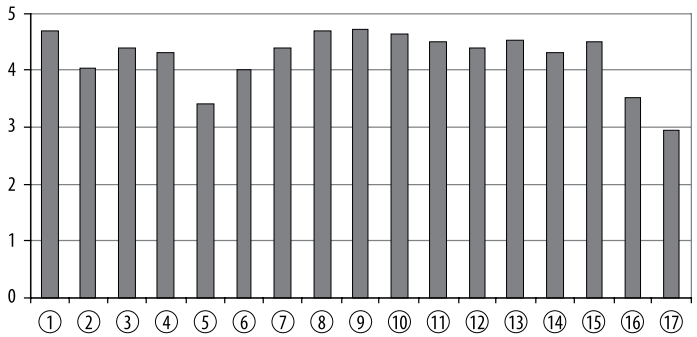
Кроме того, была получена информация о факторах, влияющих на ожидаемое количество детей (см. *рис. 6*). Наибольшую оценку получило стремление интереснее проводить досуг – 3,43. Для сравнения: отсутствие работы оценивается респондентами только на 2,42 балла из 5. Без сомнения, выбор факторов обусловлен молодым возрастом респондентов, которые заинтересованы в разнообразном проведении досуга, но одновременно с этим можно получить представление, что материальные факторы беспокоят респондентов в меньшей степени.

Анализ репродуктивных установок, распространенных среди школьников города Москвы, позволяет сделать следующие выводы

по результатам данных пилотного проекта, проведенного в столичных общеобразовательных школах:

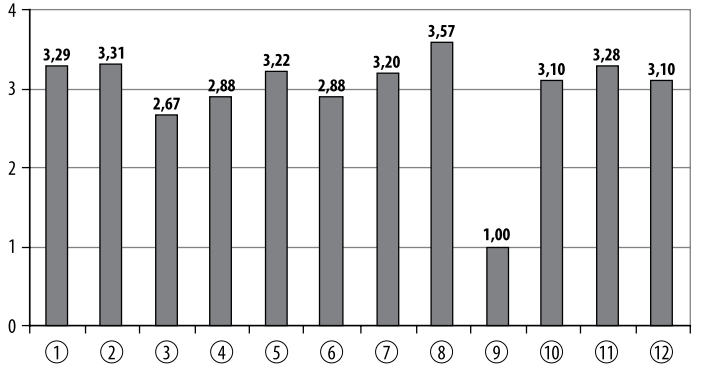
- среднее желаемое число детей у респондентов – 2,24, а среднее ожидаемое – 2,06, что меньше, чем у студентов 1–2-го курсов вузов города Москвы;
- ориентация на желаемое количество детей у девушек ниже, чем у юношей, однако только 17,7% из них согласны с тем, что «сейчас не время рожать детей»; этот показатель существенно ниже, чем у юношей – их ровесников, и ниже, чем аналогичный показатель у студентов (26,3% девушек и 46% юношей);
- на формирование установки на детность влияет количество братьев и сестер, однако эта зависимость не прямая;
- здоровье оценивается респондентами как наибольшая социальная ценность и самый значимый фактор, детерминирующий ожидаемое число детей;
- желание иметь двоих детей превалирует над желанием иметь семью или одного ребенка.

Цифры?



① Собственное благоустроенное жилье
② Работа, коллектив
③ Иметь семью
④ Иметь ребенка
⑤ Иметь нескольких детей
⑥ Прожить долгую жизнь
⑦ Жить в гармонии с окружающими
⑧ Материальное благополучие
⑨ Хорошее образование
⑩ Иметь хорошее здоровье
⑪ Достичь успеха в работе
⑫ Интересно проводить досуг
⑬ Общаться с друзьями
⑭ Реализовать себя
⑮ Иметь двоих детей
⑯ Иметь троих детей
⑰ Заниматься любимым делом

Рисунок 5. Жизненные приоритеты *(оценка по пятибалльной шкале)*



① Трудности в уходе за имеющимися детьми
② Сложности в семье
③ Отсутствие работы
④ Большая занятость
⑤ Стремление достичь успехов в работе
⑥ Материальные трудности
⑦ Неуверенность в завтрашнем дне
⑧ Стремление интереснее проводить досуг
⑨ Стремление должным образом вырастить и воспитать ребенка
⑩ Неудовлетворительное состояние здоровья
⑪ Стремление развивать себя в других сферах
⑫ Жилищные трудности

Рисунок 6. Факторы, влияющие на ожидаемое количество детей *(оценка по пятибалльной шкале)*

В период экономического роста в России было достигнуто определенное, хотя и незначительное улучшение демографических показателей, в том числе в репродуктивных ориентациях студентов младших курсов столичных вузов. Однако наше демографическое будущее неясно. Что несет начавшийся мировой кризис, который уже проявился в нашей стране? Снижение уровня занятости повышает социальные риски. Поэтому все более значимыми становятся меры по реализации Концепции демографического развития страны до 2025 г.

1.3. ЭКО-дети — перспективный резерв населения

В последние десятилетия во всех странах успешно развивается новый компонент увеличения рождаемости – вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), основанные на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО, зачатие «в пробирке», in vitro). Методы ВРТ приобретают все большую популярность, поскольку дают шанс бесплодным мужчинам и женщинам стать родителями. Эффективность этих методов доказана и подтверждена стойкой тенденцией к росту числа ЭКО-новорожденных. Несмотря на неполноту данных о числе таких рождений, связанную с их морально-этической и учетно-статистической спецификой, в мире зарегистрировано уже более 2 млн родившихся после зачатия in vitro.

Проблемы детей всегда входили в поле зрения исследователей различных дисциплин (педагогики, психологии, медицины, права и т.д.), актуализируясь по мере обострения того или иного вопроса. Большинство разработок имеют локальный характер и касаются улучшения положения и условий жизни детей, содействия мерам по охране их здоровья, борьбы с детской заболеваемостью и смертностью, а также сопряженных с ними факторов влияния на качественные показатели подрастающего поколения. ВРТ также потребовали изучения их влияния на развитие детей. Существуют немногочисленные когортные исследования, посвященные изучению показателей заболеваемости и смертности среди ЭКО-детей. Их данные достаточно противоречивы и свидетельствуют как о положительных, так и об отрицательных результатах[1].

Многие родители тоже тревожатся, все ли будет в порядке с их ЭКО-малышом, опасаясь осложнений и побочных действий ЭКО. Ведь можно предположить, что ЭКО, как любое вмешательство, любое лечение, вместе с основным положительным действием может оказывать и отрицательное влияние.

В конце сентября 2009 г. главный педиатр РФ А.А. Баранов на III Конгрессе педиатров России выступил против государственного финансирования технологии ЭКО. По его данным, 75% детей, появившихся на свет благодаря ЭКО, рождаются инвалидами, и государство вкладывает средства в увеличение в стране количества рождений детей с ограниченными возможностями. При этом подчеркивалось, что информации о последствиях ЭКО у ученых крайне мало, так как и родители, и акушеры скрывают реальные факты. Однако сторонники этой точки зрения утверждают, что такие дети отстают в физическом и нервно-психическом развитии, страдая очень серьезными пороками – отсутствием слуха, зрения и т.д.; другой аргумент против процедуры ЭКО – ее негативное влияние на здоровье женщины, связанное с медицинской спецификой ВРТ[1].

Эти мнения диаметрально противоположны точке зрения Минздравсоцразвития РФ, которое в последние годы активно поддерживает ВРТ, выделяя бюджетные квоты на лечение и расширяя круг пациентов, имеющих право на них. Причина в том, что ВРТ помогают преодолеть демографические проблемы, повышая рождаемость, и это показывает пример не только России, но и всего мира.

Медики всего мира активно изучают влияние всех этапов воздействий, которые могут повлиять на формирование плода и, как следствие, на здоровье младенца. Ведь главное – безопасность метода для малыша.

В современной медицине существует проблема врожденных пороков развития (ВПР). Они вносят существенный вклад в младенческую смертность, инвалидизацию детей. Исследования проводятся во всех странах мира и регионах России. Например, в Москве сотрудники одной из репродуктивных клиник наблюдали за 142 новорожденными и 116 детьми на протяжении первых месяцев и лет их жизни[2]. Большая часть женщин в группе обследованных к моменту беременности были уже так называемыми «старыми первородящими», с большим сроком периода бесплодия. Каждая пятая из них была старше 36–40 лет, что резко увеличивало риск неблагополучного исхода: многие из этих женщин страдали различными хроническими и соматическими заболеваниями, и лишь 17 из них были относительно здоровы. У большинства обследованных женщин беременность протекала с угрозой выкидыша. Все это позволяет утверждать, что у половины из них плод развивался

[1] См.: *Бахтиарова В.О.* Состояние здоровья детей, родившихся в результате экстракорпорального оплодотворения и искусственного осеменения. – Дисс. на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. – М.: НЦАГиП РАМН, 1993; Reija Klemetti et al. Health of Children Born as a Result of In Vitro Fertilization. Pediatrics. November 2006; 118; 1819–1827.

[1] Главный педиатр России выступает против поддержания на государственном уровне технологии искусственного оплодотворения. – URL: http://www.interfax-russia.ru/r/B/0/0.html?id_issue=12308809. Дата обращения: 25.04.10.

[2] URL: http://www.flm.su/_elements/magazine/view_full.php?id=44&popup=no. Дата обращения: 25.04.10.

в неблагоприятных условиях. Таким образом, факторов, потенциально отрицательных для развивающегося плода, имелось предостаточно.

В результате часть новорожденных имела те или иные отклонения в неврологическом статусе, однако эти негрубые, невыраженные расстройства благополучно исчезали к концу периода новорожденности. Исключение составили пятеро младенцев, у которых к концу первого года жизни сформировался ДЦП. У всех новорожденных наблюдались как легкие, так и более выраженные формы инфекции. В результате проведенной терапии 60 новорожденных были выписаны домой в удовлетворительном состоянии; три ребенка умерли от внутриутробной пневмонии в раннем неонатальном периоде.

Существенных отличий в иммунной системе этих детей от состояния иммунной системы их сверстников обнаружено не было. Поскольку матери во время беременности получали гормональное лечение, у новорожденных с особенной тщательностью наблюдался так называемый эндокринный профиль, но никаких изменений в функции щитовидной железы и надпочечников у этих малышей не выявили.

Если сравнивать результаты обследований детей, зачатых обычным путем, и приведенные выше данные, то разницы нет, то есть частота и характер инфекционных или соматических заболеваний, возникавших на разных сроках постнатальной жизни детей «из пробирки», не отличались от таковых у детей, рожденных женщинами со спонтанно возникшими беременностями.

В Финляндии, где доля ЭКО-детей среди всех родившихся составляет около 2,5%, была обследована группа детей, рожденных в результате ЭКО за период 1996–1999 гг. (4559 чел.), до достижения ими возраста четырех лет[1]. Исследования показывают, что дети, рожденные в результате ЭКО, имеют повышенную заболеваемость в перинатальном периоде, более высокие показатели смертности и более высокий риск госпитализаций и ДЦП. Худшие показатели ЭКО-детей частично связаны с тем, что они чаще рождались от многоплодной беременности. Однако ЭКО-дети от одноплодной беременности также имели более плохие характеристики состояния здоровья по сравнению с детьми от естественной беременности. При этом повышенная заболеваемость не была следствием какой-то специфической патологии, а характеризовалась более высокими показателями различных групп заболеваний. На основании вышеназванных и подобных исследований медики сделали вывод, что у детей,

[1] *Reija Klemetti* et al. Health of Children Born as a Result of In Vitro Fertilization. Pediatrics. November 2006; 118; 1819–1827.

рожденных в результате ЭКО, количество врожденных пороков развития (ВПР) не превышает популяционное. Однако с увеличением возраста женщины возрастает риск ВПР и хромосомной патологии.

Также отмечается несколько большая вероятность возникновения ВПР у детей после применения ЭКО вместе с ИКСИ (искусственное введение сперматозоида в яйцеклетку) по сравнению с младенцами, зачатыми естественным путем. Этот метод позволяет стать отцами мужчинам, которые не вырабатывают здоровой спермы. Специалисты предполагают, что дефекты, вызвавшие мужское бесплодие, могут быть лишь частью спектра генетической патологии. Возможна передача хромосомной патологии от отца к сыну.

Медиками выработаны профилактические меры при использовании методик ЭКО. Благодаря достижениям современных генетических технологий эмбрионы, полученные в результате ЭКО, перед переносом в полость матки проходят «проверку» (преимплантационную генетическую диагностику). Это исследование позволяет выявить грубые пороки развития, хромосомные болезни, что снижает риск ВПР.

Использование методов ЭКО сопряжено с тем, что во время лечения в матку переносят несколько эмбрионов, поэтому результатом становится рост многоплодных беременностей по сравнению с естественной популяцией. Многоплодная беременность считается пограничной между нормой и патологией, связана с повышенным риском для матери и ребенка, протекает труднее, чем одноплодная, несет больший риск прерывания беременности, чаще наблюдаются преждевременные роды. Это нередко приводит к хронической или острой нехватке кислорода у плода, у новорожденного развивается гипоксическое поражение центральной нервной системы (ЦНС), задержка внутриутробного развития (ЗВУР). Это ухудшает состояние здоровья малышей, дети с ЗВУР могут отставать в физическом развитии, могут иметь гипотрофию (низкую массу тела). Гипоксическое поражение ЦНС может наблюдаться в виде двигательных расстройств, которые проявляются в изменении мышечного тонуса, повышенной возбудимости или, наоборот, угнетенности. Могут иметь место гидроцефальный синдром, обусловленный повышенным внутричерепным давлением, синдром вегето-висцеральных дисфункций, проявляющийся через нарушение вегетативных реакций организма ребенка («мраморность» кожных покровов, расстройство терморегуляции, желудочно-кишечные расстройства и т.д.), нарушения ритма дыхания и сердечной деятельности; впоследствии этот синдром может привести к диэнцефальному синдрому у детей старшего возраста.

Кроме того, при ЭКО многоплодная беременность может протекать в более неблагоприятных условиях, так как часто у женщин имеются заболевания, которые были причиной бесплодия и невынашивания беременности. Такой фон обусловливает повышенный риск для ребенка. Эндокринологические заболевания матери могут привести к эндокринопатиям у ребенка. Хронические инфекции с обострением во время беременности могут привести к инфицированию новорожденного. Возможно развитие очагов инфекции – конъюнктивитов, пиодермий, колита, инфекции мочевыводящих путей, вплоть до пневмонии и сепсиса. Именно поэтому дети нуждаются в тщательном наблюдении, а при необходимости – в специализированном лечении. Последующая диспансеризация малышей снижает риск осложнений. Считать многоплодную беременность отрицательным или положительным эффектом – решать только родителям, но с медицинской точки зрения методики ЭКО в настоящее время направлены на предупреждение многоплодной беременности и ограничение количества трансплантированных зародышей.

Другая проблема – несколько повышенный рост недонашиваемости детей, родившихся в результате ЭКО. Это объясняется многоплодной беременностью, состоянием репродуктивной системы женщин, прибегнувших к ЭКО. Учитывая незрелость органов и систем недоношенных малышей (центральной нервной системы, сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной), неблагоприятные воздействия внешнего мира переносятся ими тяжелее. Недоношенные дети часто нуждаются в интенсивной терапии и реанимации, им могут потребоваться реабилитация в отделениях выхаживания новорожденных, особое внимание педиатра.

Однако многолетние наблюдения показывают, что некоторые отклонения здоровья детей, рожденных с помощью ЭКО, могут встречаться и у детей, зачатых естественным путем. Как правило, эти изменения восстановимы, поддаются лечению, и для малыша с риском возникновения патологии педиатр составляет план наблюдения за ребенком первых месяцев жизни: объем обследований, консультации специалистов, профилактические прививки, профилактику рахита, анемии, реабилитационные мероприятия, закаливание, массаж, физиотерапию. В результате при хорошем уходе и должном внимании родителей и врачей дети успешно развиваются.

Изучение психофизического развития детей, зачатых с помощью ЭКО, проводящееся в разных странах мира, в том числе и в России,

свидетельствует, что физические данные, психомоторное развитие, в том числе слуховые, речевые способности, не имеют каких-либо отклонений. При этом дети, рожденные с помощью ЭКО, несомненно, особенно желанны и долгожданны, их здоровью, развитию, воспитанию и образованию родители уделяют большое внимание, что немаловажно с социальной точки зрения.

Анализ влияния ВРТ на рождаемость в России стал возможен после создания национального регистра ВРТ в 1996 г. К участию были приглашены девять репродуктивных центров, восемь из которых предоставили информацию о результатах, берущих свое начало в 1995 г.: 3719 циклов ВРТ, из которых 18,5% закончились беременностью, а 65,3% беременностей завершились живорождениями (I регистр).

Во II национальном регистре ВРТ за 1996 г. приняли участие 12 из 16 существовавших в тот период в стране центров, проводящих процедуры ВРТ. Было зафиксировано начало 3447 циклов, после которых родились 372 ребенка (0,027% от всех живорождений 1995 г.); беременность наступала в 16,9% циклов. Частота появления на свет живых детей составила 61,8%[1].

IV национальный регистр (за 1998 г.) содержал данные о 4426 циклах, которые завершились 572 родами.

Сведения для V регистра (за 1999 г.) представили 19 из 27 центров ВРТ, зарегистрированных РАРЧ; было начато 4777 циклов ВРТ. Всего наступило 1120 беременностей, из них родами закончились 669 беременностей. Население России в 1999 г. насчитывало 146,3 млн и произошло 1 118 040 живорождений. Таким образом, в России на 1 млн населения было выполнено 32,7 цикла ВРТ, а роды после ВРТ составили 0,05% от всех родов в стране.

Отчет VI регистра (за 2000 г.), как и предыдущие, не был полным – в нем приняли участие 25 (83,3%) из 30 существовавших в тот период в России центров ВРТ. Общее количество циклов ВРТ в 2000 г. составило 6003, в 1999 г. их было 5070 (прирост 18,4%). В 2000 г. в России на 1 млн населения было выполнено 41,3 цикла ВРТ – на 29,1% больше, чем в 1999 г., и на 47,5% больше, чем в 1998 г. В этот же период в европейских странах с наиболее развитой практикой ВРТ в среднем было выполнено 856 циклов/млн, а больше всего – в Дании (1830 циклов/млн). В 2000 г. роды после ВРТ составили 0,07%.

[1] См.: *Корсак В.С.* Российский национальный регистр ВРТ. Сводный отчет за 1998 г. // Проблемы репродукции. – 1999. – № 1. – С. 8.

VII отчет (за 2001 г.) также не был полным, так как в нем приняли участие 32 (86,1%) из 36 существовавших в тот период в России центров ВРТ. Общее количество циклов ВРТ составило 8565 (на 42,7% больше, чем в 2000 г.), на 1 млн населения было выполнено 58,9 циклов (на 42,6% больше, чем в 2000 г., на 84,1% больше, чем в 1999 г., в 1,14 раза больше, чем в 1998 г.). В 2001 г. роды после ВРТ составили 0,08%.

В VIII отчете (за 2002 г.) приняли участие 35 (87,5%) из 40 работавших в тот период в России центров ВРТ; общее количество циклов ВРТ в 2002 г. – 9248 (на 7,8% больше, чем в 2001 г.). Всего наступило 2585 беременностей. В 2002 г. 0,04% родов произошли благодаря ВРТ.

В IX отчете (за 2003 г.) приняли участие 36 (87,8%) из 41 работавших в тот период в России центров ВРТ. Всего было начато 10 994 циклов ВРТ (на 18,9% больше, чем в 2002 г.). При общей численности населения в 145 млн человек это составило 75,8 цикла на 1 млн чел. Из 1 427 353 родов (по данным МЗ РФ) доля родов после ВРТ составила 0,1%, а среди 1 млн 477,3 тыс. новорожденных 1830 (0,12%) были зачаты с помощью ВРТ.

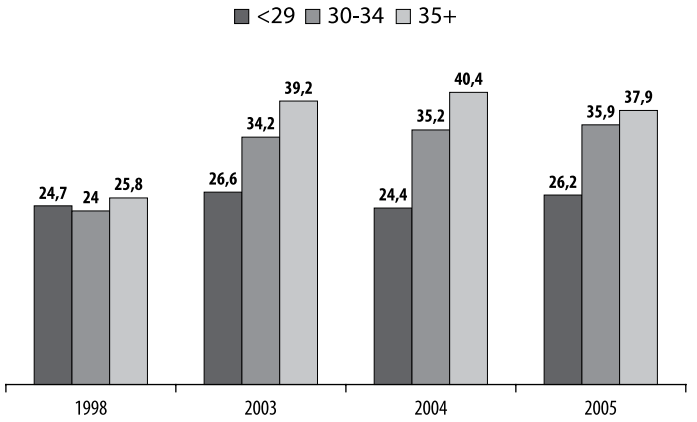
В X отчете (за 2004 г.) общее количество доступных анализу циклов ВРТ, выполненных в российских центрах, составило 14 751 (на 35% больше, чем в 2003 г.). При численности населения 144,2 млн человек это составило 102,3 цикла ВРТ на 1 млн населения. Из 1 451 133 родов (по данным МЗ РФ) доля родов после ВРТ составила 0,17%; среди родившихся 1 млн 502,5 тыс. детей 3193 (0,2%) были зачаты в циклах ВРТ.

В странах, активно использующих ВРТ, ежегодно проводится до 2 тыс. циклов ВРТ и рождается до 4% детей. Темпы роста числа ВРТ-рождений опережают темпы роста общего числа рождений, отчасти за счет большего удельного веса многоплодных родов (см. *табл. 7*).

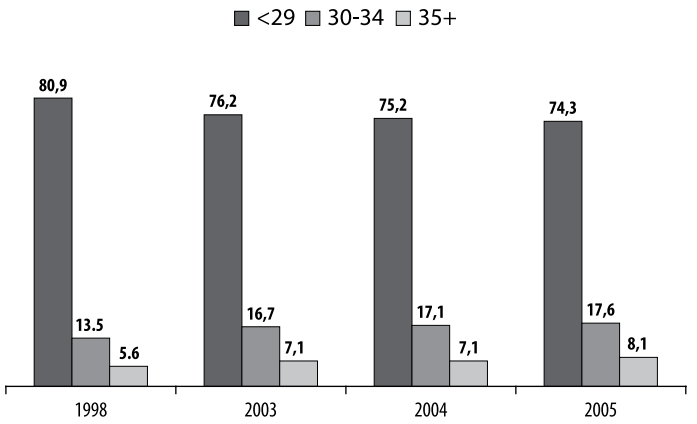
Возрастная структура пациенток по российским программам ВРТ отличается от структуры естественных рождений, то есть проходивших без ВРТ (см. *рис. 7*)[1]. Если естественная рождаемость на 75–80% обеспечивается женщинами, не достигшими 30-летия, то 55–60% ВРТ-рождаемости формируется за счет тех, кому больше 35 лет[2].

[1] Рассчитано по данным национальных регистров ВРТ в России за 1995–2005 гг. – URL: http://www.rahr.ru. Дата обращения: 25.04.10

[2] За повозрастную естественную рождаемость принята повозрастная суммарная рождаемость (Население России – 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. Вишневский А.Г. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 88), так как вклад ВРТ-рождаемости в суммарную российскую рождаемость не превышает 0,2% и не меняет ее возрастную структуру.



а. Возрастная структура ВРТ-рождаемости



б. Возрастная структура рождаемости без ВРТ-рождаемости

Рисунок 7. Возрастная структура рождаемости с учетом и без учета ВРТ-рождений

Таблица 7.

Вклад ВРТ-рождений в общую рождаемость РФ

Годы	СКР	ВРТ-рождения	
		Всего	% среди всех родившихся
1996	1,27	372	0,027
1997	1,218	502	0,04[2]
1998	1,232	572	0,045[1]
1999	1,157	669	0,05
2000	1,195	866	0,07[1]
2001	1,223	1187	0,08[1]
2002	1,28	1368	0,98[3]
2003	1,319	1830	0,12
2004	1,34	3193	0,2
2005	1,287	3855	0,26
2006	1,296	5355	0,36
2007		7184	0,45

Примечания:

[1] число (доля) родов (в соответствии с рекомендациями ВОЗ по терминологии ВРТ роды одним, двумя или большим количеством плодов регистрируются как одни роды, см.: Рекомендации ВОЗ: терминология ВРТ // Проблемы репродукции. – 2006. – № 4).

[2] рассчитано по: ВРТ в Европе в 1997 г. // Проблемы репродукции. – 2001. – № 4.

[3] рассчитано по: Российский национальный регистр ВРТ. Сводный отчет за 2002 г. // Проблемы репродукции. – 2004. – № 4. – С. 7, 9.

Источники: *ЦБСД ФСГС РФ. – URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi; Российские национальные регистры ВРТ за соответствующие годы.*

Исследования по зарубежной Европе (Дания, Великобритания, Франция и др.) показывают, что традиционные способы повышения рождаемости (семейные надбавки, «материнский капитал» и т.д.) обеспечивают рост СКР на 0,07, а аналогичная финансовая поддержка повышения рождаемости за счет ВРТ – на 0,04[1]. Динамика показателей естественной рождаемости (без учета ВРТ-рождений)

[1] *J. Grant, S. Hoorens, F. Gallo, J. Cave.* Should ART be part of a population policy mix? A Preliminary Assessment of the Demographic and Economic Impact of Assisted Reproductive Technologies // RAND Europe, 2006.

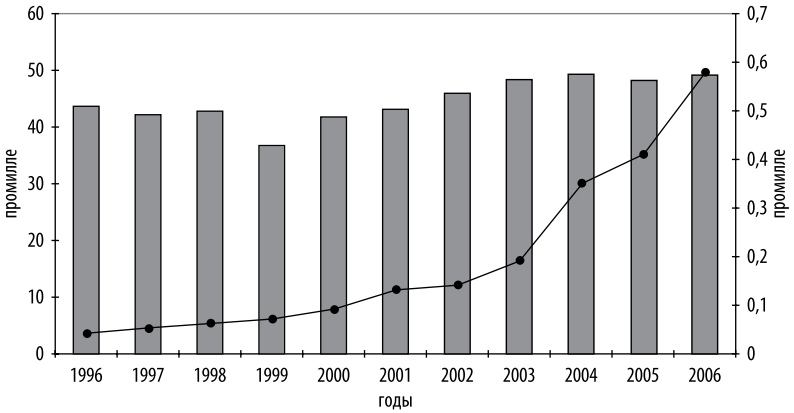


Рисунок 8. Динамика естественной и ВРТ-рождаемости в России

и ВРТ-рождаемости свидетельствует о росте интенсивности ВРТ-рождений на фоне стабилизации «естественных» рождений (см. *рис. 8*).

Несмотря на то что история развития ЭКО составляет менее 30 лет, в настоящее время оно стало частью рутинной работы специалистов-репродуктологов. Анализ развития ВРТ и их влияние на изменение численности населения мира, Европы и России позволяет сделать вывод, что методы ВРТ достаточно хорошо зарекомендовали себя как медицинские технологии, поскольку их главная цель – рождение здорового ребенка. Перед началом применения ВРТ необходимо медицинское обследование участников программ, что становится благоприятным сопутствующим фактором. В программах ВРТ практически нет материнской смертности, а осложнения подробно анализируются и имеют стойкую тенденцию к сокращению.

Число методов ВРТ расширяется за счет таких, которые позволяют сократить долю наследственных заболеваний и генетических аномалий плода (преимплантационная диагностика). Совершенствование методов ЭКО позволит улучшить показатели здоровья детей, рожденных таким способом.

1.4. Детство как основа формирования человеческого капитала

Человеческий капитал (ЧК) – главная ценность современного общества и основополагающий фактор экономического развития страны. В современном обществе, ориентированном на знания и инновации, роль ЧК возрастает. Сегодня экономическое развитие общества связывается не столько с накоплением основного капитала (заводы, оборудование и производственные запасы), сколько с формированием и развитием человеческого капитала. Именно человеческий капитал, а не природные ресурсы, такие как нефть, лес, металлы и др., стали теперь показателем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности экономики страны. Такая смена приоритетов характеризует переход к качественно иному типу экономического развития, в центре которого находится человек. Понятие «*человеческий капитал*» не противоречит, а дополняет концепцию «*человеческого потенциала*», рассматриваемую как совокупность факторов, куда включены здоровье и продолжительность жизни, образование и уровень доходов. Уровень развития человеческого потенциала характеризует важнейшие аспекты качества жизни населения страны или региона, соответственно, закономерны предложения по увеличению расходов на социальные программы и мероприятия. Задача эта осознается на федеральном уровне, о чем свидетельствуют принятие и реализация национальных проектов, прежде всего в сферах образования и здравоохранения. Детство – тот период, когда закладываются основы качественных характеристик населения. И если понятие «человеческий потенциал» более подходит для итоговой оценки качества жизни населения страны на макроуровне, то теория человеческого капитала в большей степени отвечает целям изучения условий и факторов формирования качественных характеристик населения в детском возрасте на микра и мезоуровнях – в семье, сфере образования, регионе. Именно эти аспекты формирования ЧК в детском и юношеском возрасте будут анализироваться в данном разделе.

Преимущества обладания высоким уровнем ЧК для индивида очевидны и хорошо видны на примере более высоких возможностей на рынке труда для дипломированных специалистов с высшим образованием по сравнению с теми работниками, которые окончили только полную среднюю школу (именно этот индикатор нередко используется в межстрановых сопоставлениях). В современных российских условиях обладание вузовским дипломом обеспечивает прирост заработной платы в среднем на 60–70%. Это практически не отличается от оценок для экономически развитых стран, где «премия» на высшее образование обычно варьирует в диапазоне от 50 до 100%. Кроме того, хорошее образование усиливает конкурентные позиции работников на рынке труда. «Прослеживается *закономерность*, имеющая практически универсальный характер: чем выше образовательный потенциал, тем выше экономическая активность, выше уровень занятости, ниже безработица и меньше доля «отчаявшихся» работников, покинувших рынок труда после длительных безуспешных поисков (исключение составляют только работники с незаконченным высшим образованием)»[1]. Даже в период нынешнего экономического кризиса, когда безработица среди молодежи имела самые высокие показатели (февраль 2009 г.), «выигрыш» молодежи в возрасте 20–24 лет, имевшей высшее образование, по сравнению со сверстниками с полным средним образованием составлял по показателю безработицы 5,5 процентных пункта (уровень безработицы 19,3% против 24,8%)[2]. Высокое качество ЧК выгодно как индивидам, так и стране в целом, поскольку позволяет обществу более успешно решать не только экономические, но и социальные задачи. Так, например, по мнению демографа С.В. Захарова, «если бы смертность населения России в целом была такая же, как у россиян с высшим образованием, мы бы не отличались по этому показателю, скажем, от Франции. Все дело в отношении к своему здоровью, в осознании причин, его подрывающих, в том числе вредных привычек. Можно считать, что проблема сверхвысокой смертности в нашей стране – это в первую очередь проблема людей с невысоким и со средним общим образованием. В том, как они используют время рабочее и свободное, думаю, главный ключ к ее пониманию»[3].

Понятие ЧК стало важной социально-экономической категорией, но в большинстве случаев его связывают с качественными характеристиками работников во взрослом возрасте, в то время как совершенно

[1] *Капелюшников Р.* Ценится ли на российском рынке труда человеческий капитал? – URL: http://demoscope.ru/weekly/2005/0193/tema01.php

[2] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (ФСГС). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_30/IssWWW.exe/Stg/labor418.htm

[3] *Захаров С.* Одно поколение может проживать много жизней. – URL: http://demoscope.ru/weekly/2005/0193/analit05.php

очевидно, что все основные параметры ЧК закладываются в детстве. Этим определяется актуальность выбранной темы. Цель исследования – взгляд на тему ЧК через призму детства как основополагающего периода формирования человеческого капитала.

Термин «*человеческий капитал*» впервые появился в работах Теодора Шульца – экономиста, интересовавшегося трудным положением слаборазвитых стран. Шульц заявлял, что улучшение благосостояния бедных людей зависело не от земли, техники или их усилий, а скорее, *от знаний*. Он назвал этот качественный аспект экономики человеческим капиталом. Шульц, получивший Нобелевскую премию в 1979 г., предложил следующее определение: «Все человеческие ресурсы и способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденный человеческий потенциал. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть *усилены соответствующими вложениями*, мы называем человеческим капиталом». По определению Гэри Беккера, одного из основателей теории ЧК, «человеческий капитал – это совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, целесообразное использование которых способствует увеличению дохода на уровне индивида, предприятия или общества». На основании перечисленных выше признаков ЧК, а также позиций других авторов можно говорить об основных элементах, определяющих структуру данного понятия, имея в виду набор качеств и характеристик, которые включаются в ЧК:

- врожденные способности;
- приобретенные ресурсы – знания;
- трудовые (профессиональные) навыки;
- мотивация (ценностные ориентации);
- здоровье (физическое, психическое, социальное).

От того, какие условия созданы для формирования вышеназванных качеств в детском возрасте, во многом зависит эффективность их развития и совершенствования в период взрослой трудовой жизни. Кроме того, такие ценные для работника социально-психологические качества, как культура, нравственность, творческая активность, коммуникабельность и т.д., также воспитываются в основном в детстве (в семье и в школе). Таким образом, очевидный факт, что «все мы родом из детства», в случае изучения формирования и развития ЧК приобретает основополагающее значение. Одна из важнейших характеристик ЧК – его нацеленность на будущее, и это роднит его с детством: обе эти категории по сути представляют собой формы будущего.

Однако знакомство с обширной литературой по теме исследования показало, что *роль детства* в формировании человеческого капитала пока не стала предметом специального изучения отечественных ученых. Хотя некоторые отсылки к данной теме можно встретить в работах И.Е. Калабихиной, которая писала о «цене ребенка» в инвестициях семьи, и А.С. Панкратовой, которая также *упоминает* о роли семьи в формировании ЧК, но, к сожалению, глубоко эту тему авторы не разрабатывали. Следовательно, избранный нами подход – изучение вопросов формирования ЧК в детском возрасте – может быть охарактеризован как новизна исследования.

Исследователи ЧК используют различные научные подходы, изучая *стадии, уровни и механизмы* формирования и развития данного феномена. При воспроизводственном подходе к изучению ЧК обычно выделяют следующие *стадии*: формирование – функционирование (использование) – развитие (восполнение). Каждая стадия движения человеческого капитала реализуется через совокупность социальных и социально-экономических систем путем распределения и *инвестирования*. При этом стадия формирования человеческого капитала – основополагающая, и хотя она не ограничивается детским возрастом, но напрямую от него зависит. Это основная *гипотеза* нашего исследования.

По мнению экономистов, формирование и развитие человеческого капитала реализуется на различных *уровнях* организации общества: макроуровне (общество), мезоуровне (отрасль, регион), микроуровне (предприятие). Но категория ЧК напрямую связана также и с социальной проблематикой, поэтому в соответствии с заявленным подходом считаем необходимым добавить также *семью* для изучения темы на микроуровне.

Семья играет базисную, определяющую роль в формировании человеческого капитала в детском возрасте, так как она (социальная норма):

- первая формирует главного субъекта освоения и развития духовного и экономического богатства общества, воспитывая в ребенке целеустремленность, адаптивность и гибкость, позитивную мотивацию к эффективному труду будущего самостоятельного работника;
- приобщает к общечеловеческим ценностям, ориентируя ребенка на высокие культурно-нравственные модели поведения;
- оплачивает многие необходимые издержки по формированию ЧК в детском и юношеском возрасте и покрывает налогами соответствующие расходы государства.

Инвестиции семьи в человеческий капитал ребенка осуществляются как в денежной, так и в неденежной форме – в виде затрат времени, психологических усилий, социальной поддержки, культурно-нравственного развития и др.

Формирование человеческого капитала осуществляется через механизмы социализации и профессионализации в институциональной форме (система образования, информационного и культурного обслуживания и т.п.). Но среди механизмов социализации главное место, безусловно, принадлежит воспитанию детей в семье. В связи с важностью проблемы социализации для изучения и понимания процессов формирования ЧК в детском возрасте остановимся на данном вопросе более подробно.

Энтони Гидденс дает следующее определение данному понятию: «Социализация – это социальные процессы, в соответствии с которыми дети приобщаются к социальным нормам и ценностям, в этом процессе происходит *становление личности.* Несмотря на то что процессы социализации особенно важны для индивида в детском возрасте, они протекают на протяжении всей его жизни»[1]. Формы и функции социализации подрастающего поколения исторически менялись, развивались, дифференцировались, но ее основное социальное назначение – формирование личности – остается важнейшей задачей и по сей день. Это, с одной стороны, социальная адаптация, направленная на вписывание молодежи в сложившиеся социальные реалии, то есть в уже имеющуюся к этому времени систему общественных отношений, ценностей и норм, с другой – наделение новых поколений социальными ресурсами выживания, снабжение их материальным и духовным потенциалом, исторически накопленным опытом человечества. Это должно гарантировать выживаемость и эффективность деятельности молодежи, а также сохранение и защиту общества от потрясений, связанных с вхождением в него новых поколений, но прежде всего – сохранение и воспроизводство самого общественного организма.

Семья – основной социализирующий агент для ребенка во все времена и во всех культурах. На более поздних стадиях жизни человека вступают в действие множество других агентов социализации, таких как школа, сверстники, СМИ и др. В этой связи наиболее интересна для целей нашего исследования позиция Питера Бергера и Томаса Лукмана, которые подчеркивают первостепенную роль семьи в вопросах социализации детей. Как главные представители

[1] *Гидденс Э.* Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 672.

теории социального конструирования реальности, они предлагают рассматривать социализацию в качестве социального конструкта. Авторы выделяют две основные формы социализации – первичную и вторичную, и доказывают, что *решающее значение для судьбы индивида и общества имеет первичная социализация, происходящая в семье* и ближайшем кругу родственников. «При первичной социализации нет никаких проблем с идентификацией, поскольку нет выбора значимых других <...>. Родителей не выбирают <...>. Ребенок интернализирует мир своих родителей и значимых других не как один из многих возможных миров, а как единственно существующий. Именно поэтому мир, интернализируемый в процессе первичной социализации, гораздо прочнее укоренен в сознании, чем миры, интернализируемые в процессе вторичной социализации». Социологические исследования показывают, что почти половина молодых россиян (46,7%) считает семью активным формирующим фактором своего мировоззрения (интеллекта, норм и ценностей, профессионального выбора), в то время как другая половина наивно и отчасти самонадеянно полагает, что они «сами себя сделали». А вот влияние школы на жизненные позиции молодежи, по мнению большинства респондентов, весьма скромно. Таким образом, первичная социализация детей в семье – это основа не только нравственных устоев современного и будущего общества, но и качества человеческого потенциала, воплощенного в подготовке детей к жизни и труду.

где сноска?

Высокая степень ответственности семьи за первичную социализацию как формирование личности и будущего своих детей, следовательно, и за судьбы страны в целом – бесспорна. Однако современная российская семья – вовсе не беспроблемное «поле» детства. Кризисные явления в семье негативно отражаются на поведенческих и качественных характеристиках подрастающего поколения. Ослабление воспитательного потенциала определенной части российских семей обусловлено в том числе и их бедностью, которая не только ведет к материальным лишениям, но и нередко сопровождается нравственной деградацией родителей. Из-за пьянства, наркомании, аморального образа жизни, отказа от содержания и воспитания детей государство вынуждено лишать их родительских прав. Как видно из *табл. 8*, приведенной в обзоре социальной политики России на начало 2000-х гг., за 12 лет рыночных преобразований в России число детей, отобранных у родителей, лишенных родительских прав, возросло в шесть раз[1].

[1] Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой. – М.: НИСП, 2007.

И, что характерно, интенсивный рост социального сиротства детей происходил не только в «лихие девяностые», но и в относительно благополучные годы начала экономического подъема – 2001–2004 гг.

Таблица 8.

Лишение родительских прав, 1992–2004 гг.

	1992	1995	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Численность детей, отобранных у родителей, лишенных родительских прав	10 677	31 403	46 526	53 073	56 350	59 618	60 734	65 180
Численность детей, родители которых ограничены в родительских правах	3401	6265	3492	4053	3409	3622	3540	4261
Число удовлетворенных исков по делам о лишении родительских прав	6724	19 846	35 454	42 917	48 222	49 588	50 810	56 144

Источник: *Данные Рособразования и Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации.*

Ежегодно в России разоблачают свыше 100 тыс. родителей или опекунов, которые недобросовестным образом исполняют свои обязанности. В 2008 г. к административной ответственности за различные правонарушения были привлечены 450 тыс. родителей, а также возбуждено более 5,5 тыс. уголовных дел за неисполнение обязанностей в воспитании несовершеннолетних. В результате около 33 тыс. человек лишились родительских прав[1].

Медленно сокращается число детей, пострадавших от жестокости родителей, психологического, физического и сексуального насилия. Именно дети – жертвы домашнего насилия чаще всего бегут из дома и становятся беспризорниками. «По статистике, 55% несовершеннолетних (объявленных в розыск) уходят из семьи, – отмечает замглавы МВД РФ. – И основные причины здесь – безответственность родителей, а также неисполнение ими надлежащих обязанностей по воспитанию».

Имя?

И хотя острота проблемы детской беспризорности, захлестнувшей Россию на рубеже веков, сейчас несколько смягчилась, но окончательно она не решена, так как не устранены ее глубинные причины – депривация и деградация значительной части российского населения. Значительные средства, которые затрачиваются государством на решение

[1] URL: http://statistika.ru/law/2010/04/28/law_16477.html

этой острейшей проблемы детства, «рассасываются» по многочисленным фондам и ведомствам. Таким образом, все эти дети – как беспризорные, так и из семей, лишенных родительских прав, – получили негативный опыт первичной социализации в семье, и это не только драма детства, но и безусловная потеря качества человеческого капитала как для них самих, так и для российского общества в целом.

Специалисты считают, что беспризорность несовершеннолетних и тесно связанная с этим детская преступность обусловлены главным образом социально-экономическими проблемами (растущей материальной дифференциацией общества, безработицей, люмпенизацией населения и др.), вызванными макроэкономической трансформацией российского общества. По статистике, каждое 10–12-е преступление в РФ совершается несовершеннолетними или при их участии. Наиболее часто нарушают закон подростки в возрасте 16–17 лет, нередко находясь при этом в состоянии алкогольного опьянения. И хотя за последние годы отмечалось снижение количества преступлений несовершеннолетних, но ситуация может сильно измениться в связи с финансовым кризисом и растущим уровнем безработицы. На жизнь несовершеннолетних крайне негативно влияет их незанятость. Анализ уголовных дел свидетельствует, что большинство осужденных подростков на момент совершения преступлений нигде не учились и не работали. Почти половина из них проживала в неблагополучных семьях. Вся ответственность за ребенка и его действия лежит на родителях, но они не всегда могут, а порой и просто не хотят заниматься воспитанием своих детей. Поэтому первичная социализация в семье как механизм формирования человеческого капитала в детском возрасте имеет не только позитивные, но и негативные последствия.

Пристальное внимание к проблемам детской и подростковой преступности в исследовании, направленном на изучение вопросов формирования человеческого капитала через социализацию в детском возрасте, не случайно. Ведь дети, прошедшие негативную социализацию в семье и на улице и ставшие преступниками, вряд ли могут в дальнейшем стать качественным человеческим потенциалом для страны. Как будет показано ниже, поколение молодых работников, детство и ранняя социализация которых проходили в «лихие девяностые», действительно отличается от работников других возрастных когорт негативными характеристиками уровня образования, представляющего собой основу формирования ЧК. Из криминальной статистики известно, что 70% несовершеннолетних и 90% взрослых преступников нигде не работают и не учатся, и это потерянный для

страны человеческий потенциал. Источник их средств существования – преступления. Они ничего не дают обществу, но, напротив, уменьшают его потенциал в свою пользу. Как отмечает академик В.Н. Кудрявцев, «в качестве основных системообразующих элементов преступлений выступают, во-первых, *свойства личности* субъекта будущего преступления (они детерминируют все звенья механизма), во-вторых, *внешняя среда*, то есть физические и в особенности социальные *условия жизни*. Последние определяют и саму личность, формируя ее в течение всей жизни»[1]. Ведущая роль социальных условий жизни, формирующих определенные свойства личности, – это и есть среда социализации, следовательно, ее роль представляется важнейшей. Первичная социализация в семье может протекать в нормальных условиях и формировать позитивные качества и установки личности у ребенка, а может наоборот морально и социально калечить его. Это наглядно видно на схеме, которая раскрывает мотивы и механизмы поведения – как законопослушного, таки противоправного. Как отмечалось выше, «мотивация» (по Г. Беккеру) – одно из основных слагаемых ЧК. Поэтому схема академика Кудрявцева, раскрывающая механизмы мотивации, помогает понять и объясняет те проблемы социализации и формирования ЧК молодых поколений, с которыми столкнулось современное российское общество.

Мотивация поведения, как видно на *рис. 9*, распадается на три элемента:

- потребность;
- имеющиеся возможности удовлетворения потребности (законные/незаконные);
- система ценностных ориентаций личности (позитивная/негативная).

Как следует из схемы, имеющиеся у индивида или группы возможности удовлетворения потребности могут быть как законными, так и противозаконными, а ценностные ориентации личности – позитивными или негативными. Проблема современного российского общества, по мнению академика Кудрявцева, состоит в том, что в нем *существенно искажены все эти составляющие*. Деформация начинается уже с потребностей, которые завышены как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Более того, потребности в современном российском обществе возведены в фетиш, и явно видны попытки заполнить культурный и идеологический вакуум культом потребления,

[1] *Кудрявцев В.Н.* Современные проблемы борьбы с преступностью в России // Вестник РАН. – 1999. – № 9. – URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/CRIME.HTM

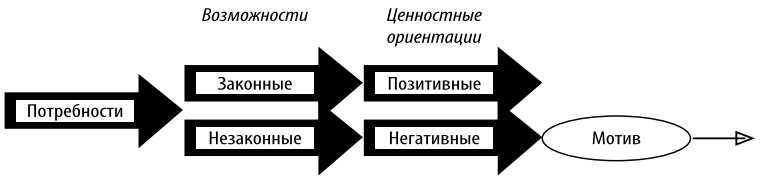


Рисунок 9. Механизм и элементы мотивации поведения

который навязывается через рекламу и СМИ. Причем это касается не только богатых людей. *Завышение потребностей* влияет на все население, в том числе и на малообеспеченные слои, поскольку уровень жизни состоятельного населения, недостижимый для большинства, создает определенный общественный эталон, поддерживаемый средствами массовой информации. Наряду с этим существуют и искаженные потребности, например в наркотиках и алкоголе.

Удовлетворение потребностей человека в любом обществе зависит от его возможностей. Легитимные возможности у значительной части населения России сегодня резко ограничены низким уровнем оплаты труда, а в период кризиса – также отсутствием работы. Достаточно напомнить, что кризис вновь привел к повышению доли россиян, которые живут ниже черты бедности, поэтому многие россияне не имеют возможности удовлетворить законным путем даже нормальные потребности. Сочетание завышенных потребностей с незаконными возможностями открывает путь к преступлению. Правда, должен быть некий нравственно-психологический тормоз в виде *ценностных ориентаций* или то, что прежде было названо *совестью*, а в философии и социологии именуется *мировоззрением* человека. Эти ценностные ориентации закладываются на этапе первичной социализации в семье, когда «кроха» узнает, «что такое хорошо и что такое плохо». Но для этого у ребенка должна быть нормальная, культурная и материально обеспеченная семья. Ясно, что ценностные ориентации личности в зависимости от их содержания могут тормозить или, напротив, содействовать развитию асоциального поведения и преступной мотивации. «К сожалению, – считает В.Н. Кудрявцев, – ценностные ориентации сейчас тоже искажены. Все более широкое значение получает *десоциализация личности*, потеря жизненных ориентиров, формирование антисоциальных способов личностной мотивации»[1].

[1] *Кудрявцев В.Н.* – Указ. соч.

Что происходит с детьми и молодежью в условиях десоциализации личности? В большинстве случаев они вырастают в семьях (не только девиантных, но и нормальных), потерявших жизненные ориентиры, а потому проповедующих не высокие культурные и нравственные ценности, а культ потребления. Воспитательное влияние школы на молодежь, как показывают современные исследования, не значимо. СМИ (в условиях кризиса семьи и школы) в настоящее время выступают как один из сильнейших агентов социализации молодежи, но их влияние трудно назвать позитивным. На телевидении все – от рекламы до сериалов – в основном также пропагандирует потребление и завышенные, недоступные большинству семей стандарты жизни олигархов и их «нянь». На экранах телевизоров дети видят много насилия, от мордобоя до убийств, и это становится как бы «нормой жизни». Подобная атмосфера искаженных ценностей в обществе и бездействие или негативная деятельность агентов социализации (семьи, школы, СМИ) не способствуют формированию высоких социально-нравственных стандартов у детей и молодежи. Поэтому дилемма «*уметь или иметь*» решается ею часто в пользу не знаний, а потребления. И тут мы вновь возвращаемся к проблеме формирования человеческого капитала в детском возрасте, который должен стать человеческим потенциалом будущего общества знаний. *Уметь* в эпоху развития информационного общества, безусловно, намного важнее, нежели просто *иметь*. Но остается открытым вопрос, в состоянии ли современная российская семья, существующая в условиях ограниченных возможностей и завышенных потребностей, подготовить детей к эффективной деятельности в инновационном обществе знания, о построении которого так любят говорить в России.

И все-таки, как показывают исследования, в нашей жизни есть место не только негативу, и ответ на этот вопрос может быть позитивным. Во-первых, в связи с тем, что в настоящее время небывалых масштабов достиг спрос разных типов семей на высшее образование для детей, а это – основа и залог высокого качества ЧК будущих поколений. Во-вторых, погоня за высокими стандартами жизни может стать действенным стимулом для повышения ЧК, если семьей и молодежью осознается ценность образования как наиболее надежной дороги к жизненному успеху. Об этом свидетельствуют результаты лонгитюдного исследования по вопросам притязаний учащихся выпускных классов обычных общеобразовательных школ (16–17 лет), проводившегося в виде пяти повторных опросов в различных городах с 1985 по 2005 г.[1]

[1] *Магун В., Энговатов М.* Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985–2005 годы). – URL: http://demoscope.ru/weekly/2008/0345/analit01.php

В ходе опросов выяснялись притязания старшеклассников относительно места в организационной иерархии (должности), уровня материального положения (зарплата, жилье, дача, автомобиль, общий уровень «богатства»), уровня образовательного и культурного статуса (уровень формального образования).

Исследование на первом этапе показало, что в 1985 г. притязания советских школьников были очень скромными. Чаще всего он (или она) хотели руководить небольшим коллективом внутри предприятия или учреждения, иметь квартиру, где комнат на одну меньше, чем членов семьи, владеть небольшим деревянным домиком или даже вовсе не иметь дачного участка, ездить на «Жигулях» (50%) или вовсе не иметь машины. Но уже в исследовании 1991 г. был зафиксирован огромный скачок в уровне притязаний старшеклассников по сравнению с их советскими сверстниками, который авторы назвали «*революцией притязаний*». Исследование 1995 г. показало, что на протяжении первой половины 1990-х гг. притязания школьников продолжали расти, а опросы учащихся из Орла и Мценска свидетельствовали, что «революция притязаний» затронула не только столицы (Москва, Киев), но и российскую провинцию. Взлет профессионально-должностных и потребительских амбиций старшеклассников авторы исследования объясняли глубокими изменениями, происшедшими в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества. Эти изменения, поначалу ограниченные, породили общее настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного строя, который должен был прийти на смену государственному социализму и принести благоденствие как российскому обществу в целом, так и отдельным его членам[1].

Исследования 1991 и 1995 гг. показали, что постсоветские старшеклассники, в отличие от советских сверстников, в большинстве случаев намеревались занять высшие места в организационной иерархии, став руководителями предприятий и учреждений, иметь самый высокий экономический или политический статус. Понимая, что высокий социально-трудовой статус невозможен без высокого уровня образования, 80–85% старшеклассников, участвовавших в опросах, были нацелены на поступление в вузы и приобретение высшего профессионального образования. Колоссальные изменения произошли в притязаниях в сфере благосостояния. Если в 1985 г. достаточное

[1] *Магун В, Энговатов М.* – Указ. соч.

число комнат приблизительно равнялось трем, то начиная с 1991 г. их количество сначала уравнялось с составом членов семьи, а потом на единицу превысило его. Вплоть до 2005 г. ни в одном из видов поселений этот показатель не опускался ниже четырех комнат (на семью из четырех человек). Кстати, «идеал» семьи из четырех человек (папа, мама, сын и дочка) за все эти годы не менялся. Второе жилье стало представляться уже не садовым домиком, а коттеджем, а автомобиль – иномаркой. И если половина советских старшеклассников вообще не намеревалась иметь машину, то уже в московском опросе 1991 г. доля юношей и девушек, не планирующих в будущем иметь автомобиль, упала почти до нуля. То есть в начале 1990-х гг. наступил момент, когда владение автомобилем стало рассматриваться в качестве необходимого элемента образа жизни практически всеми опрошенными молодыми людьми. Как отмечали исследователи, все последующие изменения в притязаниях школьников несопоставимы по своему масштабу с тем, что произошло в самом начале девяностых.

Исследование 2001 г. зафиксировало даже снижение некоторых материальных притязаний (число комнат) и стабилизацию по остальным позициям. Это было связано как с кризисом 1998 г., так и с общей «коррекцией реальностью». «Первоначальный всплеск ожиданий и идея богатства возможностей, открываемых новым общественным строем, постепенно дополнились более трезвым осознанием барьеров, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов». И даже в период динамичного экономического роста начала XXI в. (последние данные по России относятся к 2003 г.) статистически значимых изменений в уровне притязаний российских школьников не произошло, из чего исследователи сделали следующий вывод: «не исключено, что притязания выпускников школ достигли некоторого устойчивого уровня, с которого их могут сдвинуть только какие-то чрезвычайные события»[1].

нет сноски!

Однако в связи с изучением вопросов формирования ЧК в детском возрасте наибольший интерес для нас представляла вторая часть исследования, где анализировалось изменение *ресурсных стратегий* молодежи, то есть способов достижения намеченных целей. Для оценки способов реализации притязаний в исследовании выпускникам школ предлагалось выбрать одну из двух стратегий: (1) полагаться на помощь со стороны окружающих (родителей, родственников, друзей) или (2) готовность тратить собственные силы, преодолевать трудности и лишения для достижения поставленных целей. При этом каждая из этих стратегий имела позитивный и негативный варианты. В случае с помощью старшеклассникам предлагалось на выбор рассчитывать, что все блага они получат от родителей в готовом виде (негативный вариант), или надеяться на помощь родителей в получении высшего образования и поиске работы (позитивный вариант). Для реализации высоких материальных притязаний собственными силами школьники могли выбрать готовность много и тяжело работать, в том числе во вредных для здоровья условиях или в суровом климате. Этот вариант при обработке анкет был оценен как негативный, поскольку был ориентирован на использование только физических ресурсов (то есть исчерпание, а не развитие собственных ресурсов) без развития личностных качеств. Другой, оцененный как позитивный, вариант предполагал готовность преодолевать трудности более высокого уровня (условно их назвали информационными) – усердно учиться в вузе, при необходимости переучиваться и осваивать новые профессии, откладывать заключение брака до тех пор, пока не будет достигнут определенный уровень образования, материального и социального положения, выполнять работу с повышенной ответственностью. То есть это был вариант реализации высоких притязаний путем приобретения новых знаний и способностей, которые развивают индивида и становятся его *человеческим капиталом*, а в долговременной перспективе приносят своему носителю более высокий заработок и социальный статус. Поскольку исследование имело лонгитюдный характер, то в нем удалось зафиксировать, что каждое следующее поколение молодежи все в меньшей мере хотело бы тратить свои силы на преодоление физических и эмоциональных лишений и все в большей степени ориентировалось на приобретение новых ресурсов – человеческого капитала – и на его активное использование в своей профессиональной деятельности. Аналогично выглядели показатели ожидания помощи: новые поколения молодежи переориентировались с приобретения конечных благ за счет родителей на желание вкладывать ресурсы родителей в свое образование и устройство на хорошую работу. Итак, исследование показало, что и свои, и чужие ресурсы российские старшеклассники все в большей степени стремились направить на долговременные цели, связанные с приобретением и развитием ЧК, а затем на основе высокого уровня образования и квалификации иметь достойно вознаграждаемую работу и высокий социально-профессиональный статус.

Такой целеустремленной и амбициозной, ориентированной на развитие своего человеческого капитала увидели российскую молодежь

[1] *Магун В, Энговатов М.* – Указ. соч.

исследователи, изучавшие притязания выпускников школ конца XX – начала XXI в. Выпускникам школ, которые участвовали в социологических опросах начала 1990-х гг. (1991, 1994), теперь около 32–35 лет, и они уже давно вступили во взрослую трудовую жизнь. Реализовались ли их притязания в социально-трудовой и материальной сферах жизни? Судя по обилию автомобильных пробок, в которых простаивают иномарки в Москве и других крупных российских городах, а также по значительному числу новых домов и загородных коттеджей, можно предположить, что в основном да, реализовались. По данным ВЦИОМ, сегодня каждая третья российская семья имеет машину, а загородное жилье для многих российских семей теперь служит местом отдыха, а не выращивания продуктов для выживания. И только в силу критического уклона наших социальных наук мы уделяем больше внимания проблемам, чем достижениям, которые обычно остаются малозаметными (похоже, что хорошие новости «не продаются» не только у журналистов).

Таким образом, анализ изменений притязаний старшеклассников дает основание сделать вывод, что ориентация молодежи на повышение своего ЧК была наиболее выраженным трендом, позволившим значительной части современной молодежи добиться материального и профессионального успеха. Конечно, в этих условиях высок риск разочарований и фрустраций как неизбежной платы за высокие притязания, но не менее очевидно и другое: если у молодежи не будет высоких запросов и притязаний (то есть жизненных планов), то не будет и высоких достижений.

Для молодых людей, родившихся и выросших в постсоветской России, нынешний кризис – уже второй за их недолгую жизнь. И если кризис 1998 г. остановил бурный рост притязаний молодежи периода «революции притязаний», то кризис 2008–2009 гг. привел, по мнению исследователей Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), к «контрреволюции притязаний». Нынешняя молодежь по-прежнему стремится к успеху (92%), но видит его иначе, чем их сверстники 15–20 лет назад. По мнению исследователей, от чрезмерных амбиций, связанных с трудовыми и потребительскими притязаниями, современная молодежь переходит к прагматизму, повышению роли приватности жизни и самореализации. В недавних исследованиях ФОМ «Новое поколение» и «Люди-XXI» отмечено снижение притязаний и переориентация планов молодежи[1]:

[1] URL: http://bd.fom.ru/report/map/innovacyi/molod21

- более выраженное стремление к хорошей работе, карьере, образованию;
- более выраженное желание создать семью и воспитывать детей;
- менее выраженный акцент на материальных ценностях.

Несмотря на определенную переориентацию жизненных планов современной молодежи, основная ее часть (70%) по-прежнему нацелена на карьеру, хорошее образование и престижную работу, то есть на те позитивные социальные ценности, которые будут способствовать повышению качества человеческого капитала молодежи и модернизации российского общества.

Хотелось бы закончить данный раздел отчета на этой оптимистической ноте, воспевающей нашу целеустремленную молодежь, ориентированную на повышение качества ЧК. Но если перейти от социологических исследований, изучающих мнения и ценностные ориентации молодежи, к статистике, учитывающей факты, касающиеся всего населения, то картина состояния человеческого потенциала молодых поколений в России выглядит не столь радужно и уж точно неоднозначно. Известно, что современное российское общество характеризуется сильным социальным расслоением по критериям благосостояния, образования и культуры и др. Современная молодежь – часть нашего разорванного «общества неравных возможностей». Поэтому сопоставление возрастных и образовательных характеристик занятого населения показывает противоречивую и драматическую картину образовательного уровня современной российской молодежи (см. *табл. 9*).

В *табл. 9* показана возрастная структура занятого населения с учетом лишь одной, но самой важной характеристики ЧК – «уровень образования». Из таблицы видно, что поколения молодежи 25–29 и 30–34 лет отличаются от всех старших поколений работников в положительную сторону по показателю доли имеющих формальное высшее образование (16,5% и 14,5% соответственно). Ни в одном другом поколении нет таких высоких показателей высшего образования. Здесь сказался «бум высшего образования», который произошел на рубеже веков и был основан в том числе на высоких социально-профессиональных притязаниях части молодежи тех лет. Их спрос на высшее образование был удовлетворен за счет почти двукратного увеличения числа вузов (в 1993 г. было 626 вузов, а в 2008 г. – 1134) и почти трехкратного увеличения численности студентов в вузах (2613 и 7513 тыс. человек соответственно)[1]. Но, к сожалению, необходимо

[1] *Источник:* Обследование населения по проблемам занятости. 2009 год, февраль. См. сайт ФСГС: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_11/IssWWW.exe/Stg/d01/08–10.htm

Таблица 9.

Структура занятого населения по уровню образования и возрасту

(в процентах)

Возраст	Всего	В том числе имеют образование:					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
Всего	100	100	100	100	100	100	100
В том числе в возрасте, лет							
до 20	1,4	0,1	0,6	1,5	3,1	5,8	10,1
20–24	10,0	7,9	10,2	10,8	11,5	12,0	11,6
25–29	13,0	16,5	11,6	12,1	11,6	11,2	10,7
30–34	12,5	14,5	11,0	12,8	11,7	11,8	12,1
35–39	11,9	12,7	11,5	12,2	11,8	9,8	7,7
40–44	12,3	12,9	13,5	12,2	11,4	7,3	6,6
45–49	14,5	13,3	15,1	15,5	15,0	11,6	5,4
50–54	12,4	10,2	13,9	13,1	13,3	11,1	6,5
55–59	8,0	7,5	8,8	7,2	7,8	10,9	8,2
60–64	2,3	2,7	2,3	1,7	1,8	3,5	3,7
65–72	1,6	1,7	1,4	1,0	1,1	4,9	17,4

Источник: *сайт ФСГС: URL:http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_30/IssWWW.exe/Stg/labor217.htm*

констатировать, что *современная молодежь отличается от остальных работников не только в положительную, но и в отрицательную сторону*. По показателю доли лиц, не имеющих даже основного общего образования, молодежь также «лидирует».

И здесь наиболее четко видны «два мира – два детства» периода глобального реформирования России. Ни в одном поколении (кроме самой старшей когорты – 65–72 года), не было столь высокой доли плохо образованных, а нередко неграмотных работников, как среди современной молодежи в возрасте 20–34 лет. Те, кому за 20, еще могут учиться в вузе, но по возрасту они уже точно должны были завершить среднее общее образование – но они этого не сделали, не смогли сделать. Поэтому 10–12% молодых людей в возрасте 20–34 лет – это малограмотные работники с заведомо низким качеством человеческого капитала. Это многочисленное потерянное поколение (около 5 млн человек) бывших беспризорников, малолетних преступников, социальных сирот, наркоманов и пьяниц – страшная цена, которую заплатила Россия за реформирование общества в последнее двадцатилетие. И это невосполнимая потеря не только их человеческого капитала,

но и всего потенциала развития российского общества. Обнадеживает только то, что достигнув пика (12,1%) в возрастной когорте 30–34 летних (это именно то поколение, которое совершило «революцию притязаний»), показатель малограмотности работников демонстрирует динамику медленного сокращения в более молодых возрастных группах до 10,1%. Однако даже этот показатель означает, что каждый десятый молодой работник в сегодняшней России малообразован и не способен к освоению новейших знаний и технологий. Поэтому для России, ориентированной на модернизацию и построение инновационного общества знаний, важнейшей заботой сегодня должно быть не бесконечное реформирование сферы образования, а забота о повышении уровня образования детей, которых мы так любим называть нашим будущим. Только через улучшение качества жизни семей, повышение уровня образования и воспитания детей можно добиться исправления чудовищной несправедливости в отношении российского общества к своим детям. От этого зависит будущее России.

1.5. Одаренные дети в России

Надежда страны – те, кто придет после нас,
те, кому сегодня лет десять[1].

«Концепция человеческого капитала с решающей ролью для рыночных отношений и роста производительности труда сегодня потеряла приоритетное значение. Она трансформировалась в концепцию человеческих возможностей, определяя общественное развитие, его масштабы, темпы и направления. В контексте новой парадигмы более существенное значение, чем человеческий капитал, имеет человеческий потенциал страны. Он включает не только участников общественного производства, но не меньшее значение придает тем *структурам населения, которые <...> должны только войти в нее, определяя будущее страны*»[2]. Главной составляющей потенциальных интеллектуальных ресурсов и залогом процветания любого государства

куда?

[1] *Магаршак Ю.Б.* Инновационная шизофрения // НГ-Наука. – 2009. – 24 июня. – С. 11.

[2] *Римашевская Н.М.* Качество человеческого капитала в России: Доклад на XVII Кондратьевских чтениях «Долгосрочное прогнозирование: исторический опыт и критический анализ». – М., 17 ноября 2008.

выступает новая генерация. Сегодняшние дети через 10–15 лет будут составлять основную трудоспособную и творческую часть населения России. Поэтому в настоящее время на фоне депопуляции российского населения и снижения численности детей особенно *актуален мониторинг качественного потенциала молодых когорт* населения, численность которого в возрасте 0–15 лет интенсивно убывает: за период с 1995 по 2008 г. она уменьшилась в полтора раза. Так, в 1995 г. их численность составляла 33 млн 615 тыс. человек, в 2000 г. – 28 млн 387 тыс., в 2005 г. – 23 млн 317 тыс., в 2008 г. – 22 млн 541 тыс. человек[1]. Доля детей в общей численности населения России на начало 2009 г. составляла 18,4 %, по среднему варианту демографического прогноза ООН до 2025 г. она будет менее 15%[2].

Приоритет интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни государства закреплен в Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. и вступившей в силу в Российской Федерации 15 сентября 1990 г. В 1992 г. Указом Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы»[3] проблема выживания, защиты и развития детей была признана приоритетной на федеральном и региональном уровнях. В соответствии с этим указом Правительством РФ была разработана федеральная программа по улучшению положения детей в Российской Федерации «Дети России» на 1993–1995 гг., но в ее первой редакции тезиса об одаренных детях не было. Подпрограмма «Одаренные дети» была введена в число десяти целевых подпрограмм в 1996 г., когда программа «Дети России» была пролонгирована и расширена. По мнению одного из «крестных отцов» Федеральной программы «Одаренные дети», члена-корреспондента РАО А.Г. Асмолова, «программа стала исторической, повлияв на дальнейшее развитие всей системы образования»[4].

[1] При этом между российскими регионами значительны различия в численности молодых когорт: Центральный федеральный округ выделяется самой низкой долей населения моложе трудоспособного возраста – 13,7%, а Южный федеральный округ – высоким удельным весом младших возрастов – 18,8%. См.: Дети в России. 2009: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – С. 10–13.

[2] См.: URL: http://www.newsru.com/russia/27apr2009/demo.html – Доклад ООН «Россия перед лицом демографических вызовов». Прогноз с противоположной тенденцией динамики доли детей в общей численности населения России приведен в докладе Совета Федерации ФС РФ № 7 (324): «К 1 января 2026 года ожидается увеличение доли детей до 18,5%». См.: Аналитический вестник № 7. Защита прав детей в Российской Федерации. – М., 2007. – С. 6–7.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 1992 г. № 543.

[4] URL: http://psy.1september.ru/articlef.php?ID=200401514

Интерес к одаренности и одаренным детям в настоящее время очень высок, и это можно объяснить общественными потребностями. Во всех стратегических документах федерального уровня последних 15 лет поддержка одаренных и талантливых детей объявляется приоритетной государственной задачей. Здесь имеются в виду и пять этапов Федеральной целевой программы «Дети России»[1], и один из четырех приоритетных национальных проектов – «Образование»[2], и президентская инициатива «Наша новая школа», выделяющая систему поддержки одаренных детей в качестве одного из ключевых направлений развития общего образования[3].

***

Немного истории. Детская одаренность – одно из самых загадочных явлений. Ни для кого не секрет, что умственные возможности и способности людей далеко не одинаковы, а различия проявляются с детства. Диапазон умственных и творческих способностей весьма широк: от умственной отсталости до высокой талантливости, общей одаренности и гениальности.

Изучение проблемы одаренности имеет длительную историю – с древних времен до наших дней. Первым объяснением природы индивидуальных различий и существования у отдельных людей/детей выдающихся способностей было представление о божественном происхождении дара. Оно скрыто и в этимологии слова «одаренность»: от слова «*дар*», дар Божий[4].

В середине XIX в. английский ученый Френсис Гальтон[5] выдвинул идею о том, что проявление одаренности в первую очередь зависит от наследственности. Следующими шагами были разработка методов

[1] С учетом государственной и социальной значимости проблемы Указом Президента РФ от 16.11.2001 № 1328 федеральной целевой программе «Одаренные дети» присвоен статус президентской.

[2] Программа по росту человеческого капитала в России. Реализуется с 2006 г.

[3] Утверждена Президентом РФ в январе 2010 г. См.: URL:http://news.kremlin.ru/news/6683.

[4] Вплоть до XIX в. в научных трактатах использовался термин «гений», но наряду с ним появился и термин «талант» как представление о высокой степени развития способностей к определенному виду деятельности и о возможности «измерения» степени гениальности. Гениальность – это высший, максимальный уровень проявления способностей, расположенный, образно говоря, над талантом.

[5] Ф. Гальтон (1822–1911) – английский антрополог и психолог, основатель дифференциальной психологии. Рос вундеркиндом. Автор книги «Исследование человеческих способностей и их развитие», в которой описал основы психологического тестирования. Развивал учение о гениальности.

психологического тестирования и на их основе – исследование умственных способностей детей, затем попытка распределить их по категориям и идентифицировать интеллектуально одаренных детей[1]. С этого времени проблема одаренности с точки зрения ее божественной природы всерьез больше не рассматривалась; исследования перешли в естественнонаучное русло.

В начале XX в. во Франции были разработаны IQ-тест (Intelligence Quotient – коэффициент интеллекта), или тест Бине-Симона, а также первая шкала для проверки интеллекта. Она показывала не абсолютный уровень интеллекта, а относительный уровень ума ребенка по сравнению с другими детьми его возраста: чем старше ребенок, тем в меньшей степени возраст может повлиять на оценку[2]. Потом эта шкала была адаптирована к американским условиям. После ее двукратной переработки в Стэнфордском университете (1916 и 1937 гг.) был создан новый стандартный вариант, названный шкалой Стэнфорд-Бине[3]. Этот тест, рассчитанный на детей в возрасте от 2,5 до 18 лет, используется вместе с другими до сих пор[4]. Показатель IQ претендовал на универсальность, и уровень одаренности определяли по специальным тестам вплоть до середины XX в.

Исследования одаренности в России имеют свою непростую историю. Проблемы осознания, выявления и развития детской одаренности обозначились в начале XX в. Русскими педагогами и психологами были предприняты попытки оценки уровней умственных способностей детей с учетом европейского и американского опыта, и к началу 1930-х г. были получены вполне ощутимые результаты. Однако в 1936 г. эмпирические исследования в области одаренности и разработка конкретных методов диагностики интеллектуального потенциала одаренных и талантливых детей были объявлены лженаукой и прекращены[5]. В дальнейшем проблема одаренности разрабатывалась как психология потребностей. Наиболее значимыми и важными были провозглашены социальные

[1] Существует и другая точка зрения, согласно которой ребенок уподобляется «чистой доске» (tabula rasa), и в нем можно развить любые умственные и творческие способности.

[2] В 1905 г. А. Бине (1857–1911) и Т. Симон (1873–1961) разработали оригинальную методику тестирования для диагностики развития интеллекта и определения логических и творческих способностей личности.

[3] Л. Термен (1877–1956) – профессор Стэнфордского университета, психолог. Развил идеи А. Бине. Разработал и реализовал программу лонгитюдного исследования 1,5 тыс. одаренных людей, которое продолжалось и после его смерти. Его разработки и выводы положительно сказались на выявлении одаренных детей.

[4] Наиболее распространенный пример – SAT (Scholastic Aptitude Test), тест образовательных способностей или оценка способности к высшему образованию.

[5] Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов».

факторы, а генетический (наследственность) – несущественным: «чистые источники» советской науки о человеке брали свое начало в приверженности «единственно верному» взгляду на личность как на «продукт» исключительно социального воздействия и, прежде всего, воспитания»[1].

Последующее развитие понимания и изучения одаренности реализовывалось в основном в психолого-педагогических исследованиях творчества, творческого мышления, механизмов творческого акта и в разработке различных систем проблемного обучения.

Что же такое одаренность, одаренные и талантливые дети? В толковых словарях понятия «способный», «одаренный», «талантливый» часто употребляются как синонимы и отражают *степень выраженности способностей*. Это наиболее распространенное бытовое объяснение данных терминов[2].

«Большая советская энциклопедия» дает следующее определение: «Одаренность – высокий уровень развития способностей человека, позволяющий ему достигать особых успехов в той или иной сфере деятельности. Различают общую и специальную одаренность. <...> Общая умственная одаренность проявляется в овладении всеми видами деятельности, для успешного осуществления которых необходимы определенные умственные качества. Специальная одаренность связана с различными видами деятельности, в которых она более всего раскрывается (математическая, музыкальная, изобразительная, поэтическая и др.). Основными признаками высокой одаренности являются: раннее проявление способностей, быстрый темп усвоения знаний, формирование умений и навыков в какой-либо деятельности, склонность и интерес к ней, элементы оригинальности, творчества в деятельности»[3].

Одаренным принято считать того, чей дар явно превосходит средние возможности и способности большинства. Детская одаренность проявляется в степени опережения ребенком своих ровесников при прочих равных условиях. Более широкое понимание одаренности подразумевает создание для таких детей особых условий и образовательных возможностей: «под одаренными и талантливыми детьми имеются в виду дети <...>, которые в дошкольных учреждениях, начальной или средней школе были распознаны как обладающие актуальными или потенциальными способностями, которые свидетельствуют о высоком потенциале в таких областях, как интеллектуальная, творческая, специфическая учебная или организаторская/

[1] *Эфроимсон В.П.* Генетика гениальности. – М., 2002. – С. 13.

[2] См., например, толковые словари Ожегова, Даля.

[3] URL: http://bse.sci-lib.com/article083672.html

руководящая деятельность, а также изобразительное искусство и актерское мастерство, и которые в силу этого нуждаются в услугах и занятиях, обычно не предоставляемых школой»[1].

В настоящее время в мире известно несколько десятков научных концепций одаренности, созданных в русле самых разных теоретических направлений. Многообразие концепций отражает сложность природы одаренности, невозможность выработки общих эталонов и стратегий развития для всех ее проявлений. Все это обусловливает множество научных определений *способностей, задатков, одаренности и сверходаренности, таланта, гениальности* и расхожих представлений о них[2].

Проблема раннего выявления и развития талантов и способностей – одна из актуальных и трудных проблем современной науки и педагогической практики. Определить, кто из детей одарен, трудно (нередки случаи расхождения между общим умственным уровнем ребенка и выраженностью специальных способностей). Еще сложнее сказать, кто из них может стать и станет выдающимся ученым, художником, общественным деятелем. При ответе на вопрос о количестве одаренных детей большинство психологов и педагогов называют от 1–2% до 20% от общего числа детей[3]. Статистическая разница в оценке количества одаренных в разных странах весьма значительная – от 7% до 90%. Россия дает цифру около 7%. «Потенциально одаренных» значительно больше – до 30%[4].

По данным выдающегося российского генетика В.П. Эфроимсона, частота зарождения сверходаренных людей «определяется цифрой порядка 1:1000. Частота потенциальных гениев, развившихся настолько, чтобы так или иначе обратить на себя внимание в качестве потенциальных талантов, <...> исчисляется цифрами порядка 1:100 000. Частота же гениев, реализовавшихся до уровня признания их творений и деяний гениальными, <...> исчисляется величиной

[1] Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. – СПб., 2006. См. также http://vocabulary.ru/dictionary/3/word/.

2 См., например: Психология: Словарь. – М., 1990; Российская педагогическая энциклопедия / Гл. ред. А.П. Горкин. – М., 1993; Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М., 1993–1999; Психологическая энциклопедия. – СПб., 2006; Одаренность и возраст. Развитие творческого потенциала одаренных детей. – М., 2004; работы Д.Б. Богоявленской, В.С. Юркевич, А.И. Савенкова и др.

[3] А.И. Савенков дает оценку до 15–16%. См.: URL: http://adalin.mospsy.ru/l_01_12.shtml

[4] *Матюшкин А.М., Сиск Д.А.* Одаренные и талантливые дети // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 90. См. также текст выступления Н.Ю. Синягиной на пленарном заседании Всероссийской научно-практической конференции «Опыт работы с одаренными детьми в современной России». 27 октября 2008 г., Ставрополь. – URL: http://odardeti.ru/images/onlydoc/stavropolnu_2008.doc

1:10 000 000, что предполагает наличие в середине XX в. приблизительно сотни гениев на миллиард жителей цивилизованных и не страдающих от всеподавляющей нужды стран»[1]. Иными словами, «только ничтожно малая доля народившихся потенциальных гениев в гениев развивается. И из подлинных, несомненных гениев лишь ничтожная доля реализуется»[2].

В каком возрасте (на каком этапе развития ребенка) обнаруживаются выдающиеся способности? На этот счет единого мнения нет. Некоторые специалисты полагают, что определенные указания на необычные задатки можно увидеть уже у младенца. По мнению детских психологов, «хотя известные проблески будущих ярких способностей можно увидеть очень рано, все же всерьез о существовании одаренности можно говорить не ранее трех-четырех лет. Опыт показывает, что начиная с трех-четырех лет и до семи лет идет бурное овладение ребенком своими умственными возможностями: к четырем годам ребенок обнаруживает 50% тех интеллектуальных способностей, которым суждено проявиться; к шести – 70, а к восьми – 80%. Именно в этом возрасте можно выявить одаренность и создать ей особые условия. В этот период дальнейшее развитие способностей идет либо по пути одаренного ребенка, либо по пути обыкновенного, либо по пути неспособного»[3]. К 13 годам ребенок приобретает до 92% интеллекта, и в этом возрасте можно предсказать «потолок» будущих достижений[4].

По наблюдениям психологов и педагогов, в обучении и воспитании одаренных детей важно обеспечить возможность для полноценного развития их способностей, а также их социальную адаптацию. Есть немало примеров, когда неадекватная система образования, неполноценность общения, непонимание общества приводили к конфликту гениального интеллекта с физическими или психическими возможностями организма и заканчивались преждевременной гибелью одаренного человека.

В силу своей нестандартности, неординарности и отличий от сверстников, в обычной школе они испытывают дискриминацию из-за отсутствия дифференцированного обучения, ориентации школы на среднего ученика и унификации программ, в которых плохо предусмотрены или совсем не учитываются индивидуальные возможности усвоения знаний, а отсюда у одаренных детей возникают серьезные

[1] *Эфроимсон В.П.* Генетика гениальности. – С. 31.

[2] *Там же.* – С. 21.

[3] *Юркевич В.С.* Одаренный ребенок: иллюзии и реальность. Книга для учителей и родителей. – М., 2001. – URL: http://www.psyparents.ru/files/odaren.pdf

[4] *Эфроимсон В.П.* Генетика гениальности. – С. 39.

трудности в общении с окружающими. «Осредненная среда» затормаживает, а нередко и «замораживает» их развитие. Кроме того, учителя не всегда могут распознать способности исключительно одаренных учеников, не умеют стимулировать их развитие и оказывать адекватную помощь одаренным детям и их родителям. В одних случаях они проявляют неуверенность и демонстрируют неточность в идентификации одаренности, в других отношение учителей к одаренным детям варьируется от нежелания признавать их таланты до существенной переоценки способностей. Обычная общеобразовательная школа не приспособлена для тех, кто значительно отличается от среднего уровня в сторону больших способностей.

Педагог старших классов одной из общеобразовательных школ Юго-Восточного округа Москвы с 40-летним стажем учителя и 30-летним – классного руководителя рассказал, что хорошо помнит единственный случай: мальчика, сверходаренного в математике. Сначала сверстники и школьники старших классов заставляли его в уме вычислять логарифмы и сложные тригонометрические функции (это было для них как аттракцион) и выполнять домашние задания. Потом интерес к нему сошел на нет как со стороны детей, так и со стороны учителей. Более того – он «мешал» им работать. Довольно долго родители этого ребенка сами искали подходящую школу с «математическим уклоном», которая готова была его принять. Им даже пришлось поменять место жительства[1].

Типовую систему обучения так же сложно перестроить, как и изменить отношение учителей к нестандартным детям, но этого можно добиться в условиях специализированных школ или дополнительного образования, которое расширяет сферу творчества одаренного ребенка. Но здесь возникает специальная проблема – особые требования к творческим способностям преподавателей и воспитателей, работающих с одаренными детьми, а также наличие особой нравственной атмосферы в тех учебных заведениях, в которых воспитываются одаренные дети.

Международный опыт. В Соединенных Штатах Америки раньше, чем в других странах, стали уделять самое пристальное внимание развитию интеллекта и способностей к усвоению академических дисциплин и перестраивать (модернизировать) школьное образование в сторону дифференцированного обучения. В середине 1950-х гг. американское общество своевременно осознало необходимость перемен в том, что касается развития и реализации одаренных и талантливых

[1] Интервью проходило осенью 2009 г.

детей. «Практичные янки ответили на полеты советских спутников не только развитием своей космической продукции, но и <...> тем, что поставили на конвейер отыскание и максимальное развитие 35 тыс. одареннейших старшеклассников (ежегодный отбор!), ассигнуя около $1,5 млрд (также ежегодно!) на помощь и этим одаренным детям персонально, и тем колледжам, в которых эти дети получают высшее образование. Американцы тратят совершенно неисчислимые суммы на быстрое выдвижение одаренных молодых людей по всем направлениям и иерархиям, соответствующим их дарованиям»[1].

Педагогами США накоплен богатый практический опыт, достигнуты позитивные результаты в области диагностического тестирования, разработки методики обучения одаренных детей, создания соответствующих учебных программ, специальной подготовки учительских кадров. В этой деятельности принимают участие Министерство образования и науки США, многие университеты и колледжи, местные органы образования, общественные организации. В стране появились научные центры исследований в области выявления и обучения одаренных детей при различных университетах, налажен выпуск специальных журналов (Gifted Child Today, Gifted Education International, Educational Researcher) для публикаций по данной проблематике. В 1990-х гг. были приняты законодательные акты и государственные программы. В частности, 18 апреля 1991 г. администрация президента Джорджа Буша опубликовала программу «Америка-2000. Стратегия образования» (Goals 2000: Educate America Act). Второй раздел этой программы (будущим ученикам – новое поколение американских школ) преследует цель высвободить творческий потенциал Америки на пути последовательного создания в каждой общине школ нового поколения. Объявляя о том, что «Америка-2000» представляет собой национальную стратегию, направленную на достижение национальных целей в области образования, президент Буш сказал: «Ради нашего будущего, будущего наших детей и нашей страны мы должны преобразовать американские школы». Предполагалось, что это будут лучшие школы в мире, ориентированные на достижение общенациональных целей образования[2].

[1] В конкурсах участвуют 15 000 школ. Ежегодно тестируются 600 тыс. старшеклассников, из которых отбирают 35 тыс., которым обеспечивается «зеленая улица» для получения высшего образования и занятия достойных мест в системе науки, техники и управления. См.: Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. С. 36–37. Эфроимсон делает ссылку на работу 1969 г.

[2] *Кананыкина Е.С.* Законодательство США об образовании детей, относящихся к категории риска // Образование и общество. – 2008. – № 3. – С. 70–77. – URL: http://www.education.rekom.ru/3_2008/70.html

Эффективная система обучения одаренных детей существует в Израиле, и она представляет собой государственную тайну. В Японии, Южной Корее и Китае считают непреложной теорию, согласно которой каждый вундеркинд может стать великим человеком, и поэтому поддержка молодых талантов выступает единственным надежным способом воспроизводства интеллектуальной элиты нации. Программы обязательной диагностики всех детей на признаки гениальности существуют в 47 государствах. А некоторые страны – например, Сингапур – пытаются воспитать «лучшую нацию на свете», сделав теорию воспроизводства интеллектуальной элиты национальной идеей[1].

Насколько одаренные дети востребованы в России? Каково отношение к ним государства и общества? В какой степени эти институты готовы к их социальной адаптации и интеграции? В нашей стране всегда придавалось огромное значение научно-техническому и общественному прогрессу. Противостояние двух систем – Советского Союза и Запада – и стремительный рост научных технологий требовали максимального использования интеллектуальных ресурсов, особенно в физике, математике, механике и т.д. В связи с этим примечательна история создания Московского физико-технического института (Физтеха), нацеленного на подготовку ученых и инженеров для работы в новейших областях прикладной и теоретической физики, прикладной математики. В 1946 г. усилиями нобелевских лауреатов, академиков П.Л. Капицы, Н.Н. Семенова, Л.Д. Ландау, С.А. Христиановича был открыт физико-технический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Он отбирал самых сильных абитуриентов страны и студентов других вузов. Летом 1951 г. ФТФ МГУ был расформирован, но вскоре воссоздан как независимое учебное заведение (МФТИ), признанное во всем мире кузницей высокопрофессиональных научных кадров. Всемирную известность получили детские школы-интернаты при университетах Москвы и Новосибирска, образованные в 1963 г. по инициативе академиков И.Г. Петровского, А.Н. Колмогорова, И.К. Кикоина. Иными словами, в советское время функционировала достаточно эффективная система выявления и обучения одареных детей в специализированных школах, где преподавали именитые ученые и специалисты. Более полувека эта система полностью финансировалась государством, благодаря чему в целом успешно решала поставленные перед ней задачи.

Приведем воспоминания выпускницы Физтеха 1966 г., кандидата физико-математических наук: «В маленьком сибирском научном

[1] Цит. по: *Максимов Н., Чернова Е.* Их не догонишь // Newsweek. – 2007. – № 22 (147). – 28 мая – 3 июня.

городке, где прошло мое детство, каким-то фантастическим образом работала система отбора и подготовки самых умных мальчишек для поступления в легендарные МФТИ, МИФИ, мехмат МГУ... Мы тогда не отдавали себе отчета, как это делалось. Было естественной нормой жизни: из выпуска выбирали пять-десять пацанов – все поступали. Как я теперь понимаю, мальчишки, уезжавшие учиться в эти элитные вузы, были не просто самыми умными, они были еще и самыми талантливыми – играли на музыкальных инструментах, пели, слагали стихи и вирши, с легкостью переводили с иностранных языков. Что это за мутация и как она сказалась на развитии страны – не берусь судить. Я поехала за ними. Многие из моего выпуска стали докторами наук. Практически все занимают ведущие должности, кто-то работает за границей – в США, Германии, Франции»[1].

Традиционно способности и таланты детей раскрывали и оценивали по результатам различного рода олимпиад и турниров, конкурсов и фестивалей, выставок, в летних школах и лагерях. Внеклассная работа и широкая сеть внешкольных учреждений способствовали росту социального статуса знаний.

Международное сообщество в работе с одаренными детьми. Повышенный интерес мирового сообщества к проблеме одаренности претворился в создание в 1975 г. двух международных организаций – Всемирного Совета и Европейской ассоциации по одаренным и талантливым детям. С тех пор эти организации координируют проекты по изучению природы одаренности, подготовке специалистов по обучению одаренных детей, проводят конференции (каждые два года) и встречи ученых и исследователей со всего мира. Обсуждение на этих конференциях проблем одаренных детей показало, насколько каждой стране необходима радикальная перестройка системы обучения, которая бы позволила одаренному ребенку свободно проявлять свои особенности, развиваться в силу своего дарования как уникальной личности. К настоящему времени прошло 18 конференций Всемирного Совета[2]. В 1988 г. при Совете Европы (с целью координации работы с одаренными детьми на общеевропейском пространстве) ведущими европейскими учеными была создана международная неправительственная организация «Евроталант» (Париж), которая в 1992 г. получила консультативный статус. К 1994 г. «Евроталант» разработал Рекомендации об образовании одаренных детей, одобренные Парламентской ассамблеей

[1] Интервью проходило осенью 2008 г.

[2] Последняя Всемирная конференция под девизом «Осуществляя мечты» проходила в 2009 г. в Ванкувере (Канада).

Совета Европы[1]. Таким образом, международным сообществом накоплен огромный арсенал знаний и практик работы с одаренными детьми, но, тем не менее, остается еще много нерешенных проблем.

Реализация президентской программы «Одаренные дети». В Российской Федерации финансирование на государственном уровне программы «Одаренные дети» (в очень скромных размерах) в рамках федеральной программы «Дети России» началось с 1996 г.[2], но нарастающий дефицит финансовых средств не позволил обеспечить ее финансирование в полном объеме. В 1998 г. в связи с разразившимся финансовым кризисом финансирование всей программы было осуществлено менее чем на 50%[3]. Исходя из возможностей федерального бюджета на соответствующие годы, Минфин России сократил планируемый объем финансирования мероприятий по программе «Одаренные дети» на 52%.

При рассмотрении итогов выполнения в 1995–1998 гг. федеральной программы «Дети России» и всех федеральных целевых программ, входящих в ее состав, участники парламентских слушаний Государственной Думы РФ отметили неудовлетворительное (по объему и по срокам) финансирование всех программ, а также факторы низкой эффективности их реализации, и потребовали принятия федеральными органами законодательной и исполнительной власти, органами законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации неотложных мер по повышению уровня финансирования этой программы в полном объеме. Парламентарии рекомендовали предусмотреть в проекте федерального закона о федеральном бюджете на 1999–2000 гг. выделение федеральной программы «Дети России» в качестве защищенной статьи бюджета[4]. Объем финансирования из федерального бюджета на реализацию программы «Одаренные дети» на 2001–2002 гг. вырос в разы.

На первых этапах программа «Одаренные дети» предусматривала создание условий для развития потенциальных возможностей и спо-

[1] URL: http://eurotalent-rus.blogspot.com/2008/02/1248.html

[2] Программа «Одаренные дети» на государственном уровне начала финансироваться в 1996 г. и прошла три этапа: I этап – 1996–1997 гг.; II этап – 1998–2000 гг. (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 19.09.1997 г. № 1207); III этап – 2001–2002 гг. (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 25.08.2000 г. № 625).

[3] Подробнее см.: *Карелова Г.Н.* Президентская программа «Дети России» – проблемы реализации // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – М., 1999. – № 11 (99). – С. 17–30.

[4] См.: Постановление ГД ФС РФ от 05.11.1998 № 3201–II ГД об итогах выполнения федеральной программы «Дети России» в 1995–1998 гг. и о потребностях в ее финансировании в 1999–2000 гг.

собностей юных дарований. Она включала систему мер по развитию сети образовательных учреждений и экспериментальных площадок для работы с одаренными детьми, укреплению их материально-технической базы; подготовку специалистов для работы с одаренными и талантливыми детьми; внедрение новых образовательных технологий обучения и развития одаренных детей; проведение исследований по проблемам одаренности ребенка. В школах с углубленным изучением ряда предметов, лицеях и гимназиях стали практиковать дифференцированное обучение, появились региональные центры по научному, научно-техническому и художественному творчеству. В средствах массовой информации стали обсуждаться проблемы развития одаренной молодежи. Но работа различных ведомств и общественных организаций, направленная на поиск и развитие одаренных детей, имела бессистемный характер.

19–21 сентября 2001 г. в Нью-Йорке проходила Специальная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по итогам Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей. На ней от России параллельно Государственному докладу, создающему впечатление благополучия и прогресса, был представлен Независимый доклад Российских независимых организаций, «отражающий не искаженную ведомственными интересами картину детской жизни в нашей стране». В нем доказательной критике была подвергнута малая эффективность президентской программы «Дети России», отсутствие в ней механизмов прозрачного и конкурсного расходования средств социальной сферы. По мнению авторов Независимого доклада, сам по себе рост затрат на реализацию указанных целевых программ – не показатель эффективности расходования средств. При отсутствии законодательно закрепленных и действенных механизмов данные средства в очередной раз будут истрачены бесконтрольно и значит с большой степенью вероятности, бессмысленно. У общественности нет информации о том, куда идут эти средства: нет обсуждения при распределении средств, нет конкурсности, открытости, не публикуются никакие отчеты. Единственным доступным для общественности документом остается акт проверки реализации программы Счетной палатой России, в котором указаны десятки примеров нецелевого использования бюджетных средств. В этом докладе отмечены и позитивные явления, которые все же происходили в последнее десятилетие, в частности, тот факт, «что российское чиновничество прилагает чрезвычайные усилия с тем, чтобы хотя бы внешне соответствовать

Где ссылка?

в своей деятельности принципам, одобряемым цивилизованными странами»[1].

Первый аналитический отчет о результатах реализации трех этапов целевой программы «Одаренные дети» Федеральной программы «Дети России» в 1998–2003 гг. был подготовлен Министерством образования РФ. В нем отражены все мероприятия, осуществленные за указанный период, показано распределение средств финансирования подпрограммы «Одаренные дети» по субъектам Российской Федерации, приведены количественные показатели эффективности реализации подпрограммы. В частности, отмечено, что за указанный период реализации программы общий объем финансирования из федерального бюджета с 1998 по 2003 гг. вырос более чем в 12 раз. Это позволило увеличить затраты на развитие образовательных учреждений, работающих с одаренными детьми, и осуществить государственную адресную поддержку одаренных детей. Так, финансовая поддержка конкретного ребенка через систему единовременных государственных стипендий выросла с 125,5 тыс. рублей в 1998 г. до 3 млн рублей в 2003 г. Кроме того, в 2002 г. оказана поддержка III Всероссийскому фестивалю творчества детей-инвалидов, в котором приняли участие 150 детей с отклонениями в развитии из 53 субъектов РФ. Средства для помощи одаренным детям-инвалидам начали выделять в рамках подпрограммы с 2001 г.[2]

В семи федеральных округах – Южном (Ставрополь), Центральном (Ярославль), Северо-Западном (Санкт-Петербург), Приволжском (Нижний Новгород), Сибирском (Новосибирск), Дальневосточном (Владивосток) и Уральском (Челябинск) – созданы специализированные учреждения по работе с одаренными детьми[3]. Эти учреждения осуществляют связь с Министерством образования РФ и координируют усилия различных образовательных учреждений по созданию условий обучения и воспитания детей, одаренных в разных областях знаний, культуры и спорта; формируют банк данных одаренных детей федерального округа; разрабатывают интересные методики, технологии, программы, научно-методическую литературу по проблеме; организуют и отвечают за повышение квалификации педагогических кадров

[1] Подробнее см.: URL: http://detirossii.narod.ru/altern.htm

[2] Анализ эффективности реализации мероприятий подпрограммы «Одаренные дети» Федеральной целевой программы «Дети России» (1988–2003 гг.): Информационно-аналитический бюллетень. – М., 2004. – URL: http://www.odardeti.ru/static.php?mode=book000

[3] Приказ Минобразования России от 2 декабря 2003 г. № 4439.

субъектов Российской Федерации, входящих в федеральный округ. Головным назначено Государственное научное учреждение «Центр исследования проблем воспитания, формирования здорового образа жизни, профилактики наркомании, социально-педагогической поддержки детей и молодежи» (Москва). Во многих субъектах РФ модель программы «Одаренные дети» реализуется в виде региональных подпрограмм при финансировании из местных бюджетов.

Четвертый этап Президентской целевой программы «Одаренные дети»[1] (2003–2006 г.) финансировался на долевых началах: федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, внебюджетных источников. За этот период реализации программы была оказана финансовая поддержка конкретному ребенку через систему единовременных государственных стипендий (более 600 человек из 88 субъектов РФ по 10 тыс. рублей). В некоторых регионах средства для поддержания одаренных детей находили на местах, выплачивалась губернаторская стипендия. Специфика проблемы выявления и поддержки одаренных детей во многом была связана с необходимостью обеспечения максимального охвата территорий проживания детей (этот показатель был отражен в отчетах 15% регионов). В некоторых регионах формирование электронного банка только начиналось, первичные данные об одаренных детях хранились в основном в виде карточек (у 92% субъектов).

Ожидаемый конечный результат *текущего*, пятого этапа (2007–2010 гг.)[2] программы «Одаренные дети» – создание государственной системы выявления, развития и адресной поддержки одаренных детей с охватом до 40% детского населения школьного возраста, направленной на сохранение национального генофонда страны, развитие интеллектуального и творческого потенциала России; формирование информационной базы данных о талантливых и одаренных детях школьного возраста с целью отслеживания их дальнейшего личностного и профессионального самоопределения; дальнейшее развитие системы всероссийских конкурсных мероприятий по выявлению одаренных детей; разработка и внедрение инновационных технологий по выявлению и адресной поддержке одаренных детей, в том числе проживающих в сельской местности, районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Хотя общий объем финансирования программы «Дети России» значительно увеличен, но, как и прежде, повышенное внимание

[1] Утверждена Постановлением Правительства РФ от 3 октября 2002 г. № 732.

[2] Утверждена Постановлением Правительства РФ от 21 марта 2007 г. № 172.

в ней уделяется неблагополучным категориям детей. Финансирование подпрограммы «Одаренные дети» составляет менее 0,5% от объема общего финансирования программы.

Как Россия и российское образование выглядят на фоне международных исследований? Авторы книг «IQ и богатство наций» и «IQ и глобальное неравенство»[1] в результате анализа своих расчетов пришли к выводам, что национальный показатель интеллекта напрямую коррелирует с валовым национальным продуктом страны, и интерпретируют эту корреляцию как показатель того, что IQ представляет собой важный фактор, вносящий различие в национальное богатство и темп экономического роста. Но IQ – не единственный определяющий фактор этих различий. Различия же показателей интеллекта между нациями исследователи объясняют генетическими и экологическими факторами. В этих работах проведено ранжирование 81 страны по среднему показателю интеллекта. Россия с индексом IQ = 96 находится на 26–27-м месте.

В настоящее время проводится множество международных сравнительных исследований качества и доступности образования. По их результатам составляется мировой рейтинг качества образования. Наибольшим авторитетом пользуются TIMSS – Trends in Mathematics and Science Study, PISA – Programme for International Student Assessment и PIRLS – Progress in International Reading Literacy Study. Российские школьники участвуют в TIMSS с 1995 г., в PISA – с 2000 г. и в PIRLS – с 2001 г.

PIRLS – одно из самых представительных исследований *по начальной школе*, направленных на выявление качества чтения и понимания текста. По итогам исследований PIRLS-2006 российские школьники заняли первое место, разделив пальму первенства со сверстниками из Гонконга и Сингапура. В 2006 г. в исследовании приняли участие 215 тыс. школьников из 40 стран. Нашу страну в нем представляли 4955 учащихся четвертых классов из 232 школ 45 регионов страны. Возраст участников выбран не случайно: к этому моменту подростки должны овладеть чтением до такой степени, чтобы оно стало средством и залогом их успешного обучения в дальнейшем. По среднему баллу российские выпускники начальной школы опередили США, Бельгию, ЮАР (занявшую последнее место). Кроме того, Россия показала самую существенную положительную динамику по сравнению с PIRLS-2001, перебравшись с 12-го места в мировом рейтинге чтения на самую высокую позицию.

[1] *Lynn R., Vanhanen T.* IQ and the Wealth of Nations. London, 2002; Iidem. IQ and Global Inequality. London, 2006.

Цель исследования TIMSS – проверить знания учащихся четвертых и восьмых классов по математике и естественным наукам. В 2003 г. юные россияне заняли 12-е место из 49 стран, в 2007 г., по предварительной оценке экспертов, эти результаты еще выше, но окончательные итоги пока не подведены и официально не опубликованы.

В исследовании PISA проверяются знания 15-летних учащихся. Наши школьники-подростки на фоне своих зарубежных ровесников демонстрируют весьма скромные успехи. В 2003 г. мы заняли 25–30-е места среди 40 стран, в 2006 г. оказались в четвертом десятке среди 57. Средний балл по естественнонаучной грамотности у российских подростков намного ниже, чем в странах, вошедших в десятку лидеров: Финляндии, Эстонии, Южной Корее. Подобная картина – с математической грамотностью. По уровню понимания текста наши показатели сравнимы с Турцией и Чили. Таким образом, основная школа (пятые-девятые классы) оказалась самым слабым звеном российского образования. В PISA или предлагаются задания, в которых необходимо проявить смекалку, находчивость, использовать межпредметные связи, или учащимся дают прочитать текст, сравнить изложенные в нем разные точки зрения на ту или иную проблему и обосновать собственную позицию. Подобные вопросы ставят наших школьников в тупик. Если учащиеся западных стран привыкли работать с разножанровой информацией и излагать свои мысли в виде эссе, минирецензий и т.д., то наши дети всегда работают со специально подготовленными текстами и получают «особо точные инструкции» при решении задач. Любые отступления от шаблона вызывают у них затруднения.

Российское Министерство образования и науки крайне медленно реагирует на результаты международных сравнительных исследований, в то время как многие страны реформировали системы образования с учетом результатов предыдущих исследований PISA и показали более высокие результаты[1].

Любопытный эксперимент провели со своими старшеклассниками преподаватели Томского академического лицея[2]. Познакомившись с результатами и анализом исследований PISA Центра оценки

[1] Подробнее о результатах международных исследований знаний российских учащихся см.: Краснянская К. PISA-2006: оценка математической грамотности 15-летних учащихся // Народное образование. – 2008. – № 9. – С. 169–179; Дашковская О. Российское образование в зеркале международных исследований. – URL: http://mosparents.ru/ru/education1/news/index.php?from40=12&Id20221=41233&from4=77&id4=28101

[2] Способны ли одаренные дети справиться с тестами PISA? // Одаренный ребенок. – 2009. – № 3.

качества знаний, они захотели проверить, как справятся с этими тестами учащиеся десятых классов 2008–2009 учебного года независимо от выбранного профиля (физико-математический, гуманитарный). Анализ полученных результатов показал, что учащиеся академлицея достаточно успешно справились с заданием и способны решать задачи, предъявляемые обществом. Авторы эксперимента полагают, что этот факт представляет собой результат специальной образовательной программы, направленной на формирование у детей целостного представления о мире и сбережение природной одаренности. Одно из главных условий развития детей – междисциплинарное обучение.

В России контроль знаний учащихся осуществляется в ходе проведения ЕГЭ, большая часть заданий которого представлена в форме тестов с выбором ответов. К тому же экзаменационный материал ЕГЭ не соответствует новой образовательной идеологии и не включает в себя задания, позволяющие учащимся продемонстрировать свои достижения при решении различных проблемных практических ситуаций. «Знать и не уметь сделать – вообще не знать», – гласит японская пословица, которая могла бы стать яркой иллюстрацией наших неудач в одном из главных международных исследований.

Российские дети стали сдавать свои позиции и на международных олимпиадах – признак отставания России по гениям и талантам. Мы уступаем сверстникам из Сингапура, Японии, Китая по многим позициям. Хотя на 49-й Международной олимпиаде по математике в Мадриде (июль 2008 г.) российская сборная получила шесть золотых медалей (из шести возможных), в неофициальном командном первенстве россияне проиграли китайской сборной и в химии, и в математике.

Актуальные проблемы в работе с одаренными детьми. Россия вплотную озаботилась созданием отборного человеческого капитала буквально несколько лет назад, но, как было показано выше, не подкрепила эту заботу достаточным финансированием.

В 2004 г. в рамках Президентской программы «Одаренные дети» прошли конференции, круглые столы и заседания по проблемам работы с одаренными детьми, отбору одаренных детей в ходе модернизации системы образования. Позитивным результатом российской программы стали научные исследования и связанные с ними экспериментальные школы. Авторским коллективом, состоящим из авторитетных ученых и практиков Российского психологического общества, Института психологии РАН, Психологического института РАО,

разработана и принята Рабочая концепция одаренности[1]. В ней изложены теоретические принципы и методы выявления одаренных и талантливых детей, обозначены направления работы с ними в сфере образования, обоснованы различные формы обучения. Важно отметить, что эта концепция не рассматривает творческую одаренность как самостоятельный вид одаренности, так как она характерна для любого вида деятельности. Создание «Рабочей концепции одаренности» стало первой в нашей стране попыткой выработки общей позиции представителями различных подходов, а наличие единой теоретической базы помогает и ученым, и педагогам-практикам эффективнее решать ключевые проблемы одаренности как в теоретическом плане, так и в практическом.

По инициативе совета Общественной палаты РФ в октябре 2006 г. для разработки общественно-государственного проекта «Система выявления и поддержки талантов» была создана рабочая группа «Одаренное поколение» Комиссии ОП РФ по вопросам интеллектуального потенциала нации (председатель комиссии – ректор ГУ-ВШЭ Я.И. Кузьминов). В том же году был разработан общественно-государственный проект «Система выявления и поддержки одаренных людей из различных возрастных и социальных групп». Проблема приобретала все большую актуальность и новый смысл.

Социально-экономическая трансформация российского общества принесла деструктивные тенденции в систему дошкольного и школьного воспитания и образования, что негативно сказалось на одаренных детях. Одаренный ребенок может появиться на свет в любой семье независимо от статуса и социального положения ее членов, материального и имущественного достатка. Бывает, что одаренные дети не показывают высоких достижений из-за отсутствия понимания близких и постоянной педагогической поддержки. Они превратились в своеобразную «группу риска», став более уязвимыми, чем такие категории, как дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-инвалиды, дети, находящиеся в социально опасном положении, которым общество и государство традиционно уделяют повышенное внимание (так как считается, что указанные группы детей в первую очередь нуждаются в социальной реабилитации, адаптации и интеграции в общество).

В условиях коммерциализации дошкольного, школьного, специального профессионального воспитания и образования многим одаренным детям закрыта дорога для полноценного развития их

[1] *Богоявленская Д.Б.* Рабочая концепция одаренности // Вопросы образования. – 2004. – № 4. – С. 46–68.

природных способностей. При крайней дифференциации современного общества одаренные дети должны быть выделены в специальную целевую группу, которая бы поддерживалась независимо от их социального происхождения и материального положения. «Сеть образовательных учреждений, в которой будет происходить развитие детей, должна включать и школы-пансионы для одаренных детей, и школы – ресурсные центры, и учреждения дополнительного образования – такие как школы искусств, спортивные и языковые школы. Главное же – должна быть создана инфраструктура развития талантов в условиях соревновательной, а не социальной мобильности. Согласно опросам Общественной палаты, сегодня 80% учреждений дополнительного образования для детей школьного возраста платные. Расходы на дополнительное образование могут позволить себе далеко не все семьи, а значит, в выигрышной ситуации оказываются дети из обеспеченных семей. Неправильно говорить, что среди них нет талантливых, просто не хочется потерять и других ребят»[1].

Каждый родитель должен иметь право заявить о своем ребенке, чтобы программа «Одаренные дети» была максимально открыта и доступна для действительно одаренных детей. Особую проблему представляет сочетание одаренности с ранними проявлениями у детей психической патологии, в том числе наследственно обусловленной. Довольно противоречивы мнения, касающиеся сроков начала обучения одаренных детей. Известно, что условия раннего обучения наиболее благоприятны для юных музыкантов и математиков. Таланты в области естественных и гуманитарных наук проявляются позже, и сокращение дошкольного периода не всегда способствует их развитию. Каждый из одаренных детей требует индивидуального подхода.

Член Общественной палаты Л.Н. Духанина считает, что «значительная часть мероприятий в рамках программы “Одаренные дети” связана исключительно с проведением олимпиад и конкурсов. *Как таковой системы выявления и поддержки талантливых ребят нет.* И как ни парадоксально это звучит, в сложной ситуации находятся именно сильные дети. За годы перестройки большое количество учреждений дополнительного образования было закрыто. Нет ни материально-технической базы, ни кадров для работы с ребятами. А ведь именно эти дети должны составить интеллектуальный потенциал нации и со временем не просто вернуть все то, что государство вложило в их образование, но и прирастить потенциал страны. <...>

[1] URL: http://www.rian.ru/edu_analysis/20090717/177681457.html

Программа должна распространяться до создания социально значимых продуктов»[1]. И при этом, чтобы не пройти мимо одаренного ребенка, важно уделять внимание развитию творческого потенциала у всех детей во всех видах деятельности.

Появление одаренных и сверходаренных детей ставит и перед обществом, и перед их родителями, и перед самими детьми серьезные проблемы. В то время как некоторые неуспешные родители удовлетворяют собственные амбиции и компенсируют личную нереализованность за счет несформировавшейся психики и здоровья ребенка, встает острейшая необходимость сохранения этих детей.

В октябре 2006 г. в ГУ-ВШЭ состоялся круглый стол, организованный Комиссией Общественной палаты по вопросам интеллектуального потенциала нации, на тему «Одаренное поколение: дети индиго – миф или реальность?» На мероприятии был поднят вопрос об одаренных детях, легко оперирующих знаниями, которые им никто не давал, но современная педагогика существенно запаздывает, и учителей, умеющих работать с ними, нет. Этих детей важно научить жить в современном обществе, а не собирать в замкнутые коллективы. «Талантливый ребенок только тогда развивает свой талант, когда рядом с ним талантливый взрослый. Работа сложная: дети имеют высокий интеллектуальный потенциал, широкий кругозор, большой уровень любознательности и на все свои вопросы ожидают серьезных аргументированных рассуждений. Поэтому речь идет о постоянной подготовке и переподготовке педагогов»[2].

Примечательно, что для детей-инвалидов с различными отклонениями в развитии и умственно отсталых детей предусмотрены коррекционные программы, по которым обучение в особых образовательных учреждениях (для слабовидящих, с нарушениями речи или опорно-двигательной системы и др.) проводят специально подготовленные педагоги и преподаватели. Имеется подробная статистика о таких образовательных учреждениях[3]. В то же время в новом официальном статистическом справочнике, посвященном детям в России, информации о группах для детей по разным видам одаренностей нет. Графу о численности одаренных детей (которая воспринимается как исключение) содержит единственная таблица о дошкольных образовательных учреждениях (см. *табл. 10*)[4].

[1] URL: http://www.rian.ru/edu_analysis/20090717/177681457.html
[2] Там же.
[3] См.: Дети в России. 2009: Статистический сборник. – М., 2009. – С. 63.
[4] Таблицы 10–13 приводятся по: Дети в России. 2009: Стат. сб. С. 62–64.

Таблица 10.

Группы кратковременного пребывания детей в дошкольных образовательных учреждениях* *(на конец года)*

Группы кратковременного пребывания детей	Всего			Города и поселки городского типа			Сельская местность		
	2002	2005	2008	2002	2005	2008	2002	2005	2008
Дошкольные, имеющие группы кратковременного пребывания детей									
Единицы	2270	4172	4369	1413	2468	3044	857	1704	1325
В процентах от общего числа дошкольных образовательных учреждений	4,6	9,0	9,6	5,2	9,3	11,4	4,0	8,5	7,4
Число групп	3258	7008	9235	1954	3873	5115	1304	3135	4120
Численность детей, посещающих группы кратковременного пребывания, чел.	34 565	70 665	101 780	21 004	41 663	59 501	13 561	29 002	42 279
В том числе:									
адаптационные	7310	22 026	32 917	5781	17 679	27 035	1529	4347	5882
физкультурно-оздоровительные	1623	2159	1917	1235	1628	1501	388	531	416
медико-социально-педагогической реабилитации	983	1258	1465	783	1076	1295	200	182	170
реабилитации детей-инвалидов	549	908	936	538	867	893	11	41	43
одаренных детей	281	206	278	230	146	178	51	60	100
развития и подготовки детей к школе	18 756	32 973	50 995	8643	12 843	18 606	10 113	20 130	32 389
другого направления	5063	11 135	13 272	3794	7424	9993	1269	3711	3279

** Без учреждений на капитальном ремонте.*

Таблица 11.

Учреждения дополнительного образования детей по видам образовательной деятельности

Учреждения дополнительного образования по видам деятельности	Число учреждений			Численность занимающихся в них детей, тыс. чел.		
	2000	2005	2008	2000	2005	2008
Учреждения дополнительного образования детей[1] – всего	8699	8876	8762	7905,8	8443,7	8275,4
в том числе по видам деятельности:						
работающие по всем видам образовательной деятельности (центры, дворцы, дома детского творчества и др.)	3577	3654	3560	4411,8	4817,4	4703,1
художественные (центры, дворцы, дома)	371	418	579	294,6	294,0	475,0
эколого-биологические (центры, дворцы, дома, станции, клубы)	467	445	414	367,6	380,8	336,3
туристско-краеведческие (центры, дома, станции, клубы)	335	331	307	206,8	219,6	213,1
технические (центры, дома, станции, клубы)	570	536	491	434,2	435,5	379,0
спортивные (детско-юношеские школы и клубы общей физической подготовки)	2968	3072	2971	1981,3	2120,4	1968,2
военно-патриотические и спортивно-технические (клубы, школы)	112	89	72	101,2	45,8	35,0
другие учреждения	299	331	368	108,3	130,2	165,7
Детско-юношеские спортивные школы[2]	1709	1839	2015	866,2	1097,3	1272,3
Детские музыкальные, художественные, хореографические школы и школы искусств[3]	5823	5555	5456	1284,5	1280,9	1381,6

1) По данным Рособразования.
2) По данным Минспорттуризма России.
3) По данным Минкультуры России.

Летом 2008 г. в Государственной Думе РФ и Общественной палате РФ прошли круглые столы, посвященные проблемам одаренных детей и их образования. Картина сложилась довольно безотрадная: оказывается, в нашей стране скоро не останется не только квалифицированных рабочих, но и представителей интеллектуальной и художественной элиты. Сегодня терпит крах система работы с талантливой молодежью. Развивать и преумножать свои таланты могут лишь дети из обеспеченных семей: занятия в спортивных секциях, музыкальных и художественных коллективах, поездки на конкурсы

и учеба в престижных учебных заведениях стоят больших денег. Колоссальное бремя в выборе жизненной стратегии для своего ребенка ложится на семью, в большей степени на матерей. Без поддержки государства задача такого масштаба не может быть решена полноценно и всеобъемлюще.

В последние годы стали появляться «инновационные» проекты преобразования системы образования, однако многочисленные попытки ее реформировать ощутимых положительных результатов пока не дали. В российских городах открываются так называемые элитные негосударственные школы, часто с гуманитарным уклоном. К ним, например, можно отнести «Ломоносовскую школу», которая занимала первое место в рейтингах «Лучшие частные школы Москвы – 2008». Богатые родители выпускников таких школ проплачивают путь сначала в престижные высшие заведения столицы, а затем последующую карьеру своих детей. Правда, доля учащихся в этих общеобразовательных учреждениях в общей численности школьников невелика (не более 0,5%).

Примечательным явлением современного российского образования стало появление школ, обобщенно именуемых «школами повышенного типа» или «повышенного уровня обучения». К ним относят прежде всего гимназии и лицеи, которые целенаправленно готовят учащихся к поступлению в высшие учебные заведения страны и дают универсальную подготовку для научной деятельности. Эти школы характеризуются наличием сложных программ, новых предметов, почти вузовской системы обучения, высококвалифицированных педагогических и научных кадров, серьезной технической базы, конкурсного отбора, высоких требований к учащимся. К школам такого типа относится Физико-математическая школа-интернат им. А.Н. Колмогорова (ныне Специализированный учебно-научный центр МГУ), которая входит в сеть школ элитного уровня. Считается, что в ней учатся старшеклассники (примерно 300 человек), приехавшие из разных уголков России, обладающие выдающимися способностями в области естественных наук, и что она может стать основой современной системы, позволяющей реализовать природные интеллектуальные способности подрастающих ученых, политиков, бизнесменов. На это направлен и проект «Наша новая школа», разработанный в 2009 г. Минобрнауки России (подробнее о нем см. ниже). Как сделать, чтобы школы имели реальную возможность собирать одаренных детей? По мнению директора СУНЦ МГУ А.А. Часовских, «нет смысла создавать образцово-показательную школу, которая реально работать

не будет, надо, чтобы одаренные дети туда шли и понимали, что они в этой школе чему-то научатся. <...> Наш опыт широко распространяется на Востоке, в таких странах, как Южная Корея, Сингапур, Китай, Таиланд. Там создаются такие же школы, как наша. Китайские школьники добиваются больших успехов на международных олимпиадах во многом благодаря тому, что они использовали опыт Советского Союза в работе с одаренными детьми. В государственную школу-интернат, созданную по образцу нашей школы в 2002 г. в Южной Корее, огромный конкурс в несколько десятков человек на место, набирают очень сильных ребят и довольны их результатами»[1].

В 2009–2010 учебном году в российских конкурсных соревнованиях по разным предметам приняли участие почти полмиллиона ребят, 6,5 тыс. из них прошли через две и более олимпиады, а выпускница знаменитой школы им. Колмогорова при МГУ им. М.В. Ломоносова Анна Андреева участвовала в 25 школьных олимпиадах в Москве и Санкт-Петербурге. В 13 олимпиадах Аня получила «золото». Эти награды и дипломы дают Ане право выбрать любой престижный университет: мехмат, физфак или факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ и МФТИ[2].

Но в целом и в международных сравнениях интеллекта, и на международных олимпиадах российские команды стали сдавать свои позиции, а это явный признак отставания России по одаренным детям. По мнению одного из преподавателей СУНЦ, который работает в нем уже шесть лет и готовит детей для поступления на мехмат или на факультет вычислительной математики и кибернетики, уровень тех, кто приходит в эту школу сегодня, становится все ниже и ниже и, соответственно, средний уровень поступающих в вузы тоже становится ниже. Хотя, казалось бы, СУНЦ МГУ отбирает «самые сливки, но, тем не менее, эти сливки становятся все более жидкими»[3].

Проект «Наша новая школа». В 2009 г. Министерство образования и науки РФ разработало проект «Наша новая школа», призванный определить облик российской школы будущего. Проект «Наша новая школа» предусматривает шесть основных направлений развития общего образования. Один из его пунктов напрямую посвящен

[1] Иностранцы заимствуют опыт РФ по работе с одаренными детьми. Из интервью с А.А. Часовских. 15.07.2009. См.: URL: http://www.kolmogorovschool.ru/show.html?id=522

[2] Подробнее см.: URL: http://www.kolmogorovschool.ru/show.html?id=529

[3] Из интервью с В.Ф. Бутузовым, зав. кафедрой математики, заместителем декана физического факультета МГУ. См.: Гурова Н. Тройка по матанализу // Дайджест ФМШ. 29.02.2008. – URL: http://www.kolmogorovschool.ru/show.html?id=446

поддержке одаренных детей, другой учитывает обязательное развитие учительского потенциала. Ключевыми механизмами реализации инициативы должны стать как проектные, так и программные методы работы. Направления деятельности будут осуществляться в рамках приоритетного национального проекта «Образование», Федеральной целевой программы развития образования и Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». От того, как будет устроена школьная действительность, какой будет система отношений школы и общества, насколько интеллектуальным и современным мы сможем сделать общее образование, зависит благосостояние наших детей, внуков, всех будущих поколений. Именно поэтому инициатива «Наша новая школа» должна стать делом всего нашего общества.

На церемонии открытия Года учителя (2010) Президент России Д.А. Медведев сообщил об утверждении новой инициативы и подчеркнул, что суть и смысл этого проекта – в создании школы, способной раскрыть личностный потенциал детей, воспитать в них интерес к учебе и знаниям, стремление к духовному росту и здоровому образу жизни, подготовить ребят к профессиональной деятельности с учетом задач модернизации и инновационного развития страны. По словам главы государства, это не краткосрочный проект, а стратегическая политика в сфере образования[1].

Модернизация и инновационное развитие – единственный путь, который позволит России стать конкурентным обществом в мире XXI в., обеспечить достойную жизнь всем нашим гражданам. В условиях решения этих стратегических задач важнейшими качествами личности становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни. Все эти навыки формируются с детства.

Негосударственные инициативы поддержки одаренных детей. При всей важности роли государства его возможности ограничены, и оно рассчитывает на развитие благотворительных фондов и программ и возрождение меценатства в России. За время постсоветской реальности были созданы и успешно функционируют неправительственные и частные культурные фонды, поддерживающие молодые дарования, главным образом в сфере искусства. Наиболее известна Международная благотворительная программа «Новые имена». Она возникла

[1] 21 января 2010 г. – URL: http://news.kremlin.ru/news/6683

в 1989 г. с целью поиска и поддержки молодых талантов при содействии Российского Фонда культуры и Международной Ассоциации фондов мира при участии академика Д.С. Лихачева и Р.М. Горбачевой. В 1992 г. она трансформировалась в фонд «Новые имена». Сегодня это более 10 тыс. молодых российских талантов из разных регионов России и ближнего зарубежья, получивших реальную поддержку, среди которых свыше 3 тыс. стипендиатов программы. Свою деятельность фонд «Новые имена» осуществляет при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации совместно с федеральной программой «Дети России» (подпрограмма «Одаренные дети»).

В 1997 г. был создан некоммерческий благотворительный фонд «Мир искусства». Его деятельность охватывает тысячи музыкально одаренных детей с проблемами в развитии из всех регионов Российской Федерации. Уникальность накопленного Фондом опыта заключается не столько в охвате своей опекой большого количества (более 15 тыс.) детей из наименее социально защищенных групп общества, приобщенных к радости самопознания и совершенствования своего таланта, но главным образом в собственной оригинальной концепции реабилитации и адаптации в обществе детей из вышеперечисленных групп. Опыт деятельности Фонда радикально отличается от традиционного подхода к благотворительности – впервые в мировой практике детям с проблемами в развитии предоставляется возможность обучаться, а затем выступить вместе с великими артистами перед многочисленной аудиторией на прославленных концертных подмостках, получить доступ к шедеврам мировой культуры и профессиональному образованию, чтобы затем поделиться своим талантом с другими и передать им свое мастерство, а значит, в полной мере осуществить весь комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав благодаря своей одаренности, упорству, выдержке.

Назовем другие начинания. В 2005 г. для реализации благотворительной программы «Тысяча городов России» был создан Всероссийский реабилитационный центр, филиалы которого успешно действуют во многих регионах РФ. Гарант программы «Тысяча городов России» – известный российский предприниматель А.Б. Усманов.

Среди прочих инициатив – Московский международный форум «Одаренные дети» (с 1998 г.). За 12 лет его работы в нем приняли участие свыше 70 тыс. детей из 64 регионов России и стран СНГ. Члены попечительского совета Общероссийского общественного движения «Одаренные дети – будущее России» убеждены, что «одаренных детей делают одаренные взрослые. Там, где взрослые люди заинтересованы

ссылка?

и покровительствуют юным талантам, детям хорошо, они могут приехать в Москву и заявить о себе».

В течение десяти лет в России действует Национальный Дельфийский совет, деятельность которого также направлена на выявление и поддержку одаренной творческой молодежи России, сохранение и развитие культурного потенциала субъектов Российской Федерации, содействие реализации творческих способностей и гармоничному развитию личности. Девятые молодежные Дельфийские игры России «Мы помним...» проходили с 2 по 7 мая 2010 г. в Московской области. В конкурсных состязаниях принимали участие более 2 тыс. юных деятелей искусств в возрасте от 10 до 25 лет не менее чем из 70 субъектов Российской Федерации. В рамках игр состоялись соревнования по 26 номинациям. 105 лауреатов выдвинуты Национальным Дельфийским советом России на премии, учрежденные Указом Президента Российской Федерации. В 2006 г. 63 победителя и призера Дельфийских игр, в 2007 г. – 80, в 2008 г. – 81, а в 2009 г. – 102 уже были удостоены данной премии.

Из других организаций, поддерживающих творческие инициативы детей, следует назвать Фонд В.Т. Спивакова, Фонд В.В. Крайнева, Фонд М.Л. Ростроповича, детский конкурс «Щелкунчик» телеканала «Культура» и др.

Благодаря перечисленным инициативам дети с ранних лет получают повышенное внимание со стороны знаменитых публичных артистов и общественных деятелей. Принимая участие в фестивалях и конкурсах, они совершенствуют и укрепляют свои интеллектуальные и творческие способности. Однако существуют полярные точки зрения на соревнования такого рода: сторонники одной из них считают, что конкурсные баталии наносят ребенку непоправимый психологический, а нередко и моральный ущерб (например, в случае неудачного результата). Имеется печальная статистика относительно состоявшихся в профессии одаренных детей – в лучшем случае их число не превышает 2–3%. Речь идет в данном случае, конечно, о достижениях, сопоставимых с уровнем проявлявшихся в детстве необычных способностей. Несостоявшиеся одаренные люди – это не только беда для нации, которая нуждается в выдающихся людях, это трагедия и для самого бывшего «чудо-ребенка», который потом всю жизнь страдает «синдромом бывшего вундеркинда», проявляющегося в депрессии, потере интересов, часто в повышенной агрессии[1].

[1] *Маркелов Е.В., Юркевич В.С.* Организация школы для особо одаренных детей и подростков. См.: URL: http://www.humanities.edu.ru/executors.html

Заключение. Поддержка и развитие способностей одаренных детей сегодня – это забота о развитии науки, культуры, социальном развитии общества завтра. Внимание к развитию одаренного ребенка носит как личностный, так и широкий социальный смысл. Необходимо создать как специальную систему поддержки сформировавшихся талантливых детей, так и общую среду для проявления и развития способностей каждого ребенка, стимулирования и выявления достижений одаренных ребят.

Наглядной оценкой эффективности обучения одаренных детей в специализированных школах элитного уровня становятся доля выпускников, поступивших в престижные вузы страны, и их дальнейший профессиональный и научный рост. Так, практически все прошедшие подготовку в Специализированном учебно-научном центре МГУ (физико-математической школе-интернате им. А.Н. Колмогорова) – а это около 2850 человек за период с 1964 по 2008 гг. – были зачислены в ведущие российские университеты и институты, 719 специалистов обладают учеными степенями, в том числе 305 – доктора наук. Около 500 выпускников этой школы работают за рубежом (из них 45% – в США)[1]. Это показывает, что при обладании новейшими научными разработками, экспериментальными площадками и опытом по созданию моделей и социально-педагогических технологий выявления и сопровождения одаренных детей в России не сформированы социальный заказ и национальная идея развития и сохранения (востребованности) талантов.

Нельзя не согласиться с тезисом Н.М. Римашевской о том, что «российские власти вместо того, чтобы последовательно осуществлять инвестиции в человека, своими повседневными действиями фактически разрушают социальный потенциал страны и тем самым противоречат устойчивому развитию России, в концепции которого основное внимание отводится человеческому фактору. Думая о будущем России, необходимо в качестве главного критерия всех решений федеральных и региональных властей использовать характеристики состояния населения, качество его жизни и осознавать, что наша главная национальная идея – это “сбережение народа”, аккумулирующая в качестве главной цели сбережение каждого человека страны», а тем более – каждого одаренного ребенка.

ссылка?

[1] См.: URL: http://www.internat18.ru/pmsplace.aspx

1.6. Права детей в России

Юридические нормы, посвященные правам несовершеннолетних, впервые появились в российском законодательстве относительно недавно. Это произошло в начале 90-х гг. XX в., когда наша страна ратифицировала Конвенцию о правах ребенка (ООН, 20 ноября 1989 г.). В российских законах основные положения о правах детей, в том числе несовершеннолетних, были закреплены в 1995 г., когда был принят Семейный Кодекс Российской Федерации (СК РФ), который регулирует семейные отношения на территории Российской Федерации. В Конвенции ООН и Семейном Кодексе РФ дается определение понятию «ребенок»: это человек, не достигший 18-летнего возраста (совершеннолетия). До 14 лет ребенок считается малолетним, в возрасте от 14 до 18 лет – несовершеннолетним.

В 1998 г. в России был принят специальный **Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»**[1]. До принятия СК РФ и этого закона действовал Кодекс о браке и семье, в котором дети (в силу своей недееспособности) рассматривались не как самостоятельные носители прав, а как объекты родительской опеки. Современное российское законодательство соответствует требованиям Конвенции ООН и рассматривает ребенка как самостоятельную личность, наделенную правами и способную в той или иной степени (в зависимости от возраста) к их самостоятельной защите. О правах и ответственности несовершеннолетних речь идет не только в указанных выше законах, но также в Конституции РФ, Гражданском (ГК РФ), Уголовном (УК РФ) и Административном кодексах (КАП РФ) и др.

На защите прав детей стоят не только законы, но также уполномоченные по правам ребенка. В 2009 г. исполняется 200 лет институту омбудсмена. Первый парламентский омбудсмен был учрежден в 1809 г. в Швеции. Однако в течение очень длительного времени Швеция оставалась единственным государством, где был создан и развивался этот институт. В 1998 г. при поддержке представительства Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в России и Министерства социальной защиты Российской Федерации в пяти российских регионах впервые были учреждены уполномоченные по правам ребенка. И только спустя десять лет (в сентябре 2009 г.) в соответствии с международным обязательством

[1] Федеральный закон ФЗ N 124-ФЗ от 24 июля 1998 г. (последняя редакция 2007 г.).

нашей страны была создана служба Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. ЮНИСЕФ определяет уполномоченного по правам ребенка и его службу как независимый законодательно учрежденный орган, созданный для отстаивания прав и интересов детей. Институт уполномоченных по правам ребенка по своей сути представляет дополнительную сеть безопасности, призванную отслеживать нарушения прав и интересов детей. Он основывает свою работу на положениях Конвенции ООН о правах ребенка, нормах законодательства, принципах гуманности и справедливости. Задача уполномоченных по правам ребенка – не только разрешать конкретные дела, представлять интересы детей в индивидуальном порядке, но и способствовать глубинным изменениям в обществе по улучшению положения отдельных групп детей и в интересах детей в целом.

На федеральном уровне в последние годы произошло несколько системных изменений, направленных на улучшение положения детей и семей с детьми.

1. В соответствии с международным обязательством нашей страны, 1 сентября 2009 г. Указом Президента РФ «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» была создана общероссийская Служба Уполномоченного по правам ребенка.

2. Федеральный закон от 1 марта 2008 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях повышения размеров отдельных видов социальных выплат и стоимости набора социальных услуг» дополнен статьей 4 – «Порядок индексации и перерасчета государственных пособий гражданам, имеющим детей».

Таким образом, впервые законодательно было закреплено положение о том, что с 1 января 2008 г. в обязательном порядке один раз в год, исходя из прогнозируемого уровня инфляции, установленного Федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год, индексируются государственные пособия гражданам, имеющим детей, установленные Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

3. Указом Президента Российской Федерации от 26 марта 2008 г. № 404 создан Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Руководство фонда определило, что приоритетными направлениями его деятельности выступают:

1) профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства;
2) семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

3) социальная поддержка семей с детьми-инвалидами;
4) социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом.

4. Принят закон «Об опеке и попечительстве»[1]. В процессе подготовки и рассмотрения данного федерального закона в Государственной Думе, а также после его вступления в силу с 1 сентября 2008 г. он подвергался критике со стороны ряда экспертов и представителей общественных организаций. Однако совершенно очевидно, что с принятием данного закона традиционный для России и Москвы институт семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в качестве какового квалифицируются опека и попечительство, стал значительно более современным, гибким, универсальным, отвечающим требованиям времени и общей концепции семейного законодательства. В обновленном виде институт опеки и попечительства в большей степени направлен на защиту прав и интересов детей в соответствии с требованиями Конвенции ООН о правах ребенка. Важно то, что закон разграничил вопросы правового регулирования в данной сфере между федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации. В связи с принятием Федерального закона «Об опеке и попечительстве» потребовалось внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Жилищный кодекс Российской Федерации[2].

5. В 2008 г. в связи с проведением Года семьи была создана Ассоциация уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. За последние десять лет сеть региональных омбудсменов выросла в десять раз, а уполномоченные по правам ребенка теперь есть в большинстве субъектов РФ. В настоящее время ассоциация объединяет 50 региональных уполномоченных по правам ребенка.

Чтобы охарактеризовать положение дел с правами ребенка в России, в разделе использованы данные, приведенные в последнем из опубликованных докладов этой ассоциации и Уполномоченного по правам ребенка по Москве[3]. В этих документах содержится перечень вопросов, касающихся соблюдения и защиты прав и законных интересов ребенка, а также обозначены основные проблемы в этой области.

[1] Федеральный закон № 48-ФЗ от 24 апреля 2008 г.

[2] В этой связи был принят Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об опеке и попечительстве"».

[3] Доклад о деятельности уполномоченного по правам ребенка в Москве, о соблюдении и защите прав, свобод и законных интересов ребенка в 2008 г. – URL: http://www.ombudsman.mos.ru/index.php?page=doclad_child

В течение 2008 г. к Уполномоченному по правам ребенка в Москве поступило 1463 обращения, из них 1023 – письменно, 176 – на сайт уполномоченного, 156 – на сайт Ассоциации уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, 108 – на адрес электронной почты уполномоченного.

На указанные сайты поступили обращения из 34 регионов Российской Федерации. География поступающих обращений обширна: Московская, Ленинградская, Ростовская, Новосибирская, Мурманская, Калининградская, Вологодская, Тамбовская области; Пермский, Краснодарский края; республики Карелия, Калмыкия, Хакасия и другие регионы, а также страны ближнего зарубежья: Казахстан, Украина, Таджикистан.

По сравнению с предыдущим годом, в 2008 г. отмечается рост на 25% количества обращений граждан, поступивших в электронном виде (см. *рис. 10*).

Рисунок 10. Динамика поступления обращений граждан в 2004–2008 годах

Анализ статистических данных показывает, что из года в год большинство обращений поступает от родителей несовершеннолетних – 56,4% (в 2006 г. – 56,8%, а в 2007 г. – 62,5%). Постепенно возрастает количество обращений от детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа – 4,9% в 2008 г. по сравнению с 2,9% в 2007 г. Растет число обращений от руководителей детских учреждений (домов ребенка, школ-интернатов, детских домов, центров социального обслуживания) – в 2007 г. – 2,2%, в 2008 г. – 3,6%.

Если проанализировать проблематику заявлений и жалоб, то становится видно, что наибольшее количество обращений поступает по жилищным вопросам. Не уменьшается количество жалоб на нарушения прав детей на общение с отдельно проживающими родителями и другими родственниками, обращений по спорам об определении места жительства ребенка, а также жалоб на злоупотребление родительскими правами. Эти выводы можно проиллюстрировать на примере вопросов и жалоб, поступивших от граждан в электронном виде (всего 440). Треть всех обращений к уполномоченному связана с жилищными вопросами – 33,0%; вопросов защиты прав на образование – 10,2%; установления опеки (попечительства), семейного устройства детей, в том числе усыновления и патроната – 8,0%; социального обеспечения – 6,6%; жестокого обращения с детьми – 5,0%.

В большинстве случаев права детей нарушают их родители – 38,3%; другие родственники – 9,4%; иные граждане – 13,0%. Отмечено большое количество случаев нарушений прав и законных интересов детей (бездействие в случаях, когда требуется защита и восстановление этих прав) учреждениями, подведомственными органам исполнительной власти, – 7,9%; органами исполнительной власти – 6,1%; муниципалитетами – 4,3%; органами внутренних дел – 2,2%; иными организациями – 18,8% (см. *рис. 11*).

Основные проблемы нарушения прав детей в России связаны с ростом насилия против детей и социальным сиротством. Статистика и исследования показывают, что насилие против детей наиболее распространено среди малообеспеченных слоев населения с низким уровнем дохода. Безработица, бедность, пьянство и моральная деградация родителей приводят к жестокости и насилию по отношению к детям. С одной стороны, это толкает детей к бегству из дома и становится причиной роста безнадзорности и беспризорности, а с другой – приводит к лишению родительских прав и росту социального сиротства.

По данным Следственного комитета при прокуратуре РФ, количество зарегистрированных преступлений против детей в России выросло за последние восемь лет в 2,5 раза. Это не только случаи жестокого обращения с детьми, но и насилие против детей. В 2002 г. было совершено свыше 40 тыс. преступлений против детей, в 2006 г. – более 80 тыс., в 2009 г. – более 100 тыс. преступлений[1]. Уполномо-

[1] Интернет-конференция Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П.А. Астахова, которая состоялась 18 февраля 2010 г. в Информационном агентстве «ГАРАНТ». – URL: http://www.garant.ru/action/conference/231585/

Рисунок 11. Кто нарушает права детей?

ченный при Президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов 22 сентября 2010 г. выступил с заявлением о необходимости усиления работы по предупреждению насилия в отношении детей и профилактики семейного неблагополучия. «Наиболее страшной и опасной для общества формой семейного насилия является насилие в отношении детей, – считает П.А. Астахов. – С сожалением приходится признавать тот факт, что большинство преступлений в отношении детей совершается именно в семьях! Каждый день мы получаем информацию о гибели детей по вине родителей или близких людей».

В докладе, подготовленном Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и опубликованном осенью 2010 г., отмечается, что уровень смертности от насильственных причин среди детей и молодежи в возрасте 10–29 лет в России составляет 15,85 на 100 тыс. человек[1]. Это самый высокий уровень

[1] Доклад «О предупреждении насилия и преступности, связанной с холодным оружием, среди подростков и молодежи», подготовленный в 2010 г. Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). – URL: http://www.rfdeti.ru/news/rubric-1.1/position-1928.html

убийств детей и молодежи среди 53 европейских стран, данные о которых собраны в докладе. На втором месте Албания – 11,2 на 100 тыс. человек. Наименьший уровень смертности среди подростков и молодежи от насильственных причин в Германии – 0,47 на 100 тыс. жителей, Армении – 0,5 и Австрии – 0,54. Авторы исследования отмечают, что наибольшее число убийств детей и молодежи приходится на малообеспеченные слои населения, а самый высокий уровень насильственных смертей зафиксирован в странах с низким и средним уровнем дохода на душу населения. При этом авторы доклада приходят к выводу, что в девяти из десяти случаев насильственную смерть детей и молодежи можно было бы предотвратить при надлежащих усилиях государственных органов и гражданского общества. Это вполне конкретная цель, к которой должны стремиться государственные органы опеки в сотрудничестве с российскими НПО.

Обострение проблемы социального сиротства стало следствием затянувшихся социально-экономических преобразований в стране, которые привели к ослаблению общечеловеческих, морально-этических ценностей, изменению нравственных устоев семьи, увеличению числа семей, находящихся в трудной жизненной ситуации по социальным и психологическим критериям. Рост числа детей, живущих без родительского попечения, на фоне снижения общей численности детского населения в последние годы ставит социальное сиротство в ряд важных национальных проблем.

В настоящее время в России около 800 тыс. официально зарегистрированных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Из числа детей, лишенных попечения родителей, 545 тыс. находятся на воспитании в семьях (под опекой 375 тыс., в приемных семьях – 11 тыс., усыновлено – 159 тыс.). Остальные дети (около 260 тыс.) воспитываются в государственных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в том числе более 15 тыс. в домах ребенка), а также в негосударственных учреждениях. Несмотря на увеличение числа детей, переданных на воспитание в семейные условия, количество детей, помещенных в интернаты, не уменьшается[1]. По числу детей-сирот, приходящихся на каждые 10 тыс. детского населения, Россия занимает первое место в мире.

Но права детей в России нарушаются не только родителями. Например, вопиющее нарушение прав детей-сирот было выявлено со стороны учреждения системы Департамента образования города

[1] Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации». – М.: ООО «БЭСТ-принт», 2006. – С. 150.

Москвы. Было замечено, что стало сокращаться количество воспитанников учреждений системы образования, переданных на усыновление. Если в 2007 г. число детей, переданных на усыновление в возрасте от трех до семи лет, составляло 116 детей, то в 2008 г. детей данного возраста было усыновлено 52, старше семи лет – 28 и 13 соответственно. Сложившаяся ситуация объясняется тем, что учреждения системы Департамента образования города Москвы не нацелены на передачу воспитанников в семью, так как это повлечет сокращение численности учреждений и персонала, а отсюда – необходимость поиска ими новой работы, что в нынешних экономических условиях достаточно проблематично.

Проблема предупреждения семейного неблагополучия может быть решена лишь совместными усилиями всех органов и учреждений системы профилактики по своевременному выявлению семей с детьми, находящимися в социально опасном положении. Только таким образом можно решить главную задачу – сократить число детей, поступающих в детские государственные учреждения, и сделать все для того, чтобы ребенок остался в биологической семье. Например, по данным Департамента социальной защиты населения города Москвы, за 2008 г. после проведения социальной реабилитации 1 157 несовершеннолетних были возвращены в биологические семьи. За 2008 г. только в одном стационарном отделении социально-реабилитационного центра «Отрадное» прошли реабилитацию 192 ребенка, из которых 125, или 65%, возвращены в биологическую семью.

Значительное количество несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в подразделениях органов внутренних дел, свидетельствует о серьезных упущениях родителей в воспитании детей, об отсутствии контроля их поведения. Однако данные о нарушениях прав детей не подтверждают миф о социальном неблагополучии детей из неполных семей. Из состоящих на учете несовершеннолетних только треть (32,2%) проживали в неполных семьях, а большинство – в полных. Это означает, что бедность, которая часто характерна для неполных (в основном – материнских) семей, не всегда связана также и с социальным неблагополучием детей.

В службе занятости населения города Москвы на конец 2008 г. состояли на учете 5813 человек из числа родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей и детей-инвалидов, из них 1702 – одинокие родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, и 226 – многодетные родители. При этом минимальный размер пособия

по безработице составлял 850 рублей, а максимальный размер пособия – 4900 рублей. Прожить на эти деньги семья с ребенком заведомо не может. Семьи с детьми, где единственный кормилец – безработный, а также многодетные семьи, в которых один из родителей лишился работы, должны быть отнесены к категории семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и им должна оказываться соответствующая государственная поддержка.

В настоящее время детские омбудсмены объединены в Европейскую сеть детских омбудсменов (ENOC). Институт Уполномоченного по правам ребенка в городе Москве с 2004 г. стал постоянным и полноправным членом ENOC. В соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка, ребенок – это особый самостоятельный субъект права, имеющий особые, отличные от взрослых права и интересы. Это обусловливает необходимость и в особых механизмах защиты этих прав. Уполномоченный по правам ребенка как раз и выступает таким особым механизмом защиты прав детей. И хотя в настоящее время ситуация экономического кризиса в нашей стране полностью не преодолена, но даже в этих условиях очень важно сохранить тот уровень обеспечения прав и интересов детей, те государственные гарантии в отношении несовершеннолетних, которые были достигнуты в предыдущие годы. Кроме того, очень важно двигаться дальше в области улучшения положения детей. К этому нас обязывает участие ряда городов России в глобальной инициативе ЮНИСЕФ «Города, доброжелательные к детям». Так, например, правительство Москвы приступило к реализации государственной политики в интересах детей «Московские дети» на 2008–2017 гг., а также реализует ряд других городских целевых программ в отношении детей и семей с детьми.

Безусловно, большинство российских детей живут в нормальных семьях, где нет насилия. Однако понятия «права человека вообще» и «права ребенка в частности» – для россиян относительно новые, малопонятные и плохо соотносимые с реальной жизнью. Отсюда неправильные представления о правах ребенка, характерные как для самих детей, так и для взрослых. Детям, конечно, нравится иметь права, но в их понимании (пока не пробудится правовое сознание) нередко это напоминает «праздник непослушания». Для взрослых требование уважать права ребенка звучит как запрет ограничивать ребенка, внушать ему представления о правилах и порядке. Конечно, дети не равны взрослым по дееспособности, но, безусловно, равны им по ценности их жизни и по человеческому достоинству. Для детей

должны быть установлены четкие границы их компетенции и ответственности. Дать ребенку знание об их правах и границах ответственности должны взрослые в семье и школе, и это важно прежде всего для душевного и социального благополучия детей. Но взрослые безнадежно путают достоинство с дееспособностью, ограничения с унижениями, пресечение с наказанием. Установление границ поведения детей без оскорбления и унижения – редкое явление как в семье, так и в школе. Это связано прежде всего с тем, что у российского общества нет опыта сознательного, нетоталитарного подчинения законам и правилам – не из страха наказания, а по собственному выбору, потому что так надо. Поэтому передать детям свой опыт жизни в правовом государстве взрослые практически не могут, поскольку они сами его не имеют.

Таким образом, в современных российских условиях наиболее актуальны следующие вопросы в сфере защиты прав детей: необходимость повышения правовой грамотности населения в вопросах прав человека вообще и прав детей в частности, снижение уровня насилия в семьях и обеспечение государством практического механизма действия Конвенции по правам ребенка на территории РФ. «Жизнь каждого ребенка бесценна, – говорит детский омбудсмен при Президенте РФ П.А. Астахов. – За каждого несовершеннолетнего несет ответственность конкретный взрослый, поэтому всегда есть с кого спросить и кого заставить ценить детскую жизнь. Поэтому мы и намерены спрашивать!»

Раздел 2

УСЛОВИЯ И ИНСТИТУТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСТВА

2.1. Семья и дети

Семья как в традиционном, так и в современном социуме была и остается «основной ячейкой общества, и как таковую ее следует укреплять»[1]. Семья определяется как *объединение людей*, основанное на браке или кровном родстве[2].

Демографическое развитие семьи, то есть процесс образования, изменения, а также различие типов семей оказывают непосредственное влияние на воспроизводство населения. При изучении процесса воспроизводства населения (смены поколений) границей, отделяющей детей от взрослых, обычно считается 15 лет. В экономико-демографических исследованиях за верхнюю границу детства принимается возраст начала трудоспособности, обычно закрепленный законодательно, в Российской Федерации – 16 лет. Дети могут рассматриваться в качестве лиц, не достигших юридического совершеннолетия – 18 лет. Независимо от возраста дети – это одна из категорий семейного состояния: потомки мужского и женского пола первой степени родства по прямой линии – сыновья и дочери. Основными источниками данных о семье и детях служат переписи населения, выборочные демографические обследования и эмпирические социологические исследования.

В различных странах мира в большинстве случаев при проведении переписей единицей учета служит домохозяйство. Во Всероссийской переписи населения 2002 г. домохозяйство, а не семья, впервые стало учетной единицей. Родство или свойство для семьи выступает определяющей характеристикой. Совместное проживание и общий бюджет необязательны.

Трансформация семьи как социального института в современный период стала одной из форм реакции населения на изменение условий

---

[1] ООН. Доклад международной конференции по народонаселению и развитию. – Каир, 5–13 сентября 1994 года. – С. 7.

[2] Народонаселение: Энциклопедический словарь. – М.: БРЭ, 1994. – С. 432.

жизнедеятельности. Исследования динамики демографического развития семьи актуальны в связи с тем, что семья – не только ячейка общества, но и «первичная демографическая система, расположенная между отдельным человеком и человечеством в целом»[1]. При этом семья представляет собой сложную систему (организм), который сочетает в себе биологические, демографические, социальные, культурные и психологические функции.

1. Численность и структура российских семей. Как подчеркивают исследователи[2], изучение демографической структуры домохозяйств возможно по семьям и семейным домохозяйствам, так как это позволяет производить сравнение по «одиночкам» как типам домохозяйств. В последние десятилетия изменения в демографической структуре семей (семейных домохозяйств) в первую очередь связаны с уменьшением их среднего размера: в 1979 г. – 3,27, в 1989 г. – 3,23, в 2002 г. – 3,20. Происходит увеличение доли малочисленных семей (см. *табл. 12*).

Таблица 12.

Структура семей (семейных домохозяйств) в России по размеру

Число членов семьи, чел. (размер домохозяйства)	Доли семей данной величины по данным переписей населения (%)		
	1979	1989	2002
2	31,6	34,2	35,5
3	31,5	28,0	30,6
4	23,4	25,2	21,8
5 и более	13,5	12,6	12,1
Средний размер семьи (домохозяйства), чел.	3,27	3,23	3,20

Источники: *Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2002. С. 52; Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат РФ, 2005. С. 178.*

[1] *Галецкий В.Ф.* Демографический переход и трансформация семьи // В сб.: Настоящее и будущее демографии России через призму переписей населения (1897 г., 2002 г. и 2010 г.): Материалы и доклады международной научно-практической конференции. – М.: ГУ ИМЭИ, 2007. – С. 63.

[2] Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. Коллективная монография. / Под ред. Л.Н. Овчаровой и Л.М. Прокофьевой. – М.: ИСЭПН РАН, 2008. – С. 9.

Изменяется демографический тип семьи. Сокращается доля полных семей: с 82,6% в 1979 г. до 71,8% в 2002 г.. При этом доля полных сложных семей практически осталась прежней, а полных простых семей уменьшилась на 10,8%. За этот период в полтора раза возросла доля неполных семей, причем доля неполных сложных семей увеличилась более чем втрое (см. *табл. 13*).

Таблица 13.

Распределение семей в России по демографическим типам, %

Демографические типы семей	1979	1989	2002
Полные	**82,6**	**81,7**	**71,8**
Из них: простые	66,3	66,8	55,5
сложные	16,3	14,9	16,3
Неполные	**14,7**	**15,2**	**21,7**
Из них: простые	12,7	13,2	15,3
сложные	2,0	2,0	6,4
Прочие	**2,7**	**3,1**	**6,5**
Итого:	100	100	100

Источники: *Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2002. С. 52; Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат РФ, 2005. С. 178.*

Доля неполных семей возросла с 1990 по 2005 г. на 30% под влиянием четырех основных факторов:

1) *увеличения числа разводов:* в 2002 г. число разводов достигло 853,6 тыс., коэффициент разводимости достиг 6,0 на тысячу населения, в дальнейшем наметилось уменьшение числа расторжений брака до 4,1 на тысячу в 2005 г.;
2) *овдовения*, связанного со сверхсмертностью мужчин трудоспособного возраста;
3) *снижения доли повторных браков*, которое связывают с распространением неформальных союзов: как показывают некоторые исследования, среди первых союзов только 2,9% приходится

на незарегистрированные, среди вторых – 30,5%, среди третьих – 41,7%[1];

4) *внебрачных рождений*: доля внебрачных детей в течение 1990-х гг. увеличилась.

Рост доли сложных семей в период социально-экономических трансформаций в России в значительной степени обусловлен процессами приватизации жилья, недоступностью для большей части населения возможности приобретения квартир на рынке недвижимости из-за их высокой стоимости, распространением сдачи жилой площади в аренду для получения дохода, необходимого для обеспечения выживания. В ряде регионов страны повышение количества сложных семей связано с проблемой беженцев и вынужденных переселенцев (наиболее характерно это для Южного федерального округа).

По расчетам Л.М. Прокофьевой, И.И. Корчагиной и А.К. Гузановой, основанным на материалах Всероссийской переписи 2002 г., доля домохозяйств с детьми до 18 лет во всех семейных домохозяйствах составляла 51,7%. Исследователи заметили, что Россия еще в прошлом веке перестала быть страной с преобладанием семей с несовершеннолетними детьми[2].

В настоящее время классический брачный союз преобладает. Вместе с тем получают распространение и альтернативные его формы: «открытые» семьи, в которых каждый из партнеров имеет связи на стороне, «свингерские» семьи, осуществляющие временные обмены партнерами, «групповые» семьи, где все дети считаются общими, полигиния (многоженство), полиандрия (многомужество) и др.

Результаты различных обследований показывают: происходит сдвиг в представлениях об обязательности официального заключения брака. По результатам обследования в рамках международной программы «Поколение и гендер», проведенного в 2004 г., выявлено, что чем моложе респондент, тем чаще он соглашается с тем, что брак устарел, а союз без формальной регистрации – норма жизни. Вместе с тем не согласны с этим утверждением 61,3% молодых мужчин-респондентов, и еще 19,8% из них не определились с ответом. Среди молодых женщин не считают брак устаревшей нормой 67,5%, а 16,2% не дали четкого ответа. В целом по выборке брак не представляет собой устаревшего вида отношений для 70,6%

[1] Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. Коллективная монография. / Под ред. Л.Н. Овчаровой и Л.М. Прокофьевой. – М.: ИСЭПН РАН, 2008. – С. 9.

[2] Там же. – С. 13.

мужчин и 75,6% женщин, 12,1% женщин и 14,6% мужчин не дали точного ответа[1].

За десять лет общественное мнение по проблемам семейных отношений прошло определенную кристаллизацию: рождение детей вне брака зачастую не порицается. Насколько терпимо общество в лице большинства своих членов к иным формам брачных союзов? Обращает на себя внимание конкубинат – среди мужчин эту форму одобряют 17%, среди женщин – 11%. Наиболее лояльна к этой форме возрастная группа от 25 до 30 лет: среди мужчин 25%, среди женщин 20% одобряют эту форму брачного союза. (Впрочем, лояльность определенной доли респондентов к различным формам брака нельзя интерпретировать как готовность создать такую семью.) Негативно относятся к нетрадиционным формам брака от половины до двух третей семейных мужчин и женщин. Таким образом, традиционная моногамная семья сохраняет свои позиции в массовом сознании, но под влиянием изменившихся условий жизни происходит ее трансформация.

2. Динамика рождаемости. Потребность в детях. Сокращение рождаемости в России происходит в течение столетия. Однако с 1989 г. процесс снижения рождаемости приобрел обвальный характер (см. *рис. 12*). В 2000–2004 гг. он несколько затормозился, и показатели рождаемости даже стали расти. Однако для обеспечения нулевого естественного прироста (то есть баланса рождений и смертей) необходим суммарный

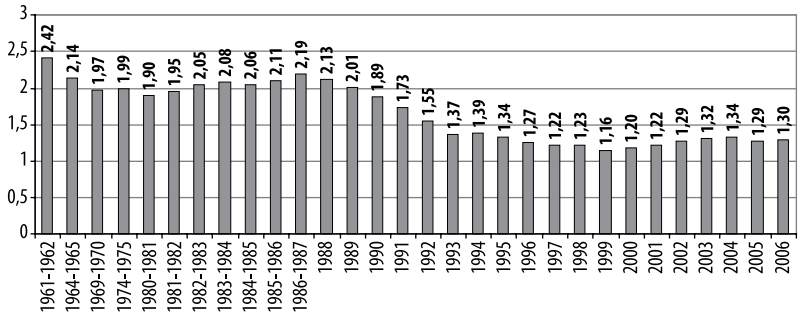


Рисунок. 12. Суммарный коэффициент рождаемости
(среднее число детей, рожденных женщиной за свою жизнь)

[1] Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. Коллективная монография. / Под ред. Л.Н. Овчаровой и Л.М. Прокофьевой. – М.: ИСЭПН РАН, 2008. – С. 19.

коэффициент рождаемости 2,11–2,15 при существующем 1,2–1,3. Россия остается среди стран с низким уровнем рождаемости, таких как Украина – 1,3, Чехия – 1,3, Италия – 1,3, Латвия – 1,3, Словения – 1,3, Болгария – 1,3, Литва – 1,3, Словакия – 1,3, Греция – 1,3, Румыния – 1,3, Венгрия – 1,3, Польша – 1,2, Германия – 1,3, Япония – 1,3.

Нижегородские исследования подтвердили, что форма брачного союза существенно влияет на численность детей в семье (см. *табл. 14*).

Таблица 14.

Численность детей в браках различного типа, %

Возраст респондентов – 18–49 лет[1]

Всего детей	Все типы семей		В том числе по типам семей					
			Зарегистрированные браки		Незарегистрированные браки		Разведенные	
	1997	2007	1997	2007	1997	2007	1997	2007
Нет детей	25	36	20	28	62	65	19	25
1 ребенок	43	34	45	37	20	22	50	39
2 ребенка	29	27	32	33	15	8	27	32
3 и более детей	3	3	3	2	3	5	4	4
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: *прочие типы семей не показаны ввиду их малочисленности.*

Обратим внимание на то, что в двух третях незарегистрированных браков детей нет. Этот показатель вдвое ниже при зарегистрированном браке. В целом в 36% семей детей нет, это на 11% превышает показатель десятилетней давности.

Самым важным для представителей обоих полов оказалось сохранение хорошего здоровья. Его значимость по пятибалльной шкале в среднем была оценена на 4,7. Далее у женщин следуют:

- стабильность брака;
- материальное благополучие;
- хорошие жилищные условия;
- занятие любимым делом;
- состояние в браке;

[1] *Саралиева З.Х.* Нижегородская семья-2007 // В сб.: Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / Под общей ред. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: НИСОЦ, 2008. – С. 91.

- наличие двоих детей;
- достижение успехов в работе;
- наличие троих детей;
- уважение со стороны окружающих;
- общение с друзьями;
- интересное проведение досуга;
- реализация себя в различных сферах жизни;
- наличие одного ребенка;
- желание быть свободной, не обремененной семейными обязанностями.

У мужчин ответы не принципиально отличаются от женских, среди существенных отличий можно выделить ценность наличия двоих детей, которую они поставили на 13-е место. Карьерный рост у мужчин стоит на пятом месте, в то время как у женщин эта ценность стоит на восьмом месте. У женщин ценность наличия троих детей стоит ниже, чем желание завести двоих, а у мужчин наоборот. Как видим, ценность детей не выступает как одна из приоритетных.

Для того чтобы обрисовать возможные контуры будущей модели рождаемости в России, необходимо проанализировать сложившуюся демографическую ситуацию в стране. Основным признаком данной фазы демографического перехода считается не столько снижение рождаемости, сколько откладывание создания семьи на более поздний возраст. Другими словами, происходит изменение возрастной модели рождаемости. Существует разнообразная статистическая и социологическая информация по проблеме рождаемости.

Как показал опрос студентов в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ, 2007), двухдетная модель семьи сохраняется в качестве идеала и желательной цели для подавляющего большинства. 49% опрошенных утверждают, что они намереваются иметь двоих детей в будущем, 26% высказались за трех детей и 23% – за одного. Учитывая этот показатель, можно сделать вывод, что на протяжении нескольких десятилетий будет сохраняться модель двухдетной нуклеарной семьи. Это малодетная семья.

Основной прогноз рождаемости в России до 2020 г. по результатам опроса студенческой молодежи имеет умеренно оптимистический характер. Несмотря на то что существует множество негативных факторов (социальных, экономических, культурных), отрицательно влияющих на развитие семьи как ячейки общества, молодежь верит в устойчивое развитие страны и повышение качества жизни.

63% опрошенных считают, что уровень жизни в России повысится, 15% опровергают данное мнение и 22% утверждают, что ничего не изменится.

Сохраняется ценность семьи: 61% обязательно хотели бы вступить в брак, 22% посчитали это желательным, и только 1% высказался против брака. То есть за брак выступают более 80% опрошенных. Однако предпочтительной формой начала брачных отношений назван неформальный союз. 52% высказались за то, чтобы сначала начать супружеские отношения, а потом вступать в брак, 21% – за то, чтобы супружеские отношения начались после вступления в брак, и, наконец, 2% считают, что регистрировать брак нужно только после рождения ребенка. Эта тенденция развития демографической модернизации характерна для европейских стран уже на протяжении многих десятилетий. В России же она сформировалась за последние 15–20 лет.

Какой же будет рождаемость, по мнению аналитиков, если рассматривать период 2000–2050 гг. в зависимости от вариантов темпов роста рождаемости в России? Варианты предложены Госкомстатом России, В.М. Медковым, В.Н. Архангельским, С.П. Ермаковым и О.Д. Захаровой. Например, высокий вариант Госкомстата исходит из того, что наметившийся подъем рождаемости – долговременное явление, а ее уровень (при плавном росте коэффициента суммарной рождаемости) составит 1,75 рождения в 2050 г. «В 2010 г. он достигнет 1,53, то есть будет практически равен среднему ожидаемому числу детей у женщин 1965–1974 гг. рождения (1,55)»[1]. Высокий вариант возможен при реализации оптимистического сценария социально-экономического развития страны, хотя, по мнению авторов прогноза, это условие необходимое, но недостаточное. Само по себе оно не служит гарантией того, что эволюция рождаемости пойдет по высокому варианту.

Три варианта прогноза рождаемости В. Архангельского также различаются. «Наиболее вероятный» вариант автор связывает с «повышением условий жизни семей при отсутствии политики стимулирования рождаемости». «Нижний» вариант реализуется при условии, что «уровень жизни семей не повысится». Наконец, «вариант активной демографической политики» предполагает, что «помимо роста уровня жизни будет проводиться активная политика, направленная на стимулирование рождаемости».

[1] Данные Госкомстата.

В формирующейся модели демографической модернизации следует отметить следующие аспекты:

- активная демографическая политика, проводящаяся с конца 2007 г.;
- постепенно увеличивающийся темп роста рождаемости;
- преобладание двухдетной нуклеарной семьи;
- рост незарегистрированных браков;
- повышение уровня жизни семьи.

В настоящее время преобладает оптимистический прогноз рождаемости в России. Однако его реализация зависит от успеха или неудачи в совмещении двух разнонаправленных задач – перехода к экономике, основанной на знаниях, и реализации преобладающей модели двухдетной семьи в России.

Осознание важности демографической проблемы, связанной с низким уровнем рождаемости, дает некоторую надежду, что человечество сможет успешно решить этот цивилизационный вызов. При этом необходимо согласиться с выводами Н.М. Римашевской о том, что в условиях социальных трансформаций роль семьи, например в России, возрастает.

2.2. Социальные функции дошкольного воспитания

Социально-экономические трансформации последних лет, включая сферу образования, привели к значительному разрыву между потребностями семей в услугах дошкольных образовательных учреждений и реальными возможностями их получения. Между тем развитие системы дошкольного образования и воспитания непосредственно воздействует на ситуацию на рынке труда, особенно на занятость женщин детородного возраста, имеющих маленьких детей, и естественным образом соприкасается с проблемами демографического развития. Дошкольное образование и воспитание играют важную роль в социальной поддержке семей с детьми наряду с другими насущными вопросами семейной политики. Наконец, доступность детских дошкольных учреждений выступает значимой целью гендерной политики, поскольку представляет собой одно из условий выравнивания социально-экономического статуса женщин и мужчин.

Важно отметить, что разрабатывая стратегические направления и программы в сфере дошкольного образования и воспитания, политики на федеральном и региональном уровнях, как правило, оставляют без внимания совокупный социальный результат намечаемых действий и характер проблем, связанных с развитием институтов дошкольного воспитания. В силу этого роль системы дошкольного воспитания недооценивается, а иногда о ней и попросту забывают. Невостребованным остается громадный опыт развития теории и практики дошкольного воспитания советского периода, который широко используется во многих странах мира и оценивается зарубежными исследователями как уникальный.

Задачей исследования стал анализ двух типов наиболее актуальных проблем развития системы дошкольного образования:

- социально-экономической доступности качественного дошкольного образования в рамках дошкольных учреждений различного типа;
- реальных и потенциальных последствий политических и административных решений в этой сфере для демографического развития, рынка труда и занятости женщин, социальной поддержки семей, а также создания условий для равенства прав и возможностей женщин и мужчин.

Законодательство. В России дошкольное образование (как и высшее) не обязательно, однако его получение гарантируется государством. Первое место в иерархии нормативных правовых актов, регулирующих дошкольное образование, занимает Конституция Российской Федерации, в которой в пункте 2 статьи 43 закреплена гарантия общедоступности и бесплатности дошкольного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Важное значение в системе регулирования дошкольного образования в Российской Федерации имеют международные акты, в частности Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН от 20.11.1989), в которой в пункте 2 статьи 18 указано, что в целях гарантии и содействия осуществлению прав, изложенных в настоящей конвенции, государства-участники оказывают родителям и законным опекунам надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей и обеспечивают развитие сети детских учреждений. Развитие системы дошкольного образования и воспитания в Российской Федерации определяется также Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования

и статьей 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, согласно которым доступность образования определяется не только равенством прав и возможностей его получения (экономической доступностью), но и доступностью физической, под которой названные акты понимают безопасную и разумную географическую удаленность образовательного учреждения от потребителя образовательных услуг.

В Законе «Об образовании» Российской Федерации дошкольному образованию и воспитанию посвящена статья 18. В ней отмечено: «Государство гарантирует финансовую и материальную поддержку в воспитании детей раннего детского возраста, обеспечивает доступность образовательных услуг дошкольного образовательного учреждения для всех слоев населения. Для воспитания детей дошкольного возраста, охраны и укрепления их физического и психического здоровья, развития индивидуальных способностей и необходимой коррекции нарушений развития этих детей в помощь семье действует сеть дошкольных образовательных учреждений».

С 1 января 2007 г. в Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» были внесены изменения, связанные с введением механизма частичной компенсации затрат родителей на оплату содержания детей в детском дошкольном учреждении. Законом прямо определено, что учредители образовательных учреждений, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, вправе устанавливать плату, взимаемую с родителей или законных представителей за содержание ребенка в указанных учреждениях, если иное не установлено федеральными законами. Размер родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, не может превышать 20% затрат на содержание ребенка в соответствующем образовательном учреждении, а с родителей (законных представителей), имеющих трех и более несовершеннолетних детей, – 10% указанных затрат.

В соответствии с Законом РФ «Об образовании» разработана нормативно-правовая база деятельности дошкольных образовательных учреждений. Так, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2008 г. № 666 «Об утверждении Типового положения о дошкольном образовательном учреждении» также указывается: «Дошкольное образовательное учреждение – тип образовательного учреждения, реализующего основную общеобразовательную

программу дошкольного образования. Государственный статус дошкольного образовательного учреждения (тип, вид и категория образовательного учреждения, определяемые в соответствии с уровнем и направленностью реализуемых им образовательных программ) устанавливается при его государственной аккредитации, если иное не предусмотрено федеральными законами. Дошкольное образовательное учреждение обеспечивает воспитание, обучение и развитие, а также присмотр, уход и оздоровление детей в возрасте от двух месяцев до семи лет. Дошкольное образовательное учреждение создает условия для реализации гарантированного гражданам Российской Федерации права на получение *общедоступного и бесплатного* дошкольного образования».

Обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования и достижение нового современного качества дошкольного образования декларируются как одно из важнейших направлений модернизации российского образования. В этой связи в последнее время все чаще высказывается мнение о необходимости принятия особого закона, регулирующего сферу дошкольного образования и воспитания. Так, за последние два года в Совет Федерации поступило около 100 предложений по изменению законодательства в сфере дошкольного образования. Проблема дошкольного образования значительно обострилась при переходе образовательной системы России к многовариантности. Появились такие формы дошкольного образования, как дополнительные группы краткосрочного пребывания для будущих первоклассников, семейные детские сады, группы 24-часового пребывания, адаптационные группы, консультпункты и др. Это привело к отсутствию критериев контроля над образовательными программами, которые там реализуются. Другой причиной повышенной заинтересованности регионов в новом федеральном законодательстве о дошкольном образовании и воспитании стала передача детских дошкольных учреждений в ведение муниципалитетов (см. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 31-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Ситуация с финансированием при этом выглядит так, что главным источником поддержки детских садов оказался консолидированный бюджет территории. Как указывает Л.С. Ржаницына, на него приходится около 98% от всех государственных ассигнований по строке «дошкольное образование», причем главные расходы возлагаются на местный бюджет. Следует, однако, отметить, что с 1 января 2007 г. новая редакция

«Закона об образовании» ввела компенсацию части родительской платы за услуги в дошкольных образовательных учреждениях в 20% от родительской платы, фактически взимаемой за содержание ребенка в соответствующем образовательном учреждении, на второго ребенка – в размере 50%, и на третьего ребенка и последующих детей – в размере 70% размера указанной родительской платы. Финансирование компенсации отнесено к ведению федерального бюджета, а порядок обращения за компенсацией, а также порядок ее выплаты устанавливаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Опыт советского периода показывает, что в случае централизованного распределения компенсаторных средств даже их небольшой объем имеет высокий мультиплицирующий эффект, значительно снижая расходы домохозяйств на содержание детей. Так, по данным Н.М. Римашевской и Н.И. Кирилловой, структура государственных затрат на помощь семьям с детьми в начале 1960-х гг. в СССР была такова: 20% затрат компенсировалось в денежной форме, а 80% – в виде льгот по бесплатному льготному обслуживанию. В совокупности государство брало на себя до 25% затрат семей на воспитание и содержание детей. В современной России государство компенсирует не более 3% расходов семей на эти цели.

Институциональное развитие дошкольного образования и воспитания. С точки зрения институционального подхода понимание того, как функционирует система дошкольного образования и воспитания, предполагает анализ сложных взаимосвязей между семьей, обществом и государством, экономикой и социальной сферой, общественным производством и воспроизводством. Институциональное развитие дошкольного образования и воспитания обусловлено их ролью в системе социального и экономического развития страны. Исследователи выделяют два возможных подхода к пониманию институционального развития дошкольного образования и воспитания: компаративистский и междисциплинарный.

Компаративистское исследование институциональных структур, связанных с предоставлением услуг в этой сфере, предполагает прежде всего сравнительно-функциональный анализ актуальной политики, направленной на развитие дошкольного образования и воспитания в разных странах. В настоящее время можно говорить о глобальных представлениях о социальных функциях дошкольного образования и воспитания. Так, саммит Европейского союза 2002 г. в Барселоне впервые в истории сформулировал как политическую цель для стран,

входящих в эту организацию, достичь к 2010 г. 33%-ной посещаемости детских дошкольных учреждений для детей в возрасте до трех лет, а также 90%-ной обеспеченности услугами детских дошкольных учреждений детей от трех лет и старше (до достижения школьного возраста). Европейский союз связывает эту задачу со стремлением к достижению реального равенства прав и возможностей женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни.

В то же время развитие дошкольного образования и воспитания может быть обусловлено специфическими мотивами и потребностями. Например, во многих странах оно первоначально было обусловлено необходимостью привлечения женщин на рынок труда и резким снижением цены рабочей силы мужчин между двумя мировыми войнами. В Советской России, помимо этого, дошкольное образование и воспитание были призваны решить задачу привития коллективистских ценностей как государственной идеологии, что некоторыми критиками того времени рассматривалось как покушение на устои традиционной семьи. В то же время, начиная с 60-х гг. XX в., развитие системы дошкольного образования тесно связывалось с задачами преодоления фактического неравенства женщин и мужчин (особенно в сфере домашнего труда), а также семей с различным уровнем доходов и числом детей.

В ряде стран развитие дошкольного образования и воспитания выступает как эффективный инструмент демографического развития. Во Франции, Дании, Ирландии, Норвегии, Швеции и других странах высокие расходы государства на поддержку семей с детьми сочетаются с развитой системой услуг по уходу за дошкольниками, что дает в результате более высокую рождаемость. В Италии, Испании, Греции и странах Восточной Европы низкий уровень государственных расходов обрекает общество на сверхнизкую рождаемость. По убеждению Е.Л. Юрьева, «ключевым фактором успеха является уровень государственных расходов на поддержку семей с детьми. В России, в странах Восточной Европы этот показатель аномально низок – 0,4% ВВП, в то время как Детский фонд ООН рекомендует уровень не менее 2% ВВП»[1].

Наблюдения на основе норвежских данных показывают, что увеличение числа детских садов оказывает положительное влияние на

[1] Из выступления председателя Общественного совета ЦФО Е.Л. Юрьева «Нужны ли России многодетные семьи» на II Всероссийской конференции «Многодетная семья в современной России». 10–11 июля 2008, Москва (см.: URL: http://rusk.ru/st.php?idar=113116).

рождение второго и третьего ребенка. Особенно это влияние заметно на уровне недорогих детских садов. (В Норвегии более половины детских садов – частные.) Интересно, что самая заметная реакция на распространение детских садов последовала от хорошо образованных женщин.

В некоторых европейских странах дошкольное образование и воспитание успешно используется как инструмент социальной адаптации и интеграции детей мигрантов и детей с проблемами развития. Таким образом, система дошкольных учреждений способствует формированию социальной, национальной и культурной толерантности в обществе.

В исследованиях ряда западных ученых показана значительная зависимость между прохождением ребенком специальных образовательных программ в раннем возрасте и его школьными и, соответственно, последующими образовательными успехами, социальной активностью и психологической стабильностью в более поздних возрастах. Так, Линн Кароли и Джеймс Бигелоу в исследовании по заказу RAND Corporation (2005) обнаружили, что затраты на дошкольное образование и воспитание в штате Калифорния в рамках финансируемой за счет штата специальной программы, адресованной семьям, живущим за чертой бедности, показывают высокую экономическую эффективность при 70-процентной вовлеченности детей из этих семей в возрасте четырех лет. Согласно их расчетам, ожидаемая прибыль на каждый потраченный доллар составила $2,62, не считая таких дополнительных преимуществ, как сокращение преступности и рост конкурентных преимуществ представителей этнических меньшинств.

Во многих развитых странах (например, в Англии) обязательное образование начинается с пяти лет. В Финляндии принят закон, гарантирующий место в подготовительной группе детского сада или подготовительном классе школы для всех шестилетних детей.

Междисциплинарный подход определяет доминирующий тип институциональной модели дошкольного образования и воспитания. В целом можно говорить о двух подходах: детоцентрическом и социоцентрическом. В первом случае необходимость общественного дошкольного образования и воспитания обосновывается системой аргументов, связанных с правами детей и их родителей, а также необходимостью развития личности ребенка и социализации в обществе сверстников и взрослых вне дома (приобретение навыков общения, элементарных знаний, навыков, умений и пр.). Соответствующая

модель может быть названа образовательной, а дошкольное образование выступает здесь как часть общей системы образования.

Во втором случае система дошкольного образования рассматривается с точки зрения обеспечения равных прав и возможностей детей из различных социальных, культурных, языковых групп. Посредством дошкольного образования и воспитания неизбежное неравенство семей компенсируется доступными образовательными услугами. В этом случае особую важность приобретает система приоритетов: например, преференциальный доступ к услугам дошкольных учреждений для тех или иных семей (матерей-одиночек, бедных, мигрантов и пр.). Например, в Швеции до 2002 г. ребенок терял место в дошкольном учреждении, если мать теряла работу (независимо от причин увольнения). Во Франции детские государственные дошкольные учреждения не могут посещать дети, чьи матери не работают (домохозяйки) или находятся во временном отпуске по уходу за (другим) ребенком. Во многих странах предпочтение отдается детям работающих родителей, а среди них – малообеспеченным. При всей своей социальной направленности эта модель парадоксальным образом способствует социальному расслоению, поскольку с самого разного возраста дети подпадают под воздействие разных по своему статусу образовательных институтов – например, государственных детских садов (для «бедных») и частных (для «богатых»).

Пример ухода от данного противоречия можно обнаружить в Норвегии. С 1998 г. там были введены выплаты родителям, которые не пользуются услугами субсидируемых государством детских садов, а с января 1999 г. эта программа стала охватывать всех детей одного-двух лет. Пособие выплачивается ежемесячно, не облагается налогом, ставка фиксированная и примерно равна государственной помощи на оплату места в детском саду. Чтобы иметь право на получение пособия в полном размере, ребенок должен полный день (более 32 часов в неделю) находиться в государственном детском саду. Родители, отдающие детей в государственный детский сад на более короткое время, могут получать пособие в уменьшенном размере. Собственниками и управляющими детских садов могут быть государственные или частные предприятия. Однако и те и другие имеют право на получение субсидии от государства. Субсидия представляет собой взнос в бюджет детского сада в расчете на число посещающих его детей. Размер субсидии увеличивается в зависимости от количества часов пребывания детей в саду и выше для детей от ноля до двух лет, чем для других детей дошкольного возраста. Многие частные детские

сады также получают субсидии на уровне муниципалитета. Примерно в половине государственных детских садов размер оплаты для родителей зависит от их доходов, в то время как в частных детских садах обычно используется фиксированная ставка, не зависящая от уровня доходов родителей. В результате этих мер оплата в государственных и частных детских садах отличается незначительно, а условия пребывания ребенка сопоставимы.

Учитывая международный опыт, можно сказать, что расширение охвата детей дошкольным образованием и воспитанием следует отнести к безусловным приоритетам образовательной и в целом социальной политики, поскольку оно способствует выравниванию стартовых условий детей вне зависимости от места проживания, социального статуса, национальной принадлежности и состояния здоровья.

В целом, как отмечают Л.Н. Овчарова и А.И. Пишняк, «изучение эффектов такой политики в странах ОЭСР выявило сильную положительную связь между рождаемостью и должной организацией услуг по уходу за ребенком <...>. В Норвегии политика, направленная на повышение доступности услуг по уходу за ребенком и детских дошкольных учреждений, содействовала росту рождаемости: увеличение на 20% числа детей, посещающих детские дошкольные учреждения, способствовало росту плодовитости когорты на 0,05 ребенка».

нет ссылки!

На протяжении последних лет реформа системы дошкольного образования и воспитания декларируется в качестве одной из первоочередных задач социальной политики. Это обусловлено тем, что существующая система не удовлетворяет общество. По данным Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций, население не устраивают ни количество, ни качество предоставляемых услуг. Дефицит детских садов приводит и к ухудшению условий содержания детей. «Мест не хватает, поэтому укрупняются группы, вместе находятся ребята разных возрастов. Нарушаются и воспитательные принципы, и элементарные санитарные нормы», – жалуется С. Волченскова (Ростов-на-Дону). Кроме того, нехватка мест создает условия для различных поборов, начиная с записи детей в сад. Размер такого «добровольного благотворительного вступительного взноса» может достигать 10–50 тыс. рублей. По данным ВЦИОМ, в Екатеринбурге устроить ребенка вне очереди в детский сад стоит в среднем около 40 тыс. руб., в Черкесске – от 15 до 30 тыс. руб., в Самаре – от 5 до 20 тыс. руб. Иногда вместо денег родителей просят купить компьютер или мебель.

Выработка оптимальной стратегии реформирования предполагает в том числе и выбор методологии оценки совокупности факторов, влияющих на состояние системы. По нашему мнению, институциональный подход – наиболее адекватный метод такой оценки. Это связано с тем, что институты системы дошкольного образования и воспитания одновременно выступают в экономической, социальной и правовой ипостасях.

Экономический характер институтов дошкольного образования и воспитания обусловливается их связью с доходами населения и ситуацией на рынке труда, где наблюдается большая занятость женщин. Типичная молодая семья в России – это семья по крайней мере с двумя кормильцами. Обнаруженные в ходе исследований «Таганрог-3», «Таганрог 3-½» и «Таганрог-4» ИСЭПН РАН трансформации структуры доходов обследованных домохозяйств выразились в снижении доли факторных доходов в бюджете домохозяйств, росте доли трансфертов, пособий, льгот, доходов от личных подсобных хозяйств и прочих доходов, которые в настоящий момент оказывают значительное влияние на формирование бюджетов средне- и низкодоходных домохозяйств. По оценкам Л.С. Ржаницыной, даже в Москве при типичных заработках двое родителей могут содержать только одного ребенка. В этих условиях экономически доступные услуги дошкольного образования и воспитания стали бы реальным вкладом в доходы домохозяйств. Не случайно большинство респондентов (71%) в исследовании ФОМ воспринимают их в контексте государственной поддержки семьи и предлагают сделать их либо полностью бесплатными, либо с высокой долей компенсации стоимости услуг для домохозяйств.

Согласно репрезентативному опросу, проведенному в 2006 г. Фондом «Общественное мнение», плату за посещение ребенком детского сада вносят 79% семей. Наряду с официальной платой за посещение ребенком дошкольного учреждения распространенной практикой стал сбор денег с родителей на нужды этого учреждения. Как показало исследование, 64% респондентов данной категории участвуют в материально-техническом обеспечении дошкольных учреждений, оплачивая ремонт и охрану помещений, покупку книг, материалов и оборудования; 66% семей вносят деньги на организацию экскурсий, праздников и подарков в детском саду. Одновременно в некоторых детских садах возникла практика предоставления дополнительных образовательных услуг на платной основе. Согласно данным того же опроса, 23% семей платили за занятия в детском саду,

не связанные с подготовкой к школе, и 13% респондентов оплачивали занятия в детском саду, связанные с подготовкой к школе. Такая практика, по мнению Е.В. Савицкой, идет вразрез со статьей 43 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует доступность и бесплатность общего образования.

Это делает весьма актуальной задачу государственной поддержки по расходам домохозяйств на услуги дошкольных учреждений. По расчетам Л.Н. Овчаровой и А.И. Пишняк, в 2007 г. расходы бюджета на реализацию программы компенсаций для 1,9 млн или 3,6% российских домохозяйств составили 4,8 млрд руб. Средний размер компенсации в расчете на домохозяйство-получателя составил 199 руб. в месяц. Средний удельный вес компенсаций в общей структуре доходов семей-получателей равен 1%. Таким образом, в настоящее время бремя расходов на содержание ребенка приходится на семью.

Важный фактор развития системы дошкольного образования и воспитания – женская занятость и связанная с ней ситуация на рынке труда. Присутствие женщин на нашем рынке труда очень весомо. Женщины составляют около половины экономически активного населения, причем в силу сложившейся гендерной сегрегации рынка труда женщины представляют большинство в ряде ключевых секторов общественного хозяйства – в здравоохранении, образовании, сфере финансовых услуг и др. Поэтому сокращение присутствия женщин на рынке труда не только невыгодно для общества в целом, но и экономически невозможно. Если женщины покинут рынок труда, то дефицит трудовых ресурсов обнаружится в полном объеме. Вместе с тем проблема занятости молодых женщин с детьми дошкольного возраста имеет свою специфику. Так, согласно опросу Департамента труда и занятости населения Москвы, свыше 40% опрошенных мам с детьми в возрасте до трех лет предпочли бы заниматься воспитанием детей, нежели совмещать эти обязанности с трудовой деятельностью. Причем чем меньше возраст ребенка или трудовой стаж, тем этот показатель выше (соответственно 43,1 и 45%). Характерно, что среди опрошенных свыше 70% работали до рождения ребенка, 29,4% мам с маленькими детьми еще не приступали к трудовой деятельности. Женщины, имеющие детей в возрасте до полутора лет, в меньшей степени заинтересованы в трудовой деятельности, чем те, у кого дети постарше – соответственно, 43,1 и 38,3%. Желание приступить к трудовой деятельности высказали в равной мере те, у кого один ребенок, и имеющие больше детей – 59,2% (единственный ребенок), 61% (двое детей), 59,5% (трое и более детей). Однако

у имеющих возможность устроить детей в ясли или детский сад степень трудовой мотивации выше – более 63%.

Таким образом, значительная часть женщин с маленькими детьми рассматривает занятость на рынке труда как вынужденную. Однако возможность устройства детей в дошкольные учреждения представляет собой существенный фактор повышения степени трудовой мотивации, что в условиях нехватки рабочей силы для заполнения традиционно «женских» рабочих мест делает развитие системы дошкольного образования и воспитания экономически эффективной (в частности, таким образом можно сократить размер трудовой миграции).

Возможность устроить ребенка в детский сад или другое дошкольное заведение – еще и важный фактор повышения производительности труда. По данным международного рекрутингового агентства Kelly Services (2006), 64% опрошенных ответили, что работали бы больше и более продуктивно, если бы качественные детские сады были доступнее. Причем утвердительно на этот вопрос отвечали не только женщины, но и многие мужчины.

Социальный характер системы дошкольного образования и воспитания проявляется в том, что наряду с семьей он способствует формированию целостной социально-педагогической и культурно-образовательной среды для жизни, развития и самореализации ребенка. По данным ФОМ, 71% взрослого населения России считают, что маленьким детям следует ходить в детский сад, даже если у родителей есть возможность их туда не отдавать. (Чаще других такой точки зрения придерживаются респонденты, чьи дети или внуки ходят в настоящее время в детский сад или ходили туда прежде: 77%; реже других – жители Москвы: 64%.) Противоположного мнения – если есть возможность выбора, то ребенка в детский сад лучше не отдавать, – придерживаются 14% опрошенных (среди москвичей – 27%); 15% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. По результатам опроса, проведенного Исследовательским центром портала SuperJob.ru, большинство россиян считают детский сад важной ступенью в развитии ребенка. Подавляющее большинство респондентов (87%) считают, что лучше отдать ребенка в детсад, ведь там он получает «самые главные навыки общения», «учится жить в коллективе, ощущать себя отдельно от родителей, иметь собственное мнение». Помимо общения со сверстниками опрошенные указывали на такие плюсы пребывания ребенка в детском саду, как развитие творческих и умственных способностей, соблюдение режима и т.п.

Большинство родителей (по данным ФОМ) осознают, что воспитание, образование и развитие детей в детском саду строятся на научной основе и обеспечивают решение воспитательно-образовательных задач в процессе социализации личности ребенка. Хотя очевидно, что семья и детский сад, выполняя свои особые функции, не могут заменить друг друга. Наши данные из интервью с родителями детей разных возрастов, а также с дедушками и бабушками, подтверждают эти наблюдения:

«Детский сад совершенно необходим для подготовки ребенка к школе».

«Ребенок должен общаться с ровесниками, иначе ему в школе придется туго. Детский сад – как раз такое место!»

«Обязательно отдам ребенка в детский сад хотя бы за год до школы».

«Я считаю, что в детском садике дети учатся общаться друг с другом и с взрослыми. Учатся называть воспитателей по имени и отчеству».

«В садике дети быстрее развиваются. Учатся петь, рассказывать стихи...»

«Садик учит ребенка дисциплине и умению соблюдать режим. Я утром иду на работу, а он в садик. Он это понимает... Это как бы его работа».

«Это просто необходимо! Где еще ребенок научится постоять за себя?!»

«В детском садике ребенок учится жить без родителей. Это важно».

Родители также указывают на возможность получения в рамках дошкольных учреждений услуг здравоохранения, питания, физического воспитания и др.

Доступность дошкольного образования и воспитания. Переход к рыночным отношениям в России вызвал глубокий институциональный кризис социальной сферы, включая дошкольное образование и воспитание. Резкое сокращение объема валового внутреннего продукта, увеличение безработицы среди экономически активного населения, особенно женщин, рост бедности, жесткие бюджетные ограничения и сокращение государственных расходов на социальные нужды оказали негативное влияние на институт семьи как таковой и ситуацию с рождаемостью. Число детей, посещающих дошкольные заведения, значительно сократилось. Причем сокращение численности детей в дошкольных образовательных учреждениях происходило в более быстрых темпах, чем уменьшение числа этих учреждений, что послужило причиной возникновения избыточности дошкольных

учреждений. В 2001 г. численность детей в расчете на 100 мест в дошкольных образовательных учреждениях составляла 90 человек в городах и 65 человек – в сельской местности. Для сравнения: в 1991 г. на 100 мест в детских садах приходилось 109 человек в городах и 91 человек в сельской местности. Однако затем сокращение числа дошкольных учреждений пошло опережающими темпами. Более объективную картину можно получить, используя показатель охвата детей дошкольными образовательными учреждениями. Согласно данным Росстата, в 1991 г. детские сады посещали 63,9% от общей численности детей соответствующего возраста, в 1998 г. – только 53,9%, а в 2001 г. – 57,2% . На 2007 г. охват детей дошкольными учреждениями составлял 52,6%. Таким образом, охват значительно снизился за период с 1991 по 1998 г., а затем наметилась тенденция к увеличению посещаемости детских садов. Показатель охвата демонстрирует, что в течение 1990-х гг. лишь немногим более половины мальчиков и девочек в возрасте до шести-семи лет получали дошкольное образование в системных образовательных учреждениях. Основной причиной снижения посещаемости детских дошкольных учреждений за рассматриваемый период стал общий спад экономической активности в стране, что снизило потребность в детских дошкольных учреждениях у молодых родителей. Другая причина – дифференциация доходов в обществе и формирование прослойки богатых людей. Действительно, если заработок мужа достаточно высок, жена может не работать, а заниматься воспитанием и образованием ребенка. Если заработок одного из супругов очень высок, семья может пользоваться услугами няни или гувернантки и ребенок не попадает в сферу системного образования. По данным Фонда «Общественное мнение» (2003), всего около 8% российских семей нанимают няню; около 9% семей пользуются услугами няни частным образом; 9% детей дошкольного возраста берут частные уроки иностранного языка, музыки, танцев и т.д. Аналогичные данные получены Исследовательским центром портала SuperJob.

В целом решение проблемы доступности дошкольного образования – задача государственного управления и зависит как от федеральных органов власти, так и от действий органов управления образованием и местного самоуправления.

2.3. Доступность дошкольного и школьного образования

Настоящий раздел посвящен анализу проблем доступности образования как одного из базовых социальных благ и одного из важнейших неденежных индикаторов бедности. Степень доступности образования может снижать или, напротив, увеличивать масштабы социальной дифференциации в обществе, тем самым сокращая или, наоборот, усугубляя проблемы бедности. На примере Москвы вопросы доступности образования рассмотрены применительно к сферам дошкольного и среднего образования. Основным информационным источником для подготовки данного раздела стали результаты проекта «Бедность семей с детьми в городе Москве», проведенного в третьем квартале 2008 г. по заданию Уполномоченного по правам ребенка в Москве[1]. Проанализирована зависимость доступности образования от его платности для различных групп домохозяйств. Показано, что различия в доступности образования формируются как в дошкольном возрасте, так и в школьные годы, и проявляют себя в разной форме (разные типы учебных заведений, различный объем внешкольных платных и бесплатных занятий и пр.). При этом для Москвы очень значителен вклад имущественного и культурного неравенства в социальное расслоение в образовательном пространстве. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о сегментации дошкольного и особенно школьного образования по критериям доходов и культурного капитала родителей, а также значительные различия в инвестициях в человеческий капитал детей в семьях разного типа. Результаты исследования позволяют заключить, что сложившаяся система дошкольного и школьного образования фактически воспроизводит и укрепляет сложившееся социальное неравенство вместо того, чтобы нивелировать его.

Социологические исследования последних лет показывают, что в России сложилась парадоксальная ситуация, когда образование не только перестало играть роль социального лифта, но, напротив, само стало способствовать возникновению барьеров между различными социальными и культурными группами[2]. Этому в немалой степени

[1] Результаты проекта нашли отражение в коллективной монографии «Проблемы бедности семей с детьми в городе Москве» (М.: ООО «Партнер», 2009).

[2] Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? Доклад Общественной палаты Российской Федерации (2007) / Вопросы образования. – 2007. – № 4. – С. 9. – URL: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=710&t_no=711&ob_no=712

способствовал быстрый рост платности образования, затронувший в первую очередь вузы. Однако в настоящее время коммерциализация все активнее проникает и в общеобразовательную школу, а также в систему дошкольного образования, которые до недавнего времени по праву считались защищенными институтами, обеспечивающими социальное равенство. В этих условиях особую важность приобретает вопрос о том, в каких формах социальное неравенство воспроизводится в средней школе, и каковы препятствия, мешающие обеспечению равных образовательных возможностей.

В докладе Общественной палаты по вопросам образования (2007) справедливо отмечается, что «платность не была допущена всерьез в массовую школу и не стала существенной причиной неравенства. Однако сохранение в основном бесплатной школы не остановило другие факторы расслоения: культурный и территориальный»[1]. Как подчеркивает И.Д. Фрумин, «невероятный по европейским масштабам рост социально-экономического неравенства привел фактически к созданию двух систем образования – для бедных и для богатых, что получило подтверждение как относительно высшего образования, так и относительно средней школы»[2].

В настоящем разделе рассмотрены те социально-экономические факторы, которые вносят наибольший вклад в дифференциацию образовательных возможностей разных групп населения.

Кому доступно качественное среднее образование. Как подчеркивается в докладе Общественной палаты РФ (2007), посвященном вопросам развития образования, платность не стала в 1990–2000-е гг. основным фактором формирования и углубления неравенства в доступе к образованию[3]. Вместе с тем недооценивать вклад экономического неравенства в формирование неравенства доступа также было бы неверно. Посмотрим, каким образом эти проблемы преломляются в материалах нашего исследования. Один из первых вопросов – это вопрос о выборе типа учебного заведения среднего образования. Соответствующие данные с разбивкой по группам семей представлены в *таблице 15.*

[1] Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? Доклад Общественной палаты Российской Федерации (2007) / Вопросы образования. – 2007. – № 4. – С. 9.

[2] *Фрумин И.Д.* Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Вопросы образования. – 2006. – № 2. – URL: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=367&t_no=368&ob_no=369

[3] Там же.

Таблица 15.

Распределение ответов на вопрос: «В какой школе учится ваш ребенок (дети)?»

Тип школы	Все семьи (%)	Из них						
		По уровню жизни (%)		По категориям семей (%)				
		Бедные	Небедные	С одним-двумя детьми	Многодетные	Неполные	С ребенком-инвалидом	Опекунские
Районная общеобразовательная	73,2	77,9	71,3	70,1	77,0	79,1	52,2	77,8
Специализированная, с изучением иностранного языка, математики или др.	9,1	6,9	9,6	9,4	8,9	6,1	10,3	6,5
Гимназия, лицей	6,9	4,3	8,0	7,2	6,9	5,5	2,2	2,8
Гимназические классы в обычной школе	3,3	2,9	3,5	2,7	4,0	1,8	1,6	0,0
Спецшкола/ интернат для детей с ограниченными возможностями	3,5	3,3	3,5	5,3	1,5	4,3	19,6	10,2
Другое	4,0	4,7	4,0	5,3	3,1	3,1	14,1	2,8
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Данные таблицы наглядно подтверждают тезис о взаимосвязи экономического благосостояния и образовательных возможностей. Так, доля детей, обучающихся в районных общеобразовательных школах, последовательно снижается при переходе от наиболее бедных групп к более состоятельным (снижение с 76,2% до 64,4%); параллельно растет доля детей, которые учатся в специализированных школах с изучением иностранного языка, математики и других предметов, а также в гимназиях и лицеях. При анализе по категориям семей можно видеть, что наиболее скромно выглядят образовательные возможности детей из неполных семей – они уступают всем

другим группам (включая многодетные) по доле детей, обучающихся в спецшколах с углубленным изучением иностранного языка, математики и пр., а также в гимназиях и лицеях, и, напротив, явно лидируют по доле обучающихся в районных общеобразовательных школах. Это обстоятельство дает новые основания для того, чтобы рассматривать категорию неполных семей как социально уязвимую в плане обеспечения равенства образовательных возможностей.

Вместе с тем уровень благосостояния – не единственный фактор, определяющий образовательные возможности ребенка. Наряду с собственно доходом не менее значимый вклад в дифференциацию образовательных возможностей вносят социокультурные различия между семьями и, в первую очередь, уровень образования родителей. Исследователи уже давно заметили, что родители с высшим образованием имеют высокую мотивацию обеспечить своим детям наилучшие образовательные шансы. В последние годы эта тенденция стала проявляться и в сфере дошкольного образования, однако наиболее велико влияние родительского культурного капитала именно при выборе стратегий обучения в средней школе и в вузе. В нашем исследовании эта закономерность проявила себя в полном объеме – дети образованных родителей имеют наиболее выигрышную «комбинацию» школ, с максимальной долей спецшкол с изучением иностранного языка, математики и других предметов и минимальной долей спецшкол и специнтернатов для детей с ограниченными возможностями здоровья. Показательно, что у детей, обучающихся в языковых, математических и других спецшколах, свыше 80% родителей имеют высшее образование, в то время как у детей, которые учатся в районных общеобразовательных школах, таковых только 55,6%. Не менее показательно, что максимальный процент родителей (10,3%), имеющих образование ниже среднего профессионального, отмечается у детей, обучающихся в спецшколах и специнтернатах с ограниченными возможностями здоровья. Тем самым исходные социокультурные и экономические стартовые различия, задаваемые семьей, не только не нивелируются в системе среднего образования, но и дополнительно усиливаются.

Аналогичные выводы могут быть сделаны и при анализе по отдельным категориям семей. Наиболее высокая доля детей, учащихся в обычных районных школах, – в группах многодетных, опекунских и неполных семей. А вот в семьях, имеющих не более двух детей, эта доля ниже при одновременно более высокой доле детей, учащихся в более престижных типах школ. Однако различия между детьми из

разных социокультурных и доходных групп не ограничиваются тем, что они имеют разную вероятность поступить в разные типы школ. Углублению различий способствуют и усилия самих семей на протяжении школьных лет, связанные с дополнительным платным обучением ребенка – в форме занятий с репетитором, посещения кружков, спортивных секций, музыкальных и художественных школ и пр. Тем самым исходное неравенство образовательных возможностей на протяжении школьных лет не только не сокращается, но еще больше углубляется.

В отношении семейных инвестиций в школьное образование сохраняется тенденция, аналогичная той, которая имеет место в дошкольном образовании. А именно: бедные семьи несут наиболее тяжелое бремя трат на обучение в школе, если сопоставить эти траты с их совокупным доходом – 3,1% от дохода семьи против 1,9% по всей выборке. Однако при этом абсолютная величина таких расходов у бедных семей значительно уступает всем другим группам и практически в полтора раза ниже, чем в среднем для всех обследованных семей. Наиболее высокая доля затрат на школьное обучение отмечается в группе семей с одним-двумя детьми (3,7% от совокупных доходов). Одним из объяснений этого выступает тот факт, что для подобной группы характерна наиболее высокая доля детей, обучающихся в спецшколах, гимназиях и лицеях, что предполагает и более высокие затраты. Таким образом, хотя эта группа и платит за образование детей в относительном выражении больше, чем все остальные, она получает и более качественный результат в виде более глубоких школьных знаний.

Недостаточно качественное школьное образование семьи вынуждены восполнять за счет дополнительных занятий с репетиторами. В среднем по всей выборке доля семей, оплачивающих занятия с репетитором, составляет 16,7%, хотя в некоторых группах семей она значительно выше – например, в семьях, имеющих детей-инвалидов (20,1%), и опекунских семьях (21%). Наиболее низкая доля семей, оплачивающих репетиторов, отмечается среди бедных и неполных семей. При этом в бедных семьях этот показатель сочетается также и с самыми низкими средними затратами на оплату репетиторства, в то время как в группе неполных семей абсолютные затраты на оплату репетиторов – одни из самых высоких.

В целом данные о структуре средних учебных заведений и затратах семей на репетиторство еще раз подтверждают сделанный ранее вывод о том, что система школьного образования не создает условий

для выравнивания стартовых возможностей для детей из разных семей, а, напротив, еще больше усиливает исходное социокультурное неравенство.

В том же направлении усиления неравенства действует и такой фактор, как участие во внешкольных занятиях (спортивные секции, художественные и музыкальные студии, кружки и пр.). Данные показывают, что в среднем почти 40% семей, имеющих детей школьного возраста, оплачивают подобные занятия. Однако если в группе небедных семей эта доля достигает 45%, то среди бедных она существенно ниже, чуть ли не в два раза (26,3%). При этом бесплатные внешкольные занятия посещаются детьми из бедных и небедных семей практически в равной степени (30,3 и 30,5%). Однако финансовые ограничения значительно выше как раз в группе бедных семей – здесь 15% респондентов указали на то, что на платные занятия они не имеют денег (в группе небедных семей таких всего 2,8%). Кроме того, достаточно чувствительны финансовые ограничения и в группе неполных семей (здесь эту причину отметили 8,8% опрошенных).

Из других ограничений следует отметить недостаточное развитие системы платных внешкольных учреждений – этот фактор отметили 15,6% всех семей. Наиболее остро вопрос об отсутствии желательных платных внешкольных занятий стоит для детей-инвалидов – среди семей с такими детьми почти треть (31,6%) указали на то, что дети не занимаются, поскольку подходящих платных занятий просто нет. Эти данные подтверждают вывод о том, что в категории семей с детьми-инвалидами имеется очевидный неудовлетворенный спрос на платные внешкольные занятия, которые соответствовали бы возможностям этой категории детей.

Значимость финансовых ограничений при выборе родителями платных занятий для детей очевидна. По мере роста среднедушевого дохода последовательно увеличивается и доля детей, участвующих в подобных занятиях. Это подтверждает вывод о том, что внешкольные занятия (так же как и выбор типа школы) оказывают дополнительное дифференцирующее воздействие на социокультурные и образовательные возможности детей из разных групп. В целом по всей обследованной совокупности доля расходов на внешкольные занятия составила 5,5% от совокупных доходов семей. Больше всего (в относительном выражении) тратят на подобные занятия бедные семьи (8,4%) и семьи с детьми-инвалидами (7,4%).

Как показывают расчеты, средние ежемесячные расходы на внешкольные занятия детей находятся в обратной зависимости от доли

семейных доходов, выделяемых на оплату данного типа занятий. Иными словами, наименьшие по абсолютному значению расходы на внешкольное образование детей имеют место именно в тех семьях, которые тратят на эти цели самую высокую долю своих доходов. Нетрудно догадаться, что такая ситуация складывается в наиболее бедных семьях, где уровень среднедушевого дохода не превышает величины прожиточного минимума для Москвы. По мере роста доходов происходят два параллельных процесса – снижается доля расходов на указанные цели и растет их абсолютная величина. Таким образом, именно семьи с наименьшими доходами тратят на дополнительное образование детей самую высокую долю семейного бюджета, но при этом явно проигрывают более обеспеченным семьям по абсолютным расходам. В целом по мере роста среднедушевого дохода величина среднемесячных расходов на внешкольное образование растет практически по экспоненте (и примерно так же убывает доля этих расходов в семейном бюджете), в результате чего семьи с доходами свыше трех промежуточных минимумов на человека в месяц в два с лишним раза опережают бедные домохозяйства.

Таким образом, формирование различной доступности образования происходит как в дошкольном возрасте, так и в школьные годы, и проявляет себя в различной форме (разные типы учебных заведений, различный объем внешкольных платных и бесплатных занятий и пр.). Эти различия находят отражение и в тех субъективных оценках доступности платного и бесплатного образования, которые были даны респондентами в ходе опроса. Так, оценивая шансы детей на получение качественного бесплатного школьного образования, всего 17% респондентов указали на его недоступность или малую доступность, зато доступным его признали свыше 80% опрошенных. Ниже всего оценили доступность бесплатного среднего образования респонденты из бедных семей и семей с детьми-инвалидами (75–76%). Самые высокие оценки были даны в группе небедных и одно-двухдетных семей (свыше 83%). Противоположная ситуация складывается в отношении платного школьного образования – посчитали его относительно доступным менее 25% опрошенных. При этом дифференциация в оценках платного образования значительно выше, чем в оценках бесплатного. Так, например, в группе бедных семей почти 96% опрошенных оценили платное школьное образование как недоступное, а в группах небедных и одно-двухдетных семей такую низкую оценку доступности дали лишь около 70%. В целом анализ субъективных оценок показывает, что на уровне бесплатного

школьного образования все группы семей оценивают доступность примерно одинаково (некоторое исключение демонстрируют только семьи с детьми-инвалидами и опекунские семьи).

Что же касается доступности платного среднего образования, то в этом случае субъективные оценки жестко увязаны с доходами конкретной категории семей. Это дает дополнительные основания рассматривать доступность образования как один из значимых неденежных индикаторов бедности, показывающий диапазон социального неравенства в возможностях инвестирования в человеческий капитал на этапе получения среднего образования. Подобный вывод вполне подтверждается и данными других исследований. Так, например, авторы исследования, посвященного доступности качественного общего образования в России, подчеркивают, что «чем лучше предоставляемое школой образование, тем больше вероятность того, что его получению сопутствует определенная форма платности: от оплаты факультативных предметов и дополнительных услуг до платы при поступлении»[1].

Таким образом, внутри системы образования существует целый ряд барьеров, затрудняющих доступность качественного образования для одних категорий учащихся, но сравнительно легко преодолеваемых другими. В этом смысле можно говорить о том, что различным контингентам учащихся доступны разные типы качества образования. Социокультурный и имущественный барьеры на пути к равной доступности образования усугубляются селекцией школьников на разных этапах обучения, поскольку в большинстве школ с высокими образовательными результатами осуществляется конкурсный отбор школьников. Кроме того, процессы социального расслоения в сфере образования стимулируются растущей платностью среднего образования (в первую очередь дополнительного), что приводит к снижению образовательных возможностей даже для талантливых детей из малообеспеченных семей. В результате в вуз поступает в два с половиной раза большая доля выпускников «сильных» школ, чем «слабых». Эти данные говорят о том, что современная система школьного образования фактически воспроизводит и укрепляет сложившееся социальное неравенство вместо того, чтобы нивелировать его[2].

[1] *Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю., Рощина Я.М.* Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения / Вопросы образования. – 2006. – № 2. – URL: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=367&t_no=368&ob_no=468

[2] Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? Доклад Общественной палаты Российской Федерации (2007). – С. 10–11. – URL: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=710&t_no=711&ob_no=712

Как показывают данные нашего исследования, для Москвы валидны не все из названных выше индикаторов, характеризующих принадлежность к «высококачественному» сегменту среднего образования. Так, например, по результатам исследования было выявлено, что домашний компьютер используется для образовательных целей практически в 70% семей, при этом масштабы дифференциации по этому показателю существенно ниже, чем для России в целом. Хуже всего обеспечены компьютерами семьи с детьми-инвалидами и опекунские семьи (только 63–65% имеют компьютер); высокие показатели обеспеченности отмечаются для небедных семей, семей с 1–2 детьми, а также для многодетных (79–82% семей в этих категориях располагают компьютерами). Для Москвы не выступает как высоко дифференцированный и такой показатель, как ориентация на получение высшего образования. Если исключить из рассмотрения семьи с детьми-инвалидами[1], то во всех остальных группах семей доля родителей, ориентированных на получение детьми высшего образования, не опускается ниже 70% и варьирует в диапазоне от 69 до 83%. При этом, в отличие от многих рассмотренных выше показателей, ориентация на получение высшего образования сравнительно слабо дифференцирована даже в разрезе дробных доходных групп: так, в группе семей с доходами ниже одного ПМ на человека в месяц хотели бы дать детям высшее образование 69,2%, а в группе с доходами более трех ПМ – 78,6%.

Подводя итоги проведенного анализа, подчеркнем, что неравенство доступа к качественному образованию начинает формироваться еще до поступления в школу (то есть фактически на уровне детского сада), затем этот процесс продолжается и углубляется в основной школе и окончательно закрепляется к старшим классам полной школы. Попытки нивелировать социальное неравенство, уже сформированное к моменту окончания полной средней школы, практически всегда оказываются неэффективными. Поэтому вопрос об обеспечении доступности качественного образования для всех групп населения и выравнивании образовательных возможностей должен быть поставлен как можно раньше – уже на уровне детского сада, поскольку качественное дошкольное образование формирует навыки, значительно облегчающие обучение в начальной и средней школе[2].

[1] Поскольку возможность получения высшего образования детьми-инвалидами связана не только с желанием и материальными возможностями семьи, но и с особенностями заболевания ребенка, эти вопросы должны рассматриваться особо.

[2] Рядом исследований было установлено, в частности, что плохая успеваемость в общеобразовательной школе в значительной степени проявляется именно у тех детей, которые не посещали детский сад.

Результаты исследования показывают, что меры социальной политики, направленные на преодоление неравенства в сфере образования и адресованные социально-уязвимым группам (например, многодетным, семьям с детьми-инвалидами), в целом ряде случаев оказываются эффективными, обеспечивая выравнивание образовательных возможностей. Вместе с тем полученные данные с очевидностью демонстрируют, что в нынешних условиях значительно возрос вклад имущественного и культурного неравенства в социальное расслоение в образовательном пространстве. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о сегментации дошкольного и особенно школьного образования по критериям доходов и культурного капитала родителей, а также значительные различия в инвестициях в человеческий капитал детей в семьях разного типа. В этих условиях социально востребованными и эффективными могут стать такие меры выравнивания образовательных возможностей, которые имеют в качестве точки приложения не столько семью, сколько непосредственно саму систему образования.

В школьном образовании одним из наиболее актуальных направлений расширения образовательных возможностей стало выравнивание качества образования в школах разного типа и «подтягивание» наиболее слабых школ. Подобные меры тем более актуальны, что в данном сегменте школ происходит концентрация детей, чьи родители не имеют достаточного экономического и культурного капитала, чтобы обеспечить детям высокие образовательные возможности. Одним из эффективных механизмов могло бы быть использование практикуемых во многих странах программ специального «подтягивания» школ, показывающих самые слабые результаты.

2.4. Единый государственный экзамен: кто и как его сдал?

Система образования – это уникальный социальный институт. Его неповторимость определяется тем, что он призван развивать и преумножать социальный капитал – неисчерпаемый ресурс, источник ничем не ограниченного развития. По системе образования можно судить не только о современном состоянии дел в стране и обществе, но и о будущем. **Система образования – это система проектирования**

и воспроизводства социального будущего. Мы обязаны считать систему образования уже по этому основанию идеологическим институтом: в ней производятся идеи, социально-значимые идеалы, мировоззренческие позиции, надежды, конструирующие будущее общество в целом и судьбу отдельных людей[1]. Без системы социально значимых идеалов общества существовать не могут. Они распыляются в социальном атомизме, теряя объединяющие их силы идентичности[2]. Особенно важно понимание такой роли системы образования в эпоху перемен. А эти перемены колоссальны. Страна осваивает некогда утерянные традиции и культуру самостояния и предприимчивости.

Существуют два способа ответа на вопрос о роли образования по проектированию будущих социальных реальностей.

Первый. Конструкция будущего общества очерчивается уже сегодня его политическими идеологами. Модель будущего общества или определяется политическим классом в его программных документах, или неявно проявляется в плохо отрефлексированных сигналах сверху (так это происходит сегодня). Составляется перечень норм, правил, установок, которым должны соответствовать люди этого общества. Система образования здесь выступает как институт по формированию людей этого будущего общества. Такой вариант проектирования будущего был политической доминантой построения системы образования в Советском Союзе. Но и сегодня мы видим явные проявления этой модели. Мифологизируются рынок и его всесилие. Рыночный детерминизм означает стремление все преодолеть через развитие рынка и его инструментов. В этой модели на смену человеку «коммунистическому» приходит человек «рыночный»[3].

---

[1] «Идеология – это система взглядов, идей, выражающих коренные интересы общественных групп, народов, наций, классов, социальных движений». См.: Социологическая энциклопедия. – Минск: Изд-во «Белорусская энциклопедия», 2003. – С. 104.

[2] Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» так рассуждает на эту тему: «Без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пущей мерзости…» (Дневник писателя. – М.: Изд-во «Современник», 1989. – С. 179).

[3] Однако сегодня осознается ограниченность рынка и его подчиненность обществу и его морали. Самым ярким аргументом в пользу этого стало выступление президента Франции Николя Саркози на экономическом форуме в Давосе в 2010 г.: «Свободный рынок и конкуренция – это лишь средства, но ни в коем случае не цель. Давайте не смешивать эти два понятия. С того самого момента, когда мы стали говорить, что «рынок всегда прав», глобализация вышла из-под контроля. Альтернативы рыночной экономике нет. Но спасти капитализм и рыночную экономику можно, лишь если мы их перенастроим. И я даже решусь сказать так: если мы восстановим их моральное измерение, призовем их к совести». – URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=339055

Введение в массовую педагогическую практику Единого государственного экзамена (ЕГЭ) – вполне понятный политический (и идеологический) акт: формальность знаний начинает доминировать над их смыслами, выветривая из школьной практики гуманистическое системное наполнение образования, позволяющее не только знать что-либо, но и понимать. По-видимому, политический класс этим выражает свою потребность в населении с отмороженными мозгами, неспособными к пониманию. Связка ЕГЭ и ГИФО (государственные именные финансовые обязательства) делает эту модель вполне порыночному детерминистской: ЕГЭ становится и крайне актуальной игрой «на деньги».

Второй. Будущее общество конструируется социальной практикой самодеятельного и свободного народа. В этом случае образование становится вариативным и развивающим, готовящим к жизни в обществе, в котором надо отвечать и за себя, и за страну. Образование здесь направлено на развитие личности, оно гуманистично по своему смыслу. Образование в таком обществе – это система снижения рисков неудач, неэффективных решений. Задача общества сводится к тому, чтобы последующие поколения были более образованными, чем предыдущие. Здесь образование – это сфера производительная, в которой вырабатывается интеллектуальный ресурс, выделывается личность, способная к самостоянию, к ответственности, к самодеятельности, к созидательному труду. Образование в такой модели решительно отстранено от рынка. Производство социального капитала – принципиально нерыночный процесс. Контуры будущего общества здесь только угадываются в качествах личностей, в установках, в надеждах студентов и школьников. Будущее здесь многовариантно и представляет собой систему социально привлекательных моделей, образов, существующих как возможности (аттракторы), способные стать реальностью через самодеятельность широких масс людей. Конечно, эти контуры будущего определяются и национальными традициями, культурой и верованиями, формирующими национальную идею и национальный интерес.

На поверхности событий, связанных с шумными и не всегда понятными дискуссиями по поводу ЕГЭ, усматривается конфликт между сторонниками содержательных и инструментальных модернизаций. «Инструменталисты» считают, что надобности в содержательных модернизациях нет. А если и есть, то на них нет денег. Но делать что-то с системой образования надо. Это общее место для всех: недовольство нашей системой образования приобретает массовый характер. Вот

тут всегда приоритет будет отдаваться внедрению инструментальных модернизаций.

Есть, однако, и другие люди, придерживающиеся в своих рассуждениях иной логики. Это сторонники содержательной модернизации. Они утверждают, что социально-политический кризис связан с кризисом человека. Узел социальных проблем завязан не в экономике, не в политике, а в человеке, в состоянии его ума и души. Корни кризиса надо искать в культуре, в семье, в образовании. Эти люди полагают, что надо в приоритетном порядке обучать, воспитывать, образовывать человека. Результат не замедлит сказаться в росте социального порядка, экономической эффективности, в увеличении объемов производства и доходов. Конечно, второй вариант – это вариант долгого стратегического социостроительства и жизнеобустройства. Этот вариант требует кропотливой и, что очень важно, системной работы и предполагает глубокое изменение педагогической практики. Инструментальные реформы дешевле, проще и с социальной точки зрения заметнее, быстрее, а возможно, и более эффективны для демонстрации общественного рвения.

Единый государственный экзамен стал уже повседневной практикой жизни и школы, и университета. Это совсем не означает, что проблема ЕГЭ отошла в прошлое и перестала быть предметом педагогических дискуссий. Более того, проблема ЕГЭ стала социальным явлением, прочно закрепившись в массовом сознании то ли как благо для страны, то ли как ее проклятие. Фонд «Общественное мнение» так оценивает конфликтность общественного мнения на основании результатов опроса, проведенного 20–21 июня в 44 регионах России[1]: одобряет введение ЕГЭ 21%, не одобряют 47%, затруднились с ответом 22%; граждане России, у кого есть родные и близкие школьного возраста, относятся к ЕГЭ хуже – одобряют его введение 24%, не одобряют 56%, затруднились с ответом 20%.

Появление системы ЕГЭ нуждается в тщательном разбирательстве и осмыслении. ЕГЭ оценивают как положительную меру, заявляя прежде всего о его социальности, выражающейся в обеспечении равной доступности при поступлении в вузы. ЕГЭ позитивен, по мнению граждан России, как инструмент одновременной сдачи выпускного из школ и вступительного в вузы экзаменов. Позитивен ЕГЭ и как возможность подавать документы в несколько вузов (сегодня эта возможность ограничена пятью вузами). Однако ЕГЭ одновременно

[1] URL: http://pedsovet.org/content/view/6609/339/

с этим представляет для системы школьного образования и несомненные угрозы. Эти угрозы через систему образования скажутся и на обществе[1].

ЕГЭ как социальное явление задел интересы десятков миллионов наших граждан. Они имеют право высказаться по этому поводу. Важно и разобраться в фундаментальных основаниях ЕГЭ – как декларированных, так и умалчиваемых. Назовем по крайней мере четыре таких основания.

Основание первое – это проблема оценивания знаний. Всем хорошо понятно, что оценивание социального результата сильно отличается от оценок результатов в естественных науках. Измерения в социальных системах всегда будут субъективными потому, что это люди производят оценивание результатов человеческой деятельности. Стремление формализовать оценки результатов обучения всегда будет приводить к путанице, к усилению натаскивания и выхолащиванию содержания. Социологии и психологии известно, что чем значимее социальный и образовательный результат, тем сложнее его формализовать. Поэтому педагоги, для которых главной ценностью была ценность человеческих отношений, всегда выступали с критикой формальных подходов и стандартизации. Легче всего формализуются фактический материал и работа по алгоритмам. А вот формализовать сущностные, глубинные смыслы знания гораздо сложнее. Да и вовсе возможно ли?

В то же время вполне понятно стремление создать универсальный, применимый ко всем содержательным компонентам общего образования инструмент оценивания образовательных результатов. Особенно там, где это возможно, – в точных и формализуемых предметных полях. Создав такой инструмент, мы усиливаем собственные возможности управления тем, что мы оцениваем, – например, возможности управления процессом предметного обучения. В самом деле, ЕГЭ привлек внимание общественности к низкому уровню подготовки многих выпускников по отдельным предметам, например по математике, иностранным языкам. Но об этом было известно и до ЕГЭ. Более того, известны причины невысокого качества математического

[1] Социологи из Нижегородского университета провели социологическое исследование эффективности ЕГЭ и отношения к нему как профессиональных педагогов, так и родителей, чьи дети прошли через испытания ЕГЭ (руководитель проекта – заведующий кафедрой прикладной социологии НГГУ профессор А.А. Иудин). Они провели сотни неформализованных интервью. Здесь мы будем приводить их фрагменты.

преподавания в массовой школе. Известны и методики, которые позволяют справиться с этой бедой.

Основание второе. Прозаичным основанием ЕГЭ был денежный вопрос. Главный мотив введения ЕГЭ заключался в том, чтобы получить мощный рычаг финансового государственного воздействия на вузы. Вузы устанавливали такие вступительные экзамены и с таким их содержанием, которые были им угодны для обеспечения набора и позволяли их сотрудникам хорошо подзаработать на репетиторстве. Однако вузы были очень разными. Качество обучения сильно отличалось среди учебных заведений одного и того же профиля. И это раздражало людей с «государственным мышлением». И у них родилась идея *государственных именных финансовых обязательств* – ГИФО (более подготовленные выпускники выбирают более сильные вузы и приносят туда больше финансовых вливаний – правило «деньги следуют за учеником»). Здесь идея проста: чем выше оценка по ЕГЭ, тем выше уровень ГИФО и возможность поступить в более престижный университет. Однако и это не совсем так. Даже самый высокий балл по ЕГЭ не обеспечивает получение денег по ГИФО, достаточных для поступления в престижный университет. Такие университеты будут по-прежнему доступны только детям из высокообеспеченных семей, способных оплатить подобное образование[1].

Вот что говорит о сути реформ один из идейных вдохновителей введения ЕГЭ и ГИФО, ректор Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов: «Смысл всех реформ, проводящихся в нашей стране, очень прост: в результате мы должны создать цивилизованный рынок. Рынок – это не место для обманутых. Рынок – это место, где каждый гарантированно имеет сектор свободного выбора. Рынок – это место, где ты волен выбирать лучшее и где ты должен предлагать лучшее, чтобы не быть отвергнутым. И для образования это так же верно, как для любой другой области общественной жизни»[2]. Вот еще один фрагмент из высказываний г-на Кузьминова: «Первое – прозрачность на рынке образования и здравоохранения, определенный пакет требований к тем, кто на этом рынке работает. Покажи свои методики, персонал, финансы – и пусть потребитель смотрит и выбирает. Сейчас же

[1] Категоризация государственных именных финансовых обязательств (ГИФО) по уровням сдачи ЕГЭ все равно фактически закрывает доступ в элитные негосударственные вузы даже самым успешным после сдачи Единого госэкзамена абитуриентам. В проекте размеров ГИФО его максимальный объем был равен $1,7 тыс. в 2002 г. и $3,4 тыс. в 2004 г. Напомню, что оплата за обучение в престижных вузах Москвы сегодня равна $6–8 тыс. в год.

[2] *Кузьминов Я.И.* Образование и реформа. – URL:http://lib.rin.ru/doc/i/98350p.html

практически никто ничего не показывает, у нас абсолютно безынформационный рынок в этих вещах. Открытость создаст нормальный механизм отбраковки плохих, неэффективных образовательных программ, медицинских услуг и механизм быстрого роста возможностей тех, кто талантлив, эффективен. В эффективные вузы и клиники придут такие же эффективные преподаватели и врачи. То есть возникнет та самая нормальная система рыночной экономики, которую мы видим в отраслях, полностью работающих на рынок... У нас объявлено, что государство должно все это содержать по смете. Но, извините, оно же по смете это не содержит – значит, не может. Значит, надо переходить к рыночным механизмам»[1].

Другими словами, рыночные механизмы, по мысли г-на Кузьминова, необходимо вводить для двух вещей: чтобы отобрать лучших (лучшие вузы, школы, педагогов) и чтобы их поддержать финансово, в том числе через перераспределение финансовых потоков. «Для того чтобы нам вообще говорить о развитии образования, нужно ответить на кардинальный вопрос: где взять ресурсы? Основная проблема образования в том, что оно уже десять лет получает ничтожно малую долю – от 15 до 40% – от необходимых затрат»[2].

Эта оценка многое объясняет. Странно, но здесь рынок изображается как инструмент, обусловленный бессилием государства в выполнении своих социальных обязательств. Несмотря на заявленную в национальных программах приоритетность образования, оно, образование, вовсе не приоритетно. Государство и его правящий класс явно неспособны (или не считают нужным) выполнять свои обязательства перед народом. В самом деле, если государство и его правящий класс устраивает нынешняя система налогообложения доходов граждан, то и пополнение бюджета будет всегда связываться с другими источниками. Правящий класс решительно устраивает именно такая система непрогрессивного налогообложения. Ему вовсе безразлична система образования в стране. Дети этого класса учатся или не в России, или в 50–60 университетах страны, финансируемых сполна и способных обучать не хуже, чем лучшие университеты мира. Государственный бюджет не предназначен для массовой школы и профессионального образования. Логичен и вывод: пусть граждане («чернь» по дореволюционным определениям)

[1] *Кузьминов Я.И.* Интервью «Радио Свобода». – URL: http://archive.svoboda.org/programs/ftf/2004/ftf.062004.asp

[2] *Кузьминов Я.И.* Образование – это и есть наша национальная идея. – URL: http://www.school.edu.ru/news.asp?ob_no=3528

сами и финансируют обучение своих детей. Механизм, связывающий ЕГЭ и ГИФО, просто идеален для этого.

Не надо быть глубоким знатоком системы высшей школы России, в которой не менее 75% ее потенциала сосредоточено в столицах. Реализация предложения г-на Кузьминова означала бы уничтожение провинциальной высшей школы. И не только потому, что она плоха, а потому, что там просто нет детей для полноценного набора в вузы – прежде всего из-за стремления молодежи в эти самые столицы. Известный российский социолог О.Н. Яницкий так комментирует эти отношения: «Во-первых, во всех средствах массовой информации идет употребление слова “провинция”, формирующее у молодежи негативное отношение к региону, в котором он проживает. Во-вторых, наряду с унизительным словом “провинция” усиленно демонстрируется преимущество условий жизни в Москве и Санкт-Петербурге. Все СМИ наглядно показывают, как счастливо и благополучно обстоят дела не только у жителей столиц, но и у прорвавшихся из регионов. Все сказанное создает неблагоприятную ситуацию для того, чтобы лучшие представители молодежи оставались в регионах, и наоборот стимулирует их отправляться делать карьеру в центральные районы нашей страны»[1].

Где же предполагается взять ресурсы для модернизации системы образования? Вот ответ: «Главное в нормативно-подушевом финансировании – элементы рыночного отбора в бюджетном процессе. Мировой опыт введения таких систем показывает, что в успешных случаях можно существенно повысить отдачу от бюджетных учреждений, поставив их в позицию конкуренции друг с другом. Для России же главный резерв экономии – прекращение бюджетного финансирования обучения слабых, плохо успевающих студентов. Сегодня из 1000 выпускников школ 400 становятся студентами, из которых 80 – слабые. Существующая ситуация неприемлема и с позиции социальной справедливости, и с точки зрения эффективности инвестиций в будущий человеческий капитал нашей страны. Зачем нам тратить деньги налогоплательщиков на обучение тех, кто по своим профессиональным качествам скорее всего не будет соответствовать будущей работе? Или просто не будет работать по специальности»[2]. Эта фраза и есть кульминация идеологического обеспечения прово-

[1] *Яницкий. О.Н.* К вопросу о роли социологии в обществе. – URL: www.isras.ru/phpBB2/viewtopic.php?p 252&sid=e4b5db1b9d0f5a327c64bc1eb37ad2cd

[2] Плюсы и минусы нормативно-подушевого финансирования вузов. Интервью Н. Булгаковой с Я. Кузьминовым. – URL: http://www.hse.ru/lingua/en/news/11453064.html

димых реформ. Они, идеологи ЕГЭ, и не собирались делать высшее образование равнодоступным. Высшее образование будет все больше реализовывать модель, сформулированную Д.Л. Константиновским: «В России создано две системы высшего образования: для наследных принцев и для наследных нищих». Система образования в такой рыночной интерпретации окончательно потеряет свою способность исполнять роль «социального лифта», позволяя выходцам из социальных низов достигать социальных высот[1].

Итак, *главная мотивация инициаторов ЕГЭ – внедрение рыночных механизмов в образование,* причем в самых варварских социально дискриминирующих формах раннего капитализма индустриальной эпохи. Нет и намека на социальную защищенность. Отсутствует стремление к доступности качественных образовательных ресурсов. Рынок образовательных услуг в моделях его идеологов – это рынок производства на продажу ресурсов, которые будут покупать. За деньги. Деньги – это ГИФО или деньги родителей. Нет денег – нет и образования. Это бизнес. Ничего личного.

Основание третье. Идеологически мощным обоснованием ЕГЭ было обеспечение равного доступа к образовательным ресурсам страны. Так ли это?

Одним из главных аргументов в пользу ЕГЭ был и остается довод об обеспечении равной доступности образования. Однако сегодня появляются и аргументы против этого. Понятно же, что прекращение финансирования обучения троечников может означать только одно: снижение доступности высшего образования. Понятно и то, что удушение провинциальной высшей школы не обеспечивает роста доступности высшего образования. Понятно и то, что если самый высокий уровень ГИФО, начисляемый самым успешным по ЕГЭ студентам, не обеспечивает оплату обучения в престижных вузах, то и это мало способствует поступлению в подобные вузы выходцам из малообеспеченных семей. Но даже и без связки с ГИФО Единый госэкзамен вряд ли можно отнести к механизмам повышения доступности. Вот выводы социологов Ульяновского научно-исследовательского центра «Регион»: «Исследование, проведенное

[1] О безнравственности рыночного экстремизма с грустью писал лет 140 назад Достоевский: «Гражданские идеалы всегда прямо и органично связаны с идеалами нравственными… Политика же текущей практичности и беспрерывного бросания себя туда, где повыгоднее, где понасущнее, изобличает мелочь, внутреннее бессилие государства, горькое положение». (Дневник писателя. – М.: Современник, 1989. – С. 30).

центром «Регион», свидетельствует о том, что проблемы неравенства во многом заложены в самом механизме ЕГЭ, по крайней мере в том виде, в котором он реализуется сейчас <...>. Большинство старшеклассников не видят в едином экзамене тех преимуществ, о которых сейчас много говорится, – совмещения выпускных и вступительных экзаменов, возможности заочной подачи результатов одновременно в несколько вузов страны и т.п. Переход на новую форму экзаменов наоборот воспринимается как угроза доступности высшего образования. В числе самых уязвимых групп оказываются выпускники сельских школ, а также ребята из малообеспеченных, преимущественно рабочих семей. Их проблемы не ограничиваются только более низким качеством школьного образования или недостаточно хорошей успеваемостью, они также лишены точной и полной информации о Едином государственном экзамене. Все, чем они в основном располагают, – это сведения, почерпнутые от учителей, которые, как показало исследование, не всегда правильно отражают имеющееся положение дел и к тому же сами не имеют единого мнения о необходимости ЕГЭ. Родители таких ребят не в состоянии в силу своего социального положения восполнить нехватку информации, а также компенсировать пробелы в подготовке»[1].

Важно и то, что демонизация ЕГЭ как маркетингового инструмента оценки качества товаров образовательного рынка уже по своей природе дифференцирует рынок, делая недоступным образование для социально уязвимых слоев населения – в том числе и за счет сокращения бюджетных и прежде всего провинциальных университетов, не выдержавших конкуренции с ведущими вузами. Важно и другое: инструментальные модернизации способны решительно повлиять и на содержание образования. Здесь как раз тот случай, когда форма меняет содержание.

Основание четвертое. Одним из решительных аргументов в пользу ЕГЭ было заявление о тотальности коррупции в вузах и о способности ЕГЭ преодолеть взяточничество при поступлении в вузы. Однако и здесь сработал механизм «социального бумеранга». Об успехах ЕГЭ в борьбе с коррупцией так написали в «Новых известиях»: «Самые «блестящие знатоки» русского языка (по результатам ЕГЭ) оказались в Адыгее, Дагестане, Карачаево-Черкесии. Создателями ЕГЭ был запущен очень опасный механизм: преподаватели из национальных республик то ли из ложно понимаемого чувства местного патриотизма,

[1] *Омельченко Е., Лукьянова Е.* Эффективность ЕГЭ: попытка социологического анализа. – URL: www.ulsu.ru/?main=issues&sub=vestnik&anum=1979

то ли за банальное вознаграждение старались поставить «своим» баллы повыше, чтобы открыть дорогу в престижные вузы Москвы. По среднему баллу ЕГЭ первое место заняла Якутия, второе – Чукотка, далее шли кавказские республики, а Москва оказалась на одиннадцатом месте»[1].

Вместе с тем как сторонники, так и противники Единого госэкзамена понимают, что возврат к старой системе приема в вузы едва ли будет оптимальным решением. Некоторые критики ЕГЭ предлагают сделать его сдачу добровольной. С нашей точки зрения существует как минимум еще один альтернативный путь: оставить за объективными методами оценивания ту область, где образовательные результаты поддаются формализации, а все иные результаты оценивать с помощью иных методов, то есть пойти по пути сочетания объективных (тестовых) и экспертных способов оценивания с тем, чтобы максимально нивелировать недостатки и проявить достоинства каждого подхода.

«Некоторые разработчики ЕГЭ считают, что экзамен охватывает проверкой около 70% образовательных стандартов. Я с этим не соглашусь. ЕГЭ не проверяет достижения значительного числа общеобразовательных целей и задач. Многие умения, навыки, компетенции вообще невозможно проверить с помощью тестов. Сформированность ряда понятий, владение такими способами деятельности, как коммуникативные, ценностно-смысловые, невозможно проверить на бумаге. Поэтому стоит проблема определения роли и места ЕГЭ в системе других форм контроля»[2].

2.5. Потенциал абитуриентов 2009 года (на примере поступающих в Российский университет дружбы народов)

Глобальный рынок труда и национальные рамки образования. Для получения оптимальной оценки образовательного потенциала абитуриентов, поступающих в вузы, необходимо использование довольно обширной системы показателей и индикаторов. Эта система позволила бы определить не только уровень знаний, необходимых сегодня для обучения в высших учебных заведениях страны, но также готовность

[1] «Новые известия». – URL: http://www.newizv.ru/lenta/113754

[2] Хуторской А. Почему нужно слушать мэтров педагогики. – URL: http://1sentyabrya.ru/finish/ege/2006/09/04/articles_2237.html

молодого поколения к происходящему реформированию системы образования в целом. Такая задача, по всей вероятности, менеджерами образовательного процесса пока не ставилась. Концепция и направления преобразований в высшей школе определяются сверху. То есть школьники и преподаватели рассматриваются как объект образовательной политики, который нужно адаптировать к решениям, принимаемым на национальном и на глобальном уровнях. При этом *степень информированности* старшеклассников, их родителей и учителей о причинах и целях тех или иных изменений в системе обучения внутри страны и за ее пределами, а также *общая ориентация учителей и школьников в российском и европейском образовательном пространстве* во внимание принимаются крайне слабо.

Ответственность за информационное обеспечение названного сегмента населения и за его ориентацию в общем образовательном пространстве школа не несет. В результате выпускники школ идут в вузы с набором консервативных представлений, суть которых сводится к тому, что предметные знания по выбранному направлению и успешное прохождение тестирования – это достаточные условия для выбора вуза и обучения в нем. Не случайно ЕГЭ оказался универсальной схемой оценки знаний абитуриентов. Между тем знание конкретных школьных предметов и навыки в демонстрации этих знаний – только часть образовательного потенциала абитуриентов вузов. В идеале сегодня они должны свободно владеть хотя бы одним европейским языком и знать интернет-источники, содержащие данные о возможностях обучения в других странах мира. Измерение образовательного потенциала абитуриентов через *выявление их представлений о возможностях обучения в зарубежных вузах* и есть основная тема данного раздела. Использование такой монофакторной оценки потенциала абитуриентов 2009 г., естественно, не освобождает автора от признания априори ограничений в отношении сделанных здесь обобщений. Кроме того, гипотетический характер выводов проистекает из пилотной стадии проекта, включавшей миниатюрную группу опрошенных.

Почему был выбран именно этот показатель? В определенной мере он дает ответы на вопросы, насколько наша страна стала «открытым обществом» для молодого поколения людей, ощущают ли они близость Европы и доступность ее системы образования, знают ли хоть что-то об участии российских вузов в реализации Болонского процесса, и есть ли эффект от этого участия для формирования образовательных стратегий выпускников школ (с учетом материальной помощи и ориентации родителей в выборе вуза).

Как известно, РФ подписала Болонскую декларацию в 2003 г. Принятие связанных с ней обязательств потребовало введения двухступенчатой системы образования – бакалавров/магистров. На реализацию поставленных задач 17 лидирующих вузов страны получили финансирование в объеме 140 млн. Кроме них еще 13 российских вузов обязались к 2010 г. перейти к BA/MA системе обучения и системе кредитов (ECTS) по ряду выборочных дисциплин. Сегодня можно говорить, что эта задача выполнена, хотя более 70% программ все еще заканчиваются выдачей диплома специалиста[1]. В текущем году все вузы страны должны будут перейти к двухступенчатой системе обучения. Значит, выбирая вуз, очень важно знать, куда можно пойти работать с дипломом бакалавра по тому или иному направлению. Однако не только абитуриенты вузов, но и сами выпускники бакалавриата российских вузов плохо понимают, кто и как их встретит на рынке труда. Так, по результатам исследования «Болонья глазами студентов», проведенного в 2007 г., мнения студентов относительно двухуровневой системы образования распределились следующим образом: 10% бакалавров, 1% специалистов, 1% магистров считают, что диплом бакалавра востребован рынком труда; 46% бакалавров, 27% специалистов, 64% магистров считают, что диплом магистра востребован рынком труда; 29% бакалавров, 53% специалистов, 18% магистров считают, что диплом специалиста востребован рынком труда, а 16% опрошенных ничего не знают о двухуровневой системе[2]. На период опроса траектории студентов после окончания бакалавриата выглядели следующим образом (см. *рис. 13*).

Работодатели привыкли принимать к рассмотрению дипломы с полным объемом вузовской специализации. Бакалавр для них будет, грубо говоря, «полуфабрикатом». *Поэтому, поступая в вуз, будущему студенту очень важно видеть всю образовательную цепочку до конца, включая магистратуру.* Ведь в отличие от европейского студента, ему намного сложнее пробрести связанные со специальностью практические навыки на рынке труда между первой и второй ступенью образования, чтобы не потерять то, что он получил за четыре года в вузе.

В большинстве стран Европы, которые намного раньше приступили к реализации Болонского процесса, работодатели относятся к диплому бакалавра уже с меньшей степенью недоверия. Этап острых

[1] Going Global with Bologna. 3 EL Newsletter, indd 3.

[2] Социологическое исследование «Болонья глазами студентов» // Участие России в формировании общеевропейского пространства высшего образования. – URL: http://www.iori.hse.ru/programmePK/ materials/11.pdf

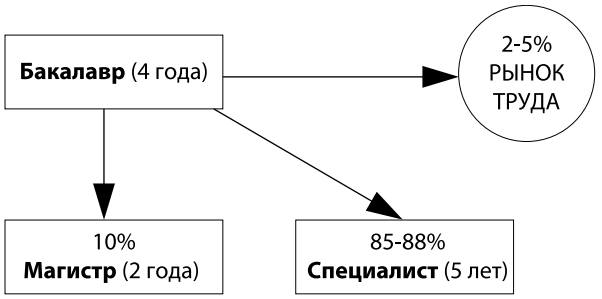


Рисунок 13. Траектории студентов после окончания бакалавриата

предубеждений и предвзятости закончился, хотя, конечно, и в Европе не все так гладко. В любом случае, бремя отторжения бакалаврских степеней европейским студентам перенести намного легче, ведь размах академической мобильности в Европе в десятки раз шире. Шенгенская виза, программы Европейского союза Erasmus Mundus и Tempus, помощь различных фондов, агентств и служб академического обмена дают возможность свободного передвижения из одной страны в другую. Магистерскую программу можно выбирать сразу в нескольких вузах разных стран. Более того, диплом бакалавра, скажем, по филологии, вовсе не препятствие для того, чтобы получить диплом магистра по социологии. Междисциплинарные программы только приветствуются, и в этом смысле европейские вузы имеют гораздо большую свободу в разработке принципиально новых учебных планов, чем российские. Чтобы помочь школьникам, их родителям и учителям выпутаться из столь сложного положения, в школах нужно было бы ввести предмет *«Стратегическое планирование образовательной карьеры»*. Но в нашей системе образования катастрофически не хватает специалистов-менеджеров, которые взяли бы на себя функцию посредника между школой и государством в разъяснении сути реформ применительно к конкретной стадии реализации Болонского процесса. Не сформирован слой социальных агентов, которые должны выполнять эту миссию. Нет посреднических структур (институтов), которые на институциональном уровне укрепили бы их позиции и дали им нужный статус. Государство остается за кадром.

Такая ситуация создает питательную среду для сохранения консервативных настроений в обществе и позволяет проводить реформы в вялотекущем режиме. Как справедливо отмечает Т.Л. Клячко,

«...в Российской Федерации вступление в Болонский процесс воспринимается главным образом как обязательство перейти на двухуровневую систему высшего образования: бакалавриат – магистратура. Вместе с тем для Евросоюза важнейшим представляется не столько единство структуры подготовки студентов по схеме бакалавриат – магистратура, сколько введение единых жестких требований к качеству образования, прозрачности критериев качества для всех стран-участников и обеспечение эффективного контроля»[1].

Дифференцирующие факторы поведения российской и европейской молодежи в пространстве высшего образования. Не будет преувеличением утверждать, что благодаря Болонскому процессу европейская молодежь не на уровне идеологии, а через растущую состязательность европейских вузов и через новые требования университетов к студентам учится быть конкурентоспособной – обретает навыки поиска оптимальных с содержательной и с финансовой точки зрения возможностей для обучения в любом конце европейского региона. Например, постоянно растет число немецких студентов, которые учатся не у себя на родине, а в Голландии. Условия обучения и качество образования, скажем, в Университете Фонтис настолько привлекательны, что немецкие семьи отдают предпочтение обучению своих детей именно там. Преподавательский состав университета – интернациональный. Компетенции и квалификация преподавателей ассимилированы в качественный образовательный продукт через стыковку обучающих модулей наиболее востребованных программ. Европейская молодежь, которая завершает школьное образование в 18–19 лет, иногда лучше своих родителей знает, сколько ей будет стоить диплом бакалавра или магистра того или иного европейского вуза.

Наша молодежь в этом смысле растет инфантильной. Границы образовательной конкуренции, по крайней мере в 17–18 лет, для нее очерчены своим собственным регионом. Изучение иностранных языков имеет потенциальную, отложенную значимость, не воспринимается как инструмент борьбы за вхождение в интернациональное пространство сверстников, намеренных получить диплом по определенной специальности, оно служит скорее символом сохранения семейной преемственности. Язык имеет культурную, а не прагматическую ценность, он все еще средство общения, а не инструмент усвоения дефицитной информации.

[1] *Клячко Т.Л.* Модернизация российской системы высшего профессионального образования: Автореф. дис. … д-ра экономических наук. – М., 2007. – С. 25.

Возможно, для ультрапатриотически настроенных чиновников от системы российского образования это и не так плохо. Чем больше наших студентов будут учиться в родных вузах, тем больше из них останется внутри страны и будет работать на свою экономику. Но для российского бизнеса и предпринимательства в целом, для продвижения новых технологий, российских товаров и услуг, для инновационных интернациональных проектов в науке здесь таится немалая угроза. Мы отстаем от наших ближайших соседей в формировании нового менталитета молодежи относительно исключительно высокой роли образовательной мобильности в формировании человеческого капитала, отвечающего требованиям нового времени.

Экономический кризис усугубил эту проблему, поскольку явно не способствовал поиску возможностей обучения за рубежом для детей из семей со средним, а тем более малым достатком. Кроме финансовых причин, негативную роль продолжают играть причины ментального порядка. В силу инерции родители продолжают думать, что российское образование все еще лучшее, если, конечно, не говорить о самых известных университетах Англии, Германии, Франции и Америки. Сегодня это справедливо только применительно к ограниченному числу российских вузов и ограниченному числу специальностей, по которым обучают наших детей. Мешает также обилие российских вузов, которых на 1 декабря 2006 г. насчитывалось 1422. Они «поглощают» нашу молодежь целиком, особенно учитывая ее нисходящую численность в демографическом составе населения. Как ни странно, не отсутствие, а избыточность вузов бьет по качеству нашего образования.

В такой ситуации имеет смысл пристально посмотреть на вполне сопоставимые по затратам возможности обучения в Чехии, Польше, Финляндии, Словении, на качество и практическую направленность новейших образовательных программ университетов этих стран. Игнорирование этих возможностей выпускниками наших школ, родителями и учителями, конечно же, связано с позицией управленцев в системе высшего образования, полагающих, что огромные территории, природные ресурсы и запасы нефти дадут занятость, благополучие или хотя бы хлеб насущный всем россиянам на много лет вперед. Но думать так – большая ошибка. Структура нашего студенческого контингента 2009 г. показывает, что из 6 млн студентов фактически каждый второй (3 млн!) намерен работать в области гуманитарных (1 млн) и экономических знаний (1820), преимущественно в российской

системе госуправления[1]. Это очень недальновидная позиция, которая не принесет нужных дивидендов ни на индивидуальном, ни на на-циональном уровне (то есть для страны в целом). Как справедливо заметила И.Б. Назарова в своих комментариях на страницах интернет-конференции[2], «не только большинство выпускников школ хотят получить гуманитарное образование, но и сама система ЕГЭ способствует этому. Школьника легче «натаскать» на ответы по тестам гуманитарных дисциплин, нежели подготовить сдать тест по математике, физике. Школам также выгоднее предложить школьникам сдавать «гуманитарные» тесты и показать лучший результат. Лучший результат нужен и школьнику. Следовательно, если школьник сдает «гуманитарный» тест, то инженером он стать уже не сможет. В конечном итоге на инженерные специальности у нас в этом году поступили в основном троечники».

В продолжение этого комментария С.В. Виньков сделал важное уточнение: «Явным препятствием для подготовки «крепких» абитуриентов для учебы у себя на родине, а не за рубежом и не по гуманитарным программам, а по программам инженерных вузов выступает то обстоятельство, что ни абитуриент, ни родители не находят перспектив в профессиях инженерного уклона. Тот спрос, который в настоящий момент имеется на лиц с инженерным образованием, сконцентрирован преимущественно в сфере информационно-коммуникационных технологий, активно внедряемых в финансовых институтах или компаниях нефте- и газодобывающих отраслей экономики. Оборонка хромает. Сначала надо создать спрос на специалистов в инженерной инфраструктуре и соответствующие условия, а потом появятся и кадры... Адекватное решение этих проблем в России упирается в политическую волю отечественных государственных деятелей[3]».

В Европе тоже происходит дальнейшая «гуманитаризация» образования. Но это качественно иная проблема по сравнению с Россией: активное нежелание европейской молодежи «напрягать мозги» в области точных наук связано с тем, что ей достался в наследство завидный материальный комфорт в виде тех материальных ценностей, которые наработало поколение родителей-трудоголиков 60–80-х гг. прошлого столетия. Молодежь Европы хочет больше путешествовать на готовых (ею не заработанных) автомобилях и яхтах, за счет стипендиальных программ многочисленных европейских фондов, она ищет впечатлений, экстравагантных способов самовыражения, самоутверждения через креативные проекты в области дизайна и искусств.

[1] Национальное аккредитационное агентство.
[2] URL: http://ecsocman.edu.ru/db/msg/336016.html
[3] URL: http://ecsocman.edu.ru/db/msg/336024.html

При этом в Германии, например, наблюдается острая нехватка квалифицированных кадров. Демографическая ситуация усугубляет положение дел. Ежегодно число уходящих на пенсию работников превышает число выпускников университетов. На сегодня в стране остаются незанятыми 50 тыс. вакансий для инженеров и 45 тыс. рабочих мест для программистов[1].

А вот Индия и Китай демонстрируют совсем другие образцы поведения молодежи. И китайская, и индийская диаспоры имеют сходные характерные черты, связанные с циркуляцией мозгов в международном соревновании. Наиболее выразительная черта – высокое представительство в выпускных программах США по техническим и инженерным наукам. Если в 1966 г. 78% всех докторских дипломов в технических и инженерных науках США были присуждены уроженцам Америки, то в 2000 г. их доля снизилась до 61%. В тот же самый год основной контингент иностранных студентов по техническим и инженерным наукам представляли студенты из стран с самой процветающей экономикой – Китая, Южной Кореи, Тайваня, Индии и Канады. Большинство из них приняли решение остаться работать в Америке. Так, в 1998 и 2003 гг. 61% и 70% соответственно китайских выпускников решили остаться в Америке. В целом же этнические китайцы составляют 3,4 млн среди населения Америки и 1,6 млн человек – среди населения Канады. Этнические индийцы составляют 2,3 млн и 713 тыс. в Америке и Канаде соответственно.

Согласно «Докладу о развитии китайских талантов в 2006 году», изданному Китайской академией наук в 2007 г., в период с 1978 по 2006 гг. уехали учиться за границу 1,06 млн китайцев. Из них только 30% вернулись. Причем из тех, кто специализировался в области инженерии и точных наук, вернулись только 10%. Вполне возможно дальнейшее сокращение «возвращенцев», поскольку только 4 тыс. из 118,5 тыс. уехавших за границу учиться китайцев получили в 2005 г. поддержку от правительства. В 1980–1990-е гг. поддержку получало большинство, а теперь нормой стало самофинансирование. Значит, обязательства вернуться на родину у китайских студентов теперь отсутствуют.

[1] Немецкие эксперты: Кризис – не помеха для начала карьеры. // Карьера, 08.04.2009. URL: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4141061,00.html; Tung R.L. Brain Circulation, Diaspora, and International Competitiveness. // European Management Journal (2008) 26, 300.

Взаимосвязь интернационализации образования и экономики. Самыми преуспевающими в мире становятся страны с самыми интернациональными системами образования и интернациональными экономиками. Англия и Америка в этом отношении – самый яркий пример. Обратимся также к примеру Германии начала этого столетия. В 2000 г. для работы в системе IT-технологий немцы пригласили к себе 20 тыс. специалистов из Кремниевой долины Бангалора (Индия). Они заняли рабочие места немецкой молодежи, которая страдала от безработицы. Волны негодования, выплеснувшиеся на страницы прессы, быстро стихли. А немецкая молодежь получила серьезный урок. В условиях глобализации работодатели ищут источники дешевой рабочей силы в ущерб национальной рабочей силе, даже если речь идет о самых молодых и здоровых (не говоря уже о людях предпенсионного и пенсионного возраста). Германия тогда переживала тяжелые времена, связанные с воссоединением восточной и западной части. Требовались огромные денежные средства, и они находились, в том числе и таким образом. Экономическое возрождение Германии было поставлено превыше всего.

В Россию, к сожалению, экспортируются не молодые специалисты, а неквалифицированные гастарбайтеры. Они могут быть конкурентами нашим дворникам или строителям, но не образованной молодежи. Поэтому наша молодежь чувствует себя в безопасности, она расслаблена и к тому же нередко готова довольствоваться немногим по аналогии с родителями, получившими в советское время стандартный набор услуг, товаров и удобств. Наиболее прагматичная часть молодежи по разным опросам и по данным статистики (что отмечено выше) предпочитает любым другим видам занятости государственную службу и ведущее к ней юридическое и экономическое российское образование, которое давно уже готовит студентов в переизбытке.

Высокотехнологичные знания приобретает катастрофически малое число студентов в небольшом количестве наиболее известных вузов, лидеры среди которых – МГТУ им. Н.Э. Баумана, МФТИ, МГУ. Остается только надеяться, что уезжая за получением новых знаний за рубеж, выпускники этих вузов в будущем станут активными агентами взаимодействия с экономиками других стран. Пока ни родители, ни учителя, ни чиновники от системы образования не готовы к политической постановке этого вопроса. Зная, что спрос на выпускников названных вузов традиционно высок на международном рынке труда, что за ними постоянно охотятся агенты зарубежных образовательных рекрутинговых компаний, эту охоту за мозгами чиновники

и большинство граждан России воспринимают преимущественно в негативном свете, только как «утечку умов». Между тем концепция brain drain заметно устаревает. Отток мозгов в условиях глобализации экономики рано или поздно приносит хорошие дивиденды или оборачивается тем, что сегодня называют brain gain[1]. Ведь мозги в данном случае – это не материальный субстрат, который перемещают в пространстве безвозвратно. Мозги как вместилище знаний и компетенций *циркулируют*, они движутся через границы в различных направлениях. Чем больше русских молодых мозгов утечет сейчас за рубеж, тем больше шансов на формирование в разных уголках мира устойчивой интеллектуальной российской диаспоры. По законам крови и законам социума (если кордон не закрыт) установление партнерских связей для развития сотрудничества с соотечественниками происходит неизбежно. Это можно утверждать, исходя из эмпирического опыта сотрудников международных служб российских университетов.

О чем именно идет речь? Сейчас создается все больше совместных образовательных программ с зарубежными вузами-партнерами, и наш ректорский истэблишмент все больше делает на них стратегическую ставку, поскольку совместные программы становятся важнейшим каналом экспорта российских образовательных услуг на международной арене, а также инструментом повышения рейтинга любого университета в мире. Таким образом, политическая воля на этом уровне есть. И здесь важно отметить, что часто (хотя не всегда) партнером за рубежом становится тот вуз, где когда-то «осел» выпускник российского вуза. Если говорить о РУДН, то со «своими бывшими» делаются совместные программы в Бордо-2 (математика), Кардифе (Великобритания, тоже математика), Бари (Италия, химия). Нам катастрофически не хватает наших специалистов в области точных и естественных наук за рубежом. Если бы их было больше, обмен знаниями и технологиями шел бы по нарастающей. А пока программы двойных дипломов в России весьма неустойчивы и зависят в основном от финансирования со стороны Евросоюза. Ставка же на стареющих российских профессоров, закрепившихся в европейских вузах, которых приходится собирать по крупицам, не может быть основной.

Пора понять, что важны обе, хотя и диаметрально расходящиеся составляющие национальной безопасности: усиление способности удерживать свои талантливые молодые кадры и вездесущность, проистекающая из растущей мобильности, в данном случае в «оседлости»

[1] Tung R.L. Brain Circulation, Diaspora, and International Competitiveness. // European Management Journal (2008) 26, 298–304.

русских мозгов в зарубежных вузах. Конечно, это не заменяет необходимости укрепления национальных инженерных и математических школ, работающих на российскую экономику напрямую, а не обходными путями. И тут политической воли действительно очень не хватает, что неизбежно закрепляет инертность мышления нашего общества в отношении национальных выгод отправки детей на учебу за рубеж, ведет к непониманию прагматического смысла интернационализации трудоустройства российской молодежи, выполняющей посредническую роль в глобальном разделении рынка труда.

Барьеры академической мобильности студентов – финансовые или информационные? Бриф-опрос, который был проведен в июле 2009 г. в Российском университете дружбы народов, построен на пилотной анкете из 29 вопросов. Анализ ответов на эти вопросы представлен ниже.

Статистика бриф-опроса насчитывает всего 22 человека. Опрашивались абитуриенты случайным образом в момент сдачи документов в приемную комиссию РУДН. Распределение по направлениям специализации оказалось следующим: факультет гуманитарных и социальных наук – шесть человек, экономический факультет – десять человек, филологический факультет – три человека, экологический факультет – три человека. Выбор абитуриентов гуманитарного профиля не случаен. Знание иностранного языка всегда играло ключевую роль при их поступлении в вуз. У абитуриентов, идущих в технические и естественнонаучные области знания, главным оставалось все-таки знание конкретных предметов – физики, математики, химии, биологии. Поэтому спрашивать об интересе к обучению за рубежом тех юношей и девушек, которые наряду с другими гуманитарными дисциплинами сделали ставку на языковую коммуникацию, было логичнее.

Первый вопрос анкеты касался общей оценки потенциала абитуриентов. Все опрошенные ответили, что их довузовской подготовки достаточно для того, чтобы выбирать между двумя или тремя вузами Москвы. В соответствии с этим убеждением они подали документы в приемные комиссии трех, а то и шести московских вузов. Поскольку заполнение анкеты происходило в присутствии автора статьи и сопровождалось дополнительными вопросами, удалось выяснить, что из всего списка вузов, составленного абитуриентом, предпочтение отдавалось тому учебному заведению, в котором была возможность получить бюджетное место.

Отдельный вопрос анкеты касался самооценки своих знаний. Половина абитуриентов заявила, что для сдачи ЕГЭ их уровень знаний выше среднего. Столько же отметили, что он средний.

Возможность обучения за рубежом как некая абстрактная перспектива рассматривалась в семьях пяти абитуриентов. В первом случае речь шла о Скандинавии, во втором – об Англии (две семьи), которая с финансовой точки зрения представлялась совершенно недоступной. Учебу в Канаде или США обсуждала еще одна семья в связи с наличием родственников в Канаде. Наконец, абстрактный, «не серьезный» разговор об учебе в Объединенных Арабских Эмиратах, связанный с проскочившей информацией из СМИ, отметила еще одна респондентка.

Двое из опрошенных выезжали в зарубежные туристические поездки для школьников, во время которых предлагают изучение иностранного языка. Обе поездки состоялись в Англию, одна продолжительностью в две недели, вторая – в четыре. Еще одна респондентка планировала поехать в Англию в ближайшее после опроса время на три недели. Остальные респонденты либо не слышали о такой возможности, либо не имели средств для ее осуществления.

По количеству изучаемых иностранных языков опрошенные распределились следующим образом: один язык – 16 человек (все английский), два языка – четыре человека (английский и немецкий), три языка – два человека (английский, немецкий, французский и турецкий, азербайджанский, английский). Наиболее привлекательными языками для изучения в будущем опрошенные назвали итальянский, испанский и традиционные для изучения в России немецкий и французский языки.

Ряд вопросов анкеты был направлен на выявление финансовых возможностей семьей, связанных с подготовкой к вузу. Выяснилось, что все семьи, кроме двух, оплачивали репетиторов. Все семьи, кроме двух, могли покупать любую необходимую для изучения литературу, но с подпиской на специализированные журналы дело обстояло уже хуже. Каждый четвертый отметил, что с этим родители повременили бы. Половина опрошенных абитуриентов участвовала в конкурсах, олимпиадах и конференциях, но финансовая поддержка поездки для участия понадобилась только в одной семье. В остальных случаях помогала школа, или же помощь не была нужна, так как мероприятия проходили в Москве и участвовали в них москвичи. В 19 из 22 семей абитуриентов родители обеспечили доступ детей к Интернету. В двух случаях Интернет не был установлен по техническим причинам (нет доступа в районе), и только в одном случае не было средств для его оплаты.

Наиболее интересными представлялись вопросы, связанные с самооценкой материального положения семьей респондентов и готов-

ностью родителей платить за образование. Три абитуриента отнесли себя к семьям с высоким достатком, столько же – к низкодоходным, и еще 16 семей были отнесены к среднему слою. Соответственно, бюджетные места как единственно доступный способ обучения назвали шесть человек, еще двое затруднились ответить, смогут ли родители платить за обучение, один респондент сказал, что мог бы в случае крайней необходимости рассчитывать на кредит в банке при помощи родителей. Оставшиеся тринадцать распределились по финансовым возможностям родителей оплачивать их обучение следующим образом: до $8 тыс. в год – один человек, до $6 тыс. в год – три человека, до $5 тыс. в год – три человека, до $3-х тыс. в год – четыре человека, до $2-х тыс. долларов в год – два человека. Компьютера не было только у одного из 22 опрошенных.

Половина опрошенных проживает в Москве и не нуждается в общежитии. Из второй половины респондентов двое подчеркнули, что для них это критический момент: если места в общежитии не предоставят, то учиться в вузе они не смогут, учитывая дороговизну проживания в Москве. Двое респондентов отметили, что смогут снимать комнату, еще одному есть у кого остановиться, трое сказали, что смогут снять квартиру на двоих, двое смогут снять квартиру на одного.

Совсем не простым для абитуриентов оказался вопрос о том, сколько им нужно денег в месяц, чтобы удовлетворить самые насущные потребности (без затрат на одежду и обувь). Семь человек ответили, что достаточно будет 6 тыс. рублей в месяц. Характерно, что пять из них не были москвичами и ранее проживали в городах, где стоимость жизни намного ниже, чем в Москве. Еще шесть человек вообще не смогли назвать конкретную цифру, видимо, полностью полагаясь в определении размера каждодневных затрат на своих родителей. Четыре человека выразили предположение, что проживут на 8–10 тыс., а пять человек считали минимальной границей расходов на свои базовые нужды 20 тыс. рублей в месяц.

В целом складывается картина не бедственного, но и не слишком преуспевающего положения абитуриентов и их родителей. Если проанализировать всю совокупность вышеназванных вопросов, то можно прийти к выводу, что треть семей смогла бы принять рыночные условия обучения детей, а две трети явно рассчитывают на социальную роль государства в возможности получить высшее образование. Все респонденты были уверены, что получат диплом, хотя семеро указали на возможные финансовые трудности в прохождении обучения. Один колебался с ответом из-за состояния здоровья. На такие внутренние

ограничители в получении высшего образования, как неуверенность в себе, сложности в общении, не указал никто. 13 опрошенных убеждены, что через шесть лет будут жить лучше своего окружения, восемь человек полагают, что будут жить не хуже своего окружения, и только один человек не смог выбрать ответ.

Работу в сфере образования и науки абитуриенты признали хорошей перспективой, что удалось выяснить путем косвенного вопроса. Почти все они – 18 человек – выразили убеждение, что представители науки и образования пользуются в обществе признанием и уважением. Только трое настаивали на обратном, и один затруднился ответить.

Таким образом, проявилась довольно позитивная оценка будущего, связанного с получением образования в московских вузах. У абитуриентов сохраняется надежда на то, что оно разрешит основные жизненные проблемы, с которыми им придется столкнуться после получения диплома. К пониманию необходимости зарубежного диплома вследствие формирования глобального рынка труда не подошли ни опрошенные, ни их родители. По ответам абитуриентов, они ничего не знали о наличии зарубежных фондов, выдающих гранты и стипендии для прохождения обучения за рубежом, и в семье никогда не рассказывали об этом. Только двое опрошенных были знакомы с деятельностью этих фондов понаслышке. Правда, были названы две грантодающие организации в России – «Кредо» и «Потенциал России», – помогающие получить высшее образование. Такой результат опроса несколько удивляет, поскольку все респонденты, за исключением двоих, имели доступ к Интернету и постоянно им пользовались. Если учитывать огромное количество информации относительно стипендиальных возможностей в самых разных частях света, размещенной на сайтах сотен университетов, всех посольств мира, министерств образования разных стран и специальных образовательных агентств, то возникает вопрос: как вообще это было возможно? Видимо, ничтожно малое количество учителей и родителей совершают ознакомительные экскурсии в этот огромный мир возможностей. Не здесь ли начинаются барьеры академической мобильности российской молодежи? На выходе из школы и на входе в вуз ей нужен элементарный интернет-ликбез, чтобы выбор учебного заведения был более осознанным и хотя бы отдаленным образом приближенным к Болонскому процессу.

Объяснять индифферентное отношение абитуриентов к возможностям обучения за рубежом только низким достатком семей было бы

слишком просто. Ведь плата за образование в размере 150–250 тыс. рублей в год взимается во многих вузах Москвы, а за такие деньги можно учить ребенка не только у нас. Кроме того, не мешает вспомнить и о чисто символическом размере студенческих стипендий в российских вузах. Они настолько ничтожны, что никак не могут выступать в качестве фактора формирования предпочтительности российского образования. Так, из 22 опрошенных никто не имел представления о размерах и условиях получения стипендий. Типичный ответ на вопрос, почему респонденты этим не интересовались, сводился к утверждению: стипендии настолько маленькие, что от них фактически ничего не зависит. Абитуриенты перестали о них думать, как если бы их не было совсем.

Вместе с тем обнаружилось, что абитуриенты в подавляющем большинстве не имеют представления не только о размерах стипендий, но и о стоимости высшего образования на внебюджетных местах. Только двое респондентов смогли назвать размер годовой платы за обучение на выбранном факультете тех вузов, которые были для них предпочтительными. Остальные опрошенные, как уже отмечалось выше, были ориентированы на бюджетные места, пусть даже в менее престижном вузе.

Если признать материальные ограничения российских семей вседовлеющими, то перспектива участия молодежи на уровне первой ступени высшего образования – бакалавриата – в Болонском процессе должна быть признана обреченной. Но ведущие маркетологи крупнейших образовательных агентств ряда стран и крупнейших университетов мира воспринимают эту перспективу иначе. В противном случае в нашей стране не закрепилась бы практика образовательных выставок, которые проводят вузы Восточной и Западной Европы, Канады, Австралии и Америки. В последние годы этот список расширился присутствием японских, тайваньских, корейских и китайских вузов. Такие выставки проводятся в России ежегодно уже более 15 лет, причем не только в Москве и Санкт-Петербурге. Только в течение 2008/2009 учебного года в выставках «Международная ярмарка образования» приняли участие учебные заведения и организации из Великобритании, Венгрии, Германии, Гонконга, Кипра, Дании, Израиля, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, ОАЭ, России, США, Тайваня, Турции, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Японии и других стран мира[1]. Впервые «Международная ярмарка образования» приехала в северную столицу в 2004 г. и с тех пор регулярно проводится в Санкт-Петербурге, став одной из крупнейших выставок международного образования Северо-Западного региона России.

[1] URL: http://www.expolife.ru/v-23351/vystavka-mejdunarodnaya-yarmarka-obrazovaniya

В феврале 2008 и 2009 гг. «Международная ярмарка образования» с большим успехом проходила в Екатеринбурге, став заметным событием в области международного образования в уральском регионе. В феврале 2010 г. выставка впервые проводилась в Казани. В Москве «Международная ярмарка образования» проводится уже более десяти лет. Несмотря на то что все выставки «Международной ярмарки образования» призваны способствовать вхождению России в единое образовательное пространство и расширению сотрудничества российских учебных учреждений и организаций с зарубежными университетами, высшими школами, языковыми центрами и другими образовательными учреждениями, каждая из выставок имеет свою направленность. Так, на октябрьских выставках особое внимание уделяется европейскому образованию, в то время как на февральских выставках на протяжении последних лет особый акцент делался на обучении в Северной Америке, в частности в Канаде, что не исключает участия и в октябрьских, и в февральских выставках учебных заведений и организаций со всего мира.

Но информация о них доходит до молодежи крайне плохо. Только один респондент из всех опрошенных был на образовательной ярмарке зарубежных университетов в Манеже в 2008 г. (выставка Британского совета), хотя при этом половина респондентов чисто гипотетически мечтала в будущем воспользоваться возможностями обучения за рубежом: в Германии (один человек), в Англии (четыре человека), в Швеции (один человек), в США (два человека) и в Канаде (два человека).

Заключение. Сказав «а», государство должно сказать «б». Если зарубежные образовательные выставки стали легитимным каналом продвижения на нашей территории образовательных услуг других стран, то нужно системно информировать выпускников школ об образовательных системах разных государств *и тех проблемах или дивидендах*, которые связаны с вхождением в интернациональное образовательное пространство. Можно тысячу раз повторять, что мы строим демократическое государство и открытое общество, но оставаться национально замкнутыми, если при достижении совершеннолетия наши дети не имеют представления о том, как делают свой выбор в системе высшего образования сверстники из других стран.

Конечно, можно пустить абитуриентов и бакалавров в свободное плавание по Интернету, как это происходит сейчас, но для любого современного государства это неосмотрительная позиция. Поставленная здесь проблема еще раз убедительно говорит о том, что нужно принять новую доктрину высшего образования в Российской Федерации. Ровно десять лет назад своим постановлением № 1 от 24 ноября 1999 г. Совет Российского Союза ректоров заложил ее основу[1]. Главная идея доктрины заключалась в «сохранении и укреплении государственной высшей школы как непременного и неотъемлемого фактора национальной безопасности Российской государственности, а также в активном включении отечественной системы образования в мировое образовательное пространство». Позже эта идея получила преемственность в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. Но на дворе уже 2011 г., а об активном включении отечественной системы образования в мировое образовательное пространство можно говорить только с серьезными оговорками. В поисках баланса между импортом и экспортом образовательных услуг нам предстоит найти сбалансированные решения также относительно количества студентов, уезжающих учиться за рубеж, причем при поддержке государства. Ведь если говорить о расширении доступности высшего образования в условиях глобализации без лукавства, то эта доступность не может быть ограничена только национальными рамками.

2.6. Ценностные установки студенческой молодежи: гендерный аспект

Культура, как и социальное окружение, влияет на людей, на их взгляды, отношение к жизни, поведение. Какими поведенческими практиками будет характеризоваться наше общество, во многом зависит от молодого поколения, в том числе от передовой его части – студенчества.

В свою очередь, молодежь как социально-демографическая группа и субъект ценностного отношения характеризуется определенными ценностными установками и отношением к нормативным регуляторам.

[1] Международная деятельность как фактор усиления научно-образовательного потенциала НГТУ (проблемы и перспективы управления). // Университетское управление. – 2003. – № 4(27). – С. 50–56.

Различные социально-демографические группы и общности различаются по своим ценностным установкам, представлениям и поведению. Существуют и детерминанты гендерных различий в социальном поведении. Например, выявлено, что женщины чаще, чем мужчины, готовы соглашаться с другими людьми, и они менее агрессивны[1]. Женщины в целом более социальны и менее деятельны, чем мужчины. Маскулинность определяется необходимостью и особенностями направленности к цели, а феминность – поддержкой и эмоциональностью[2].

В данной работе представлены результаты исследования, проведенного в 2008–2009 гг. среди студенческой молодежи российских вузов. По специально разработанному опроснику, включающему ряд вопросов, касающихся культурных установок, опрошено 425 студентов (выборка не репрезентативна для России, однако полученные результаты позволяют определить основные зависимости между переменными). Проведено пять фокус-групп по обсуждению ценностей списка Ш. Шварца среди магистров и бакалавров пяти факультетов Российского университета дружбы народов.

В изучении культурных приоритетов студентов был использован набор методик, связанных с установками и ценностными представлениями индивида: Н.И. Лапина (исследование структуры ценностей), М. Рокича и Ш. Шварца (измерение ценностей), Ф. Тромпенарса.

В определении ценностных основ социальных общностей Н.И. Лапин предложил перечень ценностей и выделил базовые ценности – обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм деятельности людей, которые образуют смысловое основание норм повседневного поведения, через которые интегрируют население страны в целостное, социетальное сообщество (базовые ценности включают семь терминальных и семь инструментальных; выявлены четыре слоя базовых ценностей: интегрирующее ядро (порядок, семья, общение), два срединных слоя, конфликтогенная периферия)[3]. Перечень ценностей, предложенный в методике Ш. Шварца, гораздо шире. Существенные различия методик динамики структуры ценностей и групп ценностей Шварца

[1] Eagly A.H., Carli L. Sex of Researchers and Sex Typed Communications as Determinants of Sex Differences in Influence-ability: A Meta-analysis of Social Influence Studies // Psychological Bulletin. – 1981. – № 90. – Pp. 1–20.

[2] Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. New York, The Free Press. – 1955.

[3] *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социс. – 2003. – № 6. – С. 78–87.

и определения структуры динамики ценностей Лапина не позволяют делать адекватных сравнений, тем не менее некоторые параллели можно провести.

Структура ценностей студенческой молодежи. Основной объект анализа в работе с методикой Ш. Шварца – степень приоритетности той или иной ценности во внутриндивидуальной ценностной иерархии молодого человека[1]. В столбце 3 *табл. 16* даны десять «латентных мотивационных типов ценностей» – индексов, каждый из которых рассчитывается исходя из набора более подробных ценностей по определенным формулам.

Таблица 16.

Иерархия ценностных показателей *(измерение по методике Ш. Шварца)*

Ценностные оси («факторы»)	Укрупненные категории ценностей	Типологические ценностные индексы
1	2	3
Сохранение – открытость изменениям	Сохранение	Безопасность
		Конформность
		Традиция
	Открытость изменениям	Самостоятельность
		Стимуляция
		Гедонизм
Самоутверждение – выход за пределы своего «я»	Самоутверждение	Достижение
		Власть
	Выход за пределы своего «я»	Благожелательность
		Универсализм

Ценности, сконструированные в соответствии с методикой Ш. Шварца, распределились в порядке убывания: *самостоятельность, благожелательность, достижение, гедонизм, безопасность, конформность, стимуляция, универсализм, власть, традиционализм*. Иерархия ценностных индексов для юношей и девушек различна, тем не менее как для тех, так и для других наиболее значимыми ценностями выступают *самостоятельность* и *благожелательность*, а наименее – *традиционализм*.

[1] Подробнее методику Ш. Шварца см.: Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами // Украинское общество в европейском контексте. – Киев, 2007.

Ценность *самостоятельность* содержит личные качества участников опроса и относится к ценностной оси «Сохранение – открытость изменениям» и к укрупненной категории ценностей – «Открытость изменениям». *Благожелательность*, занимающая второе место, направленная на заботу о близких людях и друзьях, и *достижение*, занимающее третье (усердие в работе, компетентность, эффективность, стремление к достижению целей и воздействие на события и других людей), относятся уже к другой ценностной оси – «Самоутверждение – выход за пределы своего “я”». Таким образом, на первое место вышли ценности, которые достигаются за счет собственных усилий, и только с третьего места проявляется эгоизм – стремление манипулировать другими людьми. Ценности, связанные с достижениями за счет благополучия других (власть – контроль над другими людьми, доминирование, господство, руководство, публичный образ), а также за счет скромности и умеренности заняли последние места.

Фиксация гендерных отличий или их отсутствия проводилась путем попарного сопоставления средних значений индексов для юношей и девушек. Несмотря на то что иерархия ценностных предпочтений в зависимости от пола респондентов различается, статистически значимая разница в выборе мужчин и женщин проявилась в оценке *универсализма* и *власти*[1]. Обе ценности находятся в рамках ценностной оси «Самоутверждение – выход за пределы своего “я”». Таким образом, ценности молодых людей в своем большинстве не различаются в зависимости от гендера (значимые результаты различий приведены в *табл. 17*).

Для девушек менее, чем для юношей, значима ценность власти, включающая в себя не только отношение к власти, но и к богатству. Для юношей менее, чем для девушек, важны ценность универсализма, которая включает равные возможности для всех; важность мира – отсутствие войн и конфликтов; мудрость – зрелое, выстраданное понимание и отношение к жизни; единство с природой, мир прекрасного – красота природы и искусства; социальная справедливость – устранение несправедливости, забота о слабых; широта взглядов – терпимость к отличающимся идеям, мнениям, убеждениям; защита окружающей среды – сохранение природы. Следовательно, юноши более, чем девушки, склонны к доминированию и менее заинтересованы в мире и справедливости. Молодые люди более эгоистично сориентированы, девушки же, напротив, более толерантны и открыты.

[1] Здесь и далее по тексту результаты подтверждены процедурой однофакторного дисперсионного анализа ANOVA с использованием критерия Тамхена ($p<0,05$).

Таблица 17.

Иерархия ценностных показателей *(по методике Ш. Шварца)*

Укрупненные категории ценностей	Типологические ценностные индексы	Различия между юношами и девушками в выборе ценностей
Самоутверждение	Власть	*Скорее мужские качества* *Власть* (контроль над другими, доминирование, господство); *благосостояние* (деньги, материальное благополучие); *авторитетность* (право вести за собой, руководить, отдавать распоряжения); *сохранение своего публичного образа* (защита своего «лица»)
Выход за пределы своего «я»	Универсализм	*Скорее женские качества* *Равенство* (равные возможности для всех); *мир на земле* (отсутствие войн и конфликтов); *мудрость* (зрелое, выстраданное понимание и отношение к жизни); *единство с природой* («растворение» в природе, соединение с ней); *мир прекрасного* (красота природы и искусства); *социальная справедливость* (устранение несправедливости, забота о слабых); *широта взглядов* (терпимость к отличающимся идеям, мнениям, убеждениям); *защита окружающей среды* (сохранение природы)

Вместе с тем авторы метаанализа – изучения гендерных различий – предлагают рассчитывать различия путем вычитания средних показателей для групп с последующим делением разницы на внутригрупповое стандартное отклонение. Получается величина отличия, называемая *effect size*. Было установлено, что если *effect size* принимает значение 0,2, то отличия практически не существует, 0,5 – средняя величина отличия, а 0,8 – большая. Большая величина отличия означает, что мужчины и женщины сильнее отличаются друг от друга, чем от представителей своего же пола[1]. Таким образом, различия по обобщенным индексам значимы, но не велики настолько, чтобы можно было говорить о том, что взгляды и ценностные установки девушек и юношей диаметрально противоположны и входят в конфликт.

[1] См.: Eagly A.H. Sex Differences in Social Behavior: A Social-role Interpretation. Hillsdale. NJ: Erlbaum, 1987, Cohen J. Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. New York: Academic Press, 1969.

Схожесть и разница между молодыми людьми определились на более «низком» уровне обобщения – при выборе инструментальных и терминальных ценностей. Получены описательные статистики по списку ценностей Ш. Шварца, культурно ценностных ориентаций. В опроснике предлагался перечень ценностей с краткой расшифровкой каждого понятия, и следует отметить, что некоторые позиции так и не были поняты респондентами или понимались ими по-разному. Это стало очевидным при проведении фокус-групп, в ходе которых студенты спорили по поводу содержания ценностей.

В качестве интегрирующего ядра (ценности, которые разделяются большинством) по результатам опроса выделились три ценности:

1) *Защита семьи* (безопасность тех, кого мы любим) – терминальная ценность.
2) *Здоровье* (отсутствие физических и душевных недугов) – инструментальная ценность. Обоснованием такого выбора может послужить ответ студентки на фокус-группе: «Если здоровье будет, то можно добиться и всего остального».
3) *Настоящая дружба* (близость, дружеская поддержка) – терминальная ценность.

Две основные ценности исследуемой группы совпадают с выбором населения в целом по исследованию Н.И. Лапина: терминальные ценности – защита семьи (семья) и настоящая дружба (общение). Наивысшие баллы (6 и 7) 79% девушек и 73% юношей поставили защите семьи, здоровью – 76 и 79%, дружбе – 74 и 68% соответственно. В исследование по ценностным установкам россиян не была включена ценность здоровья, основное ядро включает порядок, который понимается как гарантированные законом безопасность жизни и равенство прав всех граждан. В данном исследовании ценность *национальная безопасность* расшифровывается как защищенность страны от врагов и находится на 29 месте (а у мужчин еще ниже), *равенство* (равные возможности для всех) – вообще на 42. Кстати, именно ценность *равенство* вызвала наибольшие разногласия среди студентов. Часть считает, что равенство – это плохо, поскольку связано с «уравниловкой», поэтому равенства быть не должно, для других равенство – это возможность, равный доступ к общественным благам, прежде всего медицинской помощи и образованию, равенство всех перед законом, что важно, поэтому они ставят высокий балл. Кроме того, отмечается, что справедливость должна быть первична по отношению к равенству.

Н.И. Лапин объясняет приоритет ценности *порядка* тем, что все годы исследования (1990–2002) его явно недостает. Возможно,

в последние годы порядка стало значительно больше, но с другой стороны, возможно, эта ценность не столь важна для молодых, либо их жизненный опыт просто не позволяет им оценить значимость этой составляющей общества и государства.

Высокие баллы получил ряд ценностей (мы приводим комментарии студентов, которые обосновывают важность ценности в ходе обсуждения на фокус-группе):

- *самоуважение* (уверенность в ценности своей личности, достоинство) – «связано с тем, как ты будешь отстаивать все ценности в своей жизни»;
- *свобода* – «внутреннее состояние души, понимаемое всеми поразному, но одинаково необходимое всем. Это независимость от чужого мнения, наличие выбора, осознание правильности своих поступков и своего мышления»;
- *смысл жизни* – «для молодого человека это очень важная ценность, поскольку без целей нет ничего впереди в жизни»;
- *внутренняя гармония* – «вносит существенный вклад в каждую мелочь моей жизни».

В выборе терминальных ценностей культурные представления молодых людей в гендерном разрезе существенно расходятся. Если мужчины отдали вторую позицию ценности *интеллекта*, то женщины отводят ей только девятое место.

Интегрирующему потенциалу противостоит конфликтогенная периферия – те ценности, которые разделяет меньшинство. Власть (контроль над другими, доминирование, господство) находится на одном из последних мест – так же как и в исследовании структуры и динамики ценностей россиян. В исследовании 2002 г. эта ценность была важна для 20% россиян[1]. Только десятая часть юношей и 6% девушек поставили наиболее высокие баллы (шесть и семь баллов) данной ценности. Вот типичные объяснения незначительности данной ценности: «Стремление к власти – естественное стремление некоторых индивидов, но не хотелось бы, чтобы это желание стало смыслом многих. Власть – это способность воздействовать на события и других людей» или: «Это стремление к ощущению собственной значимости, признанности в обществе».

Вторую составляющую периферии в исследовании ценностей занимает ценность *вольности*. В данном исследовании в какой-то мере этой ценности соответствует ценность *потакания себе*

[1] *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социс. – 2003. – № 6. – С. 78–87.

(делать то, что приятно). Кроме этого, периферию составили: *умеренность* (избегание крайностей в чувствах и поступках), *уважение традиций* (сохранение обычаев, обрядов), *единство с природой* («растворение» в природе, соединение с ней), *благочестие* (хранение веры, следование религиозным убеждениям), *скромность* (умеренность, стремление держаться в тени). Наивысшие баллы ценности *скромность* поставили только 6% юношей и еще меньше (3%) девушек.

Ценности, составляющие традиционализм и консерватизм, в основном получили более низкие баллы, что свидетельствует о меньшей их значимости для молодых людей. Однако это не значит, что к ним относятся негативно. Например, ценность *уважение традиций* (сохранение обычаев, обрядов) студенты связывают с толерантностью – уважением не только своих традиций («это наша история и культура, то, что делали предыдущие поколения, бабушки, дедушки, и если мы будем отвергать это, то останемся без будущего»), но и представителей других национальностей.

Нельзя сказать, что молодые люди выше оценивают терминальные или инструментальные ценности, очевидно, что в каждом списке есть понятия, одинаково важные в их жизни. Оценка ряда ценностей может быть показательной в определении разницы или схожести гендерных установок. Определился список ценностей, по которым были определены значимые различия для юношей и девушек[1]. Вместе с тем величина отличия effect size невелика, ее самые большие значения составляют 0,2–0,3. Иными словами, различия в выборе ценностей между юношами и девушками есть, но небольшие.

Типологические *ценностные индексы*, такие как *безопасность*, *конформность* и *благожелательность*, – гендерно нейтральны, однако данная видимая солидарность молодых людей создалась за счет «гашения» одной гендерно ориентированной ценности (составляющей обобщенный индекс) другой гендерно ориентированной ценностью. Так, типологический ценностный индекс *безопасность* сохраняет гендерную нейтральность, однако его составляющая – ценность *взаимоуслужливость* – чаще выбирается мужчинами. Индекс *конформности* гасится за счет выбора мужчинами *самодисциплины* и выбора женщинами *уважения родителей и старших*, а индекс

[1] Определение гендерных отличий или их отсутствие в выборе ценностей также проводилось путем попарного сопоставления средних значений для юношей и девушек, а подтверждение значимости – процедурой однофакторного дисперсионного анализа ANOVA с использованием критерия Тамхена ($p < 0,05$).

благожелательность за счет выбора мужчинами ценности *честность*, а женщинами – *умения прощать.*

К маскулинным ценностям можно отнести *мудрость*, *честность*, *услужливость* и *самодисциплину* – юноши чаще отдают им приоритет. Это ценности-качества, которые, по их мнению, прежде всего должны характеризовать мужчину и дают возможность сделать карьеру.

Девушкам же гораздо важнее уважение родителей, старших, умение прощать, социальная справедливость и равные возможности для всех. Эти ценности можно отнести к феминным.

Мужские качества более индивидуальны. Женщинам важно быть в гармонии с самими собой, им дороже эмоциональная и духовная близость, искренность, уважение старших, готовность прощать. Женский взгляд на ценности позволяет предположить, что женщина будет выступать в качестве стабилизирующего звена в обществе, направляя свои усилия не только на продолжение традиций, но и на сохранение толерантности по отношению к «другому» и стабильности. Мужчины, напротив, готовы проявить жесткость, уверенность в принятии решений. Таким образом, мужчины и женщины, дополняя друг друга, создают гармонию в обществе.

Культурные ценности группового уровня (культурные ценностные ориентации, по Ш. Шварцу) определяют принципы решения разными социальными группами базовых проблем регулирования деятельности. Эти принципы отличаются в зависимости от культуры. Различия в гендерной культуре исследуемой молодежной группы проявились в решении социальной проблемы – регуляции отношения людей к природному и социальному окружению. Данному культурному решению Ш. Шварц дал название «гармония», что подразумевает принятие мира таким, каков он есть (не менять его, а попытаться понять, оценить и сотрудничать). *Гармония* скорее соответствует женщинам. Общество гармонии подразумевает единство с природой, защиту окружающей среды, красоту, а вместе с тем – отказ от самоутверждения. Такие ценности, как мир на земле и защита окружающей среды, составляющие индекс гармонии, вносят основной «феминный» вклад. По другим социальным проблемам различий в гендерном плане не выявлено. Данная методика также показала основное различие юношей и девушек по отношению к власти как достижению социального статуса, престижа, контроля или господства над людьми.

Выбор ценностей обусловлен не только гендерными характеристиками людей, но, например, и такими как религиозная принадлежность и социальный статус. Такая ценность, как *традиционализм*, важнее для религиозных людей, в то время как атеистам соответствуют индексы обобщенных ценностей *универсализм*, *гедонизм* и *достижение*[1]. Чем более религиозен человек, тем больше ему соответствуют возможные культурные решения *гармония* и *принадлежность* (консерватизм). Кроме того, *гармония* и *принадлежность* – это скорее стили решения проблем для молодых людей из низкодоходных семей.

Культурные характеристики с двумя диаметрально противоположными полюсами – культурные дилеммы Фонса Тромпенаарса. Ф. Тромпенаарс предложил семь культурных характеристик – набор этнометрических показателей, где каждый из них имеет два диаметрально противоположных полюса. Попарное сравнение выборов респондентов (результаты однофакторного дисперсионного анализа) показали гендерные различия в таких характеристиках, как *универсализм – партикуляризм и конкретность – диффузность.*

Универсализм vs партикуляризм. Универсалистская культура характеризуется тем, что люди, к ней принадлежащие, придерживаются точки зрения приоритетности законов, общих правил, стандартов и кодексов по сравнению с потребностями и требованиями друзей и близких. Универсалисты считают, что правила и законы должны применяться ко всем без исключения и действовать для всех в любой ситуации. Законы представляют собой эталон, поэтому следует менять не правила, а отношение людей к ним.

Мужчины скорее склонны поддерживать универсалистские принципы, считая, что закон и истина более значимы, чем личные отношения[2]. Отвечая на вопрос: «Через полгода после того, как нефтедобывающая компания подписала долгосрочный контракт с зарубежным покупателем, произошел обвал мировых цен на нефть. Покупатель просит пересмотреть контракт, снизив цену. На месте владельца компании стали бы вы пересматривать контракт?», мужчины реже соглашаются пойти на уступки. Девушки, напротив, чаще готовы проявить дружескую лояльность и выступают представителями скорее партикуляристской культуры. Отношения в партикуляристских культурах строятся на человеческой дружбе, человеческих отношениях. В таких культурах из правил можно сделать исключения. В любой ситуации

[1] Результаты Т-тестового анализа.

[2] Однофакторный дисперсионный анализ АНОВА показал значимую разницу в тяготении к одному из полюсов культуры в зависимости от пола участников исследования.

человек может рассчитывать на помощь своих друзей и близких, а закон и абстрактные правила – вторичны. Девушки скорее склонны считать, что межличностные связи более важны, чем правила, поэтому поведение человека должно зависеть от обстоятельств и вовлеченных в ситуацию людей.

Нейтральность vs эмоциональность (аффективность). В эмоциональных или аффективных культурах принято проявлять эмоции. Девушки скорее выскажут то, чем они довольны или нет, этого же они ждут от окружающих. Молодым людям ближе нейтральные установки, они чаще склонны считать, что открытое проявление эмоций неприемлемо. Это не значит, что мужчины не испытывают сильных чувств и эмоций, однако они считают, что их надо держать под контролем.

Представители нейтральных культур, не выставляя напоказ свои эмоции, ждут в ответ косвенных знаков, не демонстрирующих эмоционального отклика.

Конкретность (специфичность) vs диффузность. Конкретность культуры проявляется в том, что люди обращают внимание в первую очередь на отдельные элементы и их особенности. Общественная сфера взаимодействия людей шире личной. Личная сфера достаточно приватна, и попасть в нее посторонним значительно сложнее. Изучение любого объекта в конкретной культуре начинается с анализа составляющих его компонентов, которые суммируются. Подразумевается, что жизнь состоит из различных, не связанных друг с другом аспектов: войти в одну из сфер (кругов) общения – не значит быть принятым и во всех остальных. В своих интеракциях люди ориентируются на определенные цели, опираясь на факты, стандарты, контракты. Мужчины, атеисты и члены домохозяйств с более высокими доходами – скорее представители *конкретной* культуры.

Женщины в своих взаимодействиях скорее ближе к диффузной культуре, где ценятся понимание, доверие, манеры. Элементы культуры связаны друг с другом и рассматриваются в контексте всего целого, но не дают при этом его простую сумму. Приватная сфера общения гораздо больше общественной. Если человека приняли в одну из сфер общения, то он автоматически попадает и во все остальные сферы тех, с кем общается: друг остается другом и в личной жизни, и в трудовой сфере. Диффузная культура ближе представителям религиозной молодежи и семей с низким доходом.

Например, такой вопрос: «Начальник попросил подчиненного помочь ему в выходные покрасить дом, где живет начальник. Вы помогли бы начальнику на месте этого подчиненного?». Женщины

скорее бы откликнулись на подобную просьбу, мужчины – нет. Второй вопрос, позволяющий определить степень диффузности, звучал так: «Представьте себе, что вы предприниматель и руководите фирмой. Должна ли ваша компания нести ответственность за обеспечение своих сотрудников жильем?». Женщины, если бы были руководителем организации, склонны были бы проводить политику патернализма и оказывать различные виды поддержки своим подчиненным.

Прискрипция (достижение) vs аскрипция (приписывание). Достигаемые позиции индивида, замещение которых зависит от самого человека, – характеристика достижительных культур. Мужчины и представители обеспеченных семей чаще склонны считать, что статус следует подтверждать социально значимой деятельностью, требующей определенных знаний, умений. Например, в нашем исследовании сторонники достижительной культуры согласны с утверждением, что «достижение или успех есть единственная определяющая статуса в бизнесе; если успех достигнут недавно, то это особенно важно».

Аскрипция подразумевает, что характеристики индивидов – такие как статус, профессия или доход – не задаются собственными достижениями, а определяются их положением (например, полученным при рождении, в силу половых или возрастных характеристик). Справедливость приписывания скорее признают женщины и верующие молодые люди.

Внешний контроль vs внутренний контроль. Внутренний контроль подразумевает, что окружающая среда воспринимается с механистической точки зрения, а общество – в отрыве от природы. Участники исследования, сторонники культуры, ориентированной на внешний контроль (прежде всего мужчины, атеисты или те, кто безразлично относится к религии, а также представители обеспеченных домохозяйств) соглашались с утверждением, что «природные силы (например, погоду, генотип животных и растений и т.д.) необходимо контролировать». Это доминантная позиция по отношению не только к природе, но и к окружающему миру. Этим людям чужд фатализм, они рассчитывают на собственные силы, считая, что жизнь зависит от решений человека. Достичь желаемого можно, если воспользоваться всеми возможными преимуществами.

Студентки и представители бедных семей склонны к внешней ориентации: стремление к гармонии с окружающим миром. Такие люди менее уверены в своих силах, чаще готовы приспосабливаться к внешним обстоятельствам и ориентироваться на других людей. Социум воспринимается как часть природы.

При выборе из двух предложений девушки чаще отвечают, что природа должна следовать своим путем развития, а людям остается принимать все как есть и делать в этих условиях то, что от нас зависит. Юноши склоняются к тому, что необходимо контролировать природные силы (например, погоду, генотип животных и растений и т.д.). Таким образом, преобразовательные импульсы мужчин сдерживаются сохранными стратегиями женщин.

Что касается трудовой сферы, то в управлении мужчины склонны придерживаться жесткой культуры менеджмента и считают, что стратегия развития компании должна разрабатываться высшим руководством и «спускаться» подчиненным для исполнения. Девушки более демократичны, им больше нравится стиль управления, связанный со стратегией развития компании, которая основывается на идеях рядовых работников как результате взаимодействия с клиентами.

Анализ ценностей и ценностных установок молодежи, проведенный с использованием методик Шварца и Тромпенаарса, не опроверг гипотезу, основанную на том, что выбор ценностей и ценностных установок связан с культурным полом респондентов, то есть имеет гендерную окраску, равно как и некоторые типы поведения зависят скорее от культурных установок и ценностных приоритетов индивида и не зависят от гендера.

Некоторые типологические ценностные индексы гендерно нейтральны, однако данная видимая солидарность молодых людей создалась за счет гашения одной гендерно ориентированной ценности (составляющей обобщенную ценность) другой. Например, индекс *конформности* гасится за счет выбора мужчинами *самодисциплины* и выбора женщинами *уважения родителей и старших.* К маскулинным ценностям можно отнести *мудрость* и *самодисциплину.* К феминным – *уважение к родителям, старшим, умение прощать, социальную справедливость, внутреннюю гармонию, честность, искренность, эмоциональную и духовную близость.*

Таким образом, типологические ценности (индексы) и ценностные установки можно разделить на три условных типа:

1) гендерно нейтральные, то есть не зависящие от культурного пола респондента;
2) гендерно ориентированные – различаются у мужчин и женщин, то есть имеют гендерную окраску;
3) латентно гендерно нейтральные – ситуация, когда нейтральны типологические ценности (индексы), но гендерно ориентированы ценности, составляющие индекс.

В целом для юношей и для девушек наиболее значимыми типологическими ценностями выступают *самостоятельность* и *благожелательность*, а наименее – *традиционализм.* Ценности, связанные с достижениями за счет благополучия других людей (*власть* – контроль над другими людьми, *доминирование, господство, руководство, публичный образ*), а также за счет скромности и умеренности, заняли последние места. Таким образом, на первое место вышли ценности, которые достигаются за счет собственных усилий.

Мужчины скорее склонны поддерживать универсалистские принципы, считая, что закон и истина более значимы, чем личные отношения. Девушки, напротив, чаще готовы проявить дружескую лояльность и выступают представителями скорее партикуляристской культуры, для них межличностные связи понимание, доверие и манеры более важны, чем правила. В целом сочетание маскулинности и феминности выступает в качестве стабилизирующего звена социума и создает гармонию в обществе.

2.7. Социальные риски неполных семей в Москве

Наше исследование показало, что неполные семьи, проживающие в Москве, – крайне социально уязвимый тип семьи. Но при этом они по сравнению с другими категориями детных семей имеют государственную и региональную поддержку, в меньшей степени адекватную степени их риска попадания в ситуацию бедности. В данном разделе проблемы бедности неполных семей рассматриваются более детально в зависимости от брачного статуса главы неполной семьи, обсуждаются особые факторы, повышающие риск попадания таких семей в ситуацию бедности.

Неполные семьи – что это такое? Для начала еще раз уточним, что в данном исследовании понималось под определением «неполная семья».

На бытовом уровне под неполной семьей обычно подразумевается семья одинокой матери с ребенком. В научной и учебной литературе пока нет полного единства мнений о том, какие типы семей могут быть включены в рассматриваемую категорию. Например, есть предложения включать в нее не только семьи, где отсутствует один

из родителей, но и брачные пары без детей[1], или считать неполными только семьи, не имеющие в своем составе ни одной супружеской пары (мать или отец с детьми, семьи, состоящие из братьев, сестер или других родственников)[2], или относить к неполным семьям только нуклеарные семьи, в которых отсутствует по разным причинам один из супругов, на чьем иждивении и находится ребенок (дети)[3], и т.д.

Впрочем, большинство исследователей все же сходится на том, что неполные семьи – это не только нуклеарные семьи, состоящие из одинокой матери или отца с ребенком/детьми, но и *расширенные* семьи, в состав которых помимо неполного семейного ядра (одинокой матери или отца с ребенком/детьми) могут входить другие родственники (родители, бабушка/дедушка одинокой матери или отца, ее/его братья, сестры, другие родственники). При этом законодательно установленного соотношения между понятиями нет.

В такой трактовке неполные семьи с несовершеннолетними детьми выступают третьей по степени распространенности категорией детных семей: согласно переписи 2002 г., в Москве такие семьи составляли 31,3% всех семей с детьми до 18 лет. Внутренняя структура самих неполных семей на момент переписи была следующей. Материнские нуклеарные семьи (то есть состоящие только из матери и детей) составляли 42,6% всех неполных семей. Отцовских неполных семей было в четыре раза меньше – их доля равнялась 10%. Остальные неполные семьи (47,3%) включали в себя расширенные неполные семьи, состоящие из матери (отца), их детей и родителя/родителей матери (отца).

Неполные семьи в нашем опросе. В нашем опросе неполные семьи были одной из квотируемых групп семей с детьми, и при формировании соответствующей квоты в выборке мы также придерживались расширенного определения неполной семьи. Поэтому анкетирование в этой группе проводилось как в неполных нуклеарных, так и в неполных расширенных семьях. Причем в данном исследовании в рассматриваемую квоту входили неполные семьи вне зависимости от причины, приведшей к формированию неполного семейного ядра (будь то развод, рождение ребенка вне брака, смерть одного из родителей, лишение одного родителя родительских прав, фактически отдельное проживание одного из родителей без оформления развода и ряд других причин).

[1] Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. – М., 2005.
[2] Борисов В.А. Демография: Учебник для вузов – М.: NOTA BENE, 1999.
[3] Балыгин М.М. Образ жизни семьи и здоровье детей раннего возраста // Здравоохранение РФ. – 1998. – № 3.

В соответствии с техническим заданием было опрошено 200 семей. Впрочем, в реальности анкетированием было охвачено несколько большее число неполных семей. Дело в том, что неполные семьи попали в опрос в границах других квот, например при опросе семей с детьми-инвалидами или многодетных семей. Поэтому следует также уточнить, что в данном разделе анализ проблем бедности неполных семей проводился не только на основе ответов семей, попавших в квотируемую группу, но и на основе ответов неполных семей, опрошенных по другим квотам.

Группу неполных семей можно было бы дополнить также отдельными опекунскими семьями, в которых в качестве опекуна выступали родственник или родственница, не имевшие супруги/супруга, поскольку иногда к неполным семьям причисляют семьи, в которых отсутствуют родители ребенка/детей, а их функции по содержанию и воспитанию этих детей возлагают на себя родственники (как правило, близкие). Однако попытка эта оказалась неудачной – риски неполной семьи многократно «перекрывались» политически обусловленными мерами по поддержке таких семей. Опекунские семьи на фоне других неполных семей слишком выделялись своей «материальной благополучностью».

Расширение квотируемой группы неполных семей за счет неполных семей, социально уязвимых еще и по другим основаниям, имело свои плюсы и минусы. С одной стороны, это дало возможность более подробно рассмотреть отдельные подгруппы неполных семей особого (повышенного) риска, но с другой – существенно снизило возможности анализа социально-демографической структуры этой категории семей. В силу особенностей формирования этой группы (включения в нее неполных семей, участвовавших в исследовании в рамках других квот) общая совокупность неполных семей оказалась довольно существенно смещена в сторону групп особого риска (в ней очевидно велика доля семей с детьми-инвалидами, доля многодетных).

Следует отметить также, что неполные семьи (как отдельная категория семей) в широком контексте имеют значимую социальную поддержку со стороны государства и региональных властей. Однако эта поддержка касается в основном защиты не семей как таковых, а одиноких родителей, а точнее, их трудовых прав (трудовые права одиноких родителей российское трудовое законодательство защищает на более высоком уровне). Так, например, в Трудовом кодексе РФ глава 41 «Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями» предусматривает, в частности, запрет на расторжение

трудового договора с женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет, одинокими матерями, воспитывающими ребенка до 14 лет, другими лицами, воспитывающими указанных детей без матери, по инициативе работодателя (кроме специально оговоренных случаев). Одиноким родителям, имеющим ребенка до 14 лет (а также еще некоторым льготным категориям работающих родителей), коллективным договором может устанавливаться право на ежегодное предоставление дополнительного отпуска (продолжительностью до 14 календарных дней) без сохранения заработной платы в удобное для них время. В Москве согласно приказу Департамента образования № 157 (от 28 марта 2006 г.) дети работающих одиноких родителей считаются льготной категорией и их принимают в детские дошкольные учреждения в первую очередь.

А вот в системе мер льгот, компенсаций и материальной помощи, предоставляемых как на федеральном, так и на столичном уровне различным категориям семей, не предусмотрена единая система категориальных льгот для неполных семей как таковых (в отличие, например, от многодетных семей). Однако отдельные типы неполных семей обладают правом на разные виды социальной помощи от государства и региональных властей (например, семьи одиноких матерей/отцов – на ежемесячное пособие на ребенка, компенсационные выплаты; неполные семьи, имеющие право на алименты, но не получающие их, – на специальное пособие на детей в период розыска родителя, уклоняющегося от уплаты алиментов; в семьях, где умер родитель, ребенку назначается пенсия по случаю потери кормильца и т.д.). Часть неполных семей получают социальную поддержку, если по иным параметрам оказываются в льготных категориях семей: например, если в неполной семье воспитывается ребенок-инвалид или уровень жизни семьи дает основание считать ее бедной и т.д.

Всего в опросе приняли участие 314 женщин, которые либо позиционировали себя в качестве глав неполных семей, либо были таковыми по формальным критериям. Из опрошенных 149 респонденток[1] были в разводе (самая многочисленная группа), 57 были вдовами, 42 никогда не состояли в браке, 29 ранее жили в гражданском браке, но на момент опроса проживали без мужа.

[1] Еще раз уточняем: из-за особенностей построения анкеты опрос проводился только со слов матери семейства, для группы неполных семей это означает то, что она сформирована только из материнских семей. Таким образом, отцовские семьи в выборку просто не могли попасть, что, к сожалению, оставило за рамками исследования фактически все гендерные аспекты проблем, рассмотренных в работе.

31 респондентка ответила, что их семья неполная, хотя реальный брачный статус этих женщин не совпадал с формальным (в ходе социологического опроса респонденты, имеющие брачные отношения, не оформленные официально, дают неоднозначную интерпретацию типу своей семьи и собственному брачному статусу). Из них 25 формально состояли в зарегистрированном браке, но позиционировали себя как главы материнских семей (вероятно, брак фактически был расторгнут, а юридическое оформление этого факта для них было только вопросом времени), шесть женщин ответили, что состоят в гражданском браке (отметим, что иногда отказ от регистрации брака бывает связан с нежеланием потерять льготы, предназначенные для одиноких матерей).

Как будет показано ниже, брачный статус главы неполной семьи во многом определяет структуру доходов семьи.

Следует также отметить, что только 183 опрошенные нами неполные семьи имели в своем составе одного ребенка, в 68 семьях детей было двое, 63 семьи оказались многодетными (имели троих и более детей). Кроме того, в 55 неполных семьях проживал ребенок-инвалид.

При этом 211 неполных семей были нуклеарными, то есть состояли только из матери и ее ребенка (детей), а в состав остальных 103 неполных семей входили еще и другие родственники.

Уровень образования глав неполных семей оказался относительно высок (он выше, чем у матерей из многодетных семей и опекунш, но ниже, чем у матерей из малодетных семей и семей с детьми-инвалидами): более половины матерей (56,1%) имели высшее или незаконченное высшее образование, фактически каждая третья (32,1%) – среднее профессиональное, 1% – начальное профессиональное и только каждая десятая (10,2%) ограничилась тем или иным уровнем (в основном – полным) общего среднего образования.

Богатые и бедные среди бедных: дифференциация риска бедности внутри группы. Как было показано в предыдущих разделах, в целом неполные семьи – семьи с очень высоким уровнем риска попадания в ситуацию бедности. Однако не у всех из них этот риск одинаков. Попробуем понять степень дифференциации уровня этого риска и определить типы неполных семей особо высокого риска попадания в ситуацию бедности.

Наиболее очевидным представляется наличие подобной дифференциации в зависимости от брачного статуса главы семьи (в нашем случае матери). Несмотря на то что неполные семьи – это (по определению) семьи, где отсутствует (формально или фактически) один из

родителей, именно от брачного статуса во многом зависит структура семейных доходов (право на алименты, пенсию по потере кормильца, социальные пособия).

Наш опрос выявил по крайней мере одну подгруппу неполных семей (в которых мать семейства формально выступает главой неполной семьи, но фактически состоит в гражданском браке), где риск бедности минимален. Ни по критерию бедности, принятому нами в данной работе, ни по субъективной оценке своего материального благополучия в данной подгруппе не оказалось семей, которые можно было бы отнести к категории бедных. Данный результат нельзя назвать неожиданным, поскольку такие семьи фактически представляют собой полные и, соответственно, они наименее уязвимы в смысле материального благополучия из всех рассматриваемых нами категорий семей с детьми. Более подробный анализ материального положения данной подгруппы затруднен из-за ограниченной численности семей, попавших в нее.

Еще одним (особым) типом неполной семьи стали семьи, где мать, позиционируя свою семью как неполную, формально состоит в зарегистрированном браке. Здесь уровень бедности по субъективной оценке в шесть (!) раз выше уровня бедности, рассчитанного по нашему критерию. Такой разброс оценок в уровне бедности, в частности, может означать, что часть таких семей, находясь в процессе развода и раздела имущества, пока склонны высоко оценивать свое материальное положение, учитывая прежнее благополучие, что не совпадает с реально низким уровнем их доходов и высокой долей затрат на питание.

Во всех остальных группах неполных семей уровень бедности хотя и различается, но однозначно высок. При этом по субъективной оценке он либо выше уровня бедности по расчетному критерию (семьи вдов, разведенных и одиноких матерей), либо равен ему (в семьях матерей, ранее состоявших в гражданском браке, но на момент опроса проживавших без мужа). По субъективной оценке самый высокий уровень бедности оказался у вдов (38,6%), самый низкий – у матерей, ранее состоявших в гражданском браке, но на момент опроса проживавших без мужа (24,1%); по расчетному критерию бедности, соответственно, у матерей, никогда не состоявших в браке (27%), и разведенных (18,8%).

Уровень риска быть бедными существенно возрастает в неполных семьях, где дополнительно существуют один или два рассматриваемых нами признака уязвимости (в семье есть ребенок-инвалид или

это многодетная неполная семья). Это отражает, по сути дела, изменение (увеличение) иждивенческой нагрузки на главу семьи. Ведь, с одной стороны, воспитание и уход за ребенком-инвалидом требуют подчас больше средств и времени, чем воспитание и уход за ребенком без особенностей здоровья и развития, а с другой – мать ребенка-инвалида, как правило, имеет меньше возможностей для собственной профессиональной занятости – основы благосостояния семьи. Аналогичная ситуация складывается и в неполных многодетных семьях.

В результате, например, среди участвовавших в опросе полных семей, в составе которых есть ребенок-инвалид, доля бедных составляла 14,8%, а среди неполных семей с ребенком-инвалидом – почти в два раза больше (23,6%).

Сходная ситуация возникает и среди многодетных семей. Данные опроса показали, что в Москве бедна каждая четвертая полная многодетная семья, имеющая троих и более детей (уровень бедности – 25,1%), в то время как среди неполных многодетных – каждая третья (уровень бедности – 34,9%).

Экономическая активность глав неполных семей. Сложившаяся сегодня в стране реальность такова, что большинство глав неполных семей в поддержке материального благополучия своей семьи могут рассчитывать главным образом только на самих себя. Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что их экономическая активность оказалась чрезвычайно высокой – самой высокой среди матерей всех рассматриваемых нами в данной работе типов семей: 82,5% матерей из неполных семей имели статус занятой (77%) или искали работу (5,5%). Такой уровень экономической активности матерей можно охарактеризовать как предельно возможный, учитывая современный уровень развития столичной социально-бытовой сферы, сети дошкольных учреждений и школ продленного дня, а также степень их доступности для низкодоходных групп населения. Более того, для некоторых подгрупп неполных семей (см. ниже) возможности простого расширения занятости одиноких родителей для улучшения материального положения их семей можно считать исчерпанными. Решение такой задачи может лежать в лучшем случае в плоскости программ содействия одиноким родителям в улучшении качества их занятости.

Экономически неактивное меньшинство глав неполных семей состояло главным образом из домохозяек (10,5% всех опрошенных глав неполных семей или 57,7% всех экономически неактивных глав неполных семей), неработающих пенсионеров (6,7% всех опрошенных глав неполных семей или 36,8% всех экономически неактивных глав

неполных семей) и крайне небольшого числа учащихся в вузе или аспирантуре (соответственно 1% и 5,5%).

Поскольку наша группа неполных семей внутренне крайне разнородна, то и экономическая активность матерей из различных подтипов неполных семей тоже существенно различается. Самая высокая экономическая активность – у разведенных. Среди официально разведенных женщин 81,8% профессионально заняты и еще 4% – безработные, ищущие работу. Среди тех женщин, кто ранее состоял в гражданском браке, а ныне живут без мужа, занятых еще больше – 86,2%, а безработных, ищущих работу, – 3,5%.

Самый низкий уровень занятости среди тех женщин, кто при опросе позиционировал свою семью как неполную, но реально состоит в браке (зарегистрированном или гражданском): соответственно 56% и 50%. Правда, среди них и самая высокая по группе неполных семей доля тех, кто в момент опроса не работал, но искал работу (фактически безработных): 12% и 16,6%. В этой же подгруппе самая высокая доля домашних хозяек (кто не работает и не ищет работу) – соответственно, 28% и 16,7%.

Группа одиноких матерей (никогда не состоявших в браке) и женщины, ставшие главами своих семейств в результате смерти супруга, по уровню экономической активности занимают серединное положение. Матерей, никогда не состоявших в браке, выделяет, пожалуй, только одно – высокая (относительно других подгрупп неполных семей) доля учащихся. Впрочем, этот факт объясняется достаточно просто – в этой подгруппе самая большая доля молодых женщин в возрасте до 30 лет.

Кроме основной занятости, часть женщин-глав неполных семей еще и подрабатывают. В целом картина вырисовывается следующая: чем выше уровень экономической активности рассматриваемой подгруппы глав неполных семей, тем выше у них заинтересованность в дополнительном заработке, и, соответственно, наличие партнера (пусть просто формального или, наоборот, формально не оформленного) снижает потребности женщин в подработках.

Что касается режима занятости матерей из неполных семей, то они в основном (80,2%) работают на условиях полного рабочего времени, а 18,3% – на условиях неполного рабочего дня или неполной рабочей недели. Таким образом, режим их занятости во многом сходен с режимом занятости матерей из других рисковых семей с детьми.

У всех ли неполных семей одинаковы основные источники доходов? Множественность источников средств существования, при всех

прочих равных условиях, представляет собой предпосылку для большей экономической устойчивости домохозяйств различных зон риска. Как показали расчеты, у большинства опрошенных нами неполных семей бюджет домохозяйства формируется за счет одного-двух важных для них источников дохода. Три источника дохода имеют менее трети неполных семей, причем такое количество источников заработка реже всего наблюдается в семьях, возглавляемых женщинами, которые ранее жили в гражданском браке, а теперь живут без мужа (10,3% семей), а чаще всего (35,1%) – среди семей разведенных женщин.

Структура денежных доходов неполных семей хорошо корреспондирует со структурой занятости их глав: высокому уровню занятости матерей из этих семей соответствует большая же доля доходов от профессиональной занятости в общей массе денежных доходов. В подавляющем большинстве семей трудовые доходы матери – главный источник доходов. Исключение составляют только семьи, где матери состоят в гражданском браке. Здесь трудовые доходы только в половине семей выступают как первый и основной доход. Больше в этих семьях трудовые доходы в качестве источника средств существования нигде не фигурируют (ни в качестве второго, ни в качестве третьего источника!).

Самое большое значение трудовые доходы имеют в семьях разведенных и одиноких матерей (никогда не бывших замужем): в качестве первого источника дохода они фигурируют в 80,5% семей разведенных матерей (в качестве второго – в 15,4%, третьего – 4,1%), а среди семей одиноких матерей 79,1% считали трудовые доходы первым основным источником доходов своего домохозяйства, а 18,6% – вторым по значимости источником.

Значимую роль в формировании доходов неполных семей играют федеральные и столичные социальные выплаты (пенсии и пособия), хотя в качестве первого основного источника своих доходов их назвали немногие – в основном вдовы и матери, живущие в гражданском браке. Для каждой четвертой вдовы (24,6%) пенсия – первый основной источник дохода и еще для 40,4% – второй. А вот пособия для них не имеют такого значения: по 26,6% из них назвали пособия вторым и третьим источником средств существования. Для матерей, живущих в гражданском браке, социальные выплаты, особенно разного рода пособия, значат еще больше. Для половины таких семей они представляют собой первый источник, еще для половины – второй источник доходов.

Алименты (правда, в очень скромных масштабах) фигурируют в доходах только у разведенных – как состоящих в официальном разводе, так и формально остающихся в браке. Только 2,7% первых из них и 4% вторых назвали алименты первым основным источником доходов домохозяйства, соответственно 16,1% и 4% – вторым источником, 5,4% и 0% – третьим.

Материальная помощь друзей и родственников – важная статья формирования семейного бюджета в неполных семьях, но она рассматривается главным образом в качестве второго или третьего источника средств существования.

Все остальные виды доходов в неполных семьях распространены мало и почти не фигурируют в качестве первого основного источника средств существования.

Зоны особого риска. Здоровье как фактор благополучия неполных семей. Экономическая устойчивость неполных семей существенно ниже, чем полных. И дело здесь не только в неблагоприятном соотношении числа работников и иждивенцев (фактор распределения доходов), но и в особенностях формирования общесемейных доходов. Как показал наш опрос, в большинстве неполных семей основной источник денежных доходов – доход от трудовой деятельности одного члена семьи, а именно ее главы. В полных семьях денежный доход от трудовой деятельности формируют, как правило, оба супруга, и поэтому доля вклада каждого в общий бюджет меньше.

Очевидно, что при изменении каких-либо параметров занятости, приводящих к сокращению трудового дохода у одного «добытчика», последствия для общесемейных бюджетов в неполной и в полной семьях будут несколько различаться. В неполных семьях это изменение чаще всего будет иметь большее значение для общего дохода домохозяйства, чем в полных. Следовательно, и риск попадания семьи в ситуацию бедности у неполных семей будет больше. В качестве примера таких изменений рассмотрим последствия ухудшения состояния здоровья работника (в нашем случае – матерей в полных и неполных семьях). Известно, что состояние здоровья работника во многом определяет возможности его занятости: чем хуже здоровье, тем при прочих равных условиях ниже уровень экономической активности и занятости[1]. Кроме того, ухудшение здоровья – фактор профессиональной мобильности работников, которая проходит в лучшем случае по горизонтальной траектории, но главным образом –

[1] Страхование от несчастных случаев на производстве. Актуарные основы. – М.: Academia, 2001.

по нисходящей, с соответствующим изменением уровня оплаты труда. А наличие инвалидности у человека трудоспособного возраста (даже без полной потери трудоспособности) подчас становится непреодолимым препятствием для его трудоустройства.

Безработица как дополнительный фактор риска бедности для неполных семей. Отсутствие работы у женщин из материнских и полных семей также приводит к разным последствиям для их общесемейных бюджетов. В семьях, где мать имеет работу (как полных, так и неполных), уровень бедности относительно низок (в полных семьях доля бедных домохозяйств в нашей выборке оказалась равна 8,5%, в неполных почти в полтора раза больше – 12,7%). В семьях, в которых матери были безработными (не имели работы, но искали ее), уровень бедности не только существенно выше, но значительно больше различается в зависимости от типа семей. Среди полных семей доля бедных домохозяйств была равна 15,4%, в то время как среди неполных – 41,2% (!).

Подводя итог по полученным результатам, еще раз отметим, что в целом неполные семьи – семьи с очень высоким уровнем риска попадания в ситуацию бедности. Однако не у всех из них этот риск одинаков, и величина этого риска во многом зависит от брачного статуса главы неполной семьи.

Риск бедности минимален в неполных семьях, в которых мать семейства формально выступает главой неполной семьи, но фактически состоит в гражданском браке, или в которых мать, позиционируя свою семью как неполную, формально состоит в зарегистрированном браке. Во всех остальных группах неполных семей уровень бедности хотя и различается, но он однозначно высок.

Уровень риска быть бедными существенно возрастает в неполных семьях, где дополнительно существуют один или два рассматриваемых нами признака уязвимости (в семье есть ребенок-инвалид, или это многодетная неполная семья). Так, среди полных семей, в составе которых есть ребенок-инвалид, доля бедных составляла 14,8%, среди неполных семей с ребенком-инвалидом – 23,6%. Среди полных многодетных семей бедных 25,1%, среди неполных многодетных – 34,9%.

Экономическая активность матерей глав неполных семей – самая высокая среди матерей всех рассматриваемых в данной работе типов семей. Такой уровень экономической активности матерей можно охарактеризовать как предельно возможный. Для некоторых подгрупп неполных семей возможности простого расширения занятости

одиноких родителей в целях улучшения материального положения их семей можно считать исчерпанными. Решение такой задачи может лежать в лучшем случае в плоскости программ содействия одиноким родителям в улучшении качества их занятости.

Экономическая устойчивость неполных семей существенно ниже, чем полных, из-за особенностей формирования общесемейных доходов. А поскольку в большинстве неполных семей основной источник денежных доходов – доходы от трудовой деятельности главы семьи, то при изменении этого дохода риск бедности существенно увеличивается.

Так, при ухудшении здоровья матерей из полных и неполных семей или при потере ими работы (безработица) риск попадания в ситуацию бедности в неполных семьях вырастает существенно больше, чем в полных семьях. Это свидетельствует в первую очередь о том, что существующая система материальной поддержки безработных, а также людей с очень низким уровнем здоровья и инвалидностью недостаточно учитывает наличие у них детей-иждивенцев.

2.8. Социально-психологические проблемы подростков в современном городе[1]

1. Меняющийся социально-культурный контекст и сбои механизмов социализации. Нынешние российские дети и младшие подростки – первое поколение, родившееся после распада Советского Союза. Социализация советского времени с характерной для нее высокой степенью *унификации* опиралась на государственную идеологию, официально признанную систему ценностей и норм закрытого общества, задававшую критерии и образцы одобряемого поведения и транслируемую через государственные институты воспитания, образования и СМИ. *Вариативность* социализации, обусловленная различиями в традициях, стиле и образе жизни конкретных семей, подавлялась и нивелировалась.

Одной из особенностей постсоветского российского общества стала не только вариативность социализации – в противоположность прежней унификации, но *разбалансированность и сбои* механизмов

[1] При участии И.И. Шурыгиной (Институт социологии РАН).

социализации – следствие крайней противоречивости меняющегося социально-культурного контекста.

Радикальные изменения системы ценностей и норм начались в первой половине 1990-х гг. Это выразилось в отрицании «всего советского», в открытости внешнему миру и глобальному контексту, декларировании не только плюрализма ценностей и идеологий, но и разнообразия норм поведения, индивидуальных жизненных стилей, наконец, в стремительном распространении новых образцов успешности, имеющей денежное измерение. Вместе с тем в 1990-е гг. молодые люди – родители современных детей и подростков – еще оставались носителями представлений и ценностей советской эпохи. Для них начался период адаптации и фактической *ресоциализации*, который зачастую заканчивался жизненной неудачей или даже трагедией. Можно вспомнить в этой связи о лавинообразном росте численности социальных сирот, о таких описанных исследователями феноменах, как «несостоявшаяся маскулинность»[1] и «инициативно-маскулинный тип»[2] женского поведения – с характерным для них инфантильным индивидуализмом и неспособностью к выстраиванию длительных, устойчивых эмоциональных отношений.

Важные особенности процессов адаптации и ресоциализации молодежи 1990-х гг. зафиксированы в исследованиях представлений о праве, проводившихся в 1993–2002 гг.[3] В интерпретациях школьниками *закона и правосудия, вины и наказания* было заметно ослабление авторитета традиционной морали (так, закон и судья перестали восприниматься лишь в их уголовной компетенции, вина реже ассоциировалась с тяжким грехом, а наказание – со справедливыми и «полезными для молодежи» санкциями). Одновременно в подростковой и молодежной среде получали все более широкое распространение представления об индивидуальных и гражданских свободах, о связи свободы и права, «наступающие» на традиционное понимание свободы – воли или свободы, не знающей никаких правовых ограничений.

[1] *Тартаковская И.Н.* «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Гендерные отношения в современной России. Исследования 1990-х годов / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. – Самара: Самарский университет, 2003.

[2] *Котовская М.Г.* Перспективы развития брачного партнерства (по материалам полевых исследований ценностных ориентаций молодых российских женщин) // Семья, гендер, культура. – М., 1997.

[3] *Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М.* Образ права в России и во Франции – М.: Аспект-Пресс, 1996; Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права. Правовая социализация в изменяющейся России. – М.: Весь мир, 2008.

Обобщая результаты опросов общественного мнения 1990-х – первой половины 2000-х гг., многие эксперты и аналитики были согласны с тем, что российское общественное сознание представляет собой исключительно противоречивое образование. В нем традиционалистские концепты причудливо соединялись с адаптированными к отечественной социально-политической реальности модернизационными подходами[1]. В то же время большинство исследований (в их числе и наши исследования правовой социализации) ясно показывали, что к началу нового века в общественном сознании еще не произошли изменения глубинного уровня, имеющие отношение к формированию новой, модернизированной системы ценностей и соответствующих ей образцов гражданского поведения и массовых социальных практик.

Одним из проявлений этого стали *кризисные тенденции в функционировании ключевых институтов социализации – семьи и школы*.

В периоды социальных трансформаций расхождение в представлениях о жизни детей и родителей резко увеличивается, причем дети, как обнаружила еще Маргарет Мид, могут даже выступать «воспитателями» родителей, помогая им адаптироваться в новом обществе[2]. Другая крайность – резкое увеличение разрыва между поколениями родителей и детей. Похоже, что в современной России присутствуют оба эти варианта, однако второй преобладает.

Если в «раннюю» постсоветскую эпоху (1990-е гг.) младшие поколения оказались на стыке двух реальностей – советской и постсоветской, то дети и подростки, родившиеся в России в 1990-е и, тем более, в 2000-е гг. – «продукт» постсоветской реальности, которая представляется им единственно возможной. *Это превращает разрыв между старшими и младшими поколениями в острый вызов, требующий тщательного анализа и поиска инновационных подходов в сферах воспитания и образования*.

В этой связи обращает на себя внимание *прогрессирующее снижение роли бабушек в семейном воспитании,* ускоряющее разрушение традиционных механизмов социализации и углубляющее межпоколенческий разрыв. Этот процесс принципиально значим, поскольку в российской семье бабушки (главным образом, со стороны матери) на протяжении нескольких поколений были основными «трансляторами»

[1] Зудин А.Ю. Политический моноцентризм в России: от режима к системе? Пути России. – М.: МВШСЭН, 2004.

[2] Мид М. Культура и мир детства – М.: Главная редакция Восточной литературы, 1988. – С. 342.

культурных норм и ценностей. Уменьшение значения социализирующей роли бабушек, отмеченное нами еще в начале 1990-х гг. в сравнительном европейском исследовании[1], стало настолько явным, что современные исследователи говорят уже о *кризисе традиционной роли бабушки*[2].

Это связано не только с последствиями давно происходящего процесса нуклеаризации семьи в России, но в первую очередь с тем, что у большинства российских семей существует высокая степень риска бедности и доминирующими для женщин пенсионного возраста становятся стратегии профессиональной занятости[3].

К прежним дисфункциям базового института социализации – родительской семьи (высокий уровень разводов, двойная занятость работающих матерей и материальные трудности, переживаемые большинством семей) – добавляются новые проблемы, зачастую способствующие углублению отчуждения и возрастанию конфликтности «детского» и «взрослого» миров.

О хрупкости современной семьи свидетельствуют как статистические данные, так и результаты исследований. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2009 г. на 8,5 браков приходилось 4,9 разводов, вне брака родилось 28% детей по сравнению с 21% в 1995 г. (из расчета на 1000 человек населения)[4].

Представления молодых супругов меняются в направлении очевидного отхода от традиционного видения брака и семьи как «судьбы» и распространения отношения к семье как к «проекту», удача (или неудача) которого напрямую зависит от качества отношений супругов. Согласно результатам исследований Т.А. Гурко, с утверждением «брак – это отношения на всю жизнь, он не должен быть расторгнут, за исключением крайних обстоятельств» в 1991 г. согласилось 83% жен и 81% мужей, а в 2006 г. – только 46% и 56% соответственно. Если в 1991 г. более 90% супругов считали, что «измена жены – достаточная причина для развода», но только 50% жен и 60%

[1] *Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Российская семья на европейском фоне. – М.: Эдиториал УРСС, 1998; Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.

[2] *Здравомыслова Е.А.* Няни: коммерциализация заботы. В кн.: Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 100–101.

[3] *Римашевская Н.М., Красильникова М., Малеева Т., Зубаревич Н.В.* Название монографии??? ??

[4] Рассчитано по базе данных Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) – URL: http://www.gks.ru/wps/portal/!ut/p/.cmd/cs/.ce/7_0_A/.s/7_0_8P9/_th/J_0_LV/_s.7_0_A/7_0_8P9/_me/7_0_7UL-7_0_7UJ-7_0_86J-7_0_A/_s.7_0_A/7_0_8P9#

мужей считали достаточной причиной «измену мужа», то в 2006 г. уже примерно половина мужей и жен рассматривали измену (мужа или жены) достаточной причиной развода. При этом половина молодых супругов не считает наличие сводного родителя проблемой для ребенка[1].

Поскольку при переходе к рыночному обществу материальные стандарты жизни постоянно повышаются, а риск безработицы становится все ощутимее для населения, семья с одним кормильцем оказывается существенно менее защищенной, чем семья двух работающих супругов. Подсчитано также, что уход за ребенком в течение трех лет снижает пенсионные накопления женщины на 7–11% по сравнению с соответствующими накоплениями женщины, не использующей отпуск по уходу[2].

Поэтому, несмотря на то что в постсоветское время произошел ренессанс идеологии семьи с мужем-кормильцем и неработающей женой, *большинство современных молодых матерей работают и стремятся работать вне дома* (в 2009 г. работали 65% женщин, имеющих детей в возрасте до шести лет, и 75% женщин, имеющих детей в возрасте до 18 лет[3]).

Негативные последствия длительного перерыва в работе в связи с рождением детей особенно значимы для образованных женщин, озабоченных не только потерей дохода и пенсионных накоплений, но прежде всего – квалификации и возможностей профессионального роста. В то же время практически любая семья с одним кормильцем находится в повышенной зоне риска. В большой степени именно этим объясняется *постоянный стресс, который переживают молодые родители*. Стресс негативно сказывается и на отношениях супругов, и на воспитательных практиках, становясь одной из главных причин распространенности семейных конфликтов и насилия в отношении детей со стороны родителей[4].

Известно, что в российской семье основным воспитателем по-прежнему остается мать, поэтому особую проблему для семейной

[1] *Гурко Т.А.* Родительство как социально-культурный феномен / Автореф. дис. … д-ра социологических наук. – М.: Институт социологии РАН, 2008.

[2] *Баскаков В.Н., Баскакова М.Е.* О пенсиях для мужчин и женщин. – М.: Московский философский фонд, 1999. – С. 72.

[3] Экономическая активность населения России, 2010: Сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010. – С. 28.

[4] *Здравомыслова О.М.* Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания. В кн.: Обыкновенное зло: исследования насилия в семье. / Ред. О.М. Здравомыслова. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.

социализации представляет собой широкое распространение и даже доминирование неэффективных материнских стилей[1].

Возрастает спрос на учреждения по уходу за детьми, однако за двадцатилетие число дошкольных образовательных учреждений в целом по стране сократилось почти вдвое. В начале 2007 г. 1238 тыс. детей, а в начале 2008 г. уже 1716,1 тыс. детей нуждались в устройстве в дошкольные образовательные учреждения[2] (это только те дети, которые стояли в очереди на получение места, фактически же нуждающихся гораздо больше). Только половина детей в возрасте после трех лет посещают детский сад, поэтому *уход за детьми стал «вынужденно семейным»*. В крупных городах молодые семьи среднего класса видят выход в использовании услуг нянь. Исследования показывают, что эти услуги не только дорогостоящи, но порождают такое явление, как *коммерциализация заботы,* которое тянет за собой целый шлейф новых проблем – как для родителей, так и для ребенка[3].

Еще в 1990-е гг. произошло законодательное снижение возраста подростков. В то же время до сих пор не решена проблема ювенальных институтов, необходимых для их вхождения во взрослую жизнь. Один из показателей неблагополучия в этой сфере – ситуация с введением ювенальной юстиции, обнажившая неготовность «взрослого общества» к правовому регулированию конфликтных ситуаций в семье, прямо воздействующих на подростков (в том числе и ситуаций с применением насилия). А публичная дискуссия о ювенальной юстиции, как правило, подменяется взаимными обвинениями участвующих в обсуждении «либералов» и «консерваторов».

В нынешней ситуации многие взрослые испытывают растерянность, связанную с переживанием кризиса моральных ценностей, потерей ориентиров, неготовностью принять рационализированные и прагматичные нормы отношений и поведения в рыночном обществе. В то же время у родителей подростков срабатывает механизм

[1] Т.А. Гурко выявила следующее распределение материнских стилей в восприятии подростков: авторитетный (15%), авторитарный (19%), всепозволяющий (18%), не вовлеченный (15%) и отвергающий (8%) стили. См.: Гурко Т.А. Родительство как социально-культурный феномен; см. также: Ениколопов С.Н. Особенности психологической адаптации женщин к условиям переходного периода // Обыкновенное зло: исследования насилия в семье / Под ред. О.М. Здравомысловой. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.

[2] Российский статистический ежегодник, 2007. С. 231; Сб.: Дети России. 2009. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2009. – С. 57.

[3] *Здравомыслова Е.А.* Няни: коммерциализация заботы. В кн.: Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008.

психологической защиты, поэтому в их установках преобладает ориентация на воспитание конформизма (некритичное отношение к «рыночным» символам успеха, упор на внешние атрибуты воспитанности и успешности – умение вести себя на людях, послушание, хорошие отметки и поведение в школе и т.д.). Перегруженные и растерянные, родители не способны уделять внимание воспитанию в детях ответственности, самоконтроля, любознательности, эмоциональной отзывчивости и внимания к другим.

Ориентация родителей на передачу детям конформистских ценностей в ущерб развитию у них внутренних регуляторов поведения делает детей все более зависимыми от окружения. *Это существенно повышает вероятность девиантного поведения в детско-подростковой среде.*

Современные родители транслируют детям свойственный им самим страх перед обществом, в котором, как кажется многим, перевернуты представления о добре и зле. Видя, что зачастую умные и честные люди проигрывают ловким, но жестоким, напористым, непорядочным, сами родители готовы предложить ребенку выбор: быть честным, деликатным, но согласиться на роль неудачника и социального аутсайдера, – или преступать моральные нормы, но стать богатым и успешным[1].

Сложившееся положение приводит к социально-психологической дезадаптации подростков (особенно тех, кто не чувствует поддержки в родительских семьях). Яркое свидетельство этого – установка на аморализм, декларируемый значительной частью московских подростков.

Приведем данные опроса учеников седьмых-девятых классов средних школ Москвы[2]: пятая часть из них, считая свои интересы абсолютно приоритетными, готова удовлетворять их за счет других людей. С утверждением «Я стараюсь в первую очередь заботиться о себе, даже если это затрудняет жизнь другим людям» согласился 21% респондентов; с тем, что «Если вещи, которые я делаю, расстраивают других людей, это их проблемы, а не мои» – 22% и с утверждением «Я постараюсь получить то, что хочу, даже если знаю, что это создаст проблемы другим людям» – 23%.

При этом не согласившиеся составляют меньше половины опрошенных: «Я стараюсь в первую очередь заботиться о себе, даже если

[1] Эта моральная дилемма, характерная для современного российского общества, возникла в первой половине 1990-х гг. См.: Авраамова Е.М., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М., Турунцев Е.В. Здравствуй, племя младое, незнакомое (идеи и ценности молодых интеллектуалов) // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5.

[2] Опрос проводился сектором исследования девиантного поведения института социологии РАН (число респондентов – 1235 человек).

это затрудняет жизнь другим людям» – не согласны 37%; «Если вещи, которые я делаю, расстраивают других людей, это их проблемы, а не мои» – не согласны 45%; «Я постараюсь получить то, что хочу, даже зная, что это создаст проблемы другим людям» – не согласны 43%.

Мощный источник девиаций и депривации на ранних этапах социализации и важнейшая характеристика ее современного контекста – резкое социальное расслоение российского общества, закрепление в нем анклавов бедности, возрастание рисков бедности для большого числа российских семей. Согласно данным федеральной статистики, в первом полугодии 2010 г. доходы на уровне 2 тыс.–10 тыс. рублей в месяц имели 40% населения, а между богатыми и бедными существовал разрыв в 15 раз[1]. Столь высокий уровень социального расслоения ведет к отсутствию общезначимых смыслообразующих ценностей и сколько-нибудь универсальных моделей поведения – это касается и тех сфер жизни, которые в подростковом и юношеском возрасте имеют особую значимость.

Зафиксировано, что произошедшая либерализация взглядов в отношении подростковой сексуальной активности привела к снижению возраста начала сексуальной жизни. Этот возраст интенсивнее снижается среди девочек, которые «догоняют» мальчиков. Подростковая сексуальная активность развивается в достаточно специфических условиях, среди которых хроническая бедность значительной части семей, где проживают подростки, распространенность алкоголизма, наркомании и насилия, низкая контрацептивная культура российского общества, недостаточное число специальных медицинских и психологических служб, общая неподготовленность родителей и педагогов к обсуждению вопросов сексуальности. Анализируя эту ситуацию, И.С. Кон приходит к выводу, что «сексуальная культура школьников из престижных школ и учащихся ПТУ – два совершенно разных мира. В условиях бедности, массовой безнадзорности и развала социально-культурной сферы, включая физкультуру и спорт, секс стал для многих подростков главной и единственной сферой самоутверждения»[2].

2. Новые тенденции социализации: на примере исследования девиантного поведения подростков[3]. Исследования, посвященные распро-

[1] URL: http://news.mail.ru/economics/3750674/

[2] *Кон И.С.* Городской подросток и сексуальность: Доклад на IX международной конференции «Ребенок в современном мире. Дети и город». – СПб, 2002.

[3] Исследование проводились сектором социологии девиантного поведения ИС РАН: опрос учеников девятых-одиннадцатых классов (2004) и опрос учеников седьмых-девятых классов (2006) средних школ Москвы и Казани.

страненности среди подростков употребления спиртного, курения и наркотических проб, устойчиво фиксируют новые тенденции: сглаживание традиционных различий в поведении девочек и мальчиков, изменение роли такого важного фактора социализации детей и подростков, как уровень образования их родителей, и появление нового значимого фактора социализации – религиозности. Эти тенденции проявляются неравномерно в различных регионах, этнических, социальных и гендерных группах. Сильнее всего они выражены в наиболее изменившихся средах (в Москве – больше, чем в Казани; среди детей образованных родителей – сильнее, чем у выходцев из менее образованных семей; среди девочек – ярче, чем среди мальчиков).

2.1. Сглаживание гендерных различий. Вплоть до 1990-х гг. прошлого века российские исследователи получали предсказуемые результаты: в сравнении с мальчиками девочки употребляли спиртное намного меньше, реже курили и пробовали наркотики, а дети образованных родителей по всем этим показателям были более благополучны, чем дети родителей с невысоким уровнем образования. Данные исследований, проведенных в последние два десятилетия, уже не столь однозначны. Так, почти во всем, что касается курения, употребления спиртных напитков и наркотиков московские девочки-старшеклассницы очень близки к своим сверстникам-мальчикам, причем по некоторым позициям (например, по курению) обгоняют их. Более того, сопоставление данных 2004 и 2006 гг. позволяет предположить, что эта тенденция усиливается: если в 2004 г. девочки еще заметно отставали от мальчиков в употреблении спиртного, то в 2006 г. уже обгоняли их по этому показателю, включая употребление крепких (водка и коньяк) напитков. При этом отмечается, что у московских девочек из семей, где родители имеют высшее образование, уровень употребления психоактивных веществ (ПАВ) выше, чем у их сверстниц из семей менее образованных родителей.

Следует отметить, что *сглаживание гендерных различий в уровне употребления спиртного, табака и наркотиков* – тенденция, отмечаемая в разных странах, причем наиболее заметно она выражена у подростков[1].

[1] Тенденция сглаживания гендерных различий в уровне употребления наркотиков, спиртного и в курении среди подростков наблюдается сейчас в западных странах. Так, например, в США в 2004 г. процент употребляющих алкоголь, марихуану и сигареты среди старшеклассниц был даже выше, чем у мальчиков. У шотландских школьников за последние четыре года курение гашиша и марихуаны среди 15-летних девушек повысилось на 17%, в то время как юноши курят меньше. – URL: http://www.moscow2000.ru/news/view2.asp?Id=141240&IdType=5; URL: http://www.adic.org.ua/sober-cool/sc-2000/sc-07/sc-07–02.htm.

Это объясняется *изменениями гендерной социализации в целом,* следствием которых и стали трансформации в поведении прежде всего девочек-подростков, активно осваивающих мужские (юношеские и подростковые) модели поведения в социуме.

В России данные изменения имеют свою историю, длительность которой свидетельствует о глубине происходящих трансформаций, которые нельзя связывать только лишь с социальными потрясениями последних 20 лет.

Так, наше исследование алкогольных паттернов, проведенное в 2009 г. (в нем принимали участие люди 18–60 лет, что позволило проследить, как менялось алкогольное поведение на протяжении последних 40 лет), показало, что во всем, что касается возраста алкогольного дебюта и первого опьянения, самые молодые девушки (нынешние 18–23-летние) очень близки к мужчинам самого старшего поколения. По показателям употребления спиртных напитков нынешние 18–23-летние девушки отличаются от женщин старшей возрастной группы так же сильно, как по тем же показателям мужчины отличались от женщин в конце 1960-х гг.

40 лет тому назад девушки впервые пробовали алкоголь после 18 лет, первый опыт опьянения получали, будучи уже взрослыми молодыми женщинами, причем треть из них вообще ни разу в жизни не пьянела. Если иметь в виду особенности алкогольного поведения, можно сказать, что женщины старшего поколения и в своей юности сильно отличались от сверстников-мужчин, и сейчас ведут себя иначе, чем мужчины.

Нынешние 18–23-летние женщины впервые попробовали спиртное и получили первый опыт опьянения задолго до 18-летия, мало отставая в этом от мальчиков своего поколения. Повзрослев, девушки позволяют себе время от времени напиваться, хотя еще отстают в этом от мужчин, но уже не так сильно, как старшие женщины. В целом по характеристике алкогольного поведения они ближе к мужчинам, а не к женщинам старшего поколения. Это очень наглядно видно на *рис. 14–16.*

Очевидно, что характеристики алкогольного поведения женщин изменились за рассматриваемый период намного сильнее, чем соответствующие характеристики алкогольного поведения мужчин. Можно даже сделать вывод, что женщины самого старшего и самого младшего поколений принадлежат к двум разным алкогольным субкультурам (и возможно, мы имеем дело с двумя разными женскими типами).

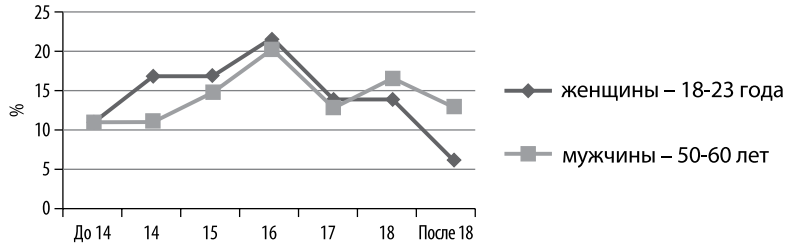


Рисунок 14. Распределение по возрасту первой пробы алкоголя мужчин поколения 50–60 лет и женщин поколения 18–23 лет

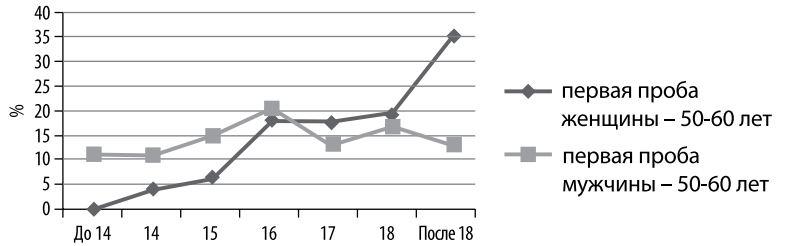


Рисунок 15. Распределение по возрасту первой пробы алкоголя мужчин и женщин поколения 50–60 лет

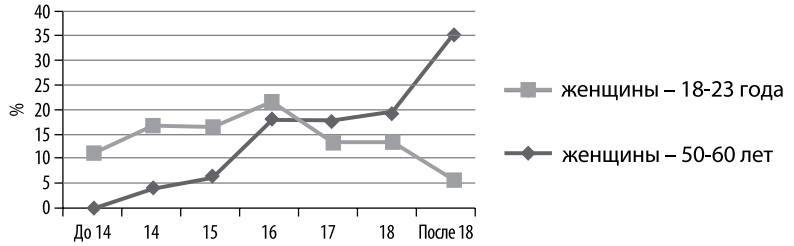


Рисунок 16. Распределение по возрасту первой пробы алкоголя женщин из поколений 18–23 лет и 50–60 лет

2.2. Уменьшение значимости уровня образования родителей как фактора социализации подростков. Ведущим фактором социализации подростков в позднесоветском обществе был уровень образования их родителей[1]. Дети из более образованных семей, как

[1] *Титма М., Сааром Э.* Молодое поколение (1986); Шубкин В.А., Чередниченко Г.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). – М.: Мысль, 1985.

правило, лучше адаптировались в школе и проявляли меньше склонности к таким подростковым девиациям, как курение, злоупотребление спиртным и пробы наркотических веществ. Еще в начале 1990-х гг. исследования показывали, что высшее образование родителей – важный ресурс социализации детей даже в тех условиях, когда сами родители обеднели и чувствовали себя дезадаптированными[1]. Высокий уровень образования родителей по-прежнему выступает как фактор, предотвращающий пристрастие подростков к употреблению табака, спиртного и наркотиков – однако это уже иначе среди московских девочек-подростков. Среди девочек из образованной среды употребление наркотиков распространено даже больше, чем среди мальчиков, в то время как в менее образованных группах традиционные гендерные различия в употреблении наркотических веществ сохраняются, и оно остается более «мужским», чем «женским» поведением. Таким образом, отмеченный нами равный уровень употребления наркотиков мальчиками и девочками в Москве – результат действия двух тенденций: сохранения традиционных гендерных норм у подростков из малообразованных семей и разрушения этих норм у детей образованных родителей.

В Казани, где также проводилось исследование, высокий уровень родительского образования, как оказалось, не связан с размыванием гендерных различий в употреблении психоактивных веществ (ПАВ), поэтому там сохраняется типичная для советского времени ситуация: дети более образованных родителей употребляют ПАВ меньше, чем подростки из необразованных семей, а девочки реже, чем мальчики. В результате в Казани наиболее благополучной группой оказались девочки, имеющие образованных родителей, а наименее благополучной – мальчики из малообразованной среды. Еще более значительное влияние традиционных гендерных норм просматривается у девочек из этнических диаспор, живущих в Москве. В наиболее традиционалистски ориентированной[2] группе выходцев с Кавказа

[1] *Здравомыслова О.М., Шурыгина И.И.* Выжить или преуспеть: представления старшеклассников о своих жизненных шансах. В кн.: Кто и куда стремится вести Россию. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. – М.: МШСЭН, 2001; Шурыгина И.И. Жизненные стратегии подростков // Социологические исследования. – 1999. – № 5; Шурыгина И.И. Влияние социального статуса семьи подростков на их отношение к различным формам девиантного поведения // Семья в России. – 1999. – № 1/2.

[2] «Традиционность» определялась следующими показателями: знание и соблюдение национальных обычаев, религиозность и отнесение себя к традиционной для своего народа религии, соблюдение религиозных традиций и значительность доли матерей-домохозяек в семьях респондентов-подростков.

(в нее вошли армяне, азербайджанцы и грузины) девочки практически не курят, не употребляют спиртных напитков и среди них не зафиксировано ни одной наркотической пробы.

2.3. Возрастающая роль религиозности как фактора социализации подростков. *Признание себя верующим* (положительный ответ на вопрос «верите ли вы в бога?»), хотя и не связанное с воцерковленностью и соблюдением религиозных обычаев (большинство из тех, кто назвал себя верующим, не соблюдают религиозных предписаний, не знают молитв, если и посещают церковь, то только по большим праздникам), *постепенно становится нормой для подростков:* большинство из них ответили, что верят в бога (по данным опроса 2006 г. – 70% в Москве и 60% в Казани). Признание себя верующим, наряду с такими нормами, как отказ от курения, наркотиков и злоупотребления спиртным, начинает входить в «комплекс хорошего, послушного ребенка». Поэтому вера постепенно становится важным показателем адаптированности подростка, его готовности вписаться в общество, приняв его нормы.

Вместе с тем этот вывод нельзя отнести ко всем группам подростков. Так, среди московских школьников признание себя верующим связано с меньшим уровнем употребления спиртного и наркотиков (у девочек это выражено сильнее, чем у мальчиков). В то же время в Казани картина противоположна: подростки, сказавшие, что верят в бога, проявляют больше склонности к употреблению алкоголя и наркотических веществ, причем у девочек данная связь выражена сильнее, чем у мальчиков (*табл. 18*).

Объяснить эти противоречивые результаты можно следующим образом: у подростков из Казани вера в бога связана с повышенной склонностью к употреблению наркотиков и спиртного, поскольку верят чаще дети необразованных родителей, которые, согласно «классическим» результатам исследований социализации, в большей степени склонны к девиациям.

В Москве для мальчиков и для девочек характерны две разные тенденции. У московских подростков снижение уровня употребления психоактивных веществ связано *либо* с высшим образованием родителей, *либо* с верой. Так, среди сыновей образованных родителей пробовало наркотики 15%, среди верующих – 13%, а среди детей менее образованных родителей и тех, кто не верит, – по 25% (данные 2004 г.). У московских девочек-подростков наблюдается несколько другая картина: вера в бога так же, как и у мальчиков, связана со снижением уровня употребления наркотиков (пробовали

Таблица 18.

Связь между верой в бога и употреблением спиртного и наркотиков в зависимости от пола, в % от ответивших на вопрос о вере[1] (2006)

Имеют опыт:	Москва				Казань			
	Девочки		Мальчики		Девочки		Мальчики	
	Не верят N = 43	Верят N = 470	Не верят N = 63	Верят N = 380	Не верят N = 66	Верят N = 250	Не верят N = 110	Верят N = 92
Опьянения от пива/вина	59,5	30,0	37,5	26,3	9,1	26,0	20,0	36,6
Опьянения от водки/коньяка	46,5	19,4	31,7	17,9	3,0	8,0	16,4	22,4
Употребления марихуаны/гашиша	27,9	8,1	16,7	11,6	0	2,8	2,7	9,1
Употребления экстази/амфетаминов	9,3	1,1	6,6	3,3	0	0	0	0,4
Употребления героина/кокаина	0	0	1,7	0,8	0	0	0	0,9

наркотики 11% верующих и 29% неверующих). Высокий уровень родительского образования, напротив, связан с повышением числа наркотических проб (пробовали наркотики 21% девочек, у которых матери имеют высшее образование, и 17% дочерей менее образованных матерей). На имеющемся материале пока сложно однозначно интерпретировать полученные результаты, но можно сформулировать гипотезу, требующую дальнейшей проверки.

Признание себя верующим (которое можно рассматривать также в качестве индикатора готовности вписаться в общество) и уровень образования родителей (важная характеристика культурного уровня семьи) представляют собой два важных социальных ресурса, предохраняющих от девиации. Поэтому в тех случаях, когда нет возможности опереться на культурный капитал (образование родителей), чтобы противостоять соблазнам подростковой среды, возникает стремление опереться на запрет, который предписан церковью, начинающей играть все более заметную роль среди институтов социализации. Это в большей степени относится к группе московских мальчиков и девочек из малообразованной среды, которые легко принимают традиционные нормы женского поведения, включающие и религиозность.

[1] Указаны только те, кто определенно сказали, что верят или не верят, еще 22% в Москве и 19% школьников из Казани назвали себя агностиками.

Сложнее обстоит дело с девочками из образованных семей. Они более свободны в отношении традиционных гендерных норм поведения и в том числе в отношении религиозности, которая стала важной составляющей комплекса консервативных ценностей, все более активно внедряемых в российский публичный дискурс в 2000-е гг.

Характерно, что неверие у московских подростков связано не только с употреблением психоактивных веществ, но и с другими показателями неблагополучия – такими как плохие отношения с родителями и неприязнь к школе (см. *табл. 19*).

Таблица 19.

Связь между верой в бога и самочувствием подростков в семье и в школе в зависимости от пола, в % от ответивших на вопрос о вере

Показатели самочувствия в семье и школе	Москва				Казань			
	Девочки		Мальчики		Девочки		Мальчики	
	Не верят N = 43	Верят N = 470	Не верят N = 63	Верят N = 380	Не верят N = 66	Верят N = 250	Не верят N = 110	Верят N = 92
Плохие и очень плохие отношения с отцом	21,6	9,8	7,1	6,2	6,9	11,4	7,2	4,4
Очень хорошие отношения с отцом	32,4	55,6	60,7	65,2	70,7	54,5	76,3	63,6
Плохие и очень плохие отношения с матерью	21,4	4,7	1,6	4,1	3,1	0,8	0,9	2,7
Очень хорошие отношения с матерью	45,2	72,5	72,6	76,3	78,1	77,1	83,3	84,5
Родители не знают, с кем ребенок проводит время вне дома	18,6	4,8	15,0	8,1	4,8	2,0	4,6	3,9
Родители всегда знают, с кем ребенок проводит время вне дома	30,2	51,4	33,3	47,4	60,8	60,5	42,7	45,0
Ребенок никогда не возвращается домой к назначенному родителями времени	13,8	3,8	15,4	7,4	1,7	4,7	3,8	4,7
Ребенок всегда возвращается домой к назначенному родителями времени	37,9	43,6	15,4	7,4	55,6	49,6	40,4	36,0
Ребенку не нравится в школе	60,5	37,1	61,9	46,7	21,2	40,8	38,2	42,2
Ребенку нравится в школе	39,5	62,9	38,1	53,3	78,9	59,2	61,8	57,8

Наиболее уязвимыми и в целом неблагополучными оказались неверующие московские девочки-подростки. В сравнении с верующими сверстницами у них хуже отношения с родителями, они проводят мало времени с семьей, меньше поддаются контролю со стороны родителей и хуже чувствуют себя в школе, у них же – повышенный уровень употребления спиртного и наркотиков. Таким образом, применительно к этой группе можно говорить о «комплексе плохой девочки». В него входит наличие проблем и конфликтов с родителями, учителями, сверстниками, злоупотребление спиртным и употребление наркотиков, неверие в бога. В свою очередь, «комплекс хорошей девочки» наряду с хорошей семейной и школьной адаптацией и пониженным уровнем употребления спиртного и наркотиков включает признание себя верующей.

У московских мальчиков-подростков прослеживается та же тенденция: среди верующих подростков благополучных ребят больше, чем среди неверующих. Однако выражена эта тенденция значительно слабее, чем у девочек.

В Казани вера/неверие подростков значительно слабее связаны с адаптированностью в семье и в школе. Поскольку связь между верой и школьным и семейным благополучием все же прослеживается, она имеет характер, противоположный тому, что наблюдался в Москве: более благополучны неверующие подростки, причем и в казанском случае к девочкам это относится в большей степени, чем к мальчикам. В целом же в Казани, где религиозность, судя по результатам нашего опроса, распространена среди подростков меньше, чем в Москве, эти подростки более благополучны, чем в столице.

Обращает на себя внимание, что значительная часть московских подростков (четверть неверующих мальчиков и 38% неверующих девочек) испытывают «время от времени» потребность в том, чтобы обратиться к богу (в Казани соответствующие показатели составляют 6% и 7%). Похоже, для большой части московских подростков вера в бога выступает в роли спасения от аномии – причем у девочек потребность в такой опоре выражена сильнее, чем у мальчиков.

3. Заключительные замечания. Проблемы подростков, живущих в крупном российском городе, во многом аналогичны проблемам их сверстников, живущих в европейских странах и США. Однако в нашей ситуации эти проблемы осложнены быстротой, противоречивостью, особой травматичностью социальных изменений – и преимущественно консервативной реакцией на них со стороны общества и власти.

На фоне продолжающейся деградации ценностно-нормативного комплекса советского времени и маргинализации в публичном дискурсе ценностей, свойственных современным демократиям, резкое социальное расслоение ведет к разрушению общезначимых смыслообразующих ценностей и сколько-нибудь универсальных моделей поведения.

Усиливающийся культурный разрыв между детьми и родителями и стремление родителей воспитать в детях конформистские ценности в ущерб развитию у них внутренних регуляторов поведения создает внешний локус контроля, организуя зависимость от окружения, что повышает вероятность девиаций в детской и подростковой среде. Отчасти этим можно объяснить потребность подростков в религии как способе организации «положительной зависимости».

Результаты исследований подростковой социализации (на примере исследования девиантного поведения) показывают, что основные изменения произошли в социальном поведении столичных девочек, что делает эту группу наиболее уязвимой. По сравнению с другими подростками именно московские девочки демонстрируют возрастание неблагополучия и увеличение разрыва с родителями и школой.

Противоречивый и конфликтный контекст социализации детей в современном российском городе создает новые социально-психологические проблемы, дезориентируя родителей и детей и усиливая поколенческий разрыв. Особенно заметны эти проблемы в отношении некогда наиболее социально благополучной группы подростков – дочерей образованных матерей.

Девиантное поведение подростков (курение, употребление спиртных напитков и наркотиков) – это сфера, где в полной мере проявляется как острота детско-подростковых проблем, так и беспомощность общества в поисках их решения. Неудивительно поэтому, что по мере ослабления, ухода на периферию привычного для советского общества канала социализации через образование родителей опорой части городских подростков, по-видимому, становится интуитивная религиозность.

Вместе с тем главная опасность состоит в том, что большинство подростков не находят никакого решения своих проблем.

***

Пришедшее на смену «лихим девяностым» первое десятилетие нового века характеризуется относительной стабильностью, воспринятой разными слоями населения как преодоление смутного времени, как долгожданный порядок, обещавший постепенный, но устойчивый рост благополучия[1].

Тем не менее острые ценностные конфликты и рост аномии в обществе, во многом обусловившие социально-политическую нестабильность 1990-х гг., так и не были преодолены. В 2000-е гг. стратегией их преодоления и консолидации общества был избран неоконсерватизм как базовая ценностная установка, усиление влияния религии и государственно-патриотической идеологии. В этой связи необходимо подчеркнуть, что Россия – часть глобализирующегося мира, в котором разрыв ценностей между поколениями углубляется даже в более стабильных обществах. Нормы, ценности, модели поведения, которые осваивают сейчас российские дети и подростки, резко отличают их не только от родительского поколения, но и от поколения двадцатилетних.

Знаковые изменения контекста подростковой социализации связаны с влиянием консюмеризма как доминанты современной культуры и повседневных идеологий. Потребление становится организующим принципом в частной и публичной жизни.

На этом фоне неоконсерватизм, выдвигающий на передний план ценности традиционной семьи, религии, государства, не выглядит убедительным, так как, не будучи последовательной идеологией, способной объединить различные социальные слои, он существует параллельно индивидуальным целям, направленным на выживание и/или потребление.

Вопрос о том, как это сказывается на результатах социализации детей и подростков, пока остается открытым.

[1] Эта тенденция пронизывает результаты опросов, которые проводились в 2000–2008 гг. наиболее крупными и авторитетными социологическими центрами.

Раздел 3
ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

3.1. Здоровье детей как главный фактор их качества

В Российской Федерации проживает 26 млн детей в возрасте до 17 лет (что составляет 18% в возрастной структуре населения), в то время как в 1990 г. их насчитывалось 40 млн (27%). Таким образом, если с 1990 г. количество граждан в стране в целом сократилось примерно на 6 млн, то детей – на 14 млн. И дальше, по всей видимости, будет хуже. На фоне неуклонного уменьшения численности детей отмечаются неудовлетворительные показатели состояния их здоровья. Можно выделить две проблемы в области здоровья подрастающего поколения.

Первая заключается в том, что ухудшение здоровья детей обусловлено устойчивой тенденцией ухудшения здоровья женщин, ростом патологий беременности и родов. При этом предопределяется высокая заболеваемость детей и всего населения в последующие годы, поскольку происходит *«накопление груза патологии в поколениях». Возникает замкнутый цикл: больная женщина – больной плод – больной ребенок – больной подросток – больные родители.*

Подавляющее большинство детей нездорово уже с детства. В настоящее время рождаются больными или заболевают около 40% новорожденных, в то время как в 1990 г. этот показатель был равен 15% (*табл. 20*).

Необходимо отметить, что рост заболеваемости новорожденных в некоторой степени, как это ни парадоксально, может быть связан с успехами медицины, обеспечивающими увеличение выживаемости недоношенных, «маловесных» и детей с тяжелой перинатальной патологией.

Вторая проблема связана с тем, что на протяжении всего жизненного цикла ребенка происходит интенсивное ухудшение его здоровья.

С 1991 г. по 2008 гг. заболеваемость детей в возрасте до 14 лет увеличилась в полтора раза, детей подросткового возраста (15–17 лет) – в два раза (*см. рис. 17*). Рост этого показателя связан как с истинным

ухудшением состояния здоровья детей, так и с улучшением диагностики, повышением качества диспансеризации населения. При этом, по мнению специалистов, реальный уровень заболеваемости в полтора-два раза выше, чем по данным официальной статистики (о чем свидетельствуют научные исследования)[1].

Таблица 20.

Состояние здоровья новорожденных

Родилось больными или заболели (массой тела 1 тыс. г и более)	**1990**	**1995**	**2000**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**
Тыс. человек	288,6	383,3	474,1	575,9	580,0	614,3	628,0
В % от числа родившихся живыми	14,8	28,5	38,0	40,7	39,8	39,0	37,3
В том числе с заболеваниями (%):							
врожденные аномалии;	1,8	2,6	2,9	3,3	3,1	3,0	2,9
отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	14,7	32,0	50,2	56,5	54,9	53,0	50,5
Из общего числа детей, родившихся живыми, – недоношенные (%)	5,3	6,0	5,9	5,4	5,3	5,2	5,3

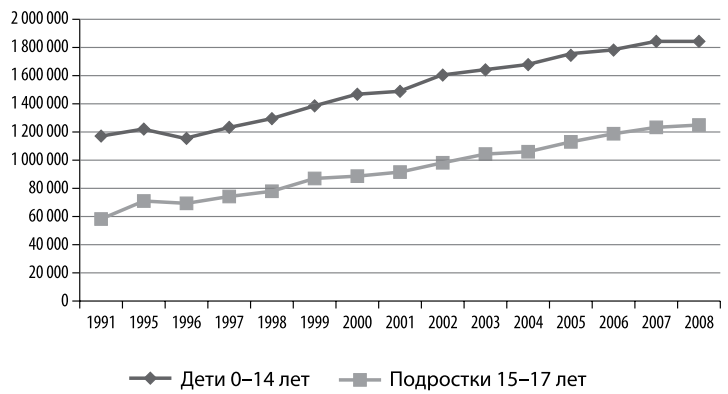


Рисунок 17. Заболеваемость детей 0–14 лет и подростков 15–17 лет *(зарегистрировано больных с диагнозом, поставленным впервые в жизни, на 100 тыс. детей)*

[1] *Баранов А.А.* Профилактика болезней детского возраста, их социальных и медицинских последствий. – URL: http://www.otrok.ru/doktor/info/baranov.pdf

Показатели заболеваемости детей 0–14 лет колеблются по отдельным регионам страны и отличаются примерно в три раза (*см. рис. 18*).

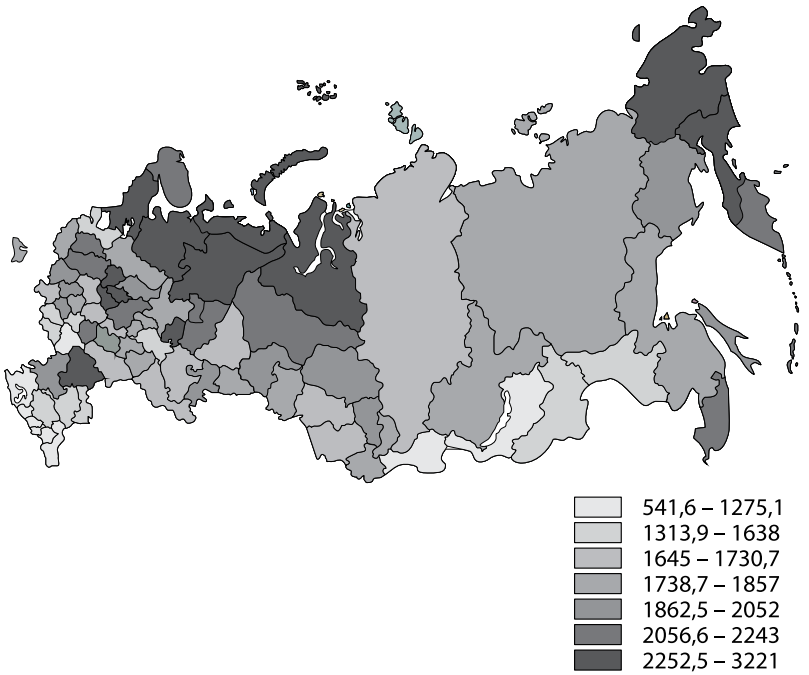


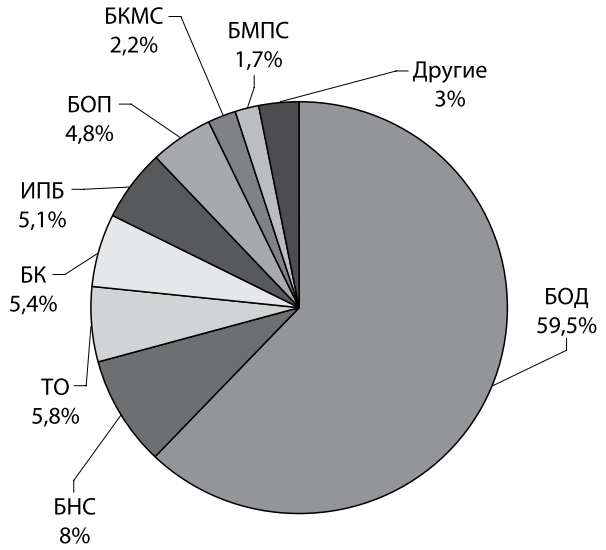
Рисунок 18. Региональная дифференциация заболеваемости детей 0–14 лет *(зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 детей)*[1]

Можно выделить некоторые общие закономерности региональной дифференциации: первичная заболеваемость детей на севере страны заметно выше. Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в Ненецком (3455,2), Ямало-Ненецком (2415), Чукотском (2496) автономных округах, Ивановской (2599,1), Ярославской (2569,2), Архангельской (2559,3), Владимирской (2414,9) областях, Республиках Карелия (2407,9) и Коми (2397,1).

В настоящий момент наибольший удельный вес в патологической панораме первичной заболеваемости детей до 14 лет (*см. рис. 19*) принадлежит болезням органов дыхания (59,4%); за ними следуют

[1] Дети в России 2009. Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2009.

болезни нервной системы и органов чувств (8,3%), а также травмы и отравления (5,8%), болезни кожи и подкожной клетчатки (5,2%), инфекционные и паразитарные болезни (5,1%).



Условные обозначения:

БОД – болезни органов дыхания, БНС – болезни нервной системы и органов чувств, ТО – травмы и отравления, БК – болезни кожи и подкожной клетчатки, ИПБ – инфекционные и паразитарные болезни, БОП – болезни органов пищеварения, БКМС – болезни костно-мышечной системы, БМПС – болезни мочеполовой системы.

Рисунок 19. Структура заболеваемости детей в возрасте 0–14 лет, 2006 год *(зарегистрировано больных с диагнозом, поставленным впервые в жизни)*

В причинной структуре заболеваемости за последние полтора десятилетия произошли изменения: если в 1991 г. второе место занимали инфекционные и паразитарные болезни, а третье «разделили» патологии нервной системы, органов чувств, а также травмы и отравления, то к 2000 г. болезни нервной системы и органов чувств переместились на второе место, потеснив инфекционные и паразитарные заболевания, а в середине 2000-х гг. список наиболее распространенных нозологических форм в детской патологии помимо болезней органов дыхания, нервной системы и органов чувств, травм и отравлений продолжили болезни кожи и подкожной клетчатки (см. *табл. 21*).

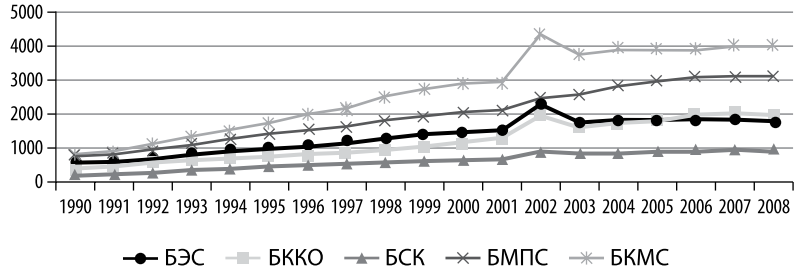
Таблица 21.

Структура первичной заболеваемости детей 0–14 лет (%)

Причины заболеваемости	1991	1995	2000	2006	2008
Инфекционные и паразитарные болезни	7,8	8,8	7,0	5,1	5,1
Новообразования	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	0,5	0,8	1,0	1,1	1,0
Болезни крови и кроветворных органов	0,4	0,6	0,8	1,1	1,1
Болезни нервной системы и органов чувств	5,5	6,8	7,9	8,0	8,3
Болезни системы кровообращения	0,2	0,4	0,5	0,5	0,5
Болезни органов дыхания	69,0	60,4	60	59,5	59,4
Болезни органов пищеварения	3,4	4,9	4,5	4,8	4,8
Болезни мочеполовой системы	0,7	1,2	1,4	1,7	1,7
Болезни кожи и подкожной клетчатки	4,3	6,1	4,9	5,4	5,2
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	0,7	1,4	2	2,2	2,2
Врожденные аномалии (пороки развития)	0,2	0,3	0,5	0,6	0,7
Травмы и отравления	6,2	6,1	6,3	5,8	5,8

По всем классам болезней за период 1990–2008 гг. наблюдался рост заболеваемости детей. Наиболее заметно увеличилась заболеваемость патологиями системы кровообращения, крови и кроветворных органов, костно-мышечной системы и соединительной ткани, мочеполовой системы (в четыре и более раз), новообразованиями, врожденными аномалиями, болезнями эндокринной системы (в три раза), болезнями нервной системы, кожи и подкожной клетчатки, органов пищеварения (в два раза) (см. *рис. 20*).

В заболеваемости подростков 15–17 лет первое место неизменно принадлежит болезням органов дыхания, доля которых в 2008 г. составила 45,8%, на втором месте находятся травмы и отравления (11,7%), третье занимают болезни нервной системы и органов чувств (9,3%), на четвертом месте – поражения кожи и подкожной клетчатки (6,6%), далее следуют болезни органов пищеварения (5,5%), мочеполовой (4,7%) и костно-мышечной (4,6%) систем, инфекционные и паразитарные болезни (3,4%).



Условные обозначения:

БСК – болезни системы кровообращения, БКМС – болезни костно-мышечной системы, БМПС – болезни мочеполовой системы, БККО – болезни крови и кроветворных органов, БЭС – болезни эндокринной системы.

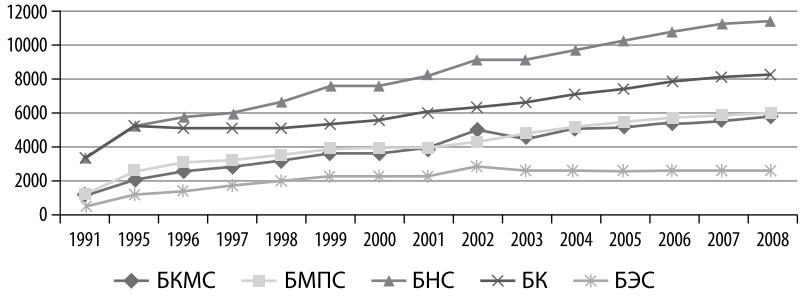
Рисунок 20. Динамика заболеваемости детей 0–14 лет по некоторым основным классам болезней *(зарегистрировано больных с впервые поставленным диагнозом на 100 тыс. населения)*

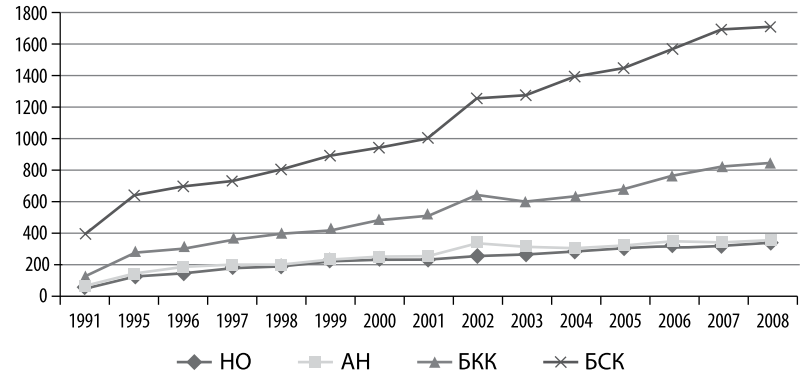
Заболеваемость подростков выросла практически по всем классам заболеваний, но самые высокие темпы роста наблюдаются при болезнях крови и кроветворных органов (в восемь раз), мочеполовой системы (в шесть раз), новообразованиях, патологиях костно-мышечной, эндокринной систем (в пять раз), патологиях системы кровообращения и врожденных аномалиях (в четыре раза), болезнях нервной системы, поражениях кожи и подкожной клетчатки (в три раза). При этом темпы прироста хронической патологии наиболее высоки среди подростков по сравнению с детьми более младших возрастных групп.

Ухудшаются показатели физического развития. Число детей, имеющих нормальный вес, снизилось среди мальчиков на 16,9%, среди девочек – на 13,9%. Среди детей с отклонениями массы тела преобладают лица с ее дефицитом (80%). Увеличилось число низкорослых детей (1,5% среди мальчиков и 1,0% среди девочек). Снизились функциональные возможности – на 18–20% мышечная сила, на 15% жизненная емкость легких. Более чем у 30% юношей и девушек выявляется задержка полового созревания[1].

Данные о том, сколько же здоровых детей в российской популяции, не отличаются высокой достоверностью. По данным отечественной литературы, число здоровых детей может колебаться от 2%

[1] Резолюция X Конгресса педиатров России «Актуальные проблемы педиатрии». Москва, 2006. – URL: http://www.pediatr-russia.ru/hotnews/congress_x.html





Условные обозначения:

БКМС – болезни костно-мышечной системы, БМПС – болезни мочеполовой системы, БНС – болезни нервной системы и органов чувств, БК – болезни кожи и подкожной клетчатки, БЭС – болезни эндокринной системы, НО – новообразования, АН – врожденные аномалии, БКК – болезни крови и кроветворных органов, БСК – болезни системы кровообращения.

Рисунок 21. Динамика заболеваемости подростков в возрасте 15–17 лет по некоторым основным классам болезней *(зарегистрировано больных с впервые поставленным диагнозом на 100 тыс. населения)*

до 80%[1]. По данным Научного центра здоровья детей РАМН (НЦЗД РАМН) в настоящее время лишь не более 3–10% детей (в зависимости от возраста) можно признать полностью здоровыми[2]. Лонгитюдное обследование «Качество будущих поколений», начатое в 1995 г.

[1] *Щеплягина Л.А.* Проблемы роста и развития здорового ребенка. Научные приоритеты / Мат. конгр. педиатров России. – М., 1999. – С. 548–549.

[2] Там же.

сотрудниками Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН РАН) совместно с Вологодским научно-координационным центром (ВНКЦ ЦЭМИ РАН), свидетельствует о том, что в течение жизненного цикла происходит интенсивное ухудшение здоровья ребенка[1]. Из 70% детей, родившихся здоровыми, в младших классах школы таковыми остаются только 10–12%, в средних – 8%, а в старших – 3–5%. Такой колоссальный разброс данных говорит об отсутствии единого определения и критериев здоровья детей.

По данным Всероссийской диспансеризации 2002 г. (осмотрено всего 30 млн 400 тыс. детей) 32,4% детей признаны здоровыми (I группа здоровья), 51,7% имеют функциональные отклонения (II группа здоровья), 16,2% – хронические заболевания (III–V группы здоровья).

Доля здоровых детей (с I группой здоровья) до одного года составляет 29%. К трем годам жизни удельный вес здоровых детей увеличивается до 39,6%. В дальнейшем их количество постепенно снижается вплоть до 14 лет и составляет 27,5% (уменьшение в 1,4 раза). В возрасте 15–17 лет происходит увеличение доли здоровых детей до 32% (см. *рис. 22*).

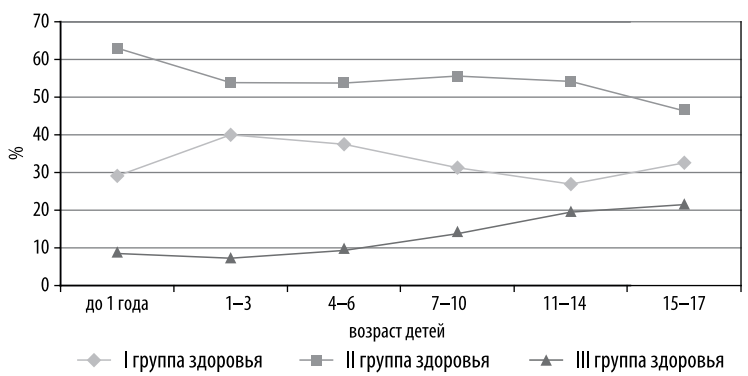


Рисунок 22. Распределение детей по группам здоровья в различные возрастные периоды

[1] См., напр.: Бреева Е.Б. Дети в современном обществе. – М.: Эдиториал УРСС, 1999; Бреева Е.Б. Здоровье детей: проблемы и пути решения // Народонаселение. – 2000. – № 4; Римашевская Н. Человек и реформы. Секреты выживания. – М.: РИЦ ИСЭПН, 2003; Шабунова А.А., Вологдина Е.Л. Формирование здоровья детей: от роддома до школы (основные итоги семи лет исследования). – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003.

Вторая группа здоровья (функциональные отклонения) абсолютно преобладает среди детей всех возрастных групп. Максимальная доля детей со второй группой здоровья зарегистрирована в возрастном периоде до года (61,9%). В дальнейшем происходит уменьшение их числа за счет перехода в первую и третью группу здоровья. В возрасте от года до 14 лет доля детей со второй группой здоровья относительно постоянна и составляет в среднем 52–54%. Дальнейшее уменьшение второй группы здоровья происходит в возрастном периоде 15–17 лет – до 45,8%.

С возрастом увеличивается доля детей с хроническими заболеваниями (третья группа здоровья). Так, если в возрасте до года доля детей с этой группой здоровья составляет 8,97%, то к семи-десяти годам – 14,9% (увеличивается в 1,7 раза), а в возрасте 15–17 лет – 22% (увеличивается в 2,5 раза по отношению к детям в возрасте до одного года). В подростковом возрасте каждый пятый ребенок имеет хроническое заболевание или инвалидность.

Инвалидность. Концентрированным отражением уровня и качества здоровья подрастающего поколения может считаться показатель инвалидности. Он наиболее наглядно иллюстрирует резкое снижение функциональных возможностей организма детей и подростков, реакций приспособления и защиты. В 2008 г. было зарегистрировано 506,6 тыс. детей-инвалидов в возрасте до 17 лет (см. *табл. 22*).

Таблица 22.

Численность детей-инвалидов в возрасте до 17 лет

Численность	2000*	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего, тыс. человек	554,867	604,944	583,550	561,881	556,907	527,100	506,600
На 10 тыс. детей	201,7	207,1	204,2	205,0	205,0	197,3	193,1

** В возрасте 0–15 лет*

Показатель детской инвалидности в России ниже, чем в странах Запада (например, в Великобритании – 2,6%, в США – 4%). Однако, по мнению специалистов, реальное число детей-инвалидов в России – 1–1,5 млн. Многим детям инвалидность не оформляют, механизм ее установления на практике работает очень плохо, нередки случаи, когда детей снимают с инвалидности (тем самым лишая их положенных льгот)[1]. По данным Аналитического управления

[1] Альтернативный доклад российских НПО в Комитет по правам ребенка, 2005.

Аппарата Совета Федераций[1], особенно часто не оформлена инвалидность у детей с болезнями кожи и подкожной клетчатки, хроническими заболеваниями органов пищеварения, болезнями костно-мышечной системы и соединительной ткани.

Ведущие причины формирования инвалидности в детском возрасте – заболевания нервной системы и органов чувств (32%), психические расстройства (24%), врожденные аномалии развития (19%).

Дети в возрасте 10–17 лет составляют преобладающую часть среди всех детей-инвалидов, по данным на 2006 г. – 60,2% (335 069 детей-инвалидов). Из них 53,6% (179 695 детей) составили дети в возрасте 10–14 лет и 46,4% (155 373 ребенка) – подростки[2].

По сравнению с 2001 г. показатель инвалидности у детей 10–14 лет увеличился на 13%, а подростков – на 25%.

Распространенность инвалидности на протяжении всего анализируемого периода характеризуется преобладанием ее у мальчиков.

Инвалидность детей – важнейший индикатор ухудшения состояния здоровья детей, что связано прежде всего с недостаточным охватом населения медико-генетической помощью, неэффективной дородовой диагностикой патологии плода, недостаточной эффективностью послеродовой реабилитации, наличием различных заболеваний у матери, в том числе формирующихся в подростковом возрасте, прогрессированием алкоголизма, наркомании, токсикомании, недостаточным развитием системы реабилитационных учреждений для детей, плохими градоэкологическими условиями развития детей.

Исследования свидетельствуют о том, что ухудшение здоровья детей в процессе жизненного цикла определяется многими взаимно пересекающимися факторами, которые условно можно разделить на биологические факторы окружающей среды (социальной и физической) и поведенческие. При этом относительная значимость факторов все время меняется по мере взросления ребенка. Если на ранней стадии жизни основное влияние на здоровье оказывают лишь биологические (наследственные) факторы (здоровье матери, ее образ жизни во время беременности), то затем к ним добавляются факторы

[1] Защита прав детей в российской Федерации. Аналитический вестник № 7 (324) / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. – М., 2007. – URL: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/285/index.html

[2] *Зелинская Д.И., Терлецкая Р.Н.* Инвалидность подростков в Российской Федерации // Информационно-аналитический вестник. Социальные аспекты здоровья населения. – 2008. – № 4 (8).

окружающей среды, а в подростковом возрасте еще и поведенческие (курение, потребления алкоголя, физическая активность). Все эти факторы поддаются воздействию, а их преодоление требует безотлагательного вмешательства со стороны государства и общества.

3.2. Здоровье и успеваемость детей

Сегодня большинство детей мечтают добиться в жизни каких-то высот и стать успешными. Такой успех напрямую зависит от возможности получения интересной и престижной работы, что невозможно без профессиональной подготовки, то есть достойного образования, которое можно получить лишь при хорошей успеваемости на всех этапах обучения, начиная со школы. Однако, как показывает практика, успеваемость в школе в последнее время лишь снижается. Причин у подобной тенденции достаточно много, но одна из них – это здоровье детей.

Состояние здоровья подрастающего поколения – важнейший показатель благополучия общества и государства, который не только отражает настоящую ситуацию и напрямую влияет на развитие детей и их успеваемость в учебе, но и дает прогноз на будущее. В.А. Сухомлинский писал: «Опыт убеждает нас в том, что примерно у 85% всех слабоуспевающих учеников главной причиной отставания в учебе является плохое состояние здоровья, какое-нибудь недомогание или заболевание»[1]. Задача повышения качества образования, поставленная в Федеральной целевой программе развития образования, неразрывно связана с решением проблемы охраны и укрепления здоровья обучающихся: «Работа по сохранению и укреплению здоровья детей приобретает особую актуальность и предполагает внедрение здоровьесберегающих форм и технологий в педагогический процесс»[2].

За последние годы в России произошло значительное качественное ухудшение здоровья школьников. По данным исследований[3], лишь 10% выпускников школ могут считаться здоровыми, 40% имеют

[1] *Блонский П.П.* Школьная успеваемость: Изб. педагог. произв. – М.: Педагогика, 1961.

[2] Федеральная целевая программа развития образования (2006–2010). – URL: www.fcpro.ru

[3] *Амосов Н.М.* Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья – М: АСТ; Донецк: Сталкер, 2005.

различную хроническую патологию. У каждого второго школьника выявлено сочетание нескольких хронических заболеваний. За период обучения в школе число детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата увеличивается в полтора-два раза, с нервными болезнями – в два раза, с аллергическими болезнями – в три раза, с близорукостью – в пять раз. Заметно возросла заболеваемость подростков: по результатам профилактических осмотров различные заболевания регистрируются у 94,5% подростков. Распространенность заболеваний, ограничивающих выбор профессий, достигает 3%.

Как отмечает Н.М. Римашевская, сегодня больными рождаются более 1/3 детей[1]. Согласно результатам ее исследований, «около 2,5 млн детей не могут получить стандартной подготовки прежде всего по причине психического нездоровья, 70% учащихся школ испытывают значительные трудности в усвоении базовой школьной программы обучения и, наконец, около 2,0 млн детей школьного возраста, по оценке экспертов, не посещают школьных учреждений, в результате чего будет возрастать численность неграмотных в стране»[2].

Состояние здоровья российских подростков существенно хуже, чем у их сверстников в других странах. Об этом свидетельствуют данные самооценки здоровья 15-летних подростков. Так, считают себя здоровыми в Швейцарии – 93%, в Швеции – 72%, во Франции – 55%, в Германии – 40%, в России – 28% подростков[3].

Усложнение учебных программ в настоящее время приводит всю школьную жизнь учеников к обыденному выполнению сложных заданий на уроках и дома. Основное – успеть освоить требуемый учебный материал. Школьная успеваемость для родных часто становится показателем престижа, успешности детей, что приводит к тому, что ребенок попросту вынужден постигать различные науки вместо положенных по возрасту прогулок и игр. Как следствие, появляются типичные «школьные болезни»: близорукость, сколиоз, гастрит и т.д.

Многие исследователи декларируют прямую и обратную зависимость уровня успеваемости от состояния здоровья ребенка и состояния

[1] См.: Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / Ред.-сост.: Н.М. Римашевская (науч. ред.), Л.Г. Лунякова. – М.: Наука, 2009. – С. 270.

[2] *Римашевская Н.М.* Общественные ценности, рынок и образование // Народонаселение. – 2008. – № 1. – С. 8.

[3] Подростки в общественном здравоохранении. – URL: www.adolesmed.ru/prevention.html

здоровья – от уровня успеваемости[1]. Дети, обладающие отличным здоровьем, обычно учатся лучше, чем те, у кого есть наследственные либо хронические недуги. В то же время ученики с высокой успеваемостью намного чаще страдают заболеваниями, заработанными в ходе обучения.

В настоящее время специалисты отмечают, что неуспеваемость – это и педагогическая, и медицинская, и психологическая, и социальная проблема. Именно поэтому в последнее десятилетие все чаще и чаще звучат призывы к объединению усилий специалистов разного профиля в деле повышения успеваемости школьников.

Несмотря на пристальное внимание к данной проблеме, число учащихся, испытывающих трудности в обучении, непрерывно растет. По данным Института возрастной физиологии РАО, трудности в обучении отмечаются у 15–40% школьников. Они отмечают, что более 30% детей имеют непреходящие трудности в обучении. Надо сказать, что проблема школьной неуспеваемости характерна не только для нашей страны. Так, например, по данным М. Ленардюсси, 25% учащихся Западной Европы отстают в учебе, а в Мали число неуспевающих учеников составляет 25–35%[2].

По определению, успеваемость – это степень усвоения знаний, умений, навыков, установленных учебной программой, с точки зрения их полноты, глубины, сознательности и прочности. Успеваемость обычно выражается в оценочных баллах[3]. Сравнительные данные отметок по отдельным предметам характеризуют успеваемость по каждому учебному предмету, по циклу предметов, по классам или школе в целом. Высокая успеваемость учащихся достигается системой дидактических методов, форм и средств, а также воспитательных мер.

Однако для понимания поставленной проблемы более важно определение понятия «неуспеваемости». Под неуспеваемостью понимается ситуация, в которой поведение и результаты обучения не соответствуют воспитательным и дидактическим требованиям школы. Неуспеваемость, по мнению Н.И. Мурачковского[4], выражается в том, что ученик имеет слабые навыки чтения, счета, слабо владеет интеллектуальными умениями анализа, обобщения и др.

[1] *Блонский П.П.* Школьная успеваемость: Изб. педагог. произв. – М.: Педагогика, 1961.

[2] *Горбунов Н.П.* Функциональное состояние школьников в процессе адаптации к учебной деятельности // Педагогика. – 2003. – № 8. – С. 9–12.

[3] *Цетлин В.С.* Неуспеваемость школьников и ее предупреждение. – М., 1977.

[4] *Мурачковский Н.И.* Как предупредить неуспеваемость школьников. – Минск, 1977.

Систематическая неуспеваемость ведет к педагогической запущенности, под которой понимается комплекс негативных качеств личности, противоречащих требованиям школы, общества. Это явление крайне нежелательное и опасное с моральной, социальной, экономической позиций. Педагогически запущенные дети часто бросают школу, пополняют группы риска. Неуспеваемость – сложное и многогранное явление школьной действительности, требующее разносторонних подходов при ее изучении.

В настоящее время для научной мысли характерна теория двух факторов, то есть принятие как биологических, так и социологических теорий[1]. М.М. Безруких отмечает, что проблема неуспеваемости – комплексное явление[2]. Именно поэтому в последнее десятилетие все чаще и чаще звучат призывы к объединению усилий специалистов разного профиля в деле повышения успеваемости школьников.

Анализ литературы, посвященной проблеме школьной неуспеваемости, позволил выделить из называемых многими авторами причин несколько факторов, которые могут привести к неуспеваемости (см. *рис. 23*).

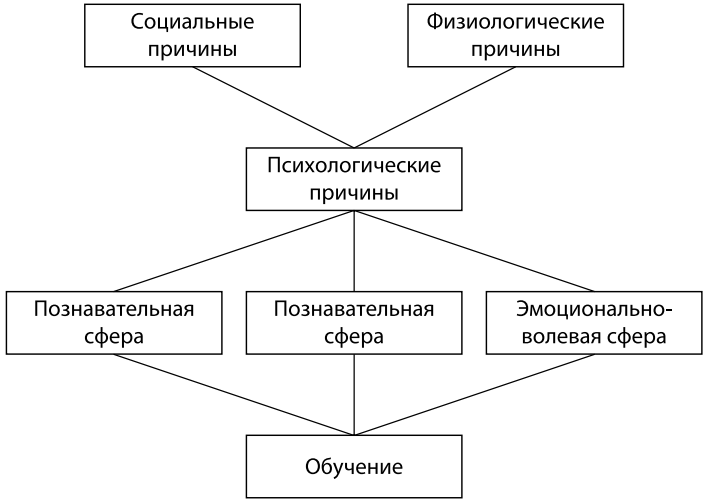


Рисунок 23. Факторы, ведущие к неуспеваемости

[1] *Дембеле Б.* Интеллектуальные причины неуспеваемости младших школьников: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – СПб., 1994.

[2] *Безруких М.М.* Почему учиться трудно. – М., 1995.

На практике в каждом конкретном случае неуспеваемости ребенка (ученика) имеется набор совершенно разных особенностей, которые требуют абсолютно различных подходов к преодолению проблемы неуспеваемости. В основе неуспеваемости в школе всегда лежит комплекс причин, среди которых немалая роль отводится здоровью и тому потенциалу, с которым ученик приходит в школу. Именно поэтому из всех приведенных факторов (см. *рис. 23*) рассмотрим физиологические причины неуспеваемости.

Здоровье детей в течение последних десятилетий неуклонно ухудшается. Все большее число детей приходит в школу, уже имея те или иные хронические заболевания. С каждым годом у новорожденных уменьшается потенциал здоровья: в 1990 г. родились больными 14,7%, а в 2006 г. – 38,9%[1].

Негативные тенденции в состоянии здоровья детей за последнее десятилетие приобрели устойчивый характер и стали еще более очевидными, поскольку не преодолен демографический кризис, а численность населения неуклонно уменьшается. В Российской Федерации на каждую тысячу новорожденных приходится 50 детей с врожденными и наследственными заболеваниями. Физиологически протекающие роды встречаются не более чем у 30–35% женщин. Перинатальная патология регистрируется у 39% детей в неонатальном периоде и остается основной причиной младенческой смертности (13,3 на 1 тыс.). К окончанию школы более половины детей имеют ограничения в выборе профессии по состоянию здоровья. Ранняя трудовая занятость подростков становится существенным фактором ухудшения их здоровья. Темпы роста предотвратимой смертности подростков выросли в шесть раз у юношей и в три раза у девушек, преимущественно за счет увеличения злокачественных опухолей, травматизма и отравлений, а также заболеваний, возникающих в результате загрязнений окружающей среды и воздействий как на детей, так и на их родителей.

Проведенные исследования Российской академии медицинских наук показали, что дети – наиболее уязвимая группа риска, у которой наблюдаются не только токсические поражения различных органов и систем, но и отдаленные, в том числе канцерогенные эффекты. Ранняя заболеваемость и ее неуклонный рост сопровождаются увеличением числа детей-инвалидов. За последние пять лет заболеваемость

[1] *Римашевская Н.М.* Проблемы здоровья населения и демографический кризис в России: Доклад на Международном научно-практическом семинаре в ИСЭРТ РАН. – Вологда, 18–20 мая 2010 г.

детей в различных возрастных группах увеличилась на 18–20%. Частота психических расстройств и отклонений в поведении возросла среди подростков на 27%[1].

Число практически здоровых детей снизилось до 30%, нервно-психические нарушения выявляются у 60% выпускников школ. Показатели психической болезненности детского населения и подростков в два раза выше, чем у взрослых, и имеют неуклонную тенденцию к росту. За последние десять лет детский алкоголизм вырос в два раза и продолжает расти. Смертность от самоубийств очень высока по сравнению с другими странами, суициды наблюдаются даже у детей пяти-десяти лет. Сегодня медицинская статистика говорит о том, что лишь 10% выпускников школ могут считаться абсолютно здоровыми[2]. Отмечается четкая тенденция к ухудшению психического здоровья детей и подростков.

Таким образом, получается замкнутый круг: ребенок со слабым от природы здоровьем не может полноценно обучаться в школе, а школьник с крепким здоровьем и хорошей успеваемостью с течением времени «зарабатывает» серьезные болезни. Так, среди выпускников средних учебных заведений действительно здоровыми остаются лишь единицы: те, для кого учеба не была главным делом.

Исправление ситуации зависит от многих факторов, в частности от отношения к данной проблеме учителей, родителей, учеников. С другой стороны, переломить ситуацию невозможно без пропаганды и убеждения детей в необходимости ведения здорового образа жизни и всестороннего изучения данной проблемы. С этой целью было проведено пилотное исследование отношения молодежи к проблеме здорового образа жизни и влияния здоровья на успеваемость среди учеников начальных образовательных заведений нескольких небольших городов юго-востока Московской области[3]. Всего было опрошено 400 школьников.

В качестве кабинетных исследований был проведен выборочный мониторинг здоровья детей, обучающихся на момент исследования в десятом и одиннадцатом классах. Для этого мониторинга были использованы общие принципы комплексной оценки состояния

[1] Здоровье и образование детей – основа устойчивого развития российского общества и государства: Научная сессия академий, имеющих государственный статус: РАМН, РАО, РАН, РАСН, 5–6 октября 2006 г. – URL: http://www.nczd.ru/reshnauch.htm

[2] Там же.

[3] В Коломне, Егоревске, Зарайске, Луховицах и Озерах. (Проект ИСЭПН РАН – МГОСГИ, 2009–2010 гг.).

здоровья[1]. Выделены определенные группы здоровья, которые были использованы в качестве критериев оценки состояния здоровья учеников. Эти группы здоровья определяют степень врачебного наблюдения и помощи данным категориям детских коллективов.

Группа I – здоровые. К данной группе относятся дети, не имеющие хронических заболеваний, с соответствующим возрасту физическим и психическим развитием, редко болеющие.

Группа II – здоровые с морфофункциональными отклонениями. В эту группу также входят дети, у которых отсутствуют хронические заболевания, но имеются те или иные отклонения морфологического или функционального характера: например, дети с отклонениями в физическом развитии, не связанными с эндокринной патологией, с нарушениями осанки, уплощением стопы, с близорукостью слабой степени, часто болеющие и т. д.

Группа III – больные хроническими заболеваниями в стадии компенсации. Данную группу составляют дети, которые, несмотря на наличие хронического заболевания, редко болеют острыми заболеваниями, хорошо себя чувствуют, имеют высокую работоспособность.

Группа IV – больные хроническими заболеваниями в стадии субкомпенсации. К данной группе относятся дети с хроническими заболеваниями, часто болеющие, со сниженной работоспособностью.

Группа V – больные хроническими заболеваниями в стадии декомпенсации. Дети этой группы практически не встречаются в дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, СПТУ, так как по состоянию здоровья вынуждены находиться в специальных лечебных или учебно-воспитательных учреждениях.

Дети и подростки, отнесенные к разным группам здоровья, нуждаются в дифференцированном подходе при проведении лечебно-профилактических мероприятий. Для относящихся к I группе здоровья учебная, трудовая и спортивная деятельность организуется без каких-либо ограничений в соответствии с существующими программами учебно-воспитательного процесса; периодические медицинские осмотры проводятся в установленные согласно возрасту детей сроки. Дети и подростки, составляющие II группу здоровья, нуждаются в особом внимании со стороны медицинских работников как группа риска по формированию хронической патологии, в периодическом медицинском контроле, проведении комплекса

[1] Гигиена детей и подростков: Учебник / Под ред. Г.Н. Сердюковской. – М.: Медицина, 1989. – С.61–62.

оздоровительных мероприятий, направленных на повышение неспецифической резистентности организма (занятия физкультурой, закаливание, рациональный режим дня). Дети и подростки, входящие в III, IV и V группы здоровья, должны находиться под постоянным врачебным наблюдением (диспансерное наблюдение), получать лечение. Сроки врачебных обследований и характер лечебных мероприятий зависят от формы патологии и степени компенсации. В детских и подростковых учреждениях для детей этих групп здоровья создается щадящий режим дня, увеличивается продолжительность отдыха и ночного сна, ограничиваются продолжительность и объем физических нагрузок.

Динамика здоровья за 2005–2009 гг. детей (250 человек) школ юго-востока Московской области приведена на *рис. 24.* Представленная на рисунке кривая свидетельствует о негативной тенденции абсолютно здоровых детей, начиная с 2007 г., причем наиболее «провальным» стал 2008 г. (20,75%).

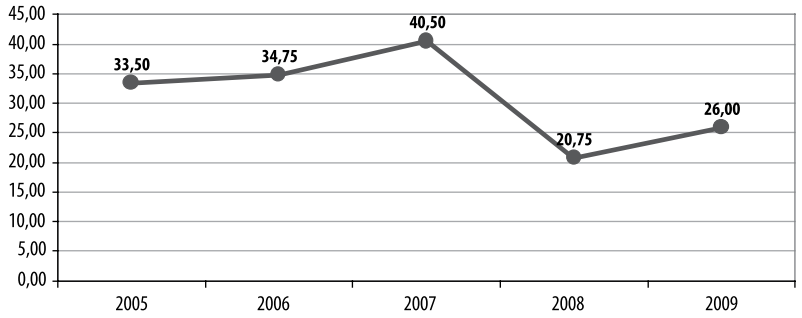


Рисунок 24. Доля абсолютно здоровых детей (десятый-одиннадцатый классы), в %

В рамках выборочного мониторинга здоровья детей и подростков (150 человек) с использованием принципов комплексной оценки состояния здоровья школьники Луховицкой муниципальной гимназии № 10 были отнесены к разным группам здоровья. Причем были исследованы одни и те же когорты при приеме в школу (первый класс) и на выходе из школы (одиннадцатый класс) (см. *рис. 25*).

Результаты свидетельствуют о том, что после окончания процесса обучения здоровье учащихся ухудшается. Из 57,1% учащихся, относящихся к I группе здоровья в первом классе, на выходе из школы

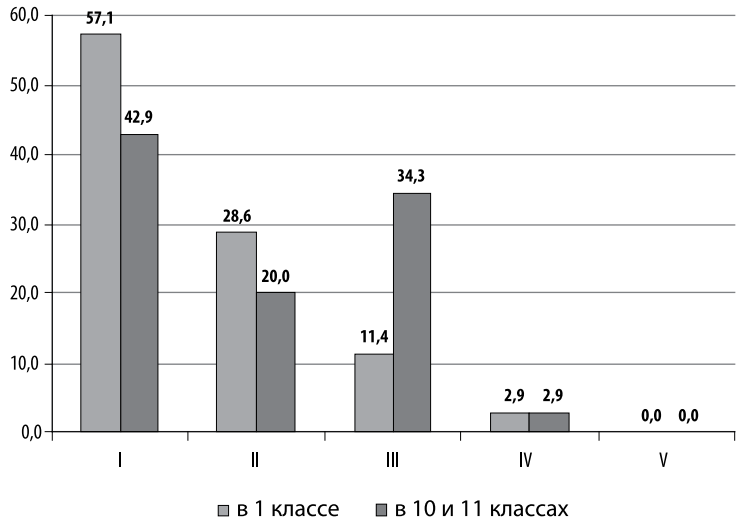


Рисунок 25. Распределение учащихся по группам здоровья в первом и в десятом-одиннадцатом классах

(выпускной класс) остаются лишь 42,9%, в то время как наблюдается переход по здоровью из I и II групп в третью. Увеличение численности детей в III группе произошло в три раза.

Анализ заболеваний при приеме в школу и на выходе из школы этой же группы детей (см. *рис. 26*) выявил заболевания, связанные с ухудшением зрения (миопия), которые наблюдаются практически у половины наблюдаемой группы (45,7%), причем в первом классе этот показатель составлял лишь 11,4%, то есть увеличился в четыре раза. Аналогичная ситуация и с остальными заболеваниями: нервно-психическими расстройствами страдают 20% выпускников, а в первом классе этот показатель составлял лишь 8,6%. Имеется и положительная тенденция улучшения здоровья: например, сердечно-сосудистые заболевания снизились почти в семь раз и составили 2,9%, что связано скорее всего с возрастными изменениями у подростков. Хирургические отклонения имеют 34,3% выпускников, что почти в 2,5 раза больше, чем при приеме в школу.

На следующем этапе исследования выбранной когорты детей был проведен анализ их успеваемости (см. *рис. 27*). Так как оценки в первом классе не ставят, а показатели успеваемости второго и третьего

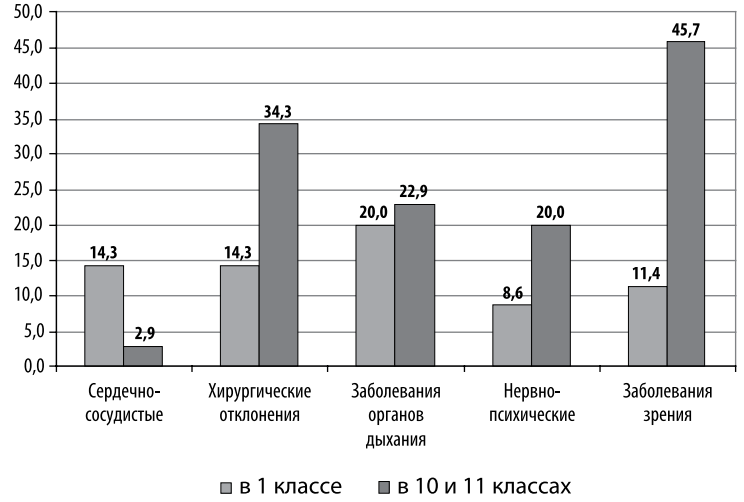


Рисунок 26. Данные по основным заболеваниям (хроническим) у детей в первом и десятом-одиннадцатом классах (в %)

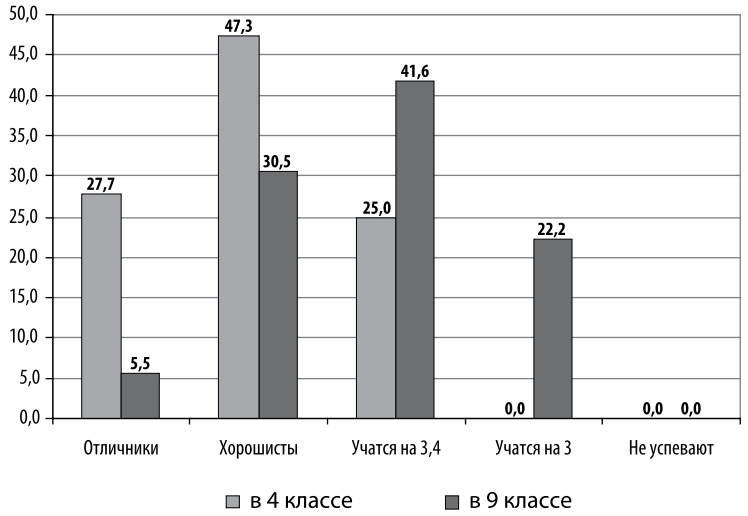


Рисунок 27. Данные по успеваемости детей в четвертом и девятом классах (в %)

класса не могут быть расценены как релевантные, было принято решение исследовать успеваемость в четвертом и девятом классах.

Очевидно, снижение количества отличников в девятом классе до уровня 5,5% по сравнению с 27,7% в четвертом классе связано с общим снижением успеваемости, на которое непосредственное влияние оказывает в том числе и показатель здоровья. Нормой становится учеба на тройки и четверки – 41,6% в девятом классе, а 22,2% учатся только на тройки, чего вообще не было в четвертом классе.

Аналогичное исследование здоровья и успеваемости было проведено в Егорьевской гимназии № 10 (150 человек). Для лучшего сопоставления показателей успеваемости и здоровья были построены две матрицы данных показателей – для учеников четвертого и девятого классов (см. *рис. 28*).

Ученики четвертого класса, в %

Успеваемость / Группа здоровья	5	4	3	2	1
I	16,6	30	16,6	–	–
II	3,4	13,3	3,4	–	–
III	10	3,3	3,4	–	–
IV	–	–	–	–	–
V	–	–	–	–	–

Ученики девятого класса, в %

Успеваемость / Группа здоровья	5	4	3	2	1
I	3,4	30	3,3	–	–
II	–	–	46,6	–	–
III	–	–	10	–	–
IV	3,4	–	–	–	–
V	–	3,3	–	–	–

Примечания:
Все учащиеся четвертого класса – 100%, девятого класса – 100%.
В качестве показателя успеваемости школьников использовалась следующая шкала: **1** – оценка 2 (не усваивает материал вообще); **2** – оценки 2, 3, 4, 5 (имеются двойки за четверть); **3** – оценки 3, 4, 5 (удовлетворительная успеваемость); **4** – оценки 4, 5 (хорошая успеваемость); **5** – оценка 5 (отличная успеваемость).

Рисунок 28. Матрицы успеваемости и групп здоровья учеников гимназии за четвертый и десятый классы *(2000–2009 годы обучения)*

Представленные в матрице данные также свидетельствуют о взаимосвязи показателей успеваемости с группами здоровья учеников: в матрице учеников девятых классов больше всего (46,6%) учащихся

попадают во вторую группу здоровья с удовлетворительной успеваемостью, хотя среди учеников четвертого класса с аналогичными показателями всего лишь 3,4%. Значительные перемещения второй группы здоровья учеников с отличной (3,4%) и хорошей (13,3%) успеваемостью в удовлетворительную. Наблюдается уменьшение отличников первой группы здоровья – с 16,6% в четвертом классе до 3,4% в девятом классе. В третьей группе здоровья в четвертом классе ученики представлены во всех градациях успеваемости: 5 – 10%, 4 – 3,3%, 3 – 3,4, а уже в девятом классе половина из них перемещаются в третью группу успеваемости, а у оставшихся снижается показатель здоровья до четвертой группы – 3,4% (отличники) и до пятой группы – 3,3 (хорошисты).

Следующим этапом исследования было самотестирование (самооценка) респондентами собственного здоровья и их отношение к здоровому образу жизни (400 человек). Опрос показал, что 46,88% на вопрос «Здоровье для вас – это...» ответили: «всегда хорошее настроение». На втором месте у опрашиваемых здоровье ассоциируется со здоровым образом жизни (21,88 %) и наименьшая доля опрошенных выбрала ответ: «здоровье – это главное богатство и ценность» (см. *рис. 29*).

Данные опроса показали, что 46,87% школьников всегда думают о своем здоровье, 31,25% оценивают его как нормальное (см. *рис. 30*),

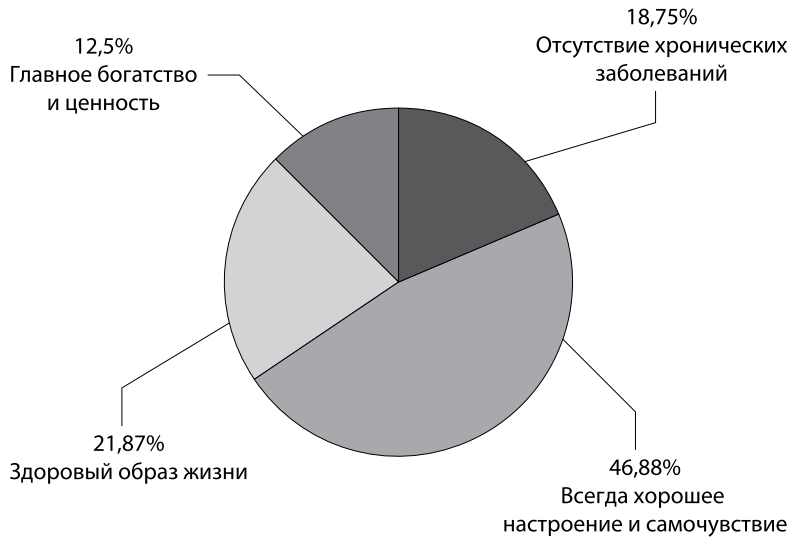


Рисунок 29. Результаты ответа на вопрос «Здоровье для вас – это…»

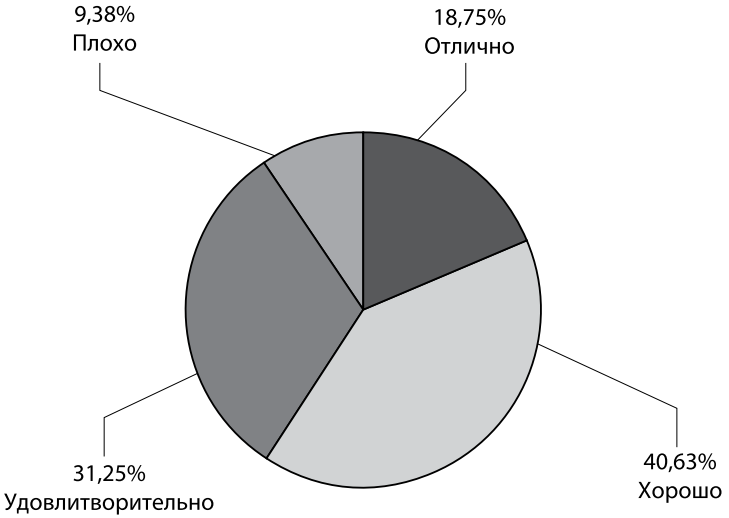


Рисунок 30. Самооценка учениками своего здоровья

44,36% думают о здоровье, только когда заболеют, и только около 9% (8,77%) вообще о нем не задумываются. Состояние здоровья как плохое оценили 9,38% опрошенных школьников, отличным свое здоровье считают 18,75%, а хорошим – 40,63%[1].

В то же время 15,63% опрошенных школьников вообще не считают нужным проверять состояние своего здоровья, так как считают, что в этом нет никакой необходимости; 43,75% отслеживают состояние здоровья раз в полгода (см. *рис. 31*).

На успеваемости и состоянии здоровья сказывается влияние различных факторов – как положительных, так и отрицательных (таких как употребление алкоголя, наркотиков, курение). К положительным моментам можно отнести соблюдение здорового образа жизни, правил рационального питания, занятия спортом и др.

Курение – одна из самых распространенных вредных привычек у школьников, и педагог должен быть знаком с начальными проявлениями и динамикой ее развития. Больше половины опрошенных школьников (см. *рис. 32*), которые дали положительный ответ (43,75%) по вопросу курения, – это девушки. Девушки курят,

[1] При опросе школьникам поясняли, что означает каждая из категорий здоровья.

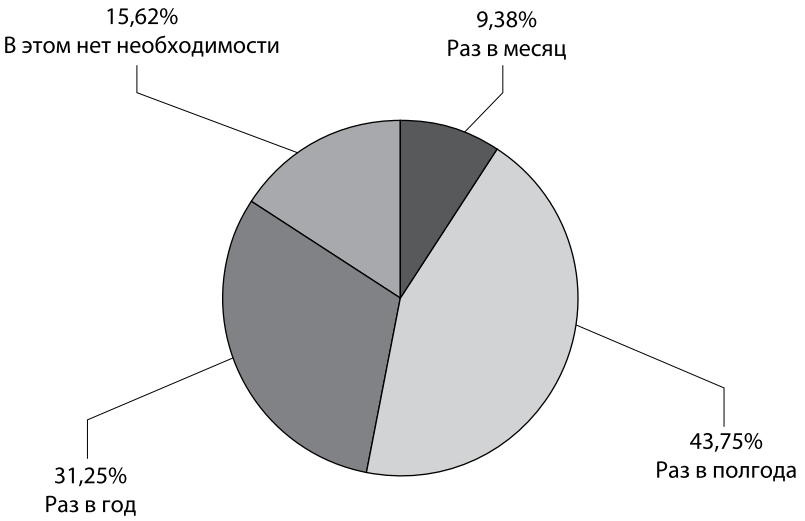


Рисунок 31. Как часто ученики уделяют внимание своему здоровью

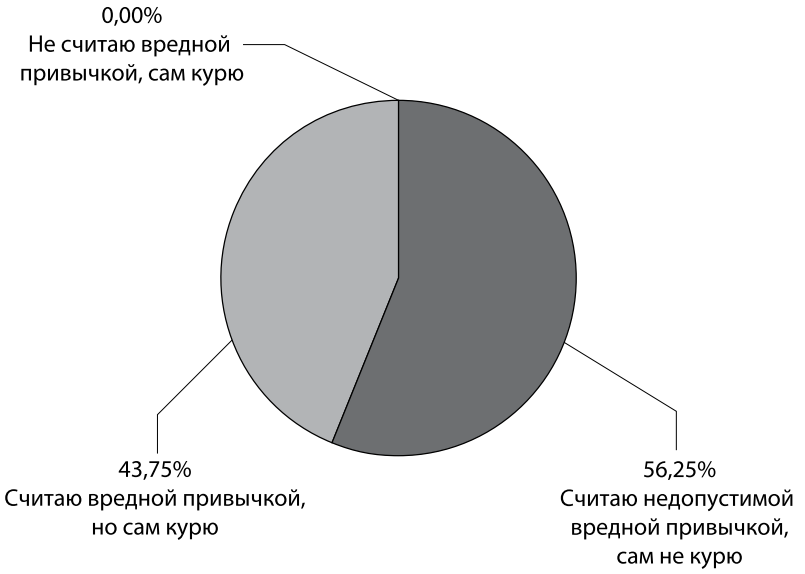


Рисунок 32. Отношение школьников к курению

по их словам, потому что «это нравится мальчикам». На вопрос юношам, как они относятся к курению девушек, большинство положительно оценили курение девушек и лишь немногие осуждали. Когда же у юношей спросили, допускают ли они, чтобы их жена курила, почти все категорически ответили «нет».

Анализируя данные о курении, хочется подчеркнуть, что чем старше респондент, участвующий в опросе, тем реже встречались ответы о желании или необходимости курения.

Алкоголизм – как ни страшно это звучит, но эта проблема сейчас весьма актуальна для российской школы. Если ребенок или подросток употребляет алкоголь систематически, происходит задержка нервно-психического развития, отсюда резко снижается успеваемость, ухудшается поведение и в конце концов развивается болезнь – алкоголизм.

По данным опроса 53,13% школьников считают возможным умеренное употребление алкоголя во время праздников, 18,75% не считают алкогольными напитками пиво, энергетические напитки и считают допустимым их употребление ежедневно и без всякого повода, и только 28,13% ответили, что это недопустимо и сами алкоголь не употребляют (см. *рис. 33*).

Рисунок 33. Отношение школьников к алкоголю

Не менее тревожные результаты по проблеме наркомании: из опрошенных около 4,5% пробовали наркотики один или несколько раз, 93% ответили, что это недопустимо, а 2,5% считают это вредной привычкой, но все равно хотят попробовать (см. *рис. 34*).

Рисунок 34. Отношение школьников к употреблению наркотиков

Несмотря на такое отношение к вредным привычкам, они оказались на втором месте (40,63%) среди факторов, которые оказывают наибольшее негативное влияние на состояние здоровья учащихся. «Лидирует» плохая экология (65,63%), на втором месте – вредные привычки и нездоровый образ жизни – 39,5%. Около 25% опрашиваемых считают, что их здоровье ухудшают условия обучения (40,63%) (см. *рис. 35*).

Такое негативное воздействие на здоровье приводит к тому, что больше половины детей страдают различными заболеваниями и отклонениями от нормы. В результате обследования были выявлены основные заболевания и отклонения, которые уже к 16 годам приобрели хронический характер у опрошенных (*табл. 23*).

К наиболее часто называемым заболеваниям относили: сколиоз (25%), миопию (12,5%), нервно-психические заболевания (25%) и заболевание желудочно-кишечного тракта (гастрит) (15,63%).

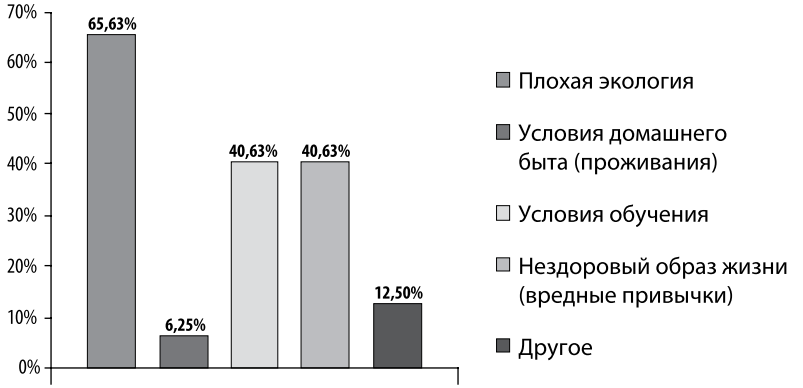


Рисунок 35. Что, по мнению школьников, влияет на их здоровье

Таблица 23.

Перечень заболеваний и отклонений у опрошенных школьников

Наименование заболевания (отклонения)	%
Хронических заболеваний у меня нет	43,75
Сколиоз (искривление позвоночника)	25,00
Миопия (ухудшение зрения)	12,50
Заболевание желудочно-кишечного тракта (гастрит)	15,63
Заболевание сердца	9,38
Нервно-психические заболевания (головные боли, утомляемость, раздражительность)	25,00
Заболевания органов дыхания (фарингиты, тонзиллиты и т.д.)	3,13
Аллергия	9,38
Заболевание почек	3,13
Заболевание печени	0,00
Гипертония/гипотония (повышенное или пониженное давление)	3,13

Далее выяснялось влияние состояния здоровья на успеваемость в школе. На вопрос «Влияет ли состояние вашего здоровья на возможность усвоения учебного материала?» утвердительно ответили 71,88% опрошенных школьников, что подтверждает взаимосвязь успеваемости и здоровья учащихся. 28,13% не связывают возможность усвоения материала со своим здоровьем.

Существует проблема переутомляемости в школе, которую отмечает почти половина опрошенных школьников (46,88%) (см. *рис. 36*). Трудно заниматься более четырех часов в день чуть более 15% школьников.

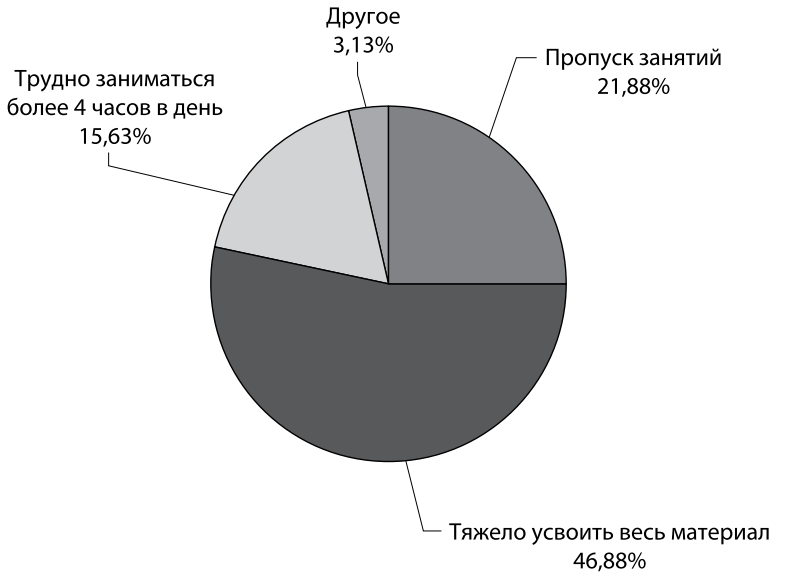


Рисунок 36. Как именно состояние здоровье влияет на успеваемость, по мнению школьников

Пропускают занятия по причине болезни 21,88% опрошенных, при этом болеют раз в месяц почти 15% школьников. Каждую неделю болеют 2,26%, а раз в полгода третья часть школьников точно заболевают (см. *табл. 24*).

Пропуски занятий негативным образом сказываются на общей успеваемости ребенка и приводят к отставанию в усвоении материала.

Чаще всего школьники болеют ОРЗ и ОРВИ (62,5%), гриппом болеет четверть опрошенных (25%), насморком – 46,88%, бронхитом – 9,38%.

Однако большинство школьников все же стараются вести здоровый образ жизни и прилагают к этому определенные усилия. Интересно проанализировать результаты ответов респондентов, касающиеся здорового образа жизни (см. *табл. 25*).

Таблица 24.

Результаты ответов респондентов на вопрос «Как часто вы болеете (с пропуском занятий)?»

Частота заболеваний	%
Каждую неделю	2,26
Раз в месяц	14,79
Один раз в семестр (четверть)	21,30
Один раз в полгода	32,33
Один раз в год	24,81
Не болею вообще	4,51

Положительная тенденция – желание активно отдыхать на природе (каток, лыжи, футбол и т.д.), что отметили больше половины опрошенных (62,5%). Также многие указали занятия спортом (46,88%), фитнесом (9,38%) и регулярное выполнение утренней гимнастики, в том числе утренние пробежки (9,38%).

Таблица 25.

Что делают школьники для того, чтобы вести здоровый образ жизни
(можно было выбрать несколько вариантов)

Варианты	%
Не употребляю наркотики	90,63
Не употребляю алкоголь	50,00
Не курю	50,00
Занимаюсь спортом	46,88
Делаю утреннюю гимнастику	9,38
Хожу в тренажерный зал (фитнес-клуб)	9,38
Люблю активный отдых на природе (каток, лыжи, футбол и т.д.)	62,50

Из опрошенных школьников 25% занимаются в спортивных секциях и даже профессиональным спортом. Однако 43,75% школьные уроки физкультуры не нравятся. Они считают, что следует заниматься физкультурой по интересам (спортивные танцы, аэробика, футбол, волейбол, баскетбол, теннис, фитнес и. т.д.); 9,38% – за то, чтобы сделать занятия физкультурой факультативом и отменить оценки.

Это свидетельствует о не совсем верной организации физической подготовки в нашей школе.

Нагрузки на школьников постоянно увеличиваются. Почти всегда устают четверть опрошенных, 68,75% устают очень сильно (см. *рис. 37*).

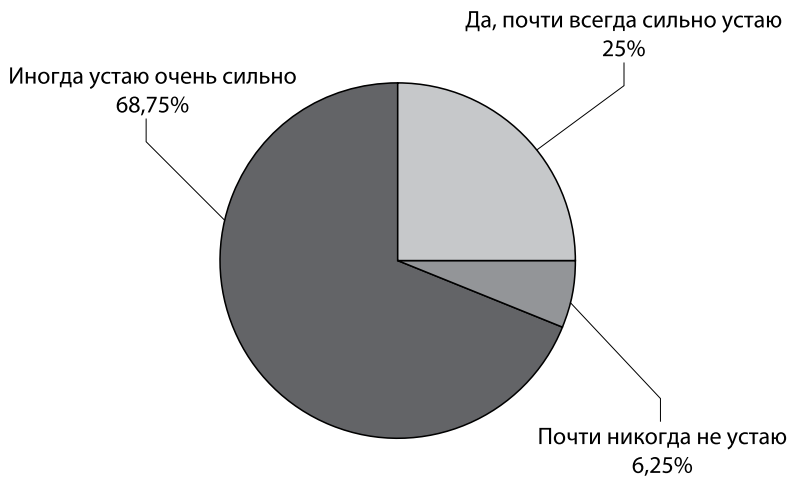


Рисунок 37. Часто ли вы устаете после занятий в вашем учебном заведении?

При таких нагрузках детский организм нуждается в достаточно сбалансированном питании, получить которое в школах не всегда возможно. Нерациональным считают свое питание 37,5% учеников, рациональным – 21,88%. В столовой при учебном заведении (горячие блюда) питаются лишь 37,5%; 18,75% – в буфете при учебном заведении (чай, кофе, булочки, бутерброды, гамбургеры, шоколад, сок и т.д.). Покупают еду в ближайшей торговой точке (чипсы, сухарики, кефир, сок и т.д.) 21,88%, а 18,75% не едят в школе вообще (см. *табл. 26*).

Основное нежелание есть в столовой связано со скудным ассортиментом (71,88%); почти половина учащихся считает, что необходимо разрешить есть в столовой в любое время, а не только на отведенной перемене. Такое положение дел с питанием не только не способствует развитию успеваемости у учащихся, но и усугубляет ситуацию с хроническими заболеваниями желудка.

Таблица 26.

Как питаются школьники во время учебы

Варианты	%
В столовой при учебном заведении (горячее питание)	37,50
В буфете при учебном заведении (чай, кофе, булочки, бутерброды, гамбургеры, шоколад, сок и т.д.)	18,75
Приношу еду из дома (бутерброды, печенье, фрукты, соки и т.д.)	3,13
Покупаю еду в ближайшей торговой точке (чипсы, сухарики, кефир, сок и т.д.)	21,88
Не ем в учебном заведении	18,75

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно проблемы успеваемости и взаимосвязи ее со здоровьем российских школьников.

Начальное образование – это фундамент всего дальнейшего общего и любого профессионального образования. Успешность обучения в начальной школе во многом определяет судьбу человека, его будущую жизнь, поскольку именно в том возрасте, в каком обычно получают начальное образование, формируются базовые основания личности человека. От успеваемости ученика во многом зависит выбор дальнейшего профессионального обучения, специальности и дальнейшего жизненного пути.

Далеко не каждый ребенок в процессе обучения в школе может быть «отличником», так как не все дети имеют одинаковые стартовые возможности; не каждый ребенок генетически обладает достаточным уровнем интеллектуальных возможностей; многие условия влияют на формирование его мотивов и далеко не всегда положительно. Однако следует помнить, что качественное образование влияет на успешность индивида в будущем и дает ему большие возможности не только в самореализации, но и в поддержании своего здоровья.

Таким образом, школа – очень серьезный и сложный этап в жизни каждого ребенка. Задача сохранения здоровья детей должна считаться не менее важной, чем погоня за отличной условностью любой ценой. Условность учебы должна быть отмечена не только оценками в дневнике (успеваемостью), но и сопутствующим хорошим здоровьем. Только от нас зависит то, какими будут пришедшие за нами поколения, ведь здоровье наших детей – это наше общее дело.

3.3. Мониторинг здоровья детей Вологодской области

Здоровье детей – ключевое звено в формировании и сохранении человеческого потенциала. Ведь именно в детстве закладываются основы здоровья и здоровьесберегающего поведения, которые будут переданы следующим поколениям[1].

Более того, здоровье детей и подростков в любом обществе, при любых социально-экономических и политических ситуациях представляет собой актуальнейшую проблему и предмет первоочередной важности, так как оно определяет будущее страны, генофонд нации, научный и экономический потенциал общества и наряду с другими демографическими показателями выступает чутким барометром социально-экономического развития страны.

Дальнейшее обсуждение проблемы необходимо предварить определением границ детского возраста. Различные научные дисциплины общегуманитарного и социального циклов по-разному определяют понятие «детство» и «дети». Науки медико-биологического цикла (педиатрия, детская психиатрия) изучают детство как период роста человека, определяют детей как людей, не завершивших своего физического развития и обладающих специфическими детскими заболеваниями. Эти науки используют для периодизации детства объективные морфологические признаки (например, смену молочных зубов, завершение полового созревания, формирование скелета и др.).

В юридических науках детство понимается как период жизни человека, который связан с приобретением более полного объема дееспособности по мере достижения определенного возраста.

Экономика оперирует понятиями «население моложе трудоспособного возраста» в отношении еще не дееспособного в экономической деятельности населения. Для демографии дети и подростки – элемент народонаселения, который не участвует в воспроизводстве населения, возрастные рамки определены в 0–17 лет. Здравоохранением приняты и используются в медицинской статистике границы детского возраста от 0 до 14 лет.

Изучая здоровье детей, мы имеем в виду, что детский возраст – от рождения до юношества – включает много различных периодов,

[1] *Потапов А.И., Ракитский В.Н., Новичкова Н.И., Романова Е.А.* Проблемы охраны здоровья детского населения России // Здравоохранение Российской Федерации. – 2008. – № 3. – С. 3–5.

отличающихся друг от друга. Это богатство оттенков эмоциональной жизни, познания, формирования организма делает детство не похожим ни на один возрастной период зрелого человека. До сих пор не сложилось единого мнения по поводу возрастной периодизации детства. Суммируя данные литературы, мы придерживаемся следующих возрастных границ: младенчество – от нуля до года; раннее детство – от одного года до трех лет; предшкольный возраст – от трех до семи лет; младший школьный возраст – от семи до десяти лет; ранний подростковый возраст – от 10 до 12 лет; подростковый возраст – от 12 до 18 лет.

Особенности, свойственные каждому из этих возрастных периодов, во многом обусловлены уровнем моторного, интеллектуального развития и здоровьем детей, что в свою очередь зависит от множества факторов.

Здоровье ребенка в его индивидуальном проявлении характеризуется гармоничным (соответствующим возрасту) физическим, психическим, интеллектуальным развитием и особой зависимостью от воздействия факторов среды. Здоровье детского коллектива и популяции в целом может быть определено показателями государственной медицинской статистики: рождаемостью, смертностью, заболеваемостью, инвалидностью, уровнем физического развития.

Подход к оценке здоровья детей, основанный на применении данных государственной статистики, является наиболее распространенным. При этом используются такие показатели, как частота нормальных родов, младенческая смертность, заболеваемость новорожденных детей, заболеваемость детей 0–14 лет и подростков 15–17 лет, детская инвалидность.

Анализ здоровья детей логично начать с периода новорожденности. Статистические данные показывают, что в России около 40% детей рождаются больными или заболевают в ближайшее время, в Вологодской области заболеваемость детей несколько ниже (около 30%). Обсуждая тренды заболеваемости новорожденных детей, следует отметить, что в период 1998–2005 гг. в РФ наблюдался отрицательный тренд роста показателя. В Вологодской области негативная тенденция отмечалась в период с 1998–2001 гг., а с 2002 г. произошло уменьшение доли детей, рождающихся больными или заболевающих в ближайшее время (см. рис. 38).

Заметное снижение заболеваемости новорожденных в Вологодской области во многом обусловлено действием областной целевой программы «Здоровый ребенок». Ее финансирование увеличилось

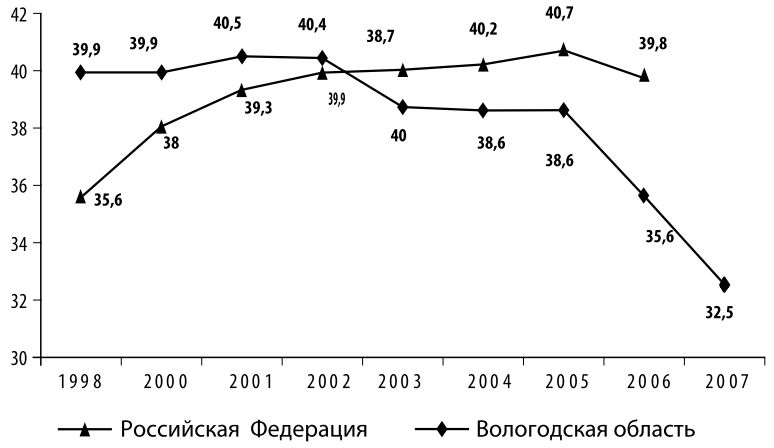


Рисунок 38. Заболеваемость новорожденных детей *(в % от числа родившихся живыми)*[1]

с 16 млн руб. в 2001 г. до 39–43 млн руб. в 2005–2007 гг. В рамках программы закупалось современное оборудование, а также было создано отделение экстренной консультативной медицинской помощи круглосуточного действия на базе ГУЗ «Вологодская областная детская больница» для оказания квалифицированной консультативной и экстренной помощи при ведении осложненных беременностей в районах области.

В целом потенциал здоровья детей снижается с самого раннего детства, о чем свидетельствует рост заболеваемости детей (см. *рис. 39*).

В России за период с 1998 по 2007 г. общая заболеваемость выросла на 43%, увеличиваясь в среднем на 4% ежегодно. Такая же тенденция прослеживалась и в Вологодской области. Общая заболеваемость детей выросла на 39% за аналогичный период, преимущественно за счет хронических болезней.

Анализ структуры детской заболеваемости показал, что в целом по Российской Федерации в 2007 г. первые места занимали (в порядке убывания) болезни органов дыхания; травмы, отравления и другие последствия внешних причин; болезни кожи и подкожной клетчатки. Похожая структура заболеваемости отмечается и в Вологодской

[1] Статистический ежегодник Российской Федерации. – М.,2007; Статистический ежегодник Вологодской области: Стат. сб. – Вологда: Вологдастат, 2008.

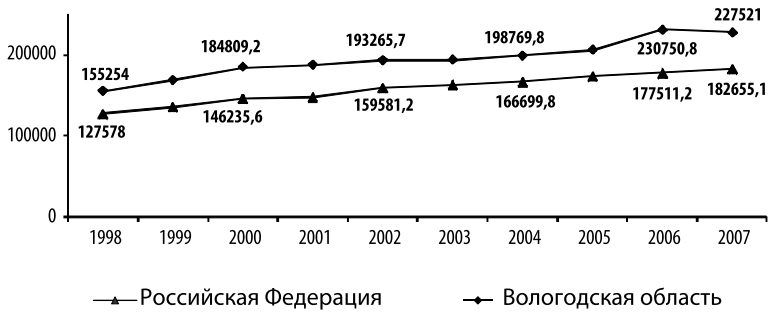


Рисунок 39. Заболеваемость детей 0–14 лет (на 100 тыс. детей)[1]

области, однако третье ранговое место занимают инфекционные и паразитарные заболевания. При этом в России в период с 1998 по 2007 г. отмечалось снижение заболеваемости в этой группе, в то время как в Вологодской области произошел рост на 30%.

Наиболее значительный рост заболеваемости в анализируемый период в Российской Федерации зафиксирован в классе болезней крови и кроветворных органов (вдвое) и болезней мочеполовой системы (в 1,6 раза). В целом уровень заболеваемости по многим классам болезней в Вологодской области значительно превышает уровень России (исключение составляют заболевания мочеполовой системы, заболевания органов пищеварения).

Индикатор ухудшения состояния здоровья детей – рост числа детей-инвалидов. В Вологодской области за период с 2000 по 2008 г. детская инвалидность выросла на 21%, в 2008 г. по сравнению с 2007 г. – на 7% (см. *рис. 40*).

В целом по региону в возрастной структуре детской инвалидности наибольший удельный вес занимают дети в возрасте 10–14 лет (31%). В структуре заболеваний, приводящих к инвалидности, на первом месте в 2008 г. были психические расстройства (24%), на втором – болезни нервной системы (22%), на третьем – врожденные аномалии (21%). Анализ распределения детей-инвалидов по нарушениям в состоянии здоровья показал, что ведущими оказались нарушения здоровья, связанные с умственной деятельностью, – 1190 случаев (26%), далее следуют двигательные нарушения – 1090 (24%), на третьем месте висцеральные и метаболические нарушения – 1087 (23%).

[1] Статистический ежегодник Российской Федерации. – М.,2007; Статистический ежегодник Вологодской области: Стат. сб. – Вологда: Вологдастат, 2008.

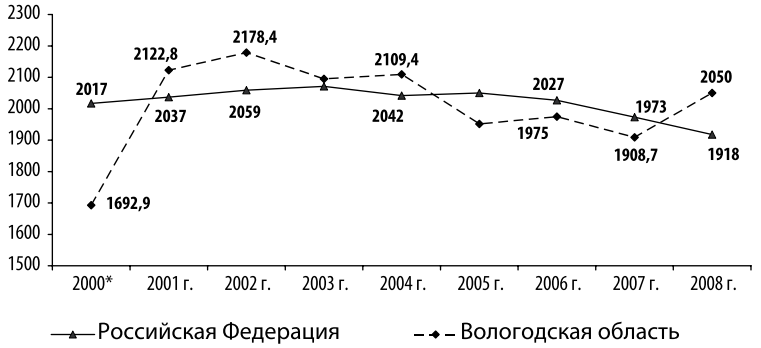


Рисунок 40. Инвалидность детей в возрасте 0–17 лет (на 100 тыс. детей)[1]
В возрасте 0–15 лет

Не менее тревожными представляются характеристики здоровья подростков. В Вологодской области в 2008 г. общая заболеваемость подростков по отношению к 2000 г. увеличилась на 6%, болезненность же – на 11%.

В Российской Федерации, Северо-Западном ФО и Вологодской области структура подростковой заболеваемости повторяет структуру детской заболеваемости. Первые места занимают болезни органов дыхания; травмы и отравления. Далее следуют болезни кожи и подкожной клетчатки, болезни органов пищеварения и мочеполовой системы.

У подростков в Вологодской области в 2007 г. по сравнению с Российской Федерацией и Северо-Западным ФО выше уровень заболеваемости крови и кроветворных органов, болезней глаза и уха. Заболеваемость органов пищеварения, системы кровообращения ниже федерального уровня.

Здоровье детского населения требует пристального внимания со стороны всех институтов, участвующих в его формировании. Отсутствие должного внимания к здоровью детей ведет к росту их заболеваемости, увеличению числа инвалидов, что в свою очередь требует повышения социальных расходов государства и не даст ожидаемого роста трудового, оборонного, репродуктивного потенциала регионов. Материалы государственной статистики характеризуют

[1] Справочно-информационные материалы службы охраны здоровья матери и ребенка в 2007 г. Данные оргметодкабинета статистики г. Вологды.

здоровье детской популяции в целом. Мониторинговое исследование здоровья детей, начатое в Вологодской области в 1995 г., позволяет увидеть детское здоровье и нездоровье на качественно ином уровне, позволяющем более подробно обсуждать проблему. Медико-социологический мониторинг – наиболее эффективный метод для изучения здоровья детей в условиях нестабильной социально-экономической ситуации в стране.

Данные мониторинга позволяют увидеть и оценить здоровье новорожденных детей за период с 1995 по 2004 гг. Из исследования видно, что произошло сокращение новорожденных детей с первой группой здоровья. Значительное сокращение детей с группой здоровья IIА (дети с минимальной степенью риска формирования хронических заболеваний), предполагающей осложнения в анамнезе ребенка, происходило не в сторону увеличения доли здоровых детей, а в сторону приращения числа детей со второй группой здоровья, у которых уже выявлены какие-либо функциональные отклонения. Доля новорожденных, имеющих хронические заболевания, наиболее значительна у детей 1998 г.р. Это объясняется тем, что период их вынашивания и рождения в 1998 г. совпал с периодом кризиса в экономике и социальной сфере, в том числе и в здравоохранении, что не замедлило сказаться на здоровье детей.

Доля детей со второй группой здоровья увеличивается с 29% в группе детей 1995 г.р. до 34% в группе детей 2004 г.р. В когорте 2004 г. отмечается значительное снижение удельного веса детей, имеющих функциональные отклонения, основная причина чего может быть в улучшении социальных условий в период вынашивания плода.

При переходе ребенка из начальной школы в среднюю (девять-десять лет) увеличилась группа детей, имеющих хронические заболевания: в когорте 1995 г.р. – на 5%. Очевидно, что в связи с возросшей в этот период обучения нагрузкой и адаптацией к изменившимся условиям у школьников обостряются «забытые» ранее болезни и формируются новые.

Гендерный анализ здоровья детей свидетельствует о том, что здоровье девочек лучше, чем здоровье мальчиков. В каждой из обследуемых когорт удельный вес девочек, имеющих первую группу здоровья, больше, чем мальчиков в течение всего наблюдаемого периода. В то же время доля мальчиков, имеющих хронические заболевания, выше соответствующей доли среди девочек.

Анализ показал значительные территориальные различия в здоровье детей. По статистическим данным наиболее высокие показатели

заболеваемости детей 0–14 лет в Вологодской области в 2007 г. зарегистрированы в Череповце, Вологде, Сокольском и Междуреченском районах. Наибольший прирост заболеваемости за период с 2000 по 2007 г. зарегистрирован в Череповце, в Белозерском, Усть-Кубинском, Междуреченском и Великоустюгском районах.

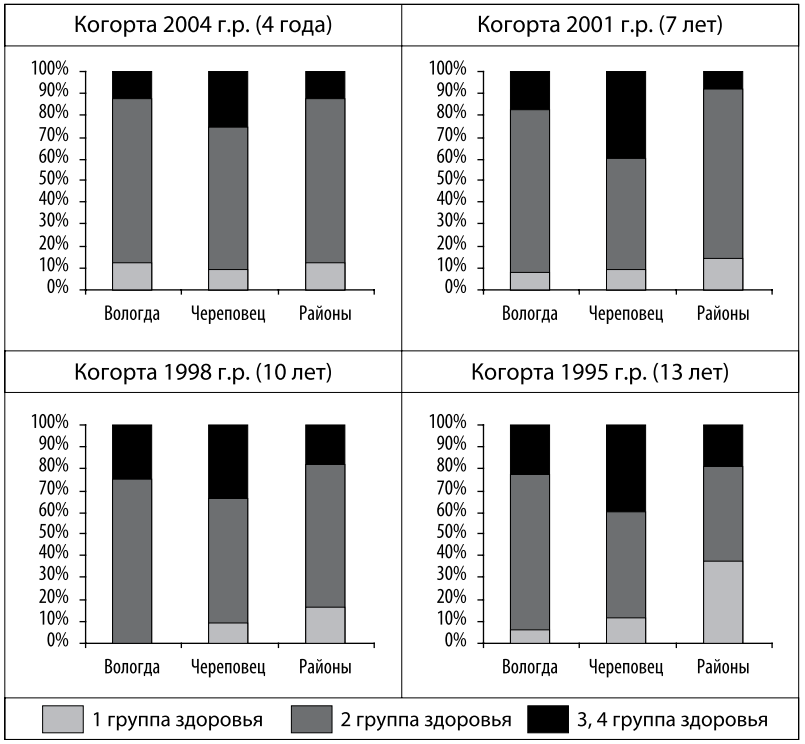


Рисунок 41. Территориальное распределение детей по группам здоровья в 2008 году *(удельный вес, в % от числа опрошенных)*

Данные мониторинга подтверждают статистические: состояние здоровья детей в городах Череповце и Вологде по оценкам врачей хуже, чем в районах (см. *рис. 41* на примере 2008 г.). Удельный вес детей с хроническими заболеваниями в городах больше в два-четыре раза, чем в районах.

Важная характеристика здоровья детей – *кратность заболеваний* (то есть число перенесенных острых заболеваний за анализируемый период). В зависимости от частоты заболеваний в году выделяют не болеющих детей, болеющих эпизодически (до трех раз в год), часто болеющих (четыре-пять раз в год), очень часто болеющих (шесть и более раз в год).

Гендерный анализ кратности заболеваний детей, участвующих в обследовании, показал, что девочки в раннем детстве более устойчивы к заболеваниям в сравнении с мальчиками, однако в возрасте старше пяти лет кратность заболеваний девочек становится больше, чем у мальчиков, и это соотношение сохраняется до 14 лет (самая старшая когорта).

Частые острые заболевания снижают иммунитет и повышают риск развития хронических патологий, что подтверждается данными исследования. Из *табл. 27* видно, что среди детей, которые не болели в течение года, 68% имеют первую группу здоровья. Всего треть детей (32%), болевших эпизодически, по оценкам педиатров абсолютно здоровы, а среди часто болеющих нет детей с первой группой здоровья.

Таблица 27.

Зависимость здоровья детей от кратности заболеваний, 2008 год

(в % от числа опрошенных, когорта 1995 г.)

Кратность заболеваний	I группа здоровья	II группа здоровья	III группа здоровья
Не болел	68,4	30,6	29,0
Эпизодически болел	31,6	64,5	61,3
Часто болел	0,0	3,2	9,7

На основе сведений о кратности заболеваний обследуемых детей мы имели возможность построить индекс здоровья детей в различных возрастах. Традиционно данный показатель вычисляется по формуле[1]:

$$\text{Индекс здоровья} = \frac{\text{Число ни разу не болевших детей за определенный временной интервал}}{\text{Число обследуемых детей в когорте}} \times 100$$

[1] Методические рекомендации по комплексной оценке состояния здоровья детей и подростков при массовых врачебных осмотрах. № 08–14/4 от 27.04.82. – М., 1982.

Проведенный анализ показал, что индекс здоровья выше у детей в первый год жизни, далее снижается и нарастает к 10–14 годам (см. *табл. 28*). В то же время обращает на себя внимание то, что в когорте 1995 г. дети имеют более крепкое здоровье, чем в последующих. Наиболее низкие значения индекса отмечены в когортах 1998 и 2001 гг.

Таблица 28.

Индекс здоровья детей (в%)

Возраст детей	Величина индекса здоровья			
	Когорта 1995 г.	Когорта 1998 г.	Когорта 2001 г.	Когорта 2004 г.
Один год	34,9	20,7	10,7	18,7
Два года	15,2	4,9	4,7	11,3
Три года	14,3	6,3	7,7	4,8
Четыре года	14,5	13,1	9,8	8,9
Пять лет	12,9	12,9	15,4	16,9
Шесть лет	19,3	21,5	16,2	-
Семь лет	18,0	16,0	18,7	-
Восемь лет	26,5	29,9	24,3	-
Девять лет	26,8	21,5	-	-
Десять лет	20,0	29,9	-	-
11 лет	33,9	32,9	-	-
12 лет	38,4	-	-	-
13 лет	36,9	-	-	-
14 лет	35,8	-	-	-

Анализ кратности заболеваний в территориальном разрезе показал, что чаще болеют дети в Череповце и Вологде, чем в районных городах и поселках во всех обследуемых когортах (*рис. 42*).

Однако с другой стороны, низкие показатели частоты заболеваний и меньший удельный вес детей с хроническими заболеваниями могут быть обусловлены не только лучшим здоровьем детей в районных городах и поселках, но и низкой медицинской активностью их семей, а также меньшей выявляемостью заболеваний, более низким качеством работы районных служб здравоохранения.

В сельской местности очевидна недоукомплектованность педиатрическими кадрами. Наибольшую остроту она имеет в Никольском,

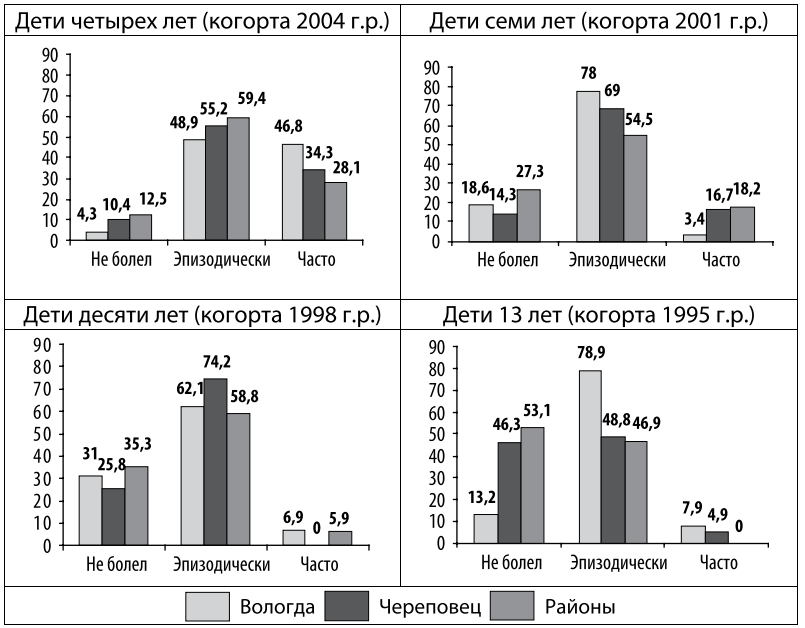


Рисунок 42. Кратность заболеваний детей. Территориальный срез
(в % от числа опрошенных)

Бабушкинском, Сямженском и некоторых других районах. Это приводит к более низкому качеству медицинских осмотров, отсутствие полного состава врачей-специалистов влечет за собой позднюю и неполную выявляемость хронических заболеваний у детей.

Данные мониторинга позволяют дать оценочную характеристику доступности медицинских услуг. Результаты исследования показали, что в районах по сравнению с городами семьи отмечают меньшие возможности получения своевременного лабораторно-диагностического исследования, более низкую доступность квалифицированной помощи педиатра, врачей-специалистов (см. *рис. 43*).

Более того, в период с 1998 по 2008 гг. по оценочным характеристикам снизилась доступность лабораторно-диагностического обследования (с 7,2 до 6,6 баллов по десятибалльной шкале), консультаций специалистов (с 7,3 до 5,6 баллов), своевременной квалифицированной помощи врачей-специалистов (с 6,2 до 5,3 баллов).

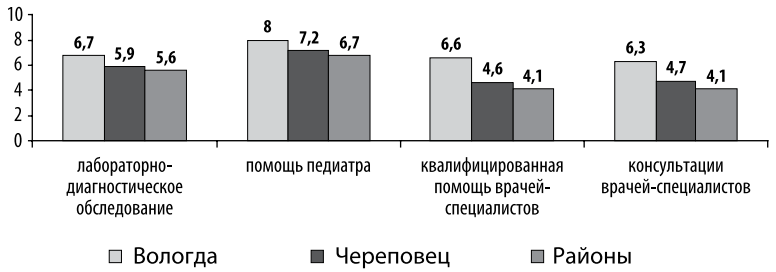


Рисунок 43. Оценка доступности медицинских услуг, 2008 год *(по десятибалльной шкале средний балл, когорта 1995 года)*

Один из показателей уровня здоровья – физическое развитие. Оно отражает процессы роста и развития организма на отдельных этапах онтогенеза (индивидуального развития). В анкетном исследовании врачам было предложено дать комплексную оценку физического развития ребенка. Педиатры оценивали развитие детей по следующим признакам: нормальное, соответствующее возрасту; дефицит массы тела первой степени; дефицит массы тела второй степени; избыток массы тела первой степени; избыток массы тела второй степени.

В период дошкольного детства наибольшая доля детей с нормальным физическим развитием отмечается в пять лет (86%, когорты детей 1995 и 2004 гг.р.). В период школьного обучения становится больше детей с дефицитом и избытком массы тела, но со временем имеющаяся ранее дифференциация в физическом развитии сглаживается. Так, в период с девяти до 14 лет доля детей с нормальным физическим развитием увеличилась с 63 до 80%, сократилась доля детей с дефицитом массы тела с 14 до 9% и с избытком массы тела с 9 до 7%. Здоровье и физическое развитие детей взаимосвязаны и обусловливают друг друга. Все дети, которых педиатры относят к I группе здоровья, имеют нормальное, соответствующее возрасту физическое развитие. Больше всего детей II, III и IV групп здоровья имеют какие-либо нарушения физического развития (см. *рис. 44*).

Территориальный анализ свидетельствует о том, что большая доля детей с нормальным физическим развитием проживает в Вологде. В Череповце чаще встречаются дети с избытком массы тела, особенно среди восьмилетних детей. Кроме того, дети, проживающие в Череповце, отличаются от своих сверстников в Вологде и районах

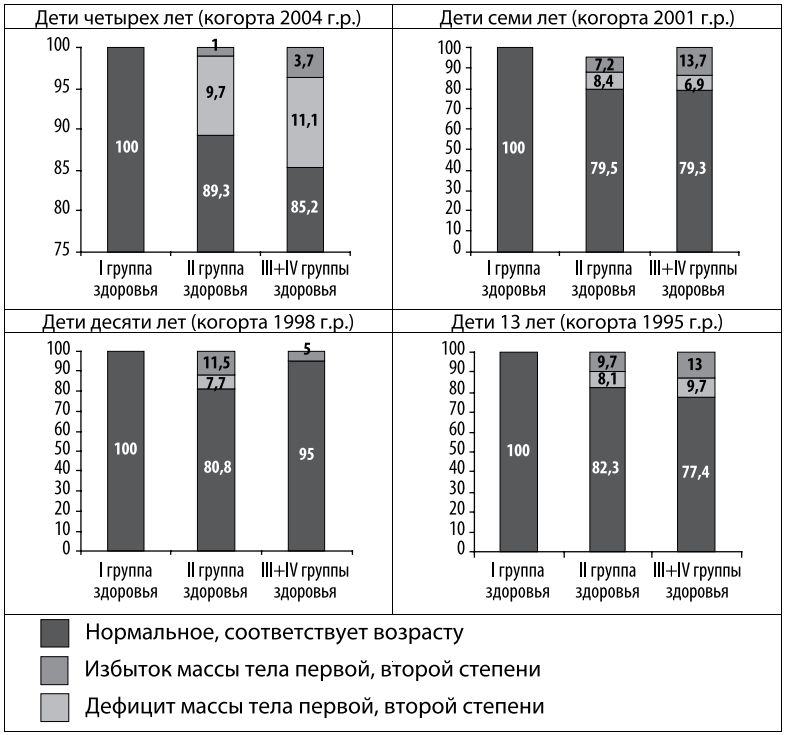


Рисунок 44. Зависимость физического развития ребенка от группы здоровья *(в % от числа опрошенных)*

более высоким ростом (в среднем на 3 см) и большим весом (в среднем на 1,7 кг).

Гендерный анализ физического развития показывает, что девочки реже имеют отклонения от нормы в физическом развитии. Также девочкам в возрасте 11–14 лет более свойственен дефицит массы тела в отличие от мальчиков, где среди отклонений превалирует избыток (см. *рис. 45*).

Обобщая данные о здоровье детей, отметим, что здоровье новорожденных детей в период с 1995 по 2004 г. ухудшалось как в РФ, так и в Вологодской области. Значительное снижение заболеваемости новорожденных детей в Вологодской области отмечается в 2005–2007 гг., что связано с осуществлением национального проекта «Здоровье» и целевых региональных программ.

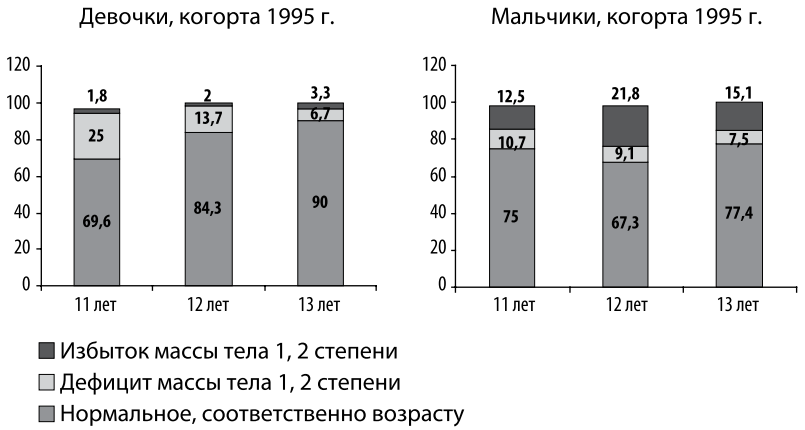


Рисунок 45. Комплексная оценка физического развития детей; гендерный срез *(когорта 1995 г., в % от опрошенных)*

Происходит значительное снижение потенциала здоровья детей уже в течение первого года жизни: во всех наблюдаемых когортах к одному году происходит удвоение доли детей с выявленными хроническими заболеваниями при снижении удельного веса детей с первой группой и особенно с группой здоровья IIА.

В возрастном промежутке с четырех до семи лет происходит значительное снижение потенциала здоровья детей, особенно в год, предшествующий поступлению в школу (с шести до семи лет). Это неблагоприятный фактор, так как обучение в школе увеличивает физическую и психоэмоциональную нагрузку на детский организм. Увеличение нагрузок может привести к дальнейшему ослаблению здоровья, что непременно скажется на успеваемости и адаптации детей к новым социальным условиям. Особенно тревожным на этом фоне выглядит ослабление внимания медицинского персонала к категории детей, имеющих вторую группу здоровья. Часты случаи отнесения их к группе здоровых только на основании редкой обращаемости.

К 11 годам у детей в силу физиологических особенностей укрепляется иммунная система, сокращается число детей, часто болеющих простудными заболеваниями, однако увеличивается заболеваемость опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, снижается острота зрения, то есть растет число хронических патологий.

В районах доля детей с хроническими заболеваниями несколько ниже, чем в городах Вологде и Череповце. Основная причина этого – на наш взгляд, более низкая доступность и уровень предоставляемых медицинских услуг на селе, и как следствие слабая выявляемость хронических заболеваний.

Оправданное и необходимое усиление внимания медицинских работников к здоровью детей дошкольного возраста соседствует в медицинских учреждениях с ослабленным вниманием к здоровью школьников. Вопросам снижения младенческой смертности, улучшению здоровья новорожденных уделяется большое внимание на государственном и региональном уровнях, увеличивается финансирование для поддержания деятельности соответствующих служб. Однако для сохранения здоровья детей недостаточно уделять внимание только периоду новорожденности. Внимания требует весь период детства, ведь на всем его протяжении растет и формируется детский организм. При отсутствии должного внимания к здоровью уже родившихся детей регистрируется рост заболеваемости детских контингентов, увеличение числа инвалидов, что в свою очередь ведет к увеличению социальных расходов государства и не даст ожидаемого роста трудового, оборонного, репродуктивного потенциала региона и страны в целом.

Все это диктует необходимость самого серьезного отношения к проблеме сохранения и укрепления здоровья детей и подростков, которая представляет собой основу формирования репродуктивного и трудового потенциала и в целом человеческого капитала государства.

Таким образом, в исследовании выявлены факторы риска, оказывающие заметное воздействие на здоровье детей: неудовлетворительное здоровье матери в период беременности, курение матери и других родственников, неблагоприятные экологические условия, неблагоприятные жилищные условия, низкий уровень медицинской активности семьи.

Распространенность перечисленных факторов риска довольно высока. Лишь 6% семей благополучны, в остальных присутствуют данные факторы в различных сочетаниях. Более чем в трети семей отмечаются два каких-либо фактора риска, около 20% сочетают три фактора риска.

Наибольшая доля здоровых детей воспитывается в семьях, где негативные факторы отсутствуют (33%) или представлен лишь один из них (21%). Наибольший удельный вес детей, имеющих хронические заболевания, – в семьях, сочетающих четыре (25%) и пять (33%) факторов риска.

Результаты анализа показывают, что факторы риска сконцентрированы в семьях с низкими доходами. Недостаточная материальная обеспеченность семьи обусловливает недостаток в семье продуктов питания, невозможность в полной мере приобретать средства по уходу за ребенком, обращаться к платным специалистам, пользоваться дополнительными медицинскими услугами, что сказывается на неудовлетворенности родителей медобслуживанием.

Подведем некоторые итоги:

1. Здоровье детей ухудшается. За период 1998–2007 гг. уровень заболеваемости детей в возрасте 0–14 лет увеличился в Российской Федерации на 43%, в Вологодской области – на 39%. Рост заболеваемости отмечался по всем основным классам болезней, преимущественно за счет хронических заболеваний. В то же время благодаря осуществлению национального проекта «Здоровье» и целевых региональных программ в 2005–2008 гг. в Вологодской области произошло заметное снижение заболеваемости новорожденных детей.
2. Лонгитюдное исследование здоровья и развития детей в Вологодской области позволило выявить, что наблюдается снижение потенциала здоровья детей, полученного при рождении, причем ухудшение здоровья происходит поэтапно, ступенчато.
3. Основными критическими периодами детства признаны первый год жизни (среди новорожденных доля здоровых детей и детей с минимальным риском потери здоровья составляет 60–40%, к одному году она снижается до 20–15%) и возраст от шести до семи лет (удельный вес детей, имеющих хронические заболевания, увеличивается в среднем на 5–6%), что связано с наиболее ответственными моментами социальной адаптации.
4. Среди детей, проживающих в районных городах и поселках, доля детей с хроническими заболеваниями меньше, чем в Вологде и Череповце. Это может быть обусловлено не только лучшим здоровьем детей в районных городах и поселках, но и низкой медицинской активностью их семей, более низким качеством работы районных служб здравоохранения и как следствие – меньшей выявляемостью заболеваний, чем в крупных городах.
5. Проведенный анализ позволил выявить факторы, оказывающие статистически существенное влияние на здоровье детей. Установлено, что в различные возрастные отрезки воздействие факторов неодинаково.

В раннем детстве наиболее значительное влияние на здоровье детей оказывают следующие факторы:

Плохое здоровье родителей. Так, матери здоровых детей в 65% случаев имели хорошее и отличное здоровье, а у больных детей – только 51%. В то же время у больных детей матери значительно чаще имели удовлетворительное здоровье (43%), чем у здоровых (35%). У матерей с «удовлетворительным» здоровьем дети в четыре раза чаще имеют хронические заболевания, чем у матерей с «отличным» здоровьем.

Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности: у женщин, страдавших анемией во время беременности, всего 29% детей родились здоровыми, за год удельный вес детей с первой группой здоровья снизился до 8%, в два года – до 7%, в три года составил чуть больше 1%. В то же время в Вологодской области среди заболеваний, предшествующих беременности или возникших во время нее, с 1995 по 2007 г. основную долю составляли анемии – 35%.

Вредные привычки матери, в частности курение, увеличивают риск рождения маловесных детей. У женщин, продолжавших курить и во время беременности, удельный вес детей, родившихся с нормальным весом, составил всего 3–14%. Доля здоровых детей у курящих во время беременности матерей в четыре раза меньше, чем у некурящих. Распространенность курения среди беременных женщин значительно возросла (с 3% в 1995 г. до 13–15% в последующих когортах).

Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам. В когорте 1995 г. матери больных детей значительно чаще работали в запыленных условиях (12,5% против 8,8% у здоровых), при повышенной температуре (12,5% против 2,9%), в психическом напряжении (37,5% против 29,4%), в ночное время (12,5% против 1,5%). Данный фактор также широко распространен в популяции: так, в регионе в 2006 г. 26% женщин трудились в не отвечающих санитарным нормам условиях, в то время как в 2000 г. этот показатель не превышал 7%.

Здоровье детей в первый год жизни во многом определяется характером вскармливания младенца. По данным мониторинга, дети, находящиеся на грудном вскармливании, в два раза реже болели по сравнению с детьми, получавшими искусственное питание.

При формировании здоровья детей в дошкольном и школьном возрасте значимыми становятся несколько иные факторы, чем в младенческом. Увеличивается удельный вес факторов среды обитания,

образа и уровня жизни семьи, снижается воздействие медико-биологических факторов.

- Ослабленное здоровье детей в первый год жизни усиливает риск формирования хронических заболеваний в старшем возрасте. У детей, не болевших на втором году жизни, к пяти годам не было хронических заболеваний, в то время как среди детей, которые часто болели в два года, к пяти годам 10% имели хронические заболевания, к восьми годам – 30%.
- Уровень жизни семьи оказывает значительное влияние на формирование здоровья детей, оно часто опосредовано. Низкие доходы семей лимитируют возможность организации полноценного питания детей и вложения средств в профилактику и укрепление их здоровья. При этом около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности. В то же время в период с 2000 по 2008 г. в связи с оживлением в экономике отмечался рост заработной платы. Некоторое улучшение в данный период выявлено и в субъективных оценках покупательной способности семей, участвующих в мониторинге. Отмечено увеличение с 27% до 38% доли респондентов, указывающих, что денег достаточно на все текущие расходы. Число семей, считающих, что денег хватает только на ежедневные расходы, но покупка одежды и других вещей представляет трудности, уменьшилось соответственно с 53% до 37%.

Данные обследования доказывают, что при недостаточном, несбалансированном питании дети чаще болеют, а ограниченность родителей в средствах затрудняет приобретение необходимых лекарственных препаратов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что факторы риска, ведущие к ухудшению здоровья детей, сконцентрированы в семьях с низкими доходами.

- Важный фактор, влияющий на здоровье, – жилищные условия, в которых проживают дети. Дискомфорт микроклимата жилища (теснота, некомфортная температура, влажность, запыленность) приводит к ослаблению возможностей общего сопротивления организма, снижению иммунитета, что в свою очередь становится предпосылкой возникновения частых респираторных и аллергических заболеваний. Негативное влияние условий проживания с течением времени накапливается. Более половины семей в исследовании оценили свои жилищные условия как удовлетворительные, однако 13–18% респондентов указывали, что проживают в плохих либо требующих капитального ремонта домах и квартирах.

- На формирование здоровья детей существенное влияние оказывают экологические условия в районе проживания. Загрязненный воздух, плохое качество питьевой воды негативно влияют на здоровье ребенка. Так, в когорте 1998 г. хорошее здоровье имели 33% детей, проживающих в благоприятных экологических условиях, и 17% – в семьях с плохими экологическими условиями в месте постоянного проживания. Подобные данные получены и в другие годы обследования. В то же время следует отметить, что в среднем 28% детей (по оценке родителей) проживают в плохих или очень плохих экологических условиях. Оценка экологических условий за период с 1995 по 2008 г. существенно не изменилась.
- Низкий уровень социально-гигиенической грамотности и медицинской активности родителей сказывается на здоровье детей отрицательно. Часто родители не предпринимают даже элементарных усилий для сохранения здоровья своих детей – таких, например, как закаливание, диетпитание. Вместе с тем среди закаленных в полтора-два раза больше детей с крепким здоровьем – первой группы. В отношении организации диетпитания, своевременных консультаций квалифицированных специалистов (мероприятий не очень дорогих, но эффективных) суждения семей и педиатров значительно разнятся. По мнению медиков, диетпитание требуется 18–23% детей, родители считают необходимым его соблюдение лишь в 2–5% семей.

Медицинская активность семьи по мере взросления детей падает. Так, если в раннем детстве 84% родителей всегда обращались к врачам при острых заболеваниях и обострениях хронических заболеваний ребенка, то к 13 годам – всего 69%. Изменяются и мероприятия семьи по поддержанию здоровья. Своевременное посещение врача и соблюдение режима и правил питания остаются среди приоритетов семей, воспитывающих как детей младшего возраста, так и подростков. В то же время закаливание, совместные занятия зарядкой и прогулки популярны только в семьях, воспитывающих детей более младшего возраста.

В связи с вышеизложенным становится очевидной необходимость проведения профилактических мероприятий по укреплению здоровья детей до их рождения.

Основными направлениями представляются:

1. Повышение ответственности бизнеса за соблюдение санитарных норм в организациях и на предприятиях, совершенствование законодательной базы в отношении улучшения условий труда, особенно для беременных женщин.

2. Снижение распространенности курения среди населения. Этому могут способствовать повышение цен на табачные изделия, создание зон, свободных от табака, на территориях муниципальных образований, развитие волонтерского движения в подростковой среде, формирование разъяснительных видеоматериалов о влиянии никотина на здоровье матери и ребенка и демонстрация их в женских консультациях, центрах планирования семьи, при беседах с подростками.
3. Организация дополнительного кормления беременных женщин и кормящих матерей из малообеспеченных семей для предоставления им необходимого количества питательных веществ и снижения риска развития анемий. Дополнительное питание может быть рекомендовано акушерами-гинекологами или участковыми педиатрами и выдаваться в торговой сети (магазины, аптеки, молочные кухни).
4. Повышение уровня жизни населения в целом и в первую очередь – семей, воспитывающих детей. Существующая в настоящее время государственная поддержка недостаточна. Важно увеличить пособие по уходу за ребенком до уровня среднемесячной заработной платы матери. Пособие может выплачиваться на паритетных началах государством и предприятием (по месту работы матери либо отца).
5. Расширение возможностей молодых семей в приобретении и улучшении жилищных условий через совершенствование механизмов ипотечного кредитования (современный механизм малопригоден для большинства молодых семей, воспитывающих малолетних детей). Вовлечение бизнеса в строительство ведомственного, служебного жилья возможно на долевых условиях с последующим его выкупом работниками.
6. Ужесточение государственного контроля над соблюдением экологических норм деятельности предприятий, снижение транспортной загруженности магистралей в крупных городах, широкое распространение бытовых приборов, смягчающих воздействие агрессивной среды обитания: воздухоочистителей, водоочистителей.

3.4. Психическое здоровье детей в условиях модернизирующегося общества

За последние 15 лет в России количество взятых под наблюдение подростков с впервые установленным диагнозом «наркомания» – увеличилось в два раза, «токсикомания» – в три раза. Численность детей, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя, составила на 100 тыс.: в 1995 г. – 14,4; в 2000 г. – 27,8; в 2005 г. – 38,8; в 2006 г. – 36,6, а число подростков с психическими расстройствами непсихотического характера, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ), на 100 тыс. равнялось в 1990 г. – 680,8 чел.; в 1995 г. – 648,7; в 2000 г. – 484,8; в 2005 г. – 480,0; в 2006 г. – 501,0 чел.

На фоне развивающейся сети психиатрической, психотерапевтической и медико-психологической помощи населению страны увеличилось число подростков, которым оказывается консультативная и лечебная помощь: на 100 тыс. подростков в 1990 г. – 532,4; в 1995 г. – 885,1; в 2000 г. – 1338,4; в 2006 г. – 2006,9. Заболеваемость подростков психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением наркотических веществ, за последнее десятилетие снизилась почти в три раза, но заболеваемость, связанная с токсикоманиями, остается практически на прежнем уровне.

Напрашивается вывод, что в стране не произошло качественного прорыва в разрешении данной проблемы, если рассматривать ее в ключе модернизационных процессов, протекающих в России в настоящее время.

Серьезные проблемы здоровья населения России обусловлены низким уровнем жизни, низкими доходами, низким уровнем занятости населения, на фоне которых развивается процесс социально-психологической дезадаптации и депривации широких масс населения страны. Бедность и безработица порождают распространение традиций социально безответственного поведения, оказывают разрушительное влияние на психический потенциал человека, что ведет к потере его жизнеспособности, деморализует семейный уклад жизни. К становлению рыночных отношений в стране смогли адаптироваться не более 10–15% населения[1]. Уровень адаптации населения

[1] РОССИЯ-1997. Социально-демографическая ситуация: VII ежегодный доклад / Под ред. Н.М. Римашевской, Е.Н. Яковлевой. – М.: РИЦ ИСЭПН, 1998. – С. 18.

к сложившимся в стране условиям следует рассматривать как важнейший критерий эффективности социального реформирования современного общества.

В России проблемы адаптационного процесса определяются не только глубокой трансформацией системы жизненных ценностей и стереотипами формирующегося социально-экономического поведения, но и высокой степенью неустойчивости самой социальной сущности реформирования, которая далеко не всегда ориентирована на развитие адаптационных возможностей населения. Экспертами ЮНИСЕФ (1994) установлено, что психосоциальные факторы и в частности социальный стресс получают все больше признания в качестве важных причин широкого распространения сердечных заболеваний, высокого давления, язвенной болезни, цирроза печени, алкогольного психоза и самоубийств.

Возникновение психогенно обусловленных соматических (функциональных) расстройств в детском и подростковом возрастах за счет высокой частоты и выраженности дезадаптирующего воздействия ведет к значительному снижению психического здоровья детского и подросткового населения страны, способствует более быстрому формированию психосоматических заболеваний на ранних возрастных этапах и в последующий период взрослой жизни

Пусковые факторы в формировании психологического и психического неблагополучия у детей и подростков – неблагоприятный семейный, гигиенический и социальный микроклимат, порождаемый чрезмерной занятостью родителей из более состоятельных слоев общества и, наоборот, социальной неустроенностью родителей из малообеспеченных групп населения (эгоизм родителей, снижение их ответственности и авторитета, неправильные подходы к обучению и воспитанию ребенка, плохое жилье, питание, бедность); перегруженность детей в школах или, напротив, отсутствие возможностей для дополнительного обучения, удовлетворения потребностей и интересов ребенка; проблемы компьютеризации и особенно «интернетизации» школ в ущерб изучению и освоению национального классического культурного наследия. Необходимо отметить предоставленность подростков самим себе: там, где они трудятся и где проводят свободное время, нередки хищения, различные преступления, вовлечение подростков в пьянство, употребление наркотиков.

На формирование психического здоровья подрастающего поколения наряду с генетическими предпосылками также существенно вли-

яют проблемы сиротства, нищеты и беспризорности, последствий терроризма, явного и скрытого насилия, педагогической запущенности, общей и учебной невротизации, информационного бума, коммерциализации жизни, миграции населения, ломки национальных традиций, идеологического вакуума, разобщенности поколений, расслоения общества, экологических катастроф и общего неблагополучия окружающей среды.

Кризисные социальные процессы обусловливают увеличение острых реактивных состояний, посттравматических стрессовых расстройств, патологической агрессивности и вандализма, рост социально-психологического инфантилизма, различных форм школьной дезадаптации, а также ведут к развитию аддиктивных состояний и их психологических аналогов – компьютерного синдрома, религиозно-сектантской метафизической интоксикации и др.

Решение проблем детско-подросткового психического здоровья в формах профилактики, лечения и реабилитации в настоящее время требует, чтобы специалисты по психическому здоровью (психологи, психотерапевты, психиатры) создавали свои форпосты приближенными к повседневным условиям жизни детей и подростков (проблемы школьной дезадаптации – в школе, психосоматические

проблемы – в педиатрическом стационаре, проблемы детской преступности – в пенитенциарных учреждениях, проблемы сиротства – в домах ребенка, приютах и детских домах и т.д.).

По оценке специалистов, около 60% детей страдают неврозоподобными состояниями и психосоматическими расстройствами вследствие психотравм детского возраста, минимальных мозговых дисфункций, развивающихся в результате проблем, связанных с поведением или состоянием здоровья будущих матерей. В течение нескольких последних лет отмечается выраженное ухудшение состояния здоровья, фиксируется резкий рост частоты дезадаптационных нарушений в детско-подростковой среде, в результате чего значительно увеличилось число суицидов, проявлений агрессии и вандализма, асоциальных, в том числе криминальных форм поведения, употребления психоактивных веществ.

У 62% детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях, с раннего детства обнаружена задержка соматофизического и психического созревания с нарушениями интеллекта, личностной незрелостью, признаками депривационного развития личности, у 43,7% детей-сирот и 77,3% детей из конфликтных семей – соматоформные или психосоматические расстройства, затяжные реакции на стресс; у 22–23% – стойкие отклонения поведения с характерологическими и патохарактерологическими реакциями. Частота пограничных психических расстройств среди детей всех возрастов, воспитанников и учащихся различных образовательных учреждений колеблется (по разным регионам) от 22,5% до 71%. Около 40% детско-подростковой популяции страдают психосоматическими расстройствами.

В целом по Российской Федерации доля детей и подростков (возрастные группы 0–14, 14–17 и 18–19 лет) в общем числе больных с психическими расстройствами и расстройствами поведения составляет около трети (33%) всей зарегистрированной заболеваемости. Одной из наиболее значимых причин психических заболеваний и инвалидности детей оказался алкоголизм родителей.

Социальную депривацию предопределяют качество жизни, нравственные ценности и особенности поведения. Статистические данные свидетельствуют о том, что распространенность психических расстройств среди подростков 15–17 лет на 23% выше, чем у детей до 14 лет, и в 2,8 раза выше, чем у взрослых.

В России сложилась весьма неблагополучная ситуация с потреблением психоактивных веществ среди подрастающего поколения. Ситуация характеризуется высокими показателями распространенности,

большими по численности группами риска, положительной динамикой дальнейшего роста.

Для алкоголизации подростков-школьников 15–17 лет крупных городов России периода 1990-х гг. характерны:

- выход алкоголизации подростков в большей своей части из-под контроля семьи, выражающийся в замене традиционного употребления на праздники в кругу семьи на употребление в группе друзей вне семьи;
- омоложение алкоголизации, заключающееся в увеличении интенсивности приобщения к алкоголю детей в возрасте от 11 до 14 лет.

Наряду с этим существенно ухудшилась ситуация в отношении употребления наркотических и токсических веществ. Неблагоприятные сдвиги произошли в возрастной структуре приобщения к наркотикам: возрастной порог первого знакомства с наркотически действующими веществами снизился у мальчиков до десяти лет, у девочек – до 11–12 лет, а пик приобщения к наркотикам сместился в возрастной интервал 13–14 лет. Основным мотивом первой пробы наркотиков становится любопытство, а продолжение употребления обусловлено мотивацией формирующейся зависимости.

Факторы риска развития зависимостей в детском и подростковом возрасте – высокий уровень девиантного поведения, несоблюдение здорового образа жизни, комплекс неблагоприятных условий жизни и высокий уровень (до 50%) неблагополучных семей – конфликтных, неполных, материально необеспеченных семей с неудовлетворительными жилищными условиями, а также некорректное воспитание подростка в семьях с большим материальным достатком, вовлечение в аномальное групповое поведение. Среди всех факторов, оказывающих влияние на возникновение зависимостей, немалое значение имеет структура семьи, в частности фактор неполной семьи, а также неблагоприятный характер взаимоотношений с родителями.

Проблему заболеваемости детей и подростков алкоголизмом и наркоманией необходимо рассматривать в контексте широкого спектра форм девиантного поведения – правонарушения, суицидальное поведение, поведение несовершеннолетних, связанное с риском, с выражением агрессии, направленной на внешний мир и на себя. Форма, выбираемая ребенком или подростком, зависит от конкретных жизненных обстоятельств.

Задача помощи страдающим зависимостями несовершеннолетним по существу междисциплинарна и охватывает психиатрию, психотерапию, медицинскую психологию и медико-социальную

деятельность. Может идти речь о создании единого эффективно действующего реабилитационного пространства в отношении несовершеннолетних, страдающих психическими расстройствами и потребляющих психоактивные вещества.

Мировой опыт свидетельствует, что только полицейскими методами проблема не разрешается. Достигается это благодаря тщательно подготовленной, продуманной долгосрочной многоступенчатой программе.

Как мы видим, социально-экономическая обусловленность психического здоровья детей и подростков придает актуальность микросоциологическому подходу к проблемам народонаселения. Данную область описывает триада неразрывно связанных категорий – образ жизни, уровень жизни, качество жизни. Указанный подход предполагает смещение модернизационной политики государственных структур в сторону учета интересов относительно небольших групп населения.

Широко известно, что практически во всех индустриально развитых странах государство играло и продолжает играть существенную роль, стабилизируя инфраструктуру экономической системы в условиях рыночных перемен. Именно государство обеспечивает свободу и необходимые «правила игры» в экономической деятельности, гарантию прав собственника и потребителей, защищая таким образом рыночную среду. Опыт российского государства и многих других модернизирующихся стран показывает, что реформы зачастую приводят к удовлетворению интересов только небольшой части общества, ухудшая условия существования широких слоев населения, как это произошло в России в 90-е гг. XX в. В свою очередь, негативным влиянием социальных факторов блокируется дальнейшее развитие российской экономики. В настоящий момент уже ощущается нехватка «человеческого потенциала», способного содействовать развитию современных конкурентоспособных направлений рынка. Указанный дефицит связан не только с низкой рождаемостью и высокой смертностью, но и с низкой мотивацией российского населения к производительному труду, неверием россиян в то, что от результатов их труда зависит в какой бы то ни было степени их благосостояние.

В качестве важнейших ориентиров социальной политики государства называют стимулирование мотивации экономической активности человека, создание возможностей обеспечивать своим трудом достойный уровень жизни. Проведение такой стратегической

линии требует серьезных сдвигов в общественном сознании, в сложившейся системе ценностей; преодоления многолетних стереотипов, привычки российского человека рассчитывать не на свои силы, а на благодеяние властей. Этот момент уместно определить как точку критического расхождения с течением модернизационных процессов по западному образцу.

Последствия социально-экономических изменений возвращаются в хозяйственную практику через сознание и поведение людей. Отрицательный кумулятивный эффект негативных изменений социальной сферы может оказывать длительное дестабилизирующее влияние на общество даже при изменении экономического положения в лучшую сторону. Для преодоления социального кризиса переходного периода и достижения баланса общенациональных, государственных, групповых и индивидуальных интересов необходима разработка единой и целостной социальной стратегии со стороны государства, ясной и понятной населению, рассчитанной на его поддержку, способной восстановить доверие к государственной власти.

В национальной программе по сохранению физического здоровья должен появиться раздел сохранения морального здоровья нации. В программе следует четко прописать ответственность государства и общества, ответственность здравоохранения и каждого человека в процессе самосохранения здоровья людей для своего блага, а также их потомства, как это принято в цивилизованных обществах. И начинать эту работу необходимо с мощной пропаганды, которая должна быть активно и агрессивно внедрена, чтобы дойти до сознания каждого.

Ведущим фактором восстановления здоровья детей и подростков выступает стратегия развития психиатрической, медико-психологической и психотерапевтической помощи данному контингенту на базе экономически обоснованной модели организации медицинской помощи по сетевому принципу с учетом комплексного маркетингового исследования потребностей населения в вышеперечисленных видах помощи, а также экономических и организационно-управленческих возможностей системы здравоохранения страны.

3.5. Девиантное поведение в молодежных субкультурах[1]

В последние два десятилетия заметно увеличение динамической сложности современных обществ. Для них характерны открытость культурам мира, неравномерность социума, разрушение привычного образа жизни, кардинальное изменение статуса самой реальности: экономической, политической, социальной. Она уже не выглядит закономерно развивающейся, имеющей преемственную связь с прошлым опытом, традициями, привычками, и становится приблизительной, необязательной, неопределенной, лишенной внутренних и внешних гарантов. В этих условиях социальное развитие молодежи составляет одну из важнейших проблем жизнедеятельности российского общества.

Существенное влияние на развитие и поведение молодых людей оказывают негарантированность, быстро меняющиеся «правила игры», которые приводят к трудным жизненным ситуациям, к неудовлетворенности жизнью. Они обусловливают выбор стратегий, конкретных способов решения проблем и моделей поведения. Изменения в сфере культуры и нормативно-ролевого комплекса имеют весьма интенсивный, а подчас и драматичный характер. Поиск новых ценностных ориентаций и смыслов самым существенным образом был связан с поиском молодыми людьми новых форм организации социальной жизни и деятельности, экспериментированием в формах семьи, стиле жизни, организации труда, досуга, созданием альтернативных систем ценностей и идеологий. В рамках этого процесса разворачивается сексуальная революция, осуществляется поиск новых форм организации трудовой деятельности, связанной не столько с принципами их рыночной эффективности, сколько с реализацией смысла и значения самого труда, наблюдается появление «постматериалистической» системы ценностей и жизненных ориентаций, альтернативных стилей жизни, рост массовых молодежных движений и идеологий, таких, например, как движение хиппи, новых стилей в музыке и изобразительном искусстве, массовых антивоенных, экологических и других движений протеста. Поиск новых социальных форм и смыслов часто приобретал формы контркультурной критики цивилизации и выражал себя в массовых молодежных движениях.

[1] При участии д. соц. н. Н.Л. Смакотиной (МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет).

Сегодня в России широко распространены молодежные субкультуры. В литературе подробно описывается история их появления в странах Запада, установки, ценности, образ жизни, практики, динамика изменений в отдельных регионах страны. Существует мнение, что субкультурные движения не имеют реальной социальной, экономической и культурной почвы, несмотря на попытки привлечь в качестве исторической основы произведения классического искусства[1] или дискредитированные политические манифесты.

Деструктивные явления, возникающие на почве участия в субкультурных движениях – потребление наркотиков, хулиганство, преступления, суициды, – требуют адекватного научного анализа этих явлений. Так, за период с 1991 по 2006 г. среди детей и подростков произошел резкий рост отравлений, психических патологий, травм и инвалидности (в 1991 г. – 6780,4 на 100 тыс. детского населения, а в 2006 г. – 10239,1). Численность детей и молодежи в возрасте 11–24 лет, с различной частотой потребляющих психоактивные вещества, достигла 3,5–4 млн человек. Россия занимает первое место в мире по числу самоубийств среди детей и подростков – около 3 тыс. в год. Деструктивные процессы часто связаны с распространением девиантных субкультур.

По экспертным оценкам, четвертая часть молодых людей и подростков в возрасте 12–18 лет в той или иной степени оказалась затронута субкультурной мифологией[2]. Скорость распространения этих явлений и однородность их проявления в мегаполисах и в регионах с низкой плотностью расселения указывают как на одно из возможных объяснений использование механизмов распространения массовой культуры, включающих законы рекламы, маркетинга, формирующих определенный образ жизни.

Условно воспринимая девиантное поведение как осуществленную цель модификации[3], можно восстановить весь процесс, фиксируя внимание на позитивных подкреплениях. Именно с ними придется иметь дело психотерапевту, взявшему на себя труд по изменению деструктивного поведения, социальной и психологической реабилитации пациента. Следование субкультурным

[1] «Ночь на Лысой горе» Мусоргского – на сайтах сатанистов; Mein Kampf Гитлера – на сайтах скинхедов.

[2] Феномен, который был замечен в XX в. вместе с трансформацией общества.

[3] Модификация поведения – исследовательская процедура, применяемая в бихевиористской психологии и социологии с целью формирования желаемого типа поведения.

практикам несет эффект психологической травмы или психического заболевания. Психофармакологическое лечение в таких случаях лишь подавляет психомоторное возбуждение и временно ослабляет внешние проявления депрессии (агрессии). Для понимания настоящих причин заболевания следует учитывать социальные причины этих проявлений, выявить ценностные установки и мотивы, регулирующие поведение индивида, подвергшегося девиантной модификации.

Цели и задачи исследования

- Реконструировать схемы модификаций поведения и выявить ценностные установки, мотивы, регулирующие поведение, для разработки сценариев реабилитации лиц, вовлеченных в практики девиантных молодежных субкультур и нуждающихся в этой связи в помощи психолога или психиатра. Источники-носители субкультурной мифологии и идеологии («культовые» книги, фильмы, тексты песен и пр.) рассматриваются с точки зрения теории социального научения Альберта Бандуры[1]; с позиций современной социальной психологии; по законам рекламы, маркетинга, PR.
- Описать элементы модификации поведения в проявлениях девиантных молодежных субкультур по следующим признакам: коды внешности, коды одежды, символика, информация, содержащая модели и стимулы, способствующие формированию модификации (музыка, книги, фильмы, сайты), стиль жизни, образ «врага», мифология.
- Воссоздать схему модификации поведения для исследуемых субкультур, определяющую специфическое поведение, модифицируемые реакции индивида, благоприятные стимулы, влияющие на формирование поведения, реакции индивида на позитивные подкрепления.

Рабочие понятия

Схема модификации поведения – последовательное описание стимулов и поведенческих реакций, формирующих заданный тип поведения.

Матрица субкультурных модификаций – общая для формирования различных молодежных субкультур схема модификации.

[1] Согласно исследованиям американского психолога А. Бандуры (1925–1988), социальное научение происходит благодаря наблюдению за положительно подкрепляемыми или нейтральными моделями поведения (Бандура А. Теория социального научения. – М., 2000).

Трафарет модификации – система стимулов, кодов и моделей СМИ, позволяющая определить схему модификации поведения в тексте.

Распространенность. Пилотное исследование распространенности субкультур среди студентов ДВГТУ в городе Владивостоке[1] показывает, что половина молодых людей в возрасте от 17 до 22 лет прямо или косвенно участвовала в субкультурных движениях или общалась со сверстниками, принимавшими в них непосредственное участие. Так, участвовали в субкультурных практиках 11% респондентов, полностью воспринявших соответствующую идеологию. На косвенную принадлежность/участие указали 12% респондентов. Поверхностно следовали субкультурной моде, не вникая в идеологию, 16% респондентов; общались с друзьями и знакомыми, подверженными субкультурной моде, 9% респондентов. Только половина опрошенных (50%) не имела отношения к субкультурным движениям и не общалась со сверстниками, имеющими к ним прямое или косвенное отношение.

Не согласны с утверждением, что «молодежные субкультуры в России лишены национальных корней, они – продукт внешнего заимствования, простая калька западных молодежных субкультур», 12% опрошенных (согласны с этим утверждением 80% респондентов). В том, что «в решающей степени развитию молодежных субкультур способствуют современные средства массовой информации», уверены 48% опрошенных.

Вопреки мнению респондента, что «некоторые субкультуры – это и есть просто не афишируемая» государственная политика, отношение к ним представителей государственных органов, по оценкам самих респондентов, делится между «терпимостью и снисходительностью» (30%), и «недоверием и подозрительностью» (32%). Можно сказать, что мы имеем дело с ее отсутствием. На «дефицит тщательно выверенной целенаправленной молодежной политики» указывает и 23% молодых респондентов.

Результаты пилотного исследования относительно распространенности субкультур среди молодежи и экспертные оценки идентичны: до 30% подростков и молодых людей в возрасте 14–22 лет увлечены субкультурной мифологией и практиками, чему способствует широкая трансляция этой информации в СМИ. При этом до 5% лиц, участвовавших в субкультурных практиках, нуждаются в социальной реабилитации с помощью психолога или психиатра.

[1] Проводилось в 2009 г. ИСЭПН РАН – МГУ.

Классификация. По степени включенности в субкультурный образ жизни респонденты были разделены на три группы:

1) поверхностно воспринявшие субкультурную моду, что никак не отразилось на их образе жизни;
2) имеющие опыт субкультурных практик, изменивших их поведение;
3) некритично воспринявшие субкультурный образ жизни и погрузившиеся в него полностью.

Интервью с подростками, имеющими признаки модифицированного поведения и нуждающихся в социальной реабилитации, показывают, что на их поведение повлияли модификационные матрицы. Распространение субкультурной идеологии происходит как благодаря соответствующей информации СМИ, так и «из уст в уста» – от подростков-лидеров мнений к членам школьной, дворовой или уличной группы[1]. Треть участников исследования проявила осведомленность об идеологии и практиках нескольких субкультур, не имея к ним формального отношения, что говорит о фольклоризации субкультур в среде подростков.

Результаты исследований позволяют классифицировать молодежные субкультуры по способам культивации сходных поведенческих реакций и моделей поведения. По типам формируемого поведения их можно условно обозначить как агрессивные, депрессивные, гедонистические, рисковые.

К классу модификаций агрессивного поведения относятся субкультуры футбольных фанатов, скинхедов, сатанистов, формирующиеся благодаря стимуляции потребности в самоактуализации, выраженной в агрессивных и преступных действиях. В результате возникают повышенная агрессивность, хулиганское поведение, совершение преступлений.

К субкультурам, формирующим депрессивное поведение, относятся панки, эмо и готы. Модификация осуществляется благодаря стимуляции самоактуализации посредством нарушения физиологических и культурных табу, погружения в депрессивное мировоззрение, позиционируемое как «протест», «индивидуализм», «тонкость чувств», в действительности же способствующее маргинализации и приближающее индивида к суицидальному поведению.

Гедонистический характер имеет поведение, формируемое субкультурами хиппи и растаманов. Здесь самоактуализация (сексуальное

[1] Отчет по фокус-группе на тему «Осведомленность о субкультурах среди подростков», проведенной в центре социальной реабилитации «Отрадное» Москвы в октябре 2008 г. ИСЭПН РАН.

раскрепощение, обретение мистической мудрости, экстаз) достигается посредством ухода от требований социума и потребления наркотиков, санкционированного идеологией. Результат модификации – развитие амотивационного синдрома, наркотизация, рост заболеваемости и смертности.

К модификациям рискового поведения можно отнести субкультуры стритрейсеров, сноубордистов, скейтбордистов, в которых самоактуализация (яркий индивидуализм, «мужественность», «героизм») достигается в результате спортивной деятельности, осуществляемой с риском для жизни, в нарушение правил элементарной безопасности – своей и окружающих, что ведет к инвалидизации или летальному исходу.

Формирование модификаций происходит при наличии половой стимуляции, которая становится своеобразным «клеем», скрепляющим основные части субкультуры. Известно[1], что изображения и фотографии обнаженного тела, а также действия, связанные с половым актом, порнографические и эротические описания подобного рода становятся условными половыми стимулами. Ими обусловлены субкультурные коды внешности (прическа, украшения, макияж) и коды одежды (костюмы, обувь, атрибутика и символика).

Агрессивные модификации. Общая схема для субкультур, отнесенных к классу модификаций агрессивного поведения, имеет различное наполнение. Так, в модификации «футбольные фанаты» выстраивается агрессивное, преступное поведение по отношению к «врагам» – болельщикам команды-соперницы, а самоактуализация осуществляется в результате «борьбы» и побед в хулиганских драках за «честь» любимой команды. В модификации «скинхеды» самоактуализация связана с проявлениями расизма («я – полноценный человек белой расы; негры, азиаты, евреи – неполноценны») и победой над врагами-инородцами. Амплитуда моделируемого поведения здесь колеблется от агрессивных хулиганских выходок на матчах и улицах до нанесения тяжкого телесного вреда и совершения убийств. Похожий вариант модификации потенциальной агрессии – сатанисты. Здесь индивид, намереваясь стать «равным богам», принимает звание «нелюдь» и в соответствии с идеологией сатанизма выходит за рамки человеческих норм, не останавливаясь ни перед чем: «делай, чего изволишь[2]». Соответственно, потенциальными врагами сатаниста

[1] Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. – М., 1998.

[2] Цитата из «Книги закона» А. Кроули с сайта Российского ордена восточных тамплиеров (http://oto.ru).

выступают не только христиане, но любой человек, который может стать случайной жертвой самоактуализации нелюдя (сверхчеловека).

Сатанисты «с симпатией», но критично относятся к Гитлеру, обсуждая на форумах упущенные для победы нацизма возможности. Сатанизм разрешает совершение преступлений во всех сферах, включая промискуитет, разного рода парафилии[1], человеческое жертвоприношение, людоедство[2], и санкционирует «спокойное отношение к анатомии и физиологии человека», так как согласно субкультурной идеологии ценностей, истины, да и самой реальности не существует. Формируется индивид с размытыми социальными и культурными реакциями, поведение которого можно сравнить с поведением примата, но с большой натяжкой, поскольку естественные, не угашенные реакции примата позволяют ему существовать в рамках физиологической целесообразности: испытывать приязнь, защищать стаю, осуществлять функцию продолжения рода.

Соответствует этой идеологии и описание устройства государства сатанистов. Предполагается, что здесь будет позволена свободная торговля наркотиками, вследствие чего начнется интенсивное развитие туризма. В *интеллектуальном* государстве сатанистов потребности *нелюдей* будут удовлетворяться рациональным образом. Например, планируется разрешить удовлетворение половой потребности в любом месте и в любое время (по согласию партнеров), расширить сферу половых практик (узаконить педофилию, зоофилию), разрешить нелюдям, склонным к каннибализму, поедание даунов[3]..

Еще одна разновидность агрессивной субкультурной модификации – язычество[4] – соединяет в себе элементы расизма и сатанизма. Образ «врага», санкционированный идеологией язычества, – православные («иудео-христиане»). Смыкаясь с нацизмом скинхедов, мифология современного российского псевдоязычества указывает на «арийское» происхождение русских и, перекликаясь с сатанизмом, предлагает жестоких богов, принимающих человеческие жертвы и не различающих добро и зло. По мнению апологетов, разница между сатанизмом и язычеством состоит в том, что язычество – полирелигия,

[1] Название извращений в западной науке с последней трети XX в.

[2] «Черная месса представила антураж различной степени извращенности <…> [вплоть] до настоящих гнусностей, воплотивших самые дикие фантазии хроникеров». (Ла-Вей А. Сатанинские ритуалы. URL: www.blackmagicinfo.ru. Page 3.347.)

[3] Сайт «Черный свет» (URL: www.blacklight.h1.ru).

[4] Современное русское язычество основано на «Велесовой книге», признанной отечественными учеными фальшивкой. Перевод книги появился в среде русских эмигрантов в 50-е гг. XX в. в США.

тогда как сатанизм – монорелигия. Подобно сатанизму язычество формирует «убийство души» и санкционирует наслаждения «здесь и сейчас». В модификации «язычество» стимулируется самоактуализация посредством разрушения культурных норм, допускается возможность человеческого жертвоприношения.

Несмотря на различный мифологический набор, описанные модификации формируют идентичные реакции агрессии, жестокости, садизма. Идеологией здесь санкционировано нарушение закона и совершение преступлений, размывание ценностей и норм, а переживание самоактуализации происходит в результате унижения, подавления, уничтожения «врагов». Выступая общим стержнем данных модификаций, эти поведенческие характеристики составляют своеобразный психологический «коридор», соединяющий агрессивные субкультуры. Показательны с этой точки зрения тексты рок-группы «Коловрат»[1], совмещающие нацизм правых скинов, агрессию футбольных фанатов, жестокость языческих (арийских) богов и вседозволенность сатанизма.

Проникновение нацистско-расистской идеологии в стихийное хулиганство футбольных фанатов происходит перед матчами, когда стадионы разогревают характерные рок-группы. В Интернете размещены многочисленные официальные и неофициальные сайты и странички футбольных клубов и фанатов, информация о рок-группах, поддерживающих команды, сведения о фанзинах – газетах футбольных болельщиков[2]; кричалки и речевки, выкрикиваемые с целью поддержки любимой команды. Скандируя вместе с массами на стадионе, группа футбольных болельщиков переживает эффект регрессивной идентификации – повышенное ощущение жизни и многократно усиленные эмоции, что представляет собой сильнейшее положительное подкрепление.

Агрессивное хоровое скандирование заражает фанатов эмоциональным настроем, заложенным в тексте речевки, и побуждает к ответным действиям болельщиков противника. Восхваление своей команды, прямые оскорбления и призывы к агрессивным действиям против «чужих» усиливают противостояние «мы и они». В действие вступают социально-психологические законы группы, что обусловливает

[1] «Слава белой расе и НС бритоголовым, / Слава нашей Родине и смерть ее врагам! / Слава России великой, / Слава белым арийским богам!» (текст по вкладышу в CD-диск группы «Коловрат» «Кровь патриотов», 2002).

[2] Газета питерских болельщиков «Знамя Зенита»; фанзины «Тестостерон», Bulldog, Русский фан-вестник.

дальнейшее развитие событий. Ненормативная лексика предельно ожесточает индивидов. Словесная агрессия перерастает в физическую. Происходит кровавая драка, имеющая на сленге футбольных фанатов возвышенное название «битва», «бой». В текстах кричалок содержится развитие программы модификации, способствующей деструктивной самоактуализации: разрушение, членовредительство, убийство[1].

Отдельные элементы модификации – приемы «боев без правил» – тренируются в сознании индивида при помощи подлинных видеозаписей драк футбольных хулиганов, содержащих съемки убийств и размещенных на соответствующих сайтах в Интернете. В них смонтированы многократные повторы особенно жестоких ударов, просмотр которых ломает культурные и психологические барьеры индивида, тренирует, подготавливает сознание к восприятию преступных моделей поведения. Характерно, что как «враги» фанатами воспринимаются не только болельщики команды противника, но и сотрудники правоохранительных органов.

Матрицы агрессивных модификаций широко представлены в произведениях искусства[2], в текстах, где положительно подкрепляется разного рода деструктивное поведение: драки, хулиганство, разбой, убийство. Так, в фильме «Скины» избиение вьетнамцев скинхедами в подземном переходе остается безнаказанным; ограбление витрины, совершенное главным героем-скинхедом ради удовлетворения прихоти героини, вознаграждается ее любовью. Эти модели поведения отвечают условиям социального научения. Внешние коды агрессивных субкультур, транслируемые исполнителями соответствующих рок-групп, обусловливаются благодаря сексуализированной подтанцовке и ненормативной лексике, представляющей агрессивную половую стимуляцию.

Депрессивные модификации. Схема, объединяющая «депрессивные» субкультурные модификации («панки», «эмо», «готы»), формирует крайне пессимистичное, депрессивное мировосприятие, провоцирующее потребление психоактивных веществ и суицидальное поведение. В текстах, относящихся к модификациям «готы», «панки» и «эмо», одинаково присутствует образ мертвого героя,

[1] «Звон стекла, домов руина. Кровь течет по мостовой. Красно-белая дружина возвращается домой» (URL: www.rusfan.ru); «Зарыв чужака в придорожных кустах, пошли мы домой в красно-белых шарфах» (URL: www.fcspartak.narod.ru).

[2] Фильмы «Скины» (Австралия, 1992), «Удостоверение» (Великобритания – ФРГ, 1995).

вернувшегося из потустороннего мира для завершения земных дел: мести, защиты угнетенных, любви и т.д. Например, в книге «Эмобой» (А. Соя) герой погибает и попадает в потусторонний «эмомир», а в реальном мире является своим обидчикам в кошмарных снах, а сцены, обусловленные половой стимуляцией, связаны с кладбищем. В текстах рок-групп панковской направленности также присутствует этот мотив[1].

Образ мертвого героя связан с общим депрессивным направлением модификаций. Восприятие произведений искусства происходит посредством идентификации с героем. Положительно подкрепленные модели поведения, демонстрируемые героем, воспроизводятся в социуме. Модель, транслируемая героем-мертвецом, не позволит индивиду выйти за рамки депрессивной модификации.

Система стимулов и положительных подкреплений имеет важные отличия для каждой из рассматриваемых субкультур. Так, реакция самоактуализации в модификации «панки» происходит одновременно и благодаря преодолению, а затем угашению реакций отвращения и стыда, размыванию элементарных гигиенических норм[2].

«Бунт» (самоактуализация) выражается в мелком хулиганстве, перманентной неопрятности, порче имущества, непристойном поведении, постоянном применении ненормативной лексики, потреблении санкционированных субкультурной идеологией наркотиков и алкоголя, употребляемых как средство от депрессии.

Положительные подкрепления, формирующие депрессивную модификацию, образуют сочетательные рефлексы, где половой рефлекс соединяется с рефлексами ужаса или отвращения. Многократное повторение подобной информации может способствовать возникновению патологических сочетательных рефлексов, что способствует появлению сексуальной неразборчивости или отрицательных половых реакций[3].

В другой субкультуре этого класса – эмо – депрессивное поведение формируется благодаря постоянно воспроизводимому конфликту индивида с миром реальности, основанному на противостоянии «тонких эмоций» индивида и «грубости» окружающих. Этому

[1] «Среди ублюдков шел артист, / В кожаном плаще мертвый анархист. / Крикнул он: «Хой!» Челюсть долой! / Трупов вел он за собой» (группа «Король и Шут», песня «Мертвый анархист»).

[2] Классическая инициация панков в соответствии с мифологией происходит в мусорном ящике.

[3] *Лимонов Э.* Смерть рабочего / В сб.: Великая мать любви. – СПб.: Амфора, 2002. С. 118; Уэлш И. Дерьмо. – М.: АСТ, 2007.

способствует маргинализирующий набор внешних кодов[1]. В результате попыток переживания чувств «по максимуму» у некоторых подростков вырабатывается демонстративная привычка резать вены при усугублении негативных эмоций (по объяснению респондента, «чтобы уменьшить душевную боль, заменив ее на более терпимую физическую»). Разрушаются механизмы конструктивного поведения. Усугубление депрессии приближает к суициду, санкционированному мифологией субкультуры. Суицидальные образы – лезвия, виселицы, пистолеты и пули, зияющие окна – распространены в среде эмо наряду с сердечками, крыльями и плюшевыми мишками, символизирующими «ценность любви» и «детскую беззащитность» эмо. Образы марионетки, слабой куклы, восставшей против хозяина, близкой смерти, тиражируются в поэзии эмо[2].

Как известно, модели и описания самоубийств способствуют распространению суицидального поведения среди подростков[3], особенно среди девочек. Западные исследования корреляций сообщений о самоубийствах и изменения уровня реальных самоубийств (D.R. Phillis & Carstensen, 1986) показывают, что число самоубийств возрастает через 0–7 дней после размещения сообщения в СМИ.

В модификации «готы» самоактуализация связана с погружением в депрессию. Все процессы жизни рассматриваются сквозь призму смерти. Происходит ежедневная игра в смерть, формирующая некрофильский характер. Мысль о ежеминутной возможности смерти парализует деятельность, связанную с реализацией долговременных жизненных планов, помогает разрушению культурных табу.

Среди кинопродукции, повлиявшей на субкультурное становление респондентов-готов, названа «готическая сказка» «Труп невесты»[4], где образы, наполненные в легитимной культуре красотой, радостью, любовью, счастьем, обусловливаются рефлексами ужаса и отвращения, вызываемыми кладбищенским тленом. В белое свадебное платье одета мумифицированная «плоть». В других названных респондентами-готами фильмах – «Интервью с вампиром» (1994, США) и «Королева проклятых» (2002, США), снятых по мотивам

[1] «Фрик-мода» (от англ. freak – «урод»): уродливая прическа и нелепая одежда, пирсинг, яркий макияж.

[2] «Можно я умру, жить нет мочи… Лезвие куплю, дрожащей рукой по вене…»; «Куплю таблеток…»; «Куплю шприц, вколю себе воздух…»; «Просто выпью яду…»; «Сделаю шаг, чтобы разбиться…» (материалы исследования в социально-реабилитационном центре «Отрадное», 2008).

[3] *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. – М. – СПб., 2001. С. 257.

[4] Режиссер Тим Бертон, производство Великобритания – США, 2005.

романов Энн Райс, в качестве положительных героев, отвечающих условиям социального научения, выступают вампиры. В фильмах и в романах сцены вампиризма представлены как любовные акты, кульминацией которых становится процесс кровопития.

В модификациях «панки» и «готы» присутствуют психологические коридоры, позволяющие перейти в более действенную агрессивную субкультуру. Для панков, в идеологии которых есть анархическая составляющая, – это псевдореволюционный национал-социализм, на который опираются скинхеды и язычники. Для готов – мистические элементы, ритуалы и практики вапиризма, объединяющие их с сатанистами. Модификация эмо не имеет такого «коридора» и содержит практики, подготавливающие суицид.

Гедонистические модификации. К типу модификаций гедонистического характера можно отнести субкультуры хиппи и растаманов. Здесь самоактуализация происходит при отказе от норм и ценностей социума и постижении мистических истин в результате потребления наркотиков. По мифологии хиппи наркотики способствуют расширению сознания и обновлению личности, для чего необходимо «зарядиться, настроиться и выпасть»[1].

Для растаманов характерно санкционируемое идеологией веселое, беззаботное времяпровождение, полная свобода от каких-либо обязанностей и обязательств[2]. По мнению апологетов субкультуры, потребление наркотиков снижает агрессивность, позволяет ощутить мир и спокойствие (марихуану потребляют во время религиозных церемоний, когда бьют в священные барабаны). В реальности потребление марихуаны вызывает «амотивационный синдром» – утрату желания работать, преодолевать трудности, участвовать в жизни общества, что соответствует симптомам хронического алкоголизма. В гедонистических модификациях практикуется упрощенное удовлетворение половых потребностей, используемое как сильная стимуляция и положительное подкрепление для идеологически санкционированных наркотиков.

Рисковые модификации. Движения приверженцев экстремального поведения в нашем исследовании представлены модификациями стритрейсеров и сноубордистов, которые, однако, представляют собой не полновесные субкультуры, а скорее спортивные практики, вписывающиеся в образ жизни и дополняющие другие субкультурные модификации. Например, стритрейсеры активно

[1] Cavan S. Hippies of the Haight. St. Louis, New Critics Press, 1972.

[2] Фильм «Укуренные» (Cheech&Chong's Up In Smoke), США, 1978.

поддерживаются хип-хоп-группами и дэнс-музыкой, которые обычно перед заездами проводят двух-трехчасовые концерты. В текстах песен[1] нарушение правил дорожного движения оценивается как мужество, присутствует ненормативная лексика, стритрейсинг сравнивается с наркотиком, в видеоклипах соответствующих рок-групп транс-лируются опасные модели поведения: езда по встречной полосе, аварии.

Информацию, способствующую осуществлению модификации, размещают специальные журналы, где описываются «успехи» стритрейсеров, их «победы» над сотрудниками ГИБДД. Здесь самоактуализация происходит в результате спортивной деятельности, выходящей за рамки безопасных норм поведения – например, за счет нарушения правил дорожного движения в уличных гонках, которые часто оканчиваются ДТП. В идеологии стритрейсеров место основного «врага» занимает сотрудник органов правопорядка (ГИБДД), затем следуют члены других «кланов» и простые автомобилисты.

В модификации «сноубордисты» также нарушаются нормы безопасности, что превращает спорт в опасный аттракцион. Стимулируется потребность в самоактуализации, которая осуществляется в результате создания собственного, не похожего на другие индивидуального стиля катания (поиски его происходят с риском для жизни). Это позволит спортсмену стать участником группы ПРО (привилегированных сноубордистов). В одежде сноубордистов выражены субкультурные коды рэперов, предполагающие, что главный их недруг – скинхед. Другой недруг сноубордистов – законопослушный лыжник, выполняющий предписанные правила безопасности. В мифологии, почерпнутой сноубордистами у рэперов, поощряется потребление наркотиков и психоактивных веществ: «Сноуборд – это прежде всего веселье». Наркотические препараты или алкоголь употребляются довольно часто, катание может осуществляться в состоянии наркотического опьянения, что несет дополнительный риск.

Социальная реабилитация. Распространение субкультур, многообразие модификаций и различная степень «зараженности» участников движений требуют внимания общества и использования действенных методов работы по оказанию им помощи. Один из видов такой работы – социальная реабилитация. Известно, что «принцип поведенческой терапии заключается в том, что к пациенту, который

[1] «Нехватка скорости тебе важней, чем недостаток кислорода, /Твоя судьба – дорога, а цель всегда победа, / По возможности всегда быть первым – твое кредо». (Группа NTL, Новосибирск, песня Drag Racing).

прежде чувствовал себя хорошо, а в настоящее время проявляет отклонения в поведении, можно относиться как к субъекту, который «приобрел» новые модели поведения»[1]. В модификациях поведения изменения – это результат социального научения, и терапия (социальная реабилитация) должна быть направлена на то, чтобы «отучить» подростка, угасив приобретенные деструктивные реакции. Затруднения реабилитации связаны с обусловленностью всего комплекса модификации половой стимуляцией.

Говоря о сценариях реабилитации, следует прежде всего остановиться на методе обусловливания противоположных реакций[2]. Чаще всего первый шаг в направлении субкультурной модификации связан со следованием субкультурной моде – изменением внешних кодов. Перед терапевтом встает задача – изменить восприятие внешних кодов, выступающих для пациента условным половым стимулом. Необходимы условия, при которых предметы субкультурной моды будут размещены в зоне действия отрицательных стимулов. В нашей практике был случай, когда терапевт «взял поносить» субкультурную атрибутику (браслет и ошейник с шипами), после чего предметы утратили сакральность и потеряли для подростка всю привлекательность (начальный этап модификации).

Однако реабилитация индивидов с ярко выраженным девиантным поведением требует более действенного лечения. Здесь возможно применение методов аверсивной терапии, основанных на формировании отрицательных условных рефлексов, связанных с деструктивным или преступным поведением.

Следующий этап – терапевтическая группа, работающая по заданному сценарию, где законы группы усиливают когнитивно-эмоциональное воздействие. В соответствии с законами группы, поведение пациента будет конформным, что позволит закрепить новую установку. Продолжением сценария реабилитации станет работа с терапевтом по угашению системы сформировавшихся реакций с целью утверждения позитивных установок.

[1] Мейер В., Чесер Э. Методы поведенческой терапии. – СПб., 2001. – С. 5.
[2] Там же. – С. 81.

3.6. Молодежная наркомания в России

В стране растет число наркоманов. Точные данные об их количестве определить сложно из-за значительного расхождения между официальной статистикой и данными независимых организаций. По информации Министерства здравоохранения, в 2007 г. в РФ зарегистрировано более 570 тыс. человек, употребляющих наркотики. Из них диагноз «зависимость от наркотиков» имели около 370 тыс. человек. По экспертным оценкам, фактическое количество наркоманов превышает количество состоящих на официальном учете в пять-восемь раз. В Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков считают, что реальное число употребляющих наркотики или хоть раз попробовавших их достигает 4 млн человек, то есть более 3% населения России. По данным ВОЗ, в 2009 г. Россия вышла на первое место в мире по употреблению наркотиков.

Неправительственные антинаркотические фонды утверждают, что наркотики употребляли хоть раз в жизни или употребляют время от времени более 6 млн человек. При этом более 60% наркоманов – люди активного трудоспособного возраста от 16 до 30 лет.

По данным статистики, которая фиксирует только тех, кто обратился за помощью в медицинские учреждения, среди подростков РФ с 1990 по 2007 гг. число впервые взятых на учет с диагнозом «наркомания» увеличилось почти в четыре раза. Следует отметить тот факт, что средний возраст впервые употребивших наркотики понижается и составляет 15–17 лет. В последние годы участились случаи, когда наркотики пробуют дети в возрасте 9–13 лет.

Почему подросток становится наркоманом? Большинство из них (70%) отвечают, что ими двигало любопытство, желание попробовать на себе воздействие наркотика, другая, не менее важная причина – стремление подражать нравам той микросреды, кругу общения, к которому они принадлежат. Для этого возраста свойственно стремление сбиваться в закрытые общества, «стаи», обострен поисково-подражательный рефлекс («как все, так и я»), еще не атрофировалась детская привычка проверять все на своем опыте, а главное, у подростков резко завышены представления о собственных возможностях: «Я это брошу, когда захочу», «У меня хватит сил не втянуться».

За последние годы успело вырасти целое поколение, которое считает, что наркотики – это модно, престижно, а в некоторых кругах – почти обязательно. Ты не «свой», если не можешь свободно

обсудить преимущества кокаина перед травкой, этих «безобидных» веществ, помогающих познать себя и окружающий мир, дать свободу от тупого общества. Это же подтверждают и результаты проведенного нами обследования среди учащихся школ Якутска. Боятся стать наркоманами около 60% опрошенных, примерно треть считает, что такой опасности для них нет. Остальные ответа не дали, но можно предположить, что они вряд ли задумывались об этом. Подобным образом ответили подростки и на вопрос: «Трудно ли остановиться, начав употреблять наркотики?».

Почти всегда подростки впервые пробуют наркотики в компании. Подростку, попавшему в общество наркоманов, очень трудно не поддаться их интересам и не попробовать наркотик хоть раз. Нередко подростки таким способом демонстрируют свое «бесстрашие». Так, 14-летняя девочка, отравившаяся таблетками и затем спасенная, находясь в реанимации, на вопрос, зачем она это сделала, ответила, что хотела показать всем, что может съесть таблеток больше, чем другие.

Подростки, впервые пробующие наркотик, не испытывают никакого страха, они находятся в своего рода эйфории.

Подростки не видят опасности. Так, результаты проведенного нами обследования показали, что 15% школьников считают, что люди практически не рискуют, употребляя наркотики эпизодически,

а 13,3% – постоянно. В неполных семьях это соответственно 12,5% и 15,6%, а в полных – 16,0% и 13,2%. Не знают, так ли это, то есть никогда об этом не задумывались, соответственно 12,2% и 8,9%. В неполных семьях эти числа значительно выше – 18,7% и 12,5%, в то время как в полных несколько ниже – 11,2% и 8,4%. Поначалу подросткам кажется, что зависимости нет, заметить начало привыкания к наркотику самому человеку трудно.

Наташа П.: *«Меня «наколол» мой приятель. Сначала я ощущала спокойствие на душе. Раньше у меня таких ощущений никогда не было. Только наркотики. Сначала кололась просто от нечего делать. Хотелось еще раз испытать ощущение спокойствия. Через два-три месяца почувствовала тягу к наркотику. Дозы все увеличивались и увеличивались, приходилось повторять три-четыре раза в день. Но мыслей, что попала в зависимость от наркотика, и желания лечиться не было. Думала, что срок еще очень мал»*.

Это типичный случай. Большинство девочек становятся наркоманками из любопытства, иногда – не без участия их друзей. Что же касается мальчиков, то тут инициатива преимущественно принадлежит друзьям, особенно старшим, перед которыми нельзя «ударить в грязь лицом», показаться трусом, «маленьким».

О предрасположенности подростков к приему наркотиков, наличии или отсутствии у них стремления получить соответствующее ощущение, вызываемое наркотиками, дают представление результаты обследования Т.Н. Петраковой, проведенного среди старшеклассников нескольких школ Москвы. Они свидетельствуют, что положительно отнеслись к предложению попробовать наркотики чуть больше трети (36,3%). Наиболее частые причины попробовать наркотики в этой группе основаны на знании того, что наркотики вызывают приятные ощущения, необычные переживания, улучшают настроение, помогают «забыться» и получить «кайф». Некоторые подростки объясняли свое желание тем, что «в жизни нужно все попробовать», «от одного раза ничего не будет», «если все так плохо, лучше попробовать». Эта подгруппа была согласна безоговорочно попробовать наркотики, не ставя никаких ограничений.

Другие подростки из числа согласившихся на употребление наркотика (12%) были более осторожны. Они хотели попробовать определенный вид наркотического вещества, оговаривали способ его применения и обстоятельства, которые могли бы служить для этого оправданием: «согласился бы только на «колеса», но колоться никогда не буду». Таким образом, у подростков сформирована

положительная установка к наркотикам, однако она пока недостаточно устойчива и включает опасения нежелательных последствий.

Вторая группа подростков (20,7%) была готова попробовать наркотики при определенных условиях. Для этого им требовалась дополнительная информация о том, что представляет собой предлагаемый наркотик, какие эффекты он дает, как его принимают, каковы сроки формирования зависимости, возможны ли неблагоприятные последствия для организма. Для них также имели значение авторитетность и значимость лица, которое предлагает наркотик, возможность поддержки с его стороны («попробую, но в присутствии подруги»), достоверность получаемых сведений («она мне хочет помочь, ведь подруга все-таки медик»), условие секретности употребления («если не узнают родители»). По мнению Т.И. Петраковой, у подростков данной подгруппы положительная установка к наркотикам полностью не сформирована, однако им свойственно представление о том, что наркотик может быть одним из способов решения жизненных проблем, поскольку при выполнении определенных условий они готовы согласиться на его употребление. Представления о социальном осуждении у них имеются, но это не их собственные убеждения.

Отрицательно отнеслись к предложению попробовать наркотики 43,0% опрошенных. Причем большинство из них (63,7%) приняли это решение на основе четко сформированного негативного отношения и неприятия наркотика как способа решения каких бы то ни было жизненных ситуаций. Здесь четко прослеживаются представления об осуждении обществом употребления одурманивающих веществ. Подростки данной подгруппы негативно относятся к наркотикам, и решение об отказе употребить их принимается однозначно, без рассмотрения каких-либо альтернатив.

Среди подростков, отрицательно ответивших на предложение попробовать наркотик, более трети (34,3%) продемонстрировали не только отрицательное отношение к наркотикам, но и хорошо сформированные и аргументированные личностные убеждения, ценности, установки. Эти подростки уверены, что наркотики могут оказать отрицательное влияние на их личную жизнь, здоровье (девушки – на здоровье их будущих детей), а также на семейное благополучие. Часть подростков (10,8%) этой подгруппы однозначно заявляют, что не нуждаются в наркотиках, так как уверены в том, что в сложных жизненных ситуациях вполне могут рассчитывать на собственные силы, решать проблемы самостоятельно (или с помощью взрослых) и более безопасным путем.

Некоторые испытуемые данной подгруппы (10,8%) не только отказываются от одурманивающих веществ, но и выражают готовность помочь тем, кто уже «попал в беду», предлагая им в проблемной ситуации свою поддержку вместо наркотиков («я бы сделал так, чтобы жизнь мною любимого человека стала интересней и без наркотиков», «я помогу другу, но не деньгами», «я бы постарался сделать так, чтобы мой друг отказался от этой привычки»).

Среди согласившихся с предложением употребить наркотик 69% употребляли их ранее. Подростки, имеющие опыт употребления, но отказавшиеся принимать наркотик в определенной ситуации по какой-либо причине, составляют 26,5% опрошенных. Наблюдения показывают, что это зависит от контекста ситуации, характера проблемы, вида наркотического вещества и отношения подростка к нему. Например, подросток, эпизодически злоупотреблявший наркотиками, ответил «нет» в ситуациях угрозы бывших приятелей-наркоманов, смерти приятеля в результате передозировки, но согласился взять наркотик, когда на карту были поставлены самолюбие и самоценность, чувство мужского достоинства.

Подростки, экспериментирующие с наркотиками или нерегулярно их употребляющие, также в своих отказах ориентируются на характер ситуации и обстоятельств и в определенных ситуациях могут противостоять провоцирующему предложению. Для них также характерны мотивировки «в жизни нужно все попробовать», «главное – не заходить далеко», «по праздникам можно».

В группе подростков, не имеющих опыта употребления наркотиков, но согласившихся с предложением его попробовать, больше половины (56,5%) дали гедонистические мотивировки («зная, что будет кайф, не откажусь»), («мне предлагают отдохнуть <...>, один раз можно»). Другие подростки этой подгруппы продемонстрировали представления о том, что с помощью наркотика можно избавиться от эмоционального напряжения, переживаний, достигнуть успеха или самоутвердиться, справиться с затруднительным положением.

К употреблению наркотиков приводят не только любопытство или стремление быть как все. Первая проба наркотика, как правило, вызывает у неокрепшего организма тяжелую интоксикацию. У подростка, который впервые курит анашу, будет сильно колотиться сердце, кружиться голова, ему будет страшно. Вряд ли кто-нибудь из нормальных людей захочет отравиться еще раз. Поэтому обычно в этот момент рядом с подростком находится наркоман со стажем, ловко расставляющий сети для подростка: он действует по отработанной

методике, как профессиональный технолог. Сначала учит дилетанта, как изменять дозу, чтобы через две-три недели «тащиться» по-настоящему. И лишь когда подросток окончательно пристрастится к наркотикам, с него требуют деньги. Первоначально он крадет у родителей (деньги или какие-либо вещи). Постепенно он делает это все чаще, потому что уже не может отказаться от наркотиков. Когда по каким-то причинам красть из дома становится невозможно, девочку могут отдать кому-нибудь из наркоманов или даже целой компании в «пользование» и заставить отрабатывать столько, сколько этой компании понадобится; парня могут заставить воровать, но уже не дома. Так, согласно статистике, 80% квартирных воров употребляют наркотики.

Новички, у которых нет постоянных мест покупки наркотиков, покупают их у случайных людей и нередко рискуют отравиться. Это может быть сахарная пудра, но может быть и ядовитый порошок. На новичках пробуют новые наркотики, полученные из сомнительного источника. Наркоманы превращаются в подопытных животных. Если подросток начинает принимать наркотики регулярно, он неизбежно втягивается в их подпольное распространение, потому что это самый доступный способ заработать себе на дозу. Таким образом, каждый наркоман «заражает» своих знакомых, друзей, приятелей. Причем если несколько лет назад «цепочка», которую проходил почти каждый наркоман (курение табака – алкоголь – курение гашиша – более «жесткие» наркотики: кокаин, галлюциногены, амфетамины, героин), занимала несколько лет, то сегодня происходит сокращение времени «знакомства» с наркотиком, когда подростку еще можно помочь. Сейчас пробуют все сразу – алкоголь, наркотики. И начинают не в 16–17 лет, как это было десять лет назад, а в 12–14 лет. Соответственно, гораздо быстрее, чем раньше, у подростков формируется патологическая зависимость от наркотика. Безопасных и безобидных наркотиков не существует. Так, даже потребление марихуаны дает состояние опьянения, а в этом состоянии совершаются многие преступления. К тому же потребление наркотиков почти всегда имеет групповой характер, и в среде потребителей марихуаны неизбежно найдется тот, кто предложит попробовать что-нибудь еще. В результате марихуана оказывается лишь «стартовой площадкой» к потреблению более серьезных и страшных наркотиков. Но самое страшное то, что организм быстро привыкает к наркотикам. И больному, чтобы испытать прежние ощущения, приходится принимать все большую дозу. В конце концов наступает

день, когда это доза в десятки раз превышает предельно допустимую для человека.

Наркотики перестраивают организм человека, и возникает физическая зависимость. Они «встраиваются» в биохимические процессы на уровне нервных рецепторов, и без регулярных инъекций организм наркомана уже нормально не работает. Человек перестает быть себе хозяином, он не контролирует свои поступки и не отвечает за их последствия. Самостоятельно вернуться к прежнему здоровому состоянию наркоман не может. Для этого требуются лекарства, по силе воздействия (и по вредности) не уступающие самим наркотикам. Скорость такой перестройки индивидуальная и зависит от многих факторов (частоты наркотизации, типа наркотика, способа его введения, психического и физического состояния организма и т.д.). Как показывает ряд исследований, химическая структура многих наркотических веществ приближается к тем, которые может выработать сам организм. Поэтому употребление наркотика приводит на первом этапе к затормаживанию естественных биологических процессов (вплоть до их атрофирования), а на втором – к переходу организма человека на «внешнее питание». Этот феномен замещения лежит в основе образования «тяги»: организм начинает требовать наркотик. А если прекращает «подпитываться» им, то появляются головные боли, иногда насморк, что-то похожее на простуду, тошнота, депрессия, тревожность. У наркоманов со стажем начинается внутренний зуд кожно-мышечной системы, зудят даже кости. Боль столь сильная, что в ход идут любые средства для ее преодоления – вплоть до нанесения себе увечий (режут вены, бросаются в окно). Причина таких действий в том, что сильная боль может на некоторое время прекратить ломку. Очень мало кто может выдержать такие пытки – «переломаться» без препарата. Но стоит возобновить наркотизацию, как все проходит. Самое страшное – крайне быстрое «наркотическое обучение» организма.

Общество стало терпимым к сосуществованию с наркоманами. Очевидно, причина наркомании – в душе и культуре самого человека, в духовности и культуре общества. Например, в богатой Америке наркомания распространена повально, а в богатых Арабских Эмиратах практически отсутствует. Просто в этих странах разная культура и духовность. С другой стороны, есть бедные страны, страдающие от наркомании, и бедные, где ее почти нет.

Безразличное и безответственное отношение к наркомании и наркоманам наблюдается и в школе. А это особенно опасно, так как школы

абсолютно не защищены от наркодельцов, распространяющих наркотики по низким ценам, чтобы вовлечь в наркоманию все больше потребителей. Эта продуманная акция ускользает от внимания властей и общества.

Наркомания поражает не только неблагополучных детей. Обследование ВНИИ МВД РФ в одной из элитных московских школ, куда ребят отбирают по конкурсу и нельзя грешить ни на их низкий интеллект, ни на социальную запущенность, показало, что восемь из десяти школьников уже пробовали наркотики, то есть ни материальное благополучие, ни высокий социальный статус семьи не дают гарантии против наркотической заразы. Проведенное нами обследование показывает, что дети из полных благополучных семей почти в два раза чаще, чем дети из неполных семей, считают, что наркотики – единственный способ развлечения. Это же подтверждают данные об информированности подростков о различных наркотиках: подростки из «благополучных» семей значительно более осведомлены в этих вопросах, чем их сверстники их неполных семей. Полученные нами результаты подтвердили существующую в настоящее время тенденцию с наркотизацией детей. Аналогичные результаты имели место и в исследовании во Владимирской области: 34% наркоманов-подростков проживают в обеспеченных семьях, 23% – в бедных, деклассированных.

Грань между детьми группы риска и благополучными детьми становится все более размытой. Отличается только схема приобщения подростков к наркотикам. Для детей из обеспеченных семей это дискотеки, ночные клубы, молодежные «тусовки», где почти открыто можно приобрести популярные сегодня так называемые «интеллектуальные» наркотики, прежде всего ЛСД и экстази. Преподносятся эти наркотики их распространителями как «легкие стимуляторы», безвредные для здоровья. Ходят легенды, что ЛСД не вызывает зависимости. Врачи это опровергают. Объяснить легенду об отсутствии наркотической зависимости можно тем, что это один из самых дорогих наркотиков на нашем рынке. И человек, начавший с ЛСД, очень быстро «скатывается» к более доступным и дешевым кокаину и героину.

Подростки из бедных семей употребляют барбитураты («колеса»). Эффект от их приема схож с эффектом алкоголя – немного кружится голова, качает, нарушается координация движений, сами движения замедляются. Привыкание к этому типу наркотиков происходит очень быстро. Барбитураты очень дешевы, купить их может любой

человек. Но с каждым приемом дозу приходится увеличивать из-за привыкания. Некоторые «сидят» на барбитуратах, смешанных с алкоголем. Каждая третья смерть наркомана происходит из-за отравления «колесами», особенно если они смешивались с алкоголем. Барбитураты вызывают приступы депрессии, и это может закончиться самоубийством. Мужчины, принимающие барбитураты, становятся импотентами, а женщин ждут выкидыш и бесплодие.

Причиной наркомании может быть отсутствие взаимопонимания между детьми и родителями, а нередко и просто отсутствие внимания родителей к своим детям и их проблемам. Родители слишком часто пренебрегают воспитанием детей, потому что должная забота о них может помешать их собственным удовольствиям и развлечениям. Множество отцов и матерей считают, будто они выполнили родительский долг, удовлетворив физические потребности своих детей. Наркотическая зависимость сильно отличается от зависимости никотиновой или алкогольной, с которыми можно надолго расстаться без существенного вреда для здоровья. С наркотиками все иначе. В отличие от сигарет и алкоголя наркотики более «прилипчивы» и более вредны. Причин этому несколько: а) к наркотикам очень быстро привыкают: в зависимости от сорта наркотика и состояния здоровья подростка для выработки стойкой зависимости достаточно от одного до десяти приемов; б) корни у наркомании не только социальные, но и коммерческие, сажать людей на иглу – дело очень прибыльное. Чем больше постоянных клиентов, тем выше доходы продавца. Продавцы наркотиков готовы прибегать к любым средствам: могут, например, напоить подростка и вколоть первую дозу насильно.

Как утверждают оперативники Московского уголовного розыска, российские наркодельцы обсуждают вопрос об открытии дискотек и ночных клубов специально для распространения наркотиков, поскольку «пропускная способность» ныне действующих уже недостаточна, хотя их перечисление в оперативных сводках составляет несколько страниц. Например, по оперативным данным ФСБ, клуб «Птюч» был образован именно с целью организации рынка сбыта синтетических наркотиков. Распространению наркотиков среди молодежи способствует и пресса, публикующая интервью со «звездами» определенного толка, которые принимают наркотики. Кумиры нынешней молодежи – поп-дивы и рок-звезды, артисты кино и театра. Именно наркотики помогают им выйти за границы обычного сознания и создавать новое, интересное и неожиданное. В целом

можно отметить, что наши СМИ очень охотно описывают жизнь и поведение «элитных» групп населения, употребляющих наркотики, но очень редко – то, к чему они приводят этих людей.

Все возрастающие в стране темпы оборота и употребления наркотиков представляют реальную угрозу развитию и прогрессу общества. Специалисты единодушно считают, что популяризация наркотиков – дело не случайное, это планомерная, хорошо продуманная кампания. «Предложение, – пишет В.И. Олигов, – всеми возможными способами готовит себе рост спроса». И это очень опасно: с наркотиками связаны увеличение жестокости, рост преступности, расширение асоциального поведения детей и подростков. Сегодня, к сожалению, нет эффективных средств освобождения от пристрастия к наркотикам (какие существуют для алкоголя и курения).

Выработаны различные модели борьбы с распространением и потреблением наркотиков, которые можно свести в несколько групп.

Первая группа – «жесткая политика». Борьба ведется самыми жесткими средствами, вплоть до смертной казни. Например, в Китае, Вьетнаме, Таиланде наркоторговцев, контрабандистов и производителей казнят. Эти меры помогают удерживать армию наркоманов примерно на одном уровне. В Саудовской Аравии законы шариата велят отрубать головы торговцам наркотиками. За месяц ряды наркоторговцев уменьшаются на восемь-десять человек. Главным образом гибнут курьеры – граждане Нигерии, Индии, Афганистана. Наркоманов – граждан королевства – лечат. Хуже всего наркоманам в Иране, Малайзии, Пакистане – уже несколько лет там казнят и тех, кто продает, и тех, кто потребляет наркотики.

Вторая группа – «жесткий контроль». В США, Великобритании, Франции осуществляется жесткий контроль всех видов наркотиков, идет активное противостояние мафии. В США, например, в большинстве штатов существует наказание не только за хранение и употребление, но даже за попытку приобретения наркотиков. В Англии и Франции наркоманов в судебном порядке отправляют на принудительное лечение. В последние годы отмечается движение в сторону большего ужесточения. Одновременно в этой группе стран, прежде всего в США, борьба с наркотиками в сфере закона сочетается с мощнейшей информационно-пропагандистской кампанией, направленной прежде всего на наиболее уязвимые категории населения – учащихся школ, студентов, безработных. Это связано с осознанием того, что наркомания приносит обществу гигантские потери: ежегодно ущерб от нее составляет около $150 млрд.

Третья группа – «либеральные методы». Наиболее известный ее представитель – Голландия. Начавшаяся здесь с середины 1950-х гг. легализация «мягких» наркотиков (прежде всего марихуаны) частично стабилизировала число противоправных действий, связанных с наркотиками, однако кардинального изменения не произошло.

Во многих странах создана сеть специализированных наркосудов, которые предлагают провинившимся альтернативу: либо лечение, трудоустройство и социальная помощь, либо тюрьма. К выбравшим лечение прикрепляют троих госслужащих, в обязанности которых входят постоянное наблюдение и полная реабилитация подопечного. Существует общественный институт добровольцев-наставников для детей из неблагополучных семей. Такой волонтер должен стать другом проблемному подростку – проводить с ним досуг, приобщать к спорту, помочь в выборе будущего. Попасть в число волонтеров можно только по конкурсу. Программы обучения детей тому, как противостоять наркотикам, проводят школа, полицейские участки, общественные организации. Социальную рекламу специально для различных возрастных групп снимают лучшие клипмейкеры, теле- и кинозвезды, спортсмены, музыканты приезжают в школы, чтобы рассказать детям о последствиях употребления наркотиков.

С позиций современного научного подхода считается, что главнейший потенциальный источник решения проблем – создание профилактических программ, базирующихся на глубоком понимании причин девиантного поведения. В данной ситуации особую значимость приобретает профилактическая работа, которая должна взаимоувязывать информирование детей о негативных последствиях вредных привычек с психологическими технологиями формирования активной психологической защиты, позитивных жизненных навыков, индивидуальных и групповых форм противодействия различным формам наркотизации и отклонения в поведении.

Профилактика вредных привычек должна включать коррекцию неправильного воспитания и ранних аномалий личности, индивидуальную работу с трудными подростками. Это тем более важно, что наблюдения, накопленные за многие годы, свидетельствуют о наличии в общей популяции населения категории лиц, склонных к употреблению наркотиков и с высоким риском развития синдрома зависимости от них. Для этого необходимо знание биологических механизмов формирования этого заболевания.

Влияние наркотиков на организм человека, его жизнедеятельность и функции проявляется в трех различных направлениях:

- Наркотики специфически влияют на определенные системы и структуры мозга, вызывая таким образом развитие синдрома зависимости. Именно этот синдром – стержневой в клинической картине наркологических заболеваний.
- Наркотики обладают токсическим воздействием практически на все внутренние органы и системы организма. Поражение различных органов не связано напрямую с проявлениями синдрома зависимости, в то же время временная нетрудоспособность, инвалидизация и смертность больных наркоманией чаще всего обусловлены именно последствиями и осложнениями токсических эффектов психоактивных препаратов.
- Сегодня представляется уже несомненным влияние наркологической патологии родителей на потомство. Многочисленными медико-генетическими исследованиями доказано, что у детей, родившихся от больных наркоманией, существенно повышен риск развития этой болезни. Например, в последнее время появились данные, что больные опийной наркоманией часто имеют наследственную отягощенность алкоголизмом (у 49% больных наркоманией отец был болен алкоголизмом), сами злоупотребляли алкоголем до начала наркотизации (59%), и у них выявляется широкий спектр преморбидной патологии – патология беременности матери и постнатального периода развития, энурез, признаки минимальной мозговой дисфункции, выраженный психический инфантилизм и др.

Все эти факты приводят к заключению, что имеются индивиды с биологической предрасположенностью к употреблению психоактивных веществ и развитию синдрома зависимости и что этот признак в большинстве случаев генетически детерминирован. Кроме того, у большинства больных наркоманией наблюдаются те или иные характерологические и поведенческие расстройства: повышенная возбудимость, агрессивность, склонность к риску, к развитию депрессивных состояний и т.д. Потребление наркотиков матерью в период беременности может стать причиной рождения ребенка со сформировавшейся наркозависимостью.

Необходима дифференцированная профилактика наркомании, которая включает не только социально-психологические и воспитательно-образовательные программы для всего населения, но и специальные программы для лиц, особенно детей, с наследственной предрасположенностью к этим заболеваниям, в которых могут быть использованы и медико-биологические методы коррекции.

Более эффективным был бы комплексный подход к решению проблемы наркомании. В настоящее время наибольшего успеха на этом пути добились в США: за последнее десятилетие количество лиц, употребляющих наркотики, сократилось вдвое. Борьба с наркотиками стала там действительно общенародной и включает в себя усилия правительственных структур. Причем расходы на антинаркотическую кампанию в США за последние годы составляли порядка $1 млрд ежегодно.

Большое значение имеют и действия различных неправительственных организаций. Например, движение «За Америку, свободную от наркотиков» проводит свою работу по следующим направлениям:

- признание проблемы наркомании как общенациональной и выработка долгосрочной программы-стратегии на десять лет;
- выделение необходимых финансовых ресурсов для правоохранительных структур для активной борьбы как внутри страны, так и за ее пределами;
- широкое международное сотрудничество с целью предотвращения поступления наркотиков на территорию США;
- четко ориентированная пропагандистско-информационная кампания (прежде всего рассчитанная на молодежь и детей, начиная с девяти лет) по принципу: легче предотвратить употребление наркотиков, чем лечить больных;
- целенаправленное и широкое подключение общественных движений и структур на всех уровнях – от общенационального до коммуны;
- привлечение к кампании против наркотиков наиболее значимых политических и общественных деятелей – от президента США до звезд кино- и шоу-бизнеса, спортсменов;
- максимально возможное использование семьи как основы противодействия наркотикам;
- стимулирование коммерческих и финансовых структур, принимающих участие в борьбе против наркотиков.

В России необходимость профилактики наркомании, лечения и реабилитации наркозависимых подростков лишь декларируется. Всем детям следует создать необходимые условия (такие как учеба, места для проведения досуга, перспектива интересной работы) и привить навыки поведения, помогающие принять твердое решение вести свободную от наркотиков жизнь. Как показывают статистические данные и информация врачей наркологических диспансеров, в РФ вылечиваются (выдерживают без наркотиков более года) всего 5–6% наркоманов, и то лишь в крупных городах. В малых городах

или в сельской местности шансов на излечение практически нет ввиду отсутствия специалистов и центров по реабилитации. В то же время отдельные территории, обеспокоенные ситуацией, ищут выход.

Например, в Иркутской области с этой целью разработана программа, включающая несколько первоочередных задач, решение которых может сократить рост наркомании на территории области.

Первая задача – осуществление всестороннего, объективного анализа наркоситуации в области. При ее решении необходимо:

- реально оценить число наркотизированных территорий, создать паспорт наркотизации;
- провести социально-экономический, правовой, медицинский, педагогический, психологический анализ наркотизированной среды;
- на основе подобной оценки выявить приоритетные направления для воздействия на наркоситуацию в территориях и в соответствующих социальных группах.

Вторая задача – создание организационной структуры, способной решать организационные и аналитические задачи, в частности определение конкретных приоритетов и основных направлений борьбы с наркоманией.

Третья задача предполагает создание соответствующей учебно-методической структуры. Для этого следует организовать очные, очно-заочные и выездные курсы по подготовке специалистов по борьбе с наркоманией и ее профилактике.

Четвертая задача предполагает проведение массовой пропагандистской кампании с целевым влиянием на молодежь. Для этого следует разработать несколько уровней воздействия на сознание школьников, учащейся молодежи и т.д.

Первый уровень воздействия и формирования в сознании отрицания наркомании следует осуществлять непосредственно в школах. С этой целью в программу ОБЖ (предмета «Основы безопасности жизнедеятельности») следует ввести специально разработанный для этих целей курс занятий.

Второй уровень должен включать в себя серии эффективных передач по радио, телевидению, предметно направленных на разъяснение вреда наркотиков, опасности и проявлений тяжелой наркомании и исходов наркотической зависимости. Параллельно должна быть развернута широкая компания, направленная против дельцов наркобизнеса и торговцев наркотиками, с широким освещением ее в прессе и на телевидении. Для этих целей следовало бы создать самостоятельную телепрограмму.

Третий уровень должен включать систему публикаций в широко доступной печати с ориентированными социальными адресами (молодежь, подростки, зрелые люди, родители наркоманов, сами наркоманы), направленную на неприятие самого явления наркомании и частных его проявлений.

Со стороны государства необходимо принять меры по административно-правовому обеспечению, то есть введению системы мер по уменьшению распространенности наркомании и ее последствий. В то же время очень важно четко осознавать: если человек – наркоман, то никакая программа государства не поможет сохранению его здоровья без его личного желания и убежденности. А это означает формирование рационального отношения детей к своему здоровью. Если такое отношение не будет сформировано, то никакие усилия государства, даже огромные капиталовложения, не будут способны справиться с задачей борьбы с наркоманией и ее преодоления. Решение этой задачи не только лежит в рамках сферы деятельности какого-то отдельного человека, министерства или ведомства, но представляет собой последовательную комплексную стратегию действий по охране генофонда населения, реализация которых затрагивает множество сфер жизнедеятельности человека.

Важнейшая роль в борьбе с наркотиками принадлежит формированию здорового образа жизни, для чего необходимо комплексное, сберегающее здоровье человека воспитание, начиная с рождения, с семьи, с дошкольного образовательного учреждения. С самого раннего возраста у ребенка должны закладываться понятия ценности здоровья, умения формировать, поддерживать и сохранять его. Так постепенно формируется мораль человека – совокупность норм и принципов поведения по отношению к обществу, другим людям и, что очень часто забывается, – к самому себе. Стратегической задачей здесь должна стать выработка поведения, способствующего укреплению здоровья. Реализация этой стратегии в основном будет определяться тем, как каждый гражданин лично относится к своему здоровью и несет ответственность за его сохранение. Это движение может оказаться очень эффективным и потребует при этом не столь значительных издержек общества. Безусловно, необходимы развитие и совершенствование наркологической службы, медико-социальная работа с группой риска, лицами, употребляющими наркотики и другие психоактивные вещества. Важно также последовательное противонаркотическое воспитание в школе, повышение грамотности и культуры населения.

В органической взаимосвязи со здоровьем находятся проблемы воспитания и образования, которым следует уделять особое внимание. Статистика показывает, что около 2,5 млн детей по причине негативных отклонений не могут получить стандартного образования. Если не переломить этот негативный процесс, то кумулятивная численность неграмотных и малограмотных будет постоянно возрастать. Кроме того, при отсутствии сегодня обязательного посещения школы часть детей школьного возраста останутся за рамками обучения. На примере поколения «детей реформ», чья ранняя социализация пришлась на 1990-е гг., показано негативное воздействие этого поколения на качество современной рабочей силы.

Власти должны жестко определять минимальные стандарты образования, гарантируемые государством для всех и каждого, чтобы ни один гражданин не остался за «границей» стандарта качественного и доступного образования. Решение этой задачи имеет приоритет при определении направлений использования государственных ресурсов.

Серьезной угрозой становится нарастающее приобщение молодежи к потреблению психоактивных веществ. Массовый всплеск этой проблемы произошел в 1997–2002 гг., когда в жизнь вступило новое «рыночное» поколение, не обремененное ценностным «барьером» прошлого и обладающее более индивидуализированным сознанием, чем их родители. За этот период средний возраст начала потребления табачных изделий снизился на 3,5 лет, алкогольных напитков – на 2,5 лет, наркотических средств – на 3,5 лет.

Можно считать, что с учетом интенсивности потребления наркотиков, психоактивных веществ и алкоголя по отдельным возрастным группам среди детей подобное поведение касается 1 млн подростков. Опасность сложившейся ситуации состоит в том, что срок жизни наркоманов невелик, кроме того, в качестве негативных последствий выступают деградация личности и криминальное поведение. Отклонения в поведении детей и молодежи в значительной мере связаны с потерей нравственных ориентиров и деформированием социальных ценностей, так как от старых общество спешит отказаться, а новые здоровые постулаты еще не встали в ряд социальных императивов.

Заключение

Особое значение оценки состояния детства в России определяется сегодня двумя обстоятельствами. Во-первых, в 2010 г. (если дети – это население до 18 лет) наступает взрослая жизнь для первой когорты «кризисных» детей, родившихся в период возникновения демографического кризиса, начало которого – 1992 г., – будем считать, случайным образом совпало с исходной точкой социально-экономических реформ, по своему существу имевших революционный характер. Изменения, пришедшие в страну вместе с преобразованиями, оказали радикальное воздействие на все стороны жизни российского общества – политические, экономические, социальные, национально-этнические, культурологические. Они в той или иной мере коснулись каждого гражданина России и до сих пор оказывают свое воздействие на все структуры общества. Не может быть сомнений в том, что это влияние, имеющее не только позитивный, но и существенный негативный характер, проявлялось и в сфере демографических процессов, определяя все стороны воспроизводства населения.

Во-вторых, коренным образом изменилась социально-экономическая структура населения, сформировав две острейшие проблемы. Одна из них состояла в том, что возник существенный слой бедных и беднейших, в то время как бедность в качестве особого феномена вообще отсутствовала в предшествующий период жизни общества. Другая проблема, тесно связанная с первой, – это глубокие социальные различия, приведшие к тому, что фактически образовалось «две России»: небольшая по масштабам (3–5% населения), но захватившая основную часть богатств страны в свое распоряжение, и наиболее значительная (35–40%), страдающая в нужде. Особая значимость сложившейся ситуации состоит в том, что эти главные социально-экономические проблемы по прошествии реформируемого двадцатилетия не снижаются по своему напряжению, а имеют тенденцию к усилению[1]. Разумеется, что под двойным негативным воздействием в большей степени, чем какие-либо другие группы населения, оказались дети, которые при инерционности демографических процессов будут передавать особенности своего состояния будущим поколениям.

[1] Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. – М., 2003.

Реформации социально-экономического характера существенным образом повлияли на количественные параметры динамики населения, увеличивая повышение кривой смертности при снижении рождаемости. В 1992 г. произошло их пересечение, которое условно можно считать «началом» демографического кризиса, приведшего к возникновению зоны естественной убыли, которая сохраняется до сих пор, несмотря на ослабление этого процесса. За период с 1992 по 2010 гг. естественная убыль составила около 13 млн человек, часть которой (около половины) была компенсирована положительным сальдо миграции. Но наибольшие потери понесло «поле детства», особенно на ниве качества.

В свое время П.А. Сорокин[1] указывал, что глубокие реформы (революции) действуют как орудие селекции человечества «шиворот-навыворот», убивая «лучшие» по своим наследственным свойствам элементы общества и способствуя выживанию «худших». В результате этих процессов гибнут главным образом «люди биологически наиболее здоровые, энергетически – трудоспособные, психически – самые волевые, талантливые и умственно развитые, морально – наиболее устойчивые, обладающие прочными нравственными рефлексами». Это не может не влиять на изменение в сторону ухудшения генофонда страны и уменьшение положительных свойств народа, способствуя его деградации и вырождению. В том же направлении действует снижение здоровья и жизнеспособности выживающих элементов населения.

Кроме прямых воздействий, обусловливающих негативное состояние генофонда страны, отмечается и косвенное, возникающее в результате политических эмиграций преимущественно лучше образованной и отмеченной особой «незаурядностью» части общества, которая занята на ниве интеллектуального труда. Под влиянием прямых и косвенных факторов реформы становятся или, можно сказать, превращаются в орудие «отрицательной селекции», воспроизводства населения в формате «шиворот-навыворот». «Биологически наследственный фонд» ослабевает, теряет свое качество во всех отношениях, так как от «ухудшенных производителей» нельзя ждать первосортного потомства. Исследователи показали, что средний возраст лидеров революционных и реформационных эпох редко превышает 40 лет, а главные платежи по векселям этих событий наступают позже. Последствия проводимых реформ особенно важно было

[1] *Сорокин П.А.* Социология революции. – М., 2005. – С. 183.

понимать российским властям первой половины 1990-х гг., когда они широко использовали успокаивающий лозунг, в то время как основная часть народа в связи с галопирующей инфляцией потеряла половину своих небольших доходов и откровенно бедствовала. Но власти не переставали повторять: «Скоро все изменится к лучшему, а пока необходимо затянуть пояса», забывая о том, что расплата непременно наступит. Это напрямую относится к рожденному в то время поколению в целом – «они платят своим здоровьем и деградацией за грехи отцов», за «завоевания революции, за все ее преступления и подвиги»[1].

Сказанное особенно ясно и четко определяет необходимость проведения углубленного анализа и оценки состояния детей, пришедших в этот мир вместе с социально-экономическим кризисом, который Россия отчасти переживает и сегодня. Само «поле детства», имея устойчивую тенденцию к сокращению, многогранно, объемно и постоянно трансформируется в различных направлениях – не только позитивных, но и негативных, к сожалению, устойчивых. Разумеется, что одновременно невозможно охватить все стороны жизни подрастающего поколения, но удалось выделить наиболее актуальные и социально острые, в значительной мере определяющие динамику детства в перспективе.

Были проанализированы и оценены три круга проблем: **первый** – масштаб, численность и структура детского населения; **второй** – условия и институты формирования детства; **третий** – состояние здоровья подрастающего поколения.

Первый круг проблем. Основной вывод сводится к тому, что «поле детства» сжимается как шагреневая кожа. За последние 15 лет (1995–2009 гг.) численность детей в возрасте 0–17 лет уменьшилась почти на 12 млн или примерно на треть. Однако, согласно демографическим прогнозам Росстата, в ближайшие десять лет их число незначительно вырастет. Разделив детей на пять социально-биологических групп (младенцы в возрасте до года, раннее детство в предсадовском возрасте до трех лет, дошкольники в возрасте от трех до семи лет, школьники первой ступени в возрасте от семи до 14 лет, школьники второй ступени в возрасте от 14 до 17 лет), мы видим, что первая группа сегодня составляет 6%, вторая – 13%, третья – 22%, четвертая – 40% и пятая – 19%. От указанной структуры существенным образом зависит необходимость развития обслуживающей их инфраструктуры.

[1] *Сорокин П.А.* Социология революции. – С. 200.

Наблюдается все более интенсивное уменьшение численности детей и их доли среди населения, которая на самом деле определяет не только активизацию процессов технологической модернизации общества, но в еще более существенной степени – развитие инновационных технологий, в значительной мере обостряя сокращение «поля детства». Именно подрастающее поколение и молодежь прежде всего обладает творческим потенциалом и более высокой креативностью в сфере экономики. От реальных масштабов молодежи в человеческом капитале зависят эффективность и качество трудовых ресурсов.

В демографическом процессе свое место, все более возрастающее, будет занимать новый компонент увеличения рождаемости – вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), основанные на экстракорпоральном оплодотворении, как это наблюдается во многих развитых странах. И не случайно, что за открытие этих технологий их автор был награжден в 2010 г. Нобелевской премией. По существу, ВРТ есть не что иное, как использование биоинноваций в демографических процессах общества, что определяет принципиально иные аспекты демографии как науки.

Состояние детей, их социально-биологические характеристики представляют собой базу формирования человеческого потенциала и человеческого капитала в современном обществе. Условия подрастающего поколения – семья, механизмы социализации, доступность и качество образования, социальные ценности – воздействуют на становление рабочей силы в стране.

Поколение «детей реформ» формируется под воздействием сильного социального расслоения общества по критериям благосостояния, образования и культуры. В результате одна, большая, часть детей оказалась в значительной бедности, а другая «переживает» преуспевание своих семей. Это препятствует распространению в молодежной среде процессов толерантности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Статистика показывает, что по параметру образования поколение «детей реформ» существенно отличается от остальных возрастных когорт. Ни в одном поколении не было столь высокой доли плохо образованных, а нередко неграмотных работников, как среди современной молодежи в возрасте 20–34 лет. Детство – невосполненный этап в формировании человеческого капитала. С одной стороны, возросшие запросы молодежи из поколения рожденных в период «революции притязаний», происходящей под воздействием

общества потребления, послужили мощным стимулом к достижению жизненного успеха, с другой – отсутствие легитимных возможностей для реализации возросших потребностей привело к росту наркомании и преступности определенной их части.

Особое значение в связи с негативным сдвигом в генофонде российского населения и значительной эмиграцией – «утечкой умов» – имеет изучение и понимание социально-демографических процессов, связанных с существованием одаренных детей в России. При обладании новейшими научными разработками, экспериментальными площадками и опытом по созданию моделей и социально-педагогических технологий выявления, а также сопровождения одаренных детей, в нашей стране, к сожалению, не сформированы социальный заказ и национальная идея развития и сохранения (востребованности) талантов. Российские команды стали сдавать свои позиции при международном сравнении интеллекта, а также на интернациональных олимпиадах, а это признак отставания России по количеству одаренных детей. Уровень подготовки поступающих на факультеты вычислительной математики и кибернетики становится все ниже и ниже: несмотря на то что туда приходят самые «сливки», эти «сливки» становятся все более жидкими.

Ребенок как самостоятельная личность, наделенная правами, вошел в российское правовое поле сравнительно недавно. В большинстве случаев права детей нарушают их родители – 38,3%, и другие родственники – 9,4%. Отмечено значительное количество случаев нарушения законных интересов детей представителями учреждений и организаций исполнительной власти – 39,3%. Ослабление воспитательных функций у определенной части российских семей обусловлено в том числе и их бедностью, которая не только ведет к материальным лишениям, но нередко сопровождается нравственной деградацией родителей.

Второй круг проблем связан с анализом условий и институтов формирования детства. Среди них особое внимание, естественно, было уделено семье, включая ее неполные формы, дошкольному воспитанию и школьному образованию (с оценкой роли ЕГЭ и содержательного потенциала абитуриентов, получающих профессиональное образование), а также социально-психологическим проблемам подростков.

Существенные перемены в матримониальном поведении – снижение брачности и повышение разводимости, замещение брачности свободным партнерством, перенесение рождения детей на более

поздний срок и отказ от них вовсе – увеличивает долю неполных, преимущественно материнских домохозяйств, что в значительной мере ослабляет процессы социализации подрастающего поколения и ведет к нестабильности семейных структур. Получают распространение альтернативные формы брака: «открытые» семьи, в которых каждый из партнеров имеет связи на стороне, «свингерские» семьи, осуществляющие временные обмены партнерами, «групповые» семьи, где все дети считаются общими. Чем моложе респондент, тем чаще он соглашается с утверждением, что брак устарел, а союз без формальной регистрации – норма жизни. Однако традиционная моногамная семья, сохраняя свои позиции в массовом сознании, под влиянием изменившихся условий жизни трансформируется. К нетрадиционным формам брака негативно относятся от половины до двух третей семейных мужчин и женщин.

По данным Всероссийской переписи 2002 г., из общей численности семей бездетных оказалось 39%, с детьми – 61%, половина которых (31%) имеют одного ребенка, 24% – двух, а трех и более – всего лишь 6%, что составляет 7,6 млн детей. Существенно влияет на численность детей в семье форма брачного союза. Среди незарегистрированных браков около двух третей не имеют детей.

В соответствии с законодательством дошкольное образование не обязательно, однако его получение гарантируется государством. В Постановлении Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2008 г. сказано, что дошкольное образовательное учреждение обеспечивает уход, воспитание, обучение и развитие, а также оздоровление детей в возрасте от двух месяцев до семи лет, а государство гарантирует их общедоступность и бесплатность. К сожалению, указанные обязательства не выполняются. Между тем развитие качественных дошкольных учреждений, доступных большинству семей, позитивно влияет на демографические процессы, увеличивая рождаемость, а также способствует эффективной женской занятости и выступает важным фактором повышения производительности труда. Статус и значение дошкольного образования и воспитания в современных условиях радикально меняются. И это общемировая тенденция. Необходимо воссоздание системы дошкольного воспитания, существовавшей в дореформенное время. Речь идет не о реставрации институтов советского периода, а о формировании системы нового типа.

Система образования – это уникальный социальный институт, призванный развивать и приумножать социальный капитал в обществе.

Через эту систему проектируется и воспроизводится социальное будущее. Успешность выполнения образованием своих функций зависит от идеологических основ его организации. При этом возможны два пути: либо общая конструкция очерчивается уже сегодня политическими идеологами общества, когда формальность знаний начинает доминировать над их смыслом, не позволяя не только знать, но и понимать их; либо будущее конструируется социальной практикой самодеятельного и свободного народа, а образование выступает как развивающий фактор, снижающий риски неудач и неэффективных решений. Ярким аргументом первого направления формирования системы образования стало введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) как инструмента оценивания знаний. Главный мотив принятия такого решения заключался в том, чтобы получить мощный рычаг финансового воздействия на вузы, осуществляемого через установления ГИФО (государственных именных финансовых обязательств), то есть внедрение в образование рыночных механизмов. ЕГЭ оказался идеальным инструментом подготовки к жизни в «обществе потребления», идеология которого формируется не в школах и университетах, а средствами массовой информации. Это элемент системы массовых манипуляций людьми, у которых просто отшибли мозги. Более того, прекращение финансирования обучения троечников может означать только одно – снижение доступности высшего образования. Внедрение ЕГЭ не только не преодолело взяточничества при поступлении в вузы, но обеспечило работу механизма «социального бумеранга», в результате чего одна коррумпированная система была заменена другой: коррупция из вузов переместилась в школу.

Демографическая динамика (сегодня это «демографическая яма») оказывает существенное влияние на масштабы, структуру и качество образования всех уровней, если иметь в виду общее и профессиональное. Возникновение «излишка» учителей (по словам министра образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко) как следствие старых норм числа учеников на одного учителя, возникшего в связи с уменьшением численности обучающихся, – это счастливое обстоятельство, так как оно позволяет улучшить качество обучения, приблизив наши нормы к общеевропейским стандартам хотя бы по этому показателю. Надо радоваться этому, а не задумываться над тем, как использовать «лишних» 200 тыс. учителей.

Фактически то же самое можно сказать относительно стремления чиновников ограничить число вузов, поскольку количество

оканчивающих среднюю школу и потенциальное число мест для получения высших профессиональных знаний, можно сказать, сравнялось. Но этот процесс имеет прекрасные основания для повышения качества образования, так как открывает новые возможности его расширения. Разумеется, в этом случае нужна специальная его организация. И совсем уж не достаточно механического присоединения России к Болонскому процессу. Кроме того, жизнь показывает, что дополнительное образование (одно-два-три) и свидетельствующие об этом дипломы никогда еще не могли ухудшить профессиональные качества работника независимо от его рабочего места. Однако если государство стремится максимально экономить свои ресурсы на образовании, тогда качества не стоит ожидать. Каждый оканчивающий среднюю школу должен представлять себе систему получения профессиональных знаний, включая бакалавриат, специалитет, магистратуру и аспирантуру, а кроме того, видеть возможности получить дипломы зарубежных университетов. При этом следует иметь в виду, что в Европе, как, впрочем, и в России, идет процесс гуманитаризации образования, когда молодежь не желает «напрягать мозги» в области точных наук. А вот Индия и Китай демонстрируют другие образцы поведения молодежи, доля которой высока в программах по техническим и инженерным наукам. В России для разворота студентов к точным и естественным наукам необходим запрос государства и общества.

Не последнее место в ориентации подростков и молодежи имеют их ценностные установки. Типологические ценности и ценностные установки делятся на три условные группы: гендерно нейтральную, то есть не зависящую от культурного пола; гендерно ориентированную, зависящую от культурного пола; латентно гендерно нейтральную, когда нейтральны типологические ценности (индексы), но гендерно ориентированы ценности, составляющие индекс.

Для юношей и девушек наиболее значимы типологические ценности *самостоятельности* и *благожелательности*, а наименее – *традиционализм*. Ценности, связанные с достижениями за счет благополучия других, а также за счет скромности и умеренности, заняли последние места. На первом месте находятся ценности, достигаемые за счет собственных усилий.

Социализация детей и подрастающего поколения в постсоветский период характеризуется вариативностью, обусловленной различиями в традициях, стиле и образе жизни конкретных семей, что существенно отличает ее от высокой степени унификации в советское

время. К началу нового века еще не произошли глубинные изменения в общественном сознании, определяющие формирование новой модернизированной системы ценностей и соответствующих ей образцов гражданского поведения, а также массовых социальных практик. В период трансформаций резко возрастает расхождение в представлениях о жизни у детей и родителей. На этой базе проявляются кризисные тенденции в функционировании ключевых институтов социализации – семьи и школы.

Обращает на себя внимание прогрессирующее снижение в семейном воспитании роли бабушек, которые на протяжении десятилетий советской эпохи были основными «трансляторами» культурных норм и ценностей. Несмотря на то что в постсоветское время произошел ренессанс идеологии семьи с мужем-кормильцем и неработающей женой, большинство молодых матерей работают и стремятся работать вне дома. Этим объясняется рост услуг нянь, которые заменяют недостающие детские учреждения. А коммерциализация

забот по социализации детей тянет за собой целый шлейф новых проблем – как для родителей, так и для ребенка. Перегруженные родители не способны уделять достаточное внимание воспитанию в детях ответственности, самоконтроля, любознательности, эмоциональной отзывчивости и внимания к другим, а это в свою очередь существенно повышает вероятность девиантного поведения в детско-подростковой среде. В том же направлении действует и резкое расслоение российского общества, возрастание рисков бедности для большего числа семей.

Либерализация взглядов в отношении подростковой сексуальной активности привела к снижению возраста начала сексуальной жизни. Вслед за этим идет активизация потребления алкоголя, табака и наркотиков. Уменьшается значимость уровня образования родителей как фактора социализации подростков, но возрастает роль религиозности. Главная опасность состоит в том, что большинство подростков не находят никакого решения своих проблем. Особое место в этих процессах принадлежит неполным семьям, основную часть которых составляют материнские нуклеарные организации. Проблемы матримониального поведения молодежи приводят к постепенному росту неполных семей и увеличению рождаемости вне зарегистрированного брака, что влечет за собой высокий риск бедности. И это фактически не зависит от занятости или незанятости матерей. Экономическая устойчивость неполных семей существенно ниже, чем полных. И дело здесь не только в неблагоприятном соотношении числа работников и иждивенцев. Особое значение имеет состояние здоровья работника, которое представляет собой фактор профессиональной мобильности, а наличие инвалидности у человека трудоспособного возраста становится непреодолимым препятствием для его трудоустройства. Дополнительным фактором риска бедности неполных семей выступает безработица, которая в разы увеличивает состояние бедности.

Третий круг проблем детей и подрастающего поколения в России – это беспрецедентное ухудшение здоровья. И здесь необходимо рассмотрение двух важнейших обстоятельств.

В современных условиях реализации глубоких постсоветских реформ социально-экономического характера меняются не только количественные параметры «поля детства», связанные преимущественно с происходящими в стране демографическими процессами, но, что более опасно, снижаются качественные характеристики подрастающего поколения. На подобном фоне более четко вырисовываются

социально-демографические проблемы этого наиболее мобильного и весьма важного с точки зрения будущего слоя общества.

Важнейшая и наиболее острая проблема детей в Российской Федерации – низкий уровень их здоровья, не улучшающийся в динамике. Лишь 27,1% (то есть меньше трети) детей могут быть признаны здоровыми, составляя I группу; 51,7% имеют функциональные отклонения или факторы риска заболеваний (II группа); у 16,2% детей состояние отягощено хроническими заболеваниями (III, IV и V группы). Особую тревогу вызывает здоровье новорожденных, среди которых в 2008 г. 37,3% родились больными или заболели непосредственно после рождения. При этом каждый двадцатый (5,3%) ребенок родился недоношенным. Растет число зарегистрированных заболеваний среди детей первого года жизни (2982,8 тыс. в 2000 г., 4120,2 в 2008 г.). В расчете на 100 тыс. детей в возрасте 0–14 лет заболеваемость в 2000 г. составила 146 236, а в 2008 г. – 182 714, то есть в среднем по два диагноза на одного ребенка. Увеличиваются и относительные показатели заболеваемости среди детей старших возрастов: за период 2000–2008 гг. они выросли почти в полтора раза.

Серьезнейшая проблема в России – инвалидизация детского населения. В 2008 г. зарегистрировано более полумиллиона детей, имеющих ограниченные возможности здоровья; среди них почти половина получила статус инвалида в связи с расстройствами психики, поведения и нервной системы. Не всем из них доступно и образование. В результате низкого уровня здоровья ежегодно 30% юношей в возрасте 17 лет признаются негодными к военной службе.

Не меньшей остроты достигла проблема алкоголизации и немедицинского применения наркотиков среди детей и подрастающего поколения: более половины детей в возрасте 11–18 лет регулярно потребляют спиртные напитки и пиво.

Еще одна проблема – неравенство детей в получении образовательных услуг, существенно возросшее за последние два десятилетия и вызванное ростом дифференциации доходов и деградацией значимого сегмента получения знаний.

Обострилась вопреки действующей Конституции проблема недоступности учреждений дошкольного образования. При увеличении охвата детскими дошкольными учреждениями (ДДУ) за период с 2000 до 2008 г. с 55 до 59% очередь для определения детей в ДДУ выросла в семь раз. Эти учреждения не только играют роль инструмента подготовки к школе, но и определяют возможность участия матерей в полной и оплачиваемой занятости.

Примета последних десятилетий – значительное число детей 7–18 лет, не обучающихся в школе. Причины – нездоровье, а также существенная доля изолированных от социума подростков – сирот или оставшихся без попечения родителей, которые ограничены в правах или вовсе их лишены.

Особой значимостью выделяется проблема насилия в отношении детей. В 2008 г. физическому воздействию подверглись 126,5 тыс. несовершеннолетних.

Ухудшение здоровья детей обусловлено устойчивой тенденцией снижения здоровья женщин, ростом патологии беременности и родов. Происходит «накопление груза патологии в поколениях». Возникает замкнутый цикл: больная женщина – больной плод – больной ребенок – больной подросток – больные родители. Отчасти свой вклад в этот процесс делают успехи медицины, обеспечивающие выживаемость недоношенных, «маловесных» детей с тяжелой перинатальной патологией.

Второе обстоятельство сводится к тому, что на протяжении всего жизненного цикла у ребенка происходит ухудшение здоровья. По всем классам болезней за период 1990–2008 гг. наблюдался рост заболеваемости. Ухудшаются и показатели физического развития: нормальный вес снижается, увеличивается число низкорослых, снижаются функциональные возможности. С возрастом растет доля детей с хроническими заболеваниями. Реальное число детей-инвалидов в России выше официального и составляет 1–1,5 млн. Основные причины: заболевания нервной системы (32%), психические расстройства (24%), врожденные аномалии (19%).

Ухудшение здоровья детей в процессе жизни определяется многими взаимно пересекающимися факторами, которые условно можно разделить на факторы окружающей среды (социальной и физической) и поведенческие. Относительная роль их постоянно меняется. Все они поддаются тем или иным воздействиям, а их преодоление требует безотлагательного вмешательства со стороны государства и общества.

Высокая заболеваемость детей и подростков заставила осуществить специальное лонгитюдное исследование динамики здоровья и его факторную зависимость в режиме реального времени, для чего были выбраны четыре когорты в Вологодской области. Исследование показало, что:

- за период с 1998 по 2007 г. общая заболеваемость выросла на 43%;
- за период с 1995 по 2004 г. доля среди новорожденных абсолютно здоровых (I группа) существенно снизилась, а удельный вес

новорожденных (с 29% до 34%), в анамнезе которых выявлены функциональные отклонения, увеличился;
- гендерный анализ свидетельствует о том, что здоровье девочек лучше, чем здоровье мальчиков;
- здоровье городских детей по оценкам врачей хуже, чем в селах; доля детей с хроническими заболеваниями в городах в два-четыре раза выше; аналогичная ситуация отмечается применительно к оценке физического развития;
- основные факторы риска, оказывающие заметное воздействие на здоровье детей, включают неудовлетворительное здоровье матери в период беременности, курение матери и других родственников, неблагоприятные экологические условия, анормальные жилищные условия, низкий уровень медицинской активности семьи; факторы риска сконцентрированы прежде всего в низкодоходных семьях, что приводит к ухудшению питания, невозможности приобретать необходимые средства по уходу за ребенком или обращаться к платным специалистам;
- снижение потенциала здоровья детей, полученного при рождении, происходит поэтапно и ступенчато; основные критические периоды отмечены в первый год жизни (при рождении 60–40% здоровых детей к концу первого года их количество снижается до 20–15%); и в шесть-семь лет, когда доля имеющих хронические заболевания увеличивается на 5–6%.

Обобщение факторов здоровья позволяет выделить три основные их группы:

а) медико-биологические (здоровье матерей, низкий уровень гемоглобина);
б) условия, уровень и образ жизни семей (вредные привычки родителей, условия труда, характер вскармливания, полноценное питание, уровень социально-гигиенической грамотности и медицинской активности родителей);
в) качество среды обитания (жилищные условия, экология в районе проживания).

Здоровье детей и подростков находится во внутренней взаимосвязи с уровнем их успеваемости в школе. Определенная часть детей школьного возраста в связи с нездоровьем не только не могут посещать ежегодные занятия, но не способны и не готовы к обучению в домашних условиях. Усложнение учебных программ приводит к тому, что лишь 10% выпускников школ могут считаться абсолютно

здоровыми. Отмечается четкая тенденция к ухудшению психического здоровья детей и подростков.

С другой стороны, явно видно, что успеваемость школьников устойчиво падает, и один из основных факторов этой динамики – снижение состояния здоровья и распространение следующих заболеваний: сколиоз (25%), миопия (12,5%), нервно-психические патологии (25%), гастрит (15,6%). Почти половина школьников указывает на «эффект переутомления». Отмечается и широкое распространение вредных привычек (употребление алкоголя, наркотиков, курение), которое охватывает все более широкий круг детей и подростков. Эксперты считают, что с учетом интенсивности потребления подобное поведение характерно для 1 млн подростков.

Возникновение психогенно обусловленных соматических расстройств в детском и подростковом возрастах за счет высокой частоты и выраженности дезадаптирующих воздействий ведет к значительному снижению психического здоровья, способствует более быстрому формированию психосоматических заболеваний на ранних возрастных этапах и в последующий период взрослой жизни. Пусковыми факторами в формировании психологического и психического неблагополучия у детей и подростков становятся:

- неблагоприятный семейный, гигиенический и социальный микроклимат, порождаемый чрезмерной занятостью родителей (эгоизм родителей, снижение их ответственности и авторитета, неправильные подходы к обучению и воспитанию ребенка, плохое жилье, питание, бедность);
- перегруженность детей в школах или, напротив, отсутствие возможностей для дополнительного обучения, для удовлетворения потребностей и интересов ребенка;
- компьютеризация и особенно «интернетизация» школ в ущерб изучению и освоению национального классического наследия.

Обобщенный уровень психического здоровья популяции отражает распространенность в ней психических заболеваний, алкоголизма и наркомании, олигофрении и суицидов. Вызывает тревогу психическое здоровье всего населения страны и особенно детей. Проблемы социального реформирования современного общества, трансформации социально-экономического поведения, нравственных ценностей качества жизни, приоритетности психосоциальных факторов в формировании психического здоровья детей и подростков требуют незамедлительных мультидисциплинарных мер своевременной профилактики, лечения и реабилитации расстройств психического здоровья у подрастающего поколения. Существенное влияние на развитие и поведение молодых людей оказывает негарантированность, а также быстро меняющиеся «правила игры», которые приводят к трудным жизненным ситуациям, неудовлетворенности жизнью, особенно среди молодежи.

Сегодня в России широко распространены молодежные субкультуры, а на их почве также возникают деструктивные явления: потребление наркотиков, хулиганство, преступления, суициды. Россия занимает первое место в мире по числу самоубийств среди детей и подростков. Распространенность субкультур, многообразие их модификаций и различная степень «зараженности» участников этих движений требуют внимания общества и использования действенных методов работы по оказанию им помощи.

Обобщение основных проблем в сфере детства позволяет сформулировать главные направления социальной политики, реализация которых сегодня остро необходима с демографической, экономической и политической точек зрения. Целевая задача состоит в том, чтобы в контексте снижения численности детей обеспечить повышение их качественного потенциала. На первом месте в этой связи находится задача улучшения здоровья, начиная с момента рождения, затем идут образование и социализация во всей их внутренней взаимосвязи как фундамент разработки системной программы государственной политики в отношении детства.

ДЕТИ РЕФОРМ

Под редакцией члена-корреспондента РАН,
д.э.н. Н.М. РИМАШЕВСКОЙ

Ответственный за выпуск *О.П Ермилина*
Редактор *?.?. ?????????????*
Дизайн, верстка *И.Ю. Фадеева*
Корректор *М.?. Янушкевич*

Институт экономических стратегий
Издательский центр: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

РПП ИНЭС Р1033

Тираж ???? экз.